

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКАГО ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
ПРИ СОДѢЙСТВІИ С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО ФИЛОСОФСКАГО ОБЩЕСТВА.

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ

И

ПСИХОЛОГІИ.

ЖУРНАЛЪ,

основанный проф. Н. Я. Гротомъ и А. А. Абрикосовымъ.

ГОДЪ ХІХ.

Подъ редакціей Л. М. Лопатина.

Книга I (91).

ЯНВАРЬ-ФЕВРАЛЬ—1908 г.

МОСКВА.

Литографія Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К^о.
Пименовская ул., соб. домъ.

В перепл.
един. соедин.
№№ вып.

1908.

кн 91-17

1-11

СОДЕРЖАНИЕ.

	<i>Стр.</i>
Соціальная утопія Платона. Кн. Евгенія Трубецкого	1
Объ умѣ животныхъ. Г. Челпанова	45
Кризисъ современнаго правосознанія П. Новгородцева . (Продолженіе)	80
—	
Скандинавскій геній. Николая Шапирь	1
Навязчивыя психическія состоянія и психомоторная сфера. С. Суханова	79
✓ Научный субъективизмъ и его опасность въ экспериментальной психологіи. (По поводу брошюры д-ра Котика. «Эманация психофизической энергіи»). Н. Пескова	93

Критика и библиографія.

I. Обзоръ книгъ.

- Л. I. Петражицкій.** — Теорія права и государетва. Т. I
1907 г. **Р. Орженцкаго** III
- Рихардъ Авенариусъ.** — Критика чистаго опыта. Т. I.
Переводъ съ нѣмецкаго **Ив. Эрдотова**. Спб. 1907. Ц.
80 к. **Давида Викторова** 136

II. Библиографическій листокъ.

III. Обзоръ журналовъ.

Mind. New Series, Vol. XV, 57—60, январь—октябрь 1906 г.

- П. Макіевскаго** 140

Объявленія.

Соціальная утопія Платона.

Въ знаменитомъ діалогѣ „Пиръ“ Платона, одинъ изъ собесѣдниковъ—Алкивіадъ яркими штрихами описываетъ двойственное впечатлѣніе, производимое обликомъ Сократа.

Онъ чрезвычайно похожъ на тѣхъ Силеновъ, коихъ скульпторы изображаютъ съ флейтой или дудкой пастуха въ рукахъ. Если разсѣчь пополамъ эту статуетку, окажется, что она содержитъ въ себѣ образы боговъ. Съ виду Сократъ представляется ничего не знающимъ и не понимающимъ. Когда же раскрывается его внутренній міръ, онъ оказывается преисполненнымъ чудными образами. Я не знаю, говоритъ Алкивіадъ, видалъ ли кто когда-нибудь эти образы. „Мнѣ удалось увидѣть ихъ однажды: они показались мнѣ до того божественными, драгоценными, прекрасными и дивными, что я безъ колебанія рѣшилъ дѣлать все, что прикажетъ Сократъ“. Такое же точно силенообразное впечатлѣніе производятъ и бесѣды философа: „съ перваго взгляда онѣ кажутся смѣшными: слова и рѣчи своею внѣшностью напоминаютъ дразнящаго сатира“. Онъ говоритъ о самыхъ обыденныхъ предметахъ—вьючныхъ ослахъ, кузнецахъ, сапожникахъ и какъ будто повторяетъ въ тѣхъ же выраженіяхъ одно и то же. Поверхностному или непосвященному слушателю все это можетъ показаться смѣшнымъ и жалкимъ. Если же вникнуть въ смыслъ тѣхъ рѣчей, окажется, что изъ всего сказаннаго людьми онѣ однѣ преисполнены глубокаго и божественнаго смысла¹⁾.

¹⁾ Convivium, 215, 216, 221, 222.

Весьма близкое къ этому впечатлѣніе производитъ на насъ, людей XX вѣка, ученіе самого Платона, въ особенности его знаменитый діалогъ—„Политія“ (о государственномъ устройствѣ.) Здѣсь также есть что-то такое, что отталкиваетъ, и что-то другое, что неудержимо влечетъ къ себѣ. Передъ нами проходятъ наскучившіе еще со школьной скамьи, *чуждые* намъ образы классической древности. Мы слышимъ пространныя разсужденія о порядкахъ и не порядкахъ греческаго государства-города, о его образахъ правленія и борьбѣ партій, о гимнастическихъ упражненіяхъ обнаженныхъ юношей на площадяхъ и о наилучшемъ музыкальномъ образованіи гражданина-воина. Наконецъ, мы знакомимся съ соціальною утопіею самого Платона, съ этой неудачной попыткой построить наилучшее общежитіе изъ явно негоднаго греческаго матеріала.

Казалось бы, какой интересъ все это можетъ представлять для насъ? Между тѣмъ, если мы можемъ анализа разсѣчемъ эту античную форму, мы увидимъ, что она полна божественныхъ образовъ. За этой чуждой намъ оболочкою греческаго государства-города мы откроемъ тотъ общечеловѣческій, всемірно-историческій смыслъ, который высоко подниметъ насъ не только надъ обыденщиною древности, но и надъ нашей современной дѣйствительностью.

Платонъ искалъ тотъ смыслъ человѣческой жизни, ту конечную ея цѣль, которая всегда и вездѣ одна и та же. Ему удалось возвыситься надъ временемъ, приподнять ту завѣсу, которая заслоняетъ отъ насъ вѣчность. Вотъ почему его окрыленное слово получило способность перелетать въ отдаленныя эпохи; вотъ почему и теперь на разстояніи вѣковъ его мысль продолжаетъ волновать и захватывать насъ, какъ родная намъ, близкая.

Отвѣтивъ на вопросъ о смыслѣ жизни, Платонъ не могъ не попытаться воплотить этотъ смыслъ въ современной ему дѣйствительности. Найдя безусловную, высшую цѣнность, онъ совершенно послѣдовательно захотѣлъ подчинить ей всѣ человѣческія цѣнности. Отсюда — его соціальная уто-

пія, его попытка коренного преобразованія чело­вѣческаго общежитія. Онъ понялъ, что въ частности цѣльн­ность госу­дарства заключается въ служеніи той цѣли, ради которой вообще стоитъ жить. Ему открылось, что правда должна быть одна и таже какъ въ личной, такъ и въ обществен­ной жизни чело­вѣка. Но задача преобразованія всей чело­вѣческой жизни оказалась ему не по силамъ. Онъ попы­тался влить вино новое въ мѣхи ветхіе, вмѣстити безуслов­ную правду въ узкія національныя рамки греческаго госу­дарства, которыя не могли ее въ себѣ вмѣстити. Отсюда тотъ временный, историческій наростъ, который дѣлаетъ утопію Платона намъ чуждою, мало понятною.

Въ послѣдующемъ изложеніи мы попытаемся отдѣлать общечеловѣческое зерно социальнаго идеала Платона отъ его исторической скорлупы, провести грань между тѣмъ внутреннимъ его содержаніемъ, которое влечетъ къ себѣ, и той внѣшностью, которая отталкиваетъ. Для этого намъ нужно прежде всего проникнуть въ ученіе философа о смыслѣ жизни.

I.

Смыслъ жизни.

Этотъ смыслъ заключается въ осуществленіи божескаго начала въ чело­вѣкѣ, въ достиженіи чело­вѣкомъ той пре­красной, благой, нетлѣнной формы существованія, надъ ко­торой не властны смерть и время. Безсмертіе, какъ увѣ­ковѣченіе чело­вѣка въ Богѣ, вотъ та конечная цѣль и ве­ликая надежда, ради которой надлежитъ дѣлать все то, что мы дѣлаемъ. Она составляетъ необходимое, неустра­нимое предположеніе всей нашей жизни. Посмотримъ, какъ философъ обосновываетъ этотъ тезисъ.

Комментаторами и историками Платона уже давно отмѣ­чено ¹⁾, что всѣ доказательства безсмертія души у него сво­дятся въ сущности къ одному. Душа по самому своему

1) См. напр. *Zeller, Die Philosophie d. Griechen* B. II, 1 Abth, 697 (2 Aut.).

существо и *понятію* неразрывно связана съ идеей жизни, неотдѣлима отъ нея. Она есть то, что одухотворяетъ, содѣлываетъ живымъ самое тѣло: иначе говоря, она — *начало жизни*: ясно, что она не можетъ умереть. По самой своей природѣ она такъ же несомнѣстима со смертью, какъ и идея жизни¹⁾).

Повидимому, мы имѣемъ тутъ заключеніе отъ присущей душѣ *идеи* безсмертія къ дѣйствительному безсмертію, — то самое онтологическое доказательство, несостоятельность коего теперь общепризнана. Однако, на самомъ дѣлѣ, разсужденіе Платона заключаетъ въ себѣ болѣе глубокой смыслъ. Безсмертіе составляетъ необходимый *метафизическій постулатъ* всей нашей жизни какъ духовной, такъ и тѣлесной: это — то, чѣмъ мы живемъ и движемся.

Отъ Платона не укрылся тотъ фактъ, что жизненный процессъ слагается изъ безпрестанно смѣняющихся другъ друга актовъ смерти и рожденія: это то самое, что на современномъ языкѣ называется смѣною траты и возобновленія. „Смертное существо сохраняетъ свое существованіе не тѣмъ, что оно пребываетъ въ неизмѣнномъ состояніи подобно божествамъ, а тѣмъ, что старѣющее, исчезающее оставляетъ по себѣ другое, юное и подобное себѣ“. „Смертная природа стремится пребывать вѣчно и быть, насколько возможно, безсмертною. Но это доступно ей лишь черезъ актъ рожденія, потому что этотъ актъ всегда вызываетъ къ жизни нѣчто молодое на мѣсто стараго“.

Этотъ процессъ наблюдается въ жизни каждого живущаго индивида. О живомъ существѣ мы говоримъ, что, пока оно живетъ, оно отъ младенчества и до старости остается однимъ и тѣмъ же. Между тѣмъ, весь составъ его тѣла непрерывно мѣняется: волосы, кровь, плоть и кости, все это исчезаетъ и восстанавливается. То же и въ духовной жизни человѣка: наши нравы, мнѣнія, желанія, радости,

¹⁾ Phaedo, 105.

скорби и страхи,—все это никогда не остается тѣмъ же: одно нарождается, другое отмираетъ прочь ¹⁾).

Сущность жизни выражается въ стремленіи cadaго живого существа сохранить отъ смерти себя и свой типъ, — *въ исканіи безсмертія*. Нигдѣ это не сказывается такъ наглядно, какъ въ любви, въ томъ эросѣ, коего элементарное проявленіе есть половое влеченіе: здѣсь земное существованіе достигаетъ высшаго своего расцвѣта. Чтобы увѣковѣчить свой типъ, человѣкъ, какъ и всякое живое существо, долженъ рождать другихъ. Но для этого нужно взаимное восполненіе двухъ половинокъ человѣческаго рода. „Совокупленіе мужчины и женщины есть актъ рожденія. Это—божественный актъ: зачатіе и рожденіе — осуществленіе безсмертія въ смертномъ существѣ“ ²⁾, приобщеніе міра тѣлеснаго, смертнаго къ безсмертію.

Отсюда—безграничная власть эроса надъ міромъ животнымъ. Все, что ходитъ по землѣ и летаетъ надъ нею, испытываетъ страшную силу влеченія, болѣетъ любовною страстью; животныя неужержимо стремятся къ совокупленію другъ съ другомъ; потому та же страсть переносится на ихъ порожденія: ради дѣтей слабѣйшія твари всегда готовы сражаться съ сильнѣйшими, не боятся смерти, голодаютъ, лишь бы имъ выкормить потомство ³⁾. Неудивительно, что все живое почитаетъ и цѣнитъ свои порожденія: безсмертія ради все это стремленіе и эросъ ⁴⁾).

Въ мірѣ человѣческомъ проявленія эроса сложнѣе и разнообразнѣе. Человѣкъ стремится не только къ тѣлесному, но и къ духовному рожденію ⁵⁾. Въ основѣ того и другого стремленія—одинъ и тотъ же эротическій корень, одно и то же влеченіе къ безсмертію. Оно сказывается не только въ человѣческихъ чувствахъ и страстяхъ, но и въ самыхъ

¹⁾ Convivium, 207, 208.

²⁾ Ibid., 206.

³⁾ Ibid., 207.

⁴⁾ Ibid., 208.

⁵⁾ Ibid., 206.

извращеніяхъ послѣднихъ. Намъ можетъ показаться безумною, напримѣръ, власть честолюбія надъ людьми, если мы не примемъ во вниманіе, съ какой силой они жаждутъ пріобрѣсти извѣстность, стяжать себѣ на вѣчныя времена *безсмертную славу*: ради этого они готовы подвергаться всякой опасности, тратить деньги, нести труды и умирать, еще болѣе, нежели ради дѣтей. Изъ того же источника происходитъ героизмъ, мужество. Не захотѣлъ бы Алкестъ умирать за Адмета, Ахиллъ—погибнуть, мстя за Патрокла, и Кодръ—принять смерть ради Аеинянъ, если бы они не думали, что этотъ подвигъ увѣнчается *вѣчною памятію въ потомствѣ*. Чѣмъ лучше люди, тѣмъ больше они совершаютъ подвиговъ, ибо любятъ безсмертіе¹⁾.

Тѣ, въ комъ преобладаетъ страсть къ тѣлесному рожденію, влекомы къ женщинамъ: они ищутъ безсмертія въ дѣтороженіи, въ томъ счастья и памяти, которую они думаютъ этимъ стяжать себѣ на будущія времена. Тѣ же, кого влечетъ къ рожденію духовному, стремятся увѣковѣчить себя въ томъ, что подобаешь, рождать душѣ. Эти порожденія, соотвѣтствующія достоинству духа, суть мудрость и прочіе виды добродѣтели. Родители этихъ духовныхъ дѣтей—поэты и художники, изобрѣтатели, устроители государствъ и провозвѣстники правды на землѣ: „Божьи люди“, они отъ юныхъ лѣтъ чреваты мудростью: по достиженіи зрѣлаго возраста, они ищутъ прекраснаго, чтобы въ немъ рождать и творить: ибо творить въ безобразномъ для нихъ невозможно“.

Они испытываютъ влеченіе къ прекраснымъ тѣламъ и къ прекраснымъ душамъ. И, когда они находятъ предметъ своего исканія—людей, сочетающихъ въ себѣ ту и другую красоту, благородство, природныя дары,—та мудрость, которую они чреваты, рождается вовнѣ, изливается въ рѣчахъ о доблести, о достойномъ добраго мужа образѣ жизни. Находя сродныя имъ прекрасныя души, такіе люди рождаютъ

¹⁾ Ibid., 208.

въ нихъ прекрасное и прилѣпляются къ нимъ сильнѣе, крѣпче, нежели мужа къ женамъ: ибо они вмѣстѣ рожаютъ неумирающихъ дѣтей. И всякій долженъ былъ бы предпочитать имѣть *такихъ* дѣтей, нежели человѣчески рожденныхъ. Плотскіе родители забываются. Слава же великихъ поэтовъ и законодателей, творцовъ безсмертныхъ созданий, пребываетъ во вѣкъ: ради этихъ дѣтей имъ воздвигаютъ храмы, ради плотскихъ же никогда и никому ¹⁾.

Въ своемъ исканіи безсмертія люди не всегда находятъ то, что служить предметомъ ихъ исканія. Отсюда—извращеніе чувства любви, обращеніе его къ недостойнымъ предметамъ. Есть двѣ Афродиты: одна—дочь неба—Урана, которая поэтому называется *небесною*: другая же—дочь Зевеса и Діоны—именуется *вульгарною* (*παυδῆμος*). Соотвѣтственно этимъ двумъ богинямъ любви есть два эроса—небесный и вульгарный. Люди, одержимые вульгарною любовью, любятъ тѣло болѣе, нежели душу и стремятся единственно къ удовлетворенію своей похоти. Напротивъ, любящіе любовью небесною, стремятся завязать прочную, духовную связь съ любимымъ предметомъ ²⁾.

При различіи предметовъ любви и ея направленія, ея психическій корень—всегда одинъ и тотъ же. Всѣ люди ищутъ и любятъ красоту и благо; поэтому эросъ можетъ бытъ опредѣленъ, какъ любовь къ красотѣ ³⁾ или, что то же, какъ любовь къ благу ⁴⁾. Но большинство заблуждается въ своемъ исканіи, прилѣпляясь къ подобію прекраснаго вмѣсто самого прекраснаго ⁵⁾, находя *подобіе добра* вмѣсто самого добра.

Смыслъ любви, какъ и всего жизненнаго процесса—не въ томъ, что она находитъ, а въ томъ, что она ищетъ, въ самомъ предметѣ ея исканія. *Цѣль любви* (*τὸν εὐτυχίῳν*)—то, что воистину даетъ безсмертіе. Этой цѣлю, къ которой

1) Convivium, 209.

2) Ibid., 180, 181.

3) Ibid., 201.

4) Ibid., 205—206.

5) Ibid., 212.

направлены всѣ наши усилія, можетъ быть не какое-либо преходящее явленіе, а только вѣчно сущее, то, что не рождается и не умираетъ, не растетъ и не уменьшается. Это—не то, что въ одномъ отношеніи и въ опредѣленное время прекрасно, а съ другой стороны и въ другой моментъ — постыдно, хорошо для одного здѣсь, а дурно для другого тамъ ¹⁾. Выражаясь современнымъ языкомъ, цѣль любви по Платону — *безотносительно прекрасное и безотносительно доброе*. Это безусловно прекрасное не можетъ быть изображено, какъ какой-либо предметъ, напимѣръ лицо, руки или что-либо причастное тѣлу, ни какъ рѣчь, ни какъ знаніе, ни какъ опредѣленіе или свойство предмета, напимѣръ животнаго, земли, неба или чего-либо другого. Оно существуетъ само въ себѣ и чрезъ себя, всегда въ томъ же видѣ (*μοῦσειδὲς αἰεὶ ὄν*). Все же прочее прекрасно лишь по приобщенію къ этому первоисточнику красоты: такъ что другіе прекрасные предметы возникаютъ и уничтожаются, этотъ же не возрастаетъ, не уменьшается и не подверженъ никакимъ аффектамъ ²⁾.

Во всѣхъ прекрасныхъ предметахъ проявляется *единая* красота, одна и та же сущность прекраснаго. Поэтому было бы безуміемъ прилѣпляться къ отдѣльнымъ ея проявленіямъ. Истинный путь любви заключается въ восхожденіи изъ ступени въ ступень, въ постепенномъ обобщеніи самага предмета любви. Сначала мы любимъ отдѣльное прекрасное тѣло; потомъ, постигая сродство красоты всѣхъ тѣлъ, начинаемъ любить всѣ прекрасныя формы; затѣмъ, мы научаемся выше цѣнить духовную красоту и, наконецъ, прилѣпляемся сердцемъ къ той единой, безотносительной красотѣ, которая проявляется во всемъ—и въ мѣрѣ духовномъ, и въ мѣрѣ тѣлесномъ. Это—то, что дѣлаетъ жизнь цѣнною, то самое, ради чего стоитъ жить. Эросъ достигаетъ вершины въ созерцаніи красоты чистой, безпримѣсной, не загрязнен-

¹⁾ Ibid., 211.

²⁾ Ibid., 211.

ной плотью, тѣлесными красками и смертной суетой. По сравненію съ этимъ благомъ ничтожно все то, за что люди обыкновенно полагають душу—золото, прекрасныя одежды, мальчики и юноши ¹⁾).

Безусловное, будь то красота или благо, не вмѣщается въ рамки нашей земной дѣйствительности. Чтобы достигнуть божественнаго, достойнаго человѣка существованія, душа должна разстаться съ тѣломъ. Путь къ истинной, благой жизни лежитъ черезъ смерть. Смыслъ жизни раскрывается въ истинномъ знаніи, въ философіи. Между тѣмъ, истинная философія—не что иное, какъ стремленіе къ смерти ²⁾. Истинный философъ тѣмъ и отличается отъ прочихъ смертныхъ, что онъ стремится освободить свою душу отъ тѣлесныхъ узъ. Онъ ищетъ мудрости; но въ этомъ исканіи тѣло—только помѣха. Ибо чувства наши безпрестанно насъ обманываютъ: обманчивы зрѣніе и слухъ, прочія же чувства еще менѣе достовѣрны. Душа наша схватываетъ истину не путемъ чувственнаго опыта, а посредствомъ размышленія. Она лучше всего размышляетъ, когда ничто тѣлесное ее не смущаетъ, — ни слухъ, ни зрѣніе, ни страданіе, ни удовольствіе, иначе говоря, когда она становится самостоятельною, освобождается, насколько возможно, отъ тѣла, и стремится къ истинно сущему ³⁾).

Истинное, доброе, справедливое, прекрасное—познается не тѣлесными, а умными очами: мы приближаемся къ познанію, поскольку мы возвышаемся надъ чувственными впечатлѣніями, т. е. отрѣшаемся отъ тѣла. Пока связь съ тѣломъ не порвана окончательно, мысль наша пребываетъ въ плѣну: ея полетъ задерживается страстями, заботами о поддержаніи нашего существованія, спорами съ другими людьми изъ-за обладанія матеріальными благами. Войны, междоусобія, партійная борьба, — вотъ чѣмъ награждаетъ

¹⁾ Ibid., 210—212.

²⁾ Phaedo, 64.

³⁾ Phaedo, 65.

насъ тѣло: ибо всѣ войны ведутся изъ-за ненужныхъ для его питанія матеріальныхъ средствъ. Матеріальныя заботы отнимаютъ у насъ досугъ, нужный для исканія мудрости; но и при наличности этого досуга, тѣло, волнуя насъ, лишаетъ нашу душу необходимаго для мудрости спокойствія и ясности взгляда. Совершенное, полное знаніе станетъ для насъ возможнымъ лишь послѣ совершеннаго отрѣшенія отъ тѣла, т.-е. послѣ смерти¹⁾.

Къ этой высшей стадіи нашего существованія, мы должны готовиться уже теперь, въ теченіе всей нашей жизни. Мы должны очищать нашу душу, т.-е. постепенно отдѣлять ее отъ тѣла; она должна привыкать сосредоточиваться въ себѣ, собираться отъ периферіи къ центру, отрѣшаясь отъ плотскихъ узъ. Въ этомъ и заключается задача философіи²⁾.

Заканчивая изложеніе ученія Платона о смыслѣ жизни, намъ остается сказать, что мы имѣемъ въ немъ *основы истинной философіи*.

Что душа наша неразрывно связана съ идеей нетлѣнной, вѣчной и совершенной жизни, что отвергнуть эту идею — значитъ отказаться отъ самой сущности нашего жизненнаго стремленія, — это Платону удалось доказать неопровержимо. Къ его аргументамъ врядъ ли можно что-нибудь прибавить; и съ другой стороны трудно что-нибудь отъ нихъ убавить. Платону, разумѣется, не удалось доказать ни существованія божественнаго начала, ни безсмертія души, ни свободы, независимости духовнаго начала въ чловѣкѣ. Безусловное, божественное, равно какъ и возможность дѣйствительнаго соединенія съ нимъ чловѣка, недоказуемо уже потому, что оно предполагается всѣми нашими доказательствами. Но таковы дѣйствительно необходимыя метафизическія предположенія, постулаты всего нашего сознанія и всей нашей жизни. Всякое движеніе нашей

1) Ibid., 65, 66.

2) Ibid., 67.

мысли, всякій актъ нашей воли, болѣе того, — весь нашъ жизненный процессъ построенъ на томъ предположеніи, что есть неизсякающій источникъ нетлѣнной, неумирающей жизни, что человѣкъ можетъ дѣйствительно съ нимъ соединиться и увѣковѣчить себя въ немъ. Жизнь въ самомъ дѣлѣ предполагаетъ тотъ добрый смыслъ, который былъ найденъ въ ней Платономъ: иначе она не можетъ быть оправдана. Отсюда — огромный, захватывающій интересъ всего ученія великаго древняго мыслителя о томъ жизненномъ пути, которому должны слѣдовать какъ личность, такъ и общество. Вглядываясь въ социальное ученіе Платона, мы увидимъ, что и здѣсь сквозь временное и мѣстное просвѣчиваютъ сверхъ-народныя, общечеловѣческія цѣнности.

II.

Смыслъ общественной жизни и современная Платону дѣйствительность.

Въ основѣ социальнаго и политическаго ученія Платона лежитъ сознаніе той глубокой истины, что одна и та же безусловная цѣль, а стало быть *одна и та же правда*, должна лежать въ основѣ какъ личной, такъ и общественной жизни. Черезъ весь діалогъ „Политія“ красной нитью проходитъ мысль о тождествѣ правды-справедливости въ душѣ и государствѣ: какъ тамъ такъ и здѣсь правда должна выражаться въ господствѣ и осуществленіи божественнаго, бессмертнаго въ человѣкѣ.

Эта связь идей обнаруживается съ первыхъ же страницъ упомянутаго діалога. Собесѣдникъ Сократа, старецъ Кефаль, заводитъ рѣчь о будущей жизни. Когда, говоритъ онъ, человѣкъ на старости лѣтъ сознаетъ приближеніе смертнаго часа, имъ овладѣваетъ страхъ и тревога. Его волнуютъ казавшіяся раньше смѣшными сказанія о посмертномъ воздаяніи за содѣянные неправды, о Гадесѣ. Пытаясь разобратъ въ нихъ, онъ устремляетъ взоръ свой въ загробный міръ и сводитъ счеты съ жизнью ¹⁾.

¹⁾ Civitas, I, I, 330—331. Текстъ этотъ, устанавливающій связь между идеей справедливости и бессмертіемъ, особенно важенъ для насъ: онъ дока-

Отвѣтомъ на эти запросы является разсужденіе о правдѣ-справедливости, иначе говоря, — весь діалогъ „Политія“. Бесѣду ведетъ Сократъ—убитый за правду учитель Платона. Уже одно это сообщаетъ діалогу глубокой драматической интересъ. Рѣчь идетъ не о какомъ-либо незначительномъ предметѣ, а о центральномъ жизненномъ вопросѣ—о томъ, „какъ слѣдуетъ жить“ ¹⁾. Кому на это отвѣчать, какъ не Сократу: онъ, по словамъ одного изъ собесѣдниковъ, въ теченіе всей своей жизни дѣлалъ только одно дѣло: искалъ безотносительную, самоцѣнную правду ²⁾.

Вести людей, а слѣдовательно и управлять ими, можетъ только тотъ, кто знаетъ единую и единственную цѣль существованія: ибо ради нея люди должны дѣлать все то, что они дѣлаютъ какъ въ частной, такъ и въ общественной жизни ³⁾. Въ Греціи былъ одинъ только человѣкъ, который обладалъ этимъ важнѣйшимъ знаніемъ. И именно за это убили его аѣиняне. Отсюда вытекаетъ у Платона вся оцѣнка современной ему общественной жизни. Это—жизнь, утратившая свою цѣль, оторванная отъ своего смысла. Платону она представляется въ видѣ корабля, выбросившаго за бортъ единственно способнаго и знающаго кормчаго. Между пассажирами идетъ споръ, кому управлять судномъ: къ этому считаетъ себя призваннымъ всякій обученный и необученный. Всѣ хватаются за руль, и каждый преисполненъ злобы къ тому, кто считаетъ для этого нужными знанія. Среди этихъ безумцевъ свѣдущій мореплаватель слыветъ звѣздочетомъ, мечтателемъ и пустымъ человѣкомъ ⁴⁾.

Приведенное сравненіе имѣетъ въ виду современную Платону демократію, въ особенности аѣинскую. Но не трудно убѣдиться, что выразившаяся въ немъ отрицательная

зываетъ единство основной концепціи діалога, несмотря на одновременность составленія отдѣльныхъ его книгъ.

¹⁾ Civitas, I, II, 352.

²⁾ Ibid, I, II, 367.

³⁾ Ibid, I, VII, 519.

⁴⁾ Ibid, I, VI, 488—489.

оцѣнка относится ко всѣмъ современнымъ Платону образамъ правленія. Государство нуждается въ мудрыхъ, зрячихъ руководителяхъ, способныхъ созерцать вѣчную правду ¹⁾; но такихъ правителей нигдѣ не существуетъ. У кормила правленія вездѣ стоятъ смѣлые вожди, руководящіеся не знаніемъ, а обманчивымъ мнѣніемъ. Изъ существующихъ формъ государственнаго устройства ни одна не достойна философской природы. Поэтому послѣдняя вырождается и извращается, какъ сѣмя, переброшенное изъ далекихъ странъ въ чуждую ему землю: будучи побѣждаемо свойствами почвы, гдѣ оно посѣяно, оно теряетъ силу и воспринимаетъ чуждыя ему свойства. Только въ наилучшемъ государствѣ философъ можетъ раскрыть всѣ свои богатые задатки: тутъ обнаружится, что онъ одинъ олицетворяетъ собою дѣйствительно божественное; всѣ же прочіе люди, какъ по своимъ природнымъ качествамъ, такъ и по стремленіямъ, не идутъ дальше чисто-человѣческаго ²⁾. Отсюда—выводъ извѣстнаго текста „Политіи“:

„Доколѣ философы не будутъ царствовать въ государствахъ или тѣ, кто нынѣ именуется царями или династами, не начнутъ воистину и правильно философствовать, такъ что философія совпадетъ съ царской властью, пока не будетъ упразднено нынѣшнее раздѣленіе того и другого,—нѣтъ спасенія отъ золь ни государствамъ, ни всему человѣческому роду“ ³⁾.

Единственная достойная человѣка форма общежитія есть та, гдѣ царствуетъ правда божеская, а не человѣческая. Вся философія Платона—не что иное какъ исканіе этого „вышняго города“. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы увидимъ, какъ онъ его изображаетъ и строить. Но прежде намъ предстоитъ ознакомиться съ его оцѣнками существующихъ формъ общественной жизни. Въ этихъ оцѣнкахъ мы узнаемъ что-то чрезвычайно намъ близкое; это обуслови-

¹⁾ Ibid, l. VI, 484.

²⁾ Ibid, l. VI, 497.

³⁾ Ibid, l. V, 473; ср. l. VI, 502.

вается тѣмъ, что Платонъ судилъ дѣйствительность съ точки зрѣнія идеала, который для всѣхъ временъ, а стало быть и для насъ, олицетворяетъ цѣну и смыслъ жизни.

III.

Кто смотритъ на жизнь съ этой высоты, тотъ не можетъ не поражаться ея чудовищными уклоненіями отъ вѣчной ея цѣли. Это—картина всеобщаго грѣхопаденія, а, стало быть, и всеобщей бессмыслицы. Именно такова съ точки зрѣнія Платона жизнь современныхъ ему греческихъ государствъ. Всѣ эти государства представляются ему извращеніями божественнаго первообраза, ступенями вырожденія нѣкогда существовавшаго идеальнаго государства. И, такъ какъ строй государства выражаетъ собою настроеніе его гражданъ, всякія его уклоненія отъ нормы отражаютъ въ себѣ ступени грѣхопаденія человѣческой души ¹⁾.

Настроеніе гражданъ опредѣляется прежде всего тѣми цѣнностями, въ которыя они влагаютъ душу. Когда цѣнности условныя, низшія подчиняются единому, безусловному благу, въ душѣ воцаряется правда, разумъ властвуетъ надъ низшими способностями, покоряетъ себѣ чувственныя влеченія. Соотвѣтственно съ этимъ правда овладѣваетъ государствомъ, и въ немъ господствуютъ лучшія способности, а, стало быть, и лучшіе люди. Напротивъ, когда душа начинаетъ предпочитать условныя, чувственныя блага единой истинной цѣли и цѣнности, тѣмъ самымъ разстраивается ея внутренняя гармонія: чувственность пріобрѣтаетъ неподобающую ей власть надъ разумомъ. И, водворившись въ человѣческой душѣ, неправда неизбежно завладѣваетъ міромъ внѣшнимъ, воцаряется въ государствѣ. Въ немъ также низменныя, чувственныя влеченія толпы пріобрѣтаютъ неподобающее имъ господство надъ яснымъ разумомъ немногихъ лучшихъ людей. Вмѣстѣ съ душой государство погружается въ область смерти и тлѣнія.

¹⁾ Ibid, l. VIII, 544.

Платонъ различаетъ пять типовъ государства и, соотвѣтственно съ этимъ, пять типовъ человѣческихъ настроеній ¹⁾. Изъ этихъ пяти мы оставимъ пока въ сторонѣ первый—идеальное государство, которое составляетъ главный предметъ нашего изученія, и рассмотримъ тѣ четыре несовершенныхъ типа, къ которымъ Платонъ сводитъ современныя ему государства Греціи.

Ближайшею къ идеальному государству ступеню Платонъ считаетъ *тимократію*: такъ называетъ онъ то государственное устройство, которое существуетъ въ Спартѣ и Критѣ. Это—во всѣхъ отношеніяхъ сочетаніе добра и зла. Чистое влеченіе къ мудрости, господствующее въ идеальномъ государствѣ, здѣсь смѣняется *господствомъ чести*, страстью честолюбія и властолюбія. Власть изъ средства становится *цѣлью*. Тѣмъ самымъ, стало быть, утрачивается та высшая цѣль, которая составляетъ смыслъ существованія государства и открывается дверь низшимъ, чувственнымъ влеченіямъ. Ибо этому государству недостаетъ лучшаго хранителя и стража добродѣтели—*слова мудрости*, сочетающагося съ искусствомъ. Государство, гдѣ господствуетъ страсть властолюбія, преувеличенно цѣнитъ грубую силу, презираетъ искусства и науку, предпочитая имъ гимнастику. Поэтому оно не въ состояніи противопоставить достаточной силы сопротивленія корыстолюбивымъ влеченіямъ, алчности къ деньгамъ. Тимократія уклоняется отъ того коммунистическаго строя, который господствуетъ въ государствѣ идеальномъ: въ ней имущество, движимое и недвижимое, составляетъ частную собственность. А вмѣстѣ съ частной собственностью является и неизбѣжный ея спутникъ—раздоры между различными классами населенія, разстройство единомыслія. Развивается алчность, которая заставляетъ цѣнить деньги болѣе, нежели честь и доблесть. Полныя золотомъ сокровищницы у господствующаго класса—вотъ что губитъ тимократію ²⁾.

¹⁾ Civitas, l. VIII, 544.

²⁾ Ibid, l. VIII, 545—550.

Когда высшею цѣнностью въ государствѣ становится богатство, оно изъ тимократіи превращается въ олиархію. Это—государственное устройство, *основанное на цензѣ*, т.-е. то, гдѣ источникомъ власти становится богатство. Тутъ богатые почитаются, превозносятся и избираются на государственныя должности, а бѣдные находятся въ презрѣннѣи. Въ страсти къ наживѣ Платонъ видитъ основной источникъ гибели государствъ. Чѣмъ больше цѣнится богатство, тѣмъ ниже падаетъ въ глазахъ людей цѣнность доблести. Словно богатство и доблесть находятся на двухъ чашкахъ вѣсовъ и тянутъ въ противоположныя стороны. И тутъ же обнаруживается роковое свойство этого груза, влекущаго въ бездну. Богатство раскалываетъ человѣческое общество на-двое. Въ олигархіи мы имѣемъ собственно не одно, а *два государства*, другъ другу чуждыхъ и враждебныхъ. Сожительство вмѣстѣ, они находятся въ вѣчномъ заговорѣ другъ противъ друга. Отсюда—немошь олигархіи. Она не въ состояннѣи вести внѣшнюю войну, ибо одно изъ двухъ: или она вооружаетъ противъ непріятели ту самую народную массу, которой она должна бояться болѣе, нежели внѣшнихъ враговъ, или же олигархи ведутъ войну безъ помощи бѣдныхъ, т.-е. являются на поле сраженія „воистину олигархами“. Опасность олигархіи заключается въ томъ, что пролетарій въ ней—собственно не гражданинъ. Онъ живетъ въ государствѣ, не будучи составною его частью: ибо онъ—не капиталистъ и не ремесленникъ, не конный и не пѣхотинецъ, а бѣднякъ и нищій. „Одни здѣсь чрезмѣрно богаты, другіе—вовсе бѣдны“.

Въ древнемъ обществѣ, жившемъ рабскимъ трудомъ, пролетаріатъ не обогащалъ своимъ трудомъ государства, а, напротивъ, содержался на его счетъ. Неудивительно, что Платону пролетарій представляется въ видѣ трутня, который питается чужимъ медомъ. Разница только та, что дѣйствительнымъ, крылатымъ трутнямъ природа всѣмъ безъ изъятія не дала жала. Изъ трутней же безкрылыхъ, человѣческихъ—одни безъ жала, другіе же—съ жаломъ. Къ

первымъ относятся нищіе, а ко вторымъ — преступники. „Ясно, что въ государствѣ, гдѣ мы видимъ нищихъ, есть скрытые воры и рѣзатели кошельковъ, и святотатцы, и всякихъ такихъ злыхъ дѣлъ мастера“.

Параллельно съ вырожденіемъ государства идетъ вырожденіе человѣка. Олигархія воспитываетъ типъ собирателя сокровищъ; это—человѣкъ черствый, отвсюду извлекающій выгоду: въ душѣ своей онъ воздвигаетъ престоль корысти и похоти. Изъ скупости онъ подавляетъ въ себѣ тѣ страсти, которыя влекутъ къ расточенію собственного имущества; но, когда представляется случай растратить чужое богатство, въ немъ пробуждается природа трутня. Такой человѣкъ, очевидно, не чувствуетъ потребности въ образованіи и культурѣ; во всѣхъ состязаніяхъ касающихся искусства, онъ—плохой борецъ, ибо не желаетъ тратить денегъ ради почета и славы. Въ этихъ особенностяхъ душевнаго склада олигархіи кроется зародышъ ея смерти. Ее губить неумѣренное влеченіе къ тому самому, что кажется ей высшимъ благомъ,—стремленіе къ богатству ¹⁾.

Алчность несомѣстима съ умѣренностью. Гдѣ, съ одной стороны, развивается скупость, тамъ возрастаетъ, съ другой стороны, зависть къ чужому богатству: ибо страсть къ наживѣ въ олигархіи завладѣваетъ всѣми, и богатыми, и впавшими въ нищету. Богатые собираютъ медъ, а трутни оттачиваютъ свое жало. Воспитанные въ такомъ настроеніи, богатые и бѣдные приходятъ въ соприкосновеніе другъ съ другомъ. Они встрѣчаются на общественныхъ зрѣлищахъ, какъ спутники въ путешествіяхъ и плаваніяхъ, какъ соратники въ сраженіяхъ, среди опасностей. Въ этихъ встрѣчкахъ бѣдные не ударятъ лицомъ въ грязь передъ богатыми. Напротивъ, когда худосочный, прожженный солнцемъ бѣднякъ сражается бокъ о бокъ съ тучнымъ, привыкшимъ къ тѣни и холѣ богатымъ, и видитъ, какъ тотъ изнемогаетъ и задыхается, развѣ въ немъ не зарождается мысль, что эти люди

¹⁾ Объ олигархіи вообще см. I. VIII, 550—555.

Вопросы философіи, кн. 91.

пороками богатѣють? И тутъ же бѣднякъ возвѣщаетъ бѣдняку, что „наши, моль, господа ничего не стоятъ“ ¹⁾).

Какъ и всякій болѣзненный организмъ, такое общество заболѣваетъ смертельнымъ недугомъ при малѣйшемъ поводѣ. Для этого достаточно, на примѣръ, чтобы часть гражданъ призвала на помощь сосѣднюю демократію, или другая часть—сосѣднюю олигархію. Междоусобіе можетъ начаться и само собою, безъ вмѣшательства извнѣ, и въ результатѣ олигархія переходитъ въ демократію. „Демократія возникаетъ, когда бѣдные, одержавъ побѣду, однихъ изъ противниковъ убиваютъ, другихъ изгоняютъ, прочимъ же даютъ равныя съ собою гражданскія права и одинаковое участіе во власти“ ²⁾). Устройство и образъ жизни демократіи таковы:

Прежде всего, она преисполнена свободы какъ въ дѣйствіяхъ, такъ и въ рѣчахъ: „каждый въ ней можетъ дѣлать все, что ему угодно“. Здѣсь всякій устраиваетъ себѣ жизнь по вкусу, а потому въ демократіи встрѣчаются самые разнообразныя типы людей. Не удивительно, что изъ всѣхъ формъ государственнаго устройства она кажется наипрекраснѣйшею. Подобно пестрому платью, украшенному всевозможными цвѣтами, она цеситъ всевозможными нравами. Оттого она такъ и нравится любителямъ пестроты. Благодаря безграничной свободѣ демократія представляетъ собою какъ бы рынокъ всевозможныхъ образцовъ правленія. Кто занятъ вопросомъ о наилучшемъ устройствѣ государства, тотъ долженъ идти учиться въ демократію: тамъ найдутся образцы на всякій вкусъ.

„Въ этомъ государствѣ совершенно не нужно подготовки къ управленію, если желаешь управлять; нѣтъ надобности быть управляемымъ, если не желаешь подчиняться, ни воевать, когда воюютъ другіе, ни заключать миръ, когда другіе его заключаютъ. Если тамъ законъ тебя устраняетъ

¹⁾ Ibid., 556.

²⁾ Ibid., 557.

отъ участія въ судѣ и власти, ты можешь тѣмъ не менѣе, если угодно, судить и властвовать. Это ли не пріятная и божественная жизнь?"

„Чѣмъ не прекрасна милость къ осужденнымъ! Не встрѣчалъ ли ты когда въ этомъ государствѣ людей, присужденныхъ къ смертной казни или изгнанію, которые тѣмъ не менѣе остаются и возвращаются въ его средѣ, величаясь какъ герои, словно никто того не замѣчаетъ и о томъ не заботится?“ Кто умѣетъ ладить съ народомъ, тотъ можетъ все попирать ногами. Таковы преимущества демократіи: это—„образъ правленія пріятный, анархическій (*ἀναρχος*) и пестрый, дающій въ извѣстномъ смыслѣ равенство равнымъ и не равнымъ“ ¹⁾.

Въ процессѣ паденія человѣка демократія представляетъ собою новый и крупный шагъ. Олигархія олицетворяетъ собою господство сдержанной страсти: изъ бережливости олигархъ воздерживается отъ тѣхъ удовольствій и излишествъ, которыя могутъ подорвать его благосостояніе. Напротивъ, въ демократіи исчезаетъ всякая узда. Демократическій типъ, въ отличіе отъ олигархическаго, это—тотъ расточительный сынъ, который идетъ на смѣну скупому отцу. Это—человѣкъ, который ни въ чемъ себѣ не отказываетъ, отдается господству всякой страсти; онъ то предается пьянству и игрѣ на флейтѣ, то симулируетъ философа, то бросается на ораторскую трибуну, изображая государственнаго человѣка, то предается стяжанію. Это прежде всего—*пестрый* человѣкъ, столь же пестрый, какъ и само демократическое устройство.

Ясно, что демократія содержитъ въ себѣ зерно своей гибели. Какъ и олигархію, ее губитъ ненасытная жажда того самаго, что въ ней почитается какъ высшее благо. За такое безусловное благо въ демократіи признается свобода. Опьяненная сверхъ мѣры виномъ свободы, демократія возстаетъ противъ властей; она казнить ихъ какъ

¹⁾ Ibid., 557—558.

преступниковъ и „олигарховъ“, если они кажутся недостаточно мягкими и пытаются ограничивать свободу.

Какъ нервны становятся здѣсь граждане! Малѣйшій намекъ на кажущееся рабство приводитъ ихъ въ ярость. Они не стѣсняются ни писанными, ни неписанными законами, лишь бы никто и никоимъ образомъ не былъ имъ повелителемъ. Тѣхъ, кто повинуется властямъ, они презираютъ какъ раболѣпствующихъ и ничего не стоящихъ; тѣхъ же, кто равняетъ правителей съ управляемыми и управляемыхъ съ правителями, они прославляютъ и почитаютъ. Въ демократіи отецъ равняется съ сыномъ и боится его, и дѣти равняются съ родителями, не стыдятся ихъ и не почитая, „дабы быть свободными“. „Учителя боятся учениковъ и лстятъ имъ, ученики же презираютъ учителей и вообще педагоговъ. Молодые вступаютъ въ соревнованіе со старцами, равняясь съ ними въ словахъ и въ дѣлахъ. Старцы же снисходятъ къ молодымъ, обращаясь къ нимъ съ шутками и веселыми рѣчами, подражая имъ, дабы не показаться суровыми или деспотичными“. Нечего и говорить, что между мужчинами и женщинами здѣсь господствуетъ полное равноправіе. Нравы стираютъ самую грань между рабами и свободными. „Насколько самыя животныя въ этомъ государствѣ свободны, чѣмъ въ другихъ, этому не повѣрять тотъ, кто не убѣдится изъ опыта. Самыя собаки становятся подобными ихъ господамъ, ослы же и лошади приучаются выступать важно и свободно, сталкивая того, кто не уступитъ имъ дороги“ ¹⁾.

Чтобы вліять и властвовать въ демократіи, нужно кадить толпѣ. Поэтому здѣсь создается атмосфера всеобщей лести. И, такъ какъ угождаетъ массамъ преимущественно тотъ, кто льститъ ихъ низменнымъ, животнымъ инстинктамъ, то народопоклонство неизбежно вырождается въ *звѣропоклонство*. Въ этомъ Платонъ видитъ сущность демагогіи современныхъ ему софистовъ.

¹⁾ Ibid., 561—563.

Всѣ положенія ихъ ученія „сводятся къ мнѣніямъ толпы, которыя она высказываетъ, собарвшійся вмѣстѣ, и это они называютъ мудростью. Положимъ, кто-либо изучилъ движенія гнѣва и страсти какого-либо большого, сильного и хорошо упитаннаго дикаго звѣря, какъ къ нему подходить, какъ съ нимъ обращаться, чѣмъ и какъ привести его въ ярость и успокоить, какіе онъ издаетъ при каждомъ случаѣ звуки, какими звуками онъ укрощается или приводится въ бѣшенство. Представимъ себѣ, что человѣкъ, изучившій все это долгимъ опытомъ, при большой затратѣ времени, назоветъ это мудростью; допустимъ, что онъ возведетъ свои наблюденія въ науку и построитъ изъ нихъ ученіе, не различая въ этихъ звѣриныхъ мнѣніяхъ и страстяхъ, что хорошо и что дурно, что правда и что неправда, а назоветъ, сообразно со вкусами звѣря, добромъ то, что нравится послѣднему, а зломъ—то, что ему непріятно“ ¹⁾. Въ этомъ, по мнѣнію Платона,—самая сущность ученія софистовъ.

Такимъ образомъ, въ демократіи создается атмосфера всеобщаго взаимнаго развращенія. Софисты развращаютъ толпу; но и она сама въ свою очередь развращаетъ, ибо создаетъ величайшій соблазнъ—признавать истиннымъ и прекраснымъ все то, что ей нравится, то, чему она аплодируетъ. Тѣ истинные учителя мудрости, которые, наперекоръ софистамъ, рѣшаются противорѣчить площаднымъ вкусамъ, подвергаются жестокимъ преслѣдованіямъ. Имъ угрожаетъ потеря гражданскихъ правъ, денежные взысканія и даже смертная казнь ²⁾.

Крайности соприкасаются; а потому не удивительно, что демократія таитъ въ себѣ зародыши жестокой тиранніи. „Какъ въ отдѣльномъ индивидѣ, такъ и въ государствѣ чрезмѣрная свобода превращается не во что иное, какъ въ чрезмѣрное рабство“ ³⁾.

Переходъ этотъ совершается такимъ образомъ. Въ демо-

¹⁾ L. VI, 493.

²⁾ Ibid., 492.

³⁾ L. VIII, 564.

кратіи есть три разряда людей; это, вопервыхъ, тѣ, кто въ ней фактически господствуетъ,—демагоги. „Изъ нихъ тѣ, кто повострѣе, говорятъ и дѣлаютъ; прочіе же сидятъ вокругъ ораторскихъ трибунъ, шумятъ и не допускаютъ, чтобы кто-либо говорилъ наперекоръ, такъ что, за немногими исключеніями, въ этомъ государствѣ все управляется этого рода людьми“. Другой разрядъ—богатые, составившіе состояніе благодаря бережливости. Это—собиратели меда, то, что называется „пища для трутней“.

Третій разрядъ—это демось, состоящій частью изъ людей, живущихъ личнымъ трудомъ, частью изъ безработныхъ: это—„самый многочисленный и самый могущественный въ демократіи классъ, когда онъ собирается. Но собирается онъ не часто, развѣ только для добычи меда. Онъ его и добываетъ всякій разъ, когда вожди народные могутъ отнять у имущихъ ихъ состояніе и раздѣлить его между народомъ, удержавъ большую часть въ свою пользу. Тѣ же, кто подвергается экспроприаціи, вынуждены защищаться, какъ могутъ, обращенными къ народу рѣчами и дѣлами. Даже когда они не стремятся къ новшествамъ, ихъ противники обвиняютъ ихъ въ козняхъ противъ народа и въ олигархическомъ образѣ мыслей. Въ концѣ концовъ, когда они видятъ, что народъ, нападая на нихъ не по злему умыслу, а по невѣжеству, вслѣдствіе обмана клеветниковъ, творитъ надъ ними неправды, они уже волей-неволей становятся олигархами. Къ этому вынуждаетъ ихъ тотъ трутень, который ихъ жалитъ.“

Начинаются обвиненія, суды и брани. Въ борьбѣ противъ богатыхъ народъ обыкновенно выбираетъ себѣ въ вожди кого-нибудь одного, котораго онъ возвеличиваетъ и лелѣетъ. Покровитель народа,— вотъ тотъ корень, изъ котораго рождается тираннъ. На немъ сбывается сказаніе о Ликаонѣ, который, отвѣдавъ человѣческихъ внутренностей, превратился въ волка. Повелѣвая послушному народу, онъ не стыдится убивать своихъ согражданъ, тащить ихъ въ суды, возводя лживыя обвиненія, оскверняетъ ихъ кровью языкъ

и нечистыя уста, казнить, изгоняеть, сулить прощеніе долговъ и раздѣль земель. „Развѣ не ясно, что послѣ этого такому человѣку надлежитъ быть или убиту врагами, или же превратиться въ тиранна и стать изъ человѣка волкомъ!“

Противникамъ его остается, дѣйствительно, ради само-сохраненія, или судебнымъ порядкомъ добиться его казни. или же убить его тайкомъ. Но противъ этого есть испытанное средство, обычный тиранническій приѣмъ: „покровитель народа требуетъ у него тѣлохранителей. И народъ даетъ ему стражей, опасаясь за него и не заботясь о самомъ себѣ. Этимъ полагается начало той системѣ террора, которая превращаетъ народнаго вождя въ неограниченнаго властителя. Властью своей онъ пользуется, разумѣется, прежде всего для того, чтобы истребить или изгнать всѣхъ своихъ враговъ.“

„Въ первые дни своего владычества онъ всѣмъ улыбается и всякаго встрѣчнаго ласкаетъ, отрекается отъ имени тиранна, даетъ множество обѣщаній въ частныхъ разговорахъ и публично, освобождаетъ отъ долговыхъ обязательствъ, надѣляетъ народъ землями, старается казаться милостивымъ и кроткимъ съ окружающими и со всѣми. Покончивъ съ внѣшними врагами, примирившись съ одними, истребивъ другихъ, и обезпечивъ съ этой стороны спокойствіе, онъ снова возбуждаетъ войны, дабы народъ нуждался въ вождѣ. Это нужно и для того, чтобы народныя массы, доведенныя до бѣдности войной, были поглощены заботами о хлѣбѣ насущномъ и не имѣли досуга злоумышлять противъ правителя“.

Чтобы упрочить за собою власть, тираннъ долженъ истребить все выдающееся, независимое, свободомыслящее. „Проницательнымъ взоромъ онъ долженъ распознать, кто храбръ, кто великодушенъ, кто мудръ, кто богатъ. Хочетъ онъ или не хочетъ, онъ вынужденъ быть всѣмъ этимъ людямъ врагомъ и злоумышляетъ противъ нихъ, доколѣ онъ не „очиститъ“ государства. Это—очищеніе противоположное тому, которому врачи подвергаютъ организмъ: они удаляютъ

изъ него худшее и оставляютъ лучшее; онъ же, тираннъ, поступаетъ наоборотъ. Иначе онъ не можетъ властвовать. Онъ связанъ счастливою необходимостью или сожительствовать съ ничтожнымъ большинствомъ, будучи даже ему ненавистнымъ или же отказаться отъ жизни. И, чѣмъ больше онъ возбудитъ противъ себя ненависти среди гражданъ такими дѣлами, тѣмъ больше онъ будетъ нуждаться въ многочисленной и вѣрной охранѣ.

Рано или поздно онъ окружитъ себя тѣлохранителями-рабами, коихъ онъ освободитъ, отнявъ ихъ у господъ. Граждане станутъ рабами своихъ рабовъ. И узнаетъ тогда народъ, „какое чудовище онъ родилъ, взлелѣялъ и выростилъ“ 1).

Гражданское рабство въ тиранніи представляетъ собою лишь внѣшнее проявленіе внутренняго порабощенія духа. Достигая крайняго своего завершения въ тиранніи, это порабощеніе начинается еще въ демократіи. Свободная душа есть та, въ которой специфически человѣческое начало—разумъ—властвуетъ надъ чувственной, животной природой. Когда это нормальное отношеніе извращается, когда во внутреннемъ мірѣ человѣка воцаряется звѣрь, мы имѣемъ уже не свободную, а *рабскую душу*. Это—то самое извращеніе человѣческой природы, которое совершается въ демократіи и завершается въ тиранніи. Въ каждомъ человѣкѣ, даже въ тѣхъ изъ насъ, которые кажутся умѣренными, таится страшное, дикое, звѣроподобное начало. Это обнаруживается во снѣ, когда разумная, кроткая и господствующая часть души погружается въ дремоту. Тогда, освободившись отъ контроля разума, пробуждается въ насъ звѣриная природа; отрѣшаясь отъ всякаго стыда, она позволяетъ себѣ всякую дерзость. Въ состояніи соннаго опьяненія совершенно исчезаетъ грань между дозволеннымъ и преступнымъ: тутъ человѣку ничего не значитъ совокупиться съ матерью, съ какимъ-либо другимъ человѣкомъ,

1) Ibid., 565—568.

скотомъ или божествомъ, убить кого бы то ни было. Ни отъ какого питья, безумія и безстыдства онъ не воздерживается.

Это превращеніе, совершающееся въ нормальномъ состояніи только во снѣ, въ тиранніи происходитъ наяву. Болѣе того, тутъ, подчиняясь неограниченному господству животнаго, чувственнаго эроса, человѣкъ становится наяву такимъ, какимъ онъ раньше и во снѣ не бывалъ,—воромъ, святотатцемъ, торговцемъ невольниками, отцеубійцею.

Появленіе этого типа готовится въ демократіи: здѣсь люди приучаются забывать всякую мѣру и видятъ въ нарушеніи всякаго закона совершенную свободу. Но совершенное беззаконіе, совершенный произволь и есть то, что составляетъ сущность тиранніи. Душа человѣка становится тиранническою, когда она окончательно освобождается отъ всякаго удержа и преисполняется безуміемъ. Тиранническій темпераментъ есть нѣкотораго рода сочетаніе опьянѣнія, чувственной похоти (эроса) и меланхоліи.

Тиранническая природа, пока она не достигнетъ власти, представляетъ собою обыкновенный типъ преступника. Это—ненасытная, рабская душа; она находится подъ тиранническою властью аффекта и, слѣдовательно, никогда не бываетъ свободна, никогда не дѣлаетъ того, что хочетъ. Такіе люди воистину несчастны, ибо живутъ подъ вѣчнымъ гнетомъ тревоги и страха. Нѣтъ на свѣтѣ человѣка, который долженъ былъ бы болѣе бояться всего и всѣхъ, чѣмъ эти ненавистные всѣмъ злодѣи. Но несчастнѣйшимъ изъ несчастныхъ является злодѣй, достигшій тираннической власти: онъ—первая жертва той системы всеобщаго террора, которая даетъ ему возможность царствовать; среди враждебныхъ ему подданныхъ, онъ, спасая свою жизнь, живетъ какъ бы въ темницѣ: ему одному во всемъ государствѣ нельзя ни путешествовать, ни наслаждаться зрѣлищами, подобно прочимъ свободнымъ людямъ. Запершись въ стѣнахъ своего жилища, онъ долженъ завидовать своимъ подданнымъ ¹⁾.

¹⁾ L. IX, 571—579.

IV.

Вглядываясь въ изображенную здѣсь картину грѣхопаденія греческаго государства, мы убѣждаемся, что, несмотря на разстояніе столѣтій, отдѣляющихъ насъ отъ древности, многія изъ цѣнностей древняго общества, а равнымъ образомъ и оцѣнки Платона до сихъ поръ не отжили свой вѣкъ.

Теперь, какъ и тогда, безмѣрная жажда накопленія богатствъ является сильнѣйшимъ двигателемъ общественной жизни, жизненнымъ принципомъ капиталистическаго строя. Теперь, какъ и тогда, государство цензовое, олигархическое таитъ въ своихъ нѣдрахъ какъ бы два государства, другъ другу враждебныхъ и противоположныхъ—богатыхъ и бѣдныхъ. Теперь, какъ и прежде, обостренная классовая борьба рветъ на части государство и, разрушая патріотизмъ, угрожаетъ его цѣлости. По прежнему эта борьба дѣлаетъ неизбѣжнымъ переходъ отъ цензового, олигархическаго государственнаго строя къ демократіи. Въ современныхъ демократіяхъ мы видимъ тотъ же культъ свободы, безпредѣльной, не терпящей никакихъ ограниченій. И такъ же, какъ въ дни Платона, крайность безмѣрной свободы склонна вырождаться въ безграничный, анархическій произволь; она легко переходитъ въ противоположную себѣ крайность безграничнаго рабства и деспотизма. Тираннія была естественнымъ концомъ греческой демократіи; но такъ же и демократія современная таитъ въ себѣ зародыши диктатуры въ монархической формѣ. Народопоклонство, переходящее въ звѣропоклонство, софистическая демагогія, основанная на лести и боготвореніи пороковъ толпы, грабежъ, экспропріація, конфискація и раздача земель, хулиганская волна, выносящая на себѣ тираннію, терроръ демократической и терроръ монархической, тираннъ, который устрашаетъ и самъ дрожитъ отъ страха, живя узникомъ въ своемъ дворцѣ,—все это неумирающія чудовища, общечеловѣческіе типы, встрѣчающіеся въ самыхъ разнообразныхъ эпохи.

Съ исторической сцены исчезли тѣ специфическія особенности греческаго государства, съ которыми намъ еще придется считаться при анализѣ государственнаго идеала Платона. Рабство, все еще не упраздненное окончательно, измѣнило свои формы, и изъ личнаго стало классовымъ. Государство-городъ погребено подъ развалинами древней Греціи. Измѣнилъ свою природу и націонализмъ: современный націонализмъ, оставаясь крупнымъ факторомъ политической жизни, уже не опредѣляетъ собою, какъ въ древней Греціи, всего бытового уклада государства. Онъ существенно отличается отъ націонализма греческаго, лишавшаго всѣхъ не-эллиновъ гражданскихъ правъ и смотрѣвшаго на нихъ какъ на варваровъ—рабовъ по природѣ. Наконецъ, въ отличіе отъ государствъ древнихъ, государство современное уже не является религіознымъ союзомъ. Религіозныя цѣли преслѣдуются уже не имъ, а безусловно отличнымъ отъ него, самостоятельнымъ обществомъ вѣрующихъ—церковью. И тѣмъ не менѣе сущность общественнаго грѣха, сущность уклоненія общественной жизни отъ ея конечной цѣли и смысла въ общемъ осталась та же. Все тѣ же *языческіе* идолы, до сихъ поръ не пережитые, продолжаютъ собирать вокругъ себя поклонниковъ и давать тонъ общественной жизни.

„Идолы“ (*εἰδώλια*),—я заимствую это выраженіе у Платона. Идолами онъ называетъ именно возведенныя въ абсолютъ относительныя, условныя цѣнности жизни, обманчивыя *подобія* добра и красоты, которыя люди принимаютъ за подлинное, безусловное, добро и красоту ¹⁾. „Идолы“—погречески значить то просто образъ, то *обманчивый* образъ, призракъ, *привидѣніе*. Говоря объ идолахъ толпы, Платонъ подразумѣваетъ именно тѣ призраки, которымъ она поклоняется. Современная дѣйствительность представляется ему царствомъ призраковъ. И корень этого идолопоклонства онъ видитъ во всеобщемъ *усыпленіи духа*.

¹⁾ См., напримѣръ, Convivium, 212.

Въ общественномъ сознаниі происходитъ та самая подмѣна подлиннаго, воображаемымъ, призрачнымъ, которая совершается во снѣ. Грезить во снѣ или наяву значить принимать подобіе предмета за самый предметъ: грезять, стало быть, и тѣ, кто принимаетъ видимость добра и правды за самое добро и за самую правду. Въ дѣйствительности существуетъ лишь единое добро, единая правда. Но для большинства людей, которые смотрятъ на дѣйствительность сквозь обманчивую, чувственную призму, это единство идеи раздробляется на множество разнообразныхъ явленій. Въ глазахъ обыкновенныхъ любопытныхъ—людей практики и ремесленниковъ—единое благо подмѣняется множествомъ конкретныхъ благъ. „Люди, жадные до зрѣнія и слуха, услаждаются красками, образами и всѣмъ тѣмъ, что изъ нихъ составляется; но ихъ разумъ безсиленъ созерцать самую природу красоты и услаждаться ею. Среди множества спящихъ рѣдки истинно бодрствующіе, тѣ философскія природы, которыя въ состояніи воспринимать *единство безусловнаго*“ ¹⁾. Отсюда — та погоня за многими конкретными благами, которую мы видимъ въ извращенныхъ государствахъ, замѣна безусловнаго добра честью въ тимократіи, золотомъ въ олигархіи, безграничной свободой въ демократіи и безграничнымъ произволомъ въ тиранніи. То озвѣрѣніе человѣка, которымъ завершается этотъ сонъ, составляетъ логическое послѣдствіе раздвоенія жизни, расторгенія связи между духомъ и тѣломъ, господства плоти и плѣна мысли.

Это раздвоеніе и этотъ плѣнъ, мѣняя формы, въ существѣ своемъ во всѣ вѣка—одни и тѣ же. Вотъ почему, читая „Политію“ Платона, такъ часто приходится вспоминать латинскую пословицу: *mutato nomine, de te fabula narratur*.

¹⁾ Civitas, I. V, 476.

V.

Задачи идеальнаго государства.

Въ седьмой книгѣ „Политіи“ Платонъ въ яркомъ сравненіи подводитъ итогъ своимъ наблюдениямъ надъ земной жизнью человѣческой личности и общества.

Представьте себѣ глубокое подземелье, съ узкимъ выходомъ къ свѣту во всю его длину. Пещера наполнена людьми, узниками, которые томятся въ ней съ дѣтства: они прикованы за ноги и за шею спиною къ выходу, такъ что не могутъ ни двинуться съ мѣста, ни повернуть головы. Вдали и сверху надъ выходомъ, стало бытъ сзади узниковъ, свѣтитъ огонь. Вдоль пути, ведущаго къ огню, возвышается невысокая стѣнка, подобная тѣмъ ширмамъ, надъ которыми фокусники показываютъ зрителямъ свои фокусы. Надъ стѣнкой сзади плѣнниковъ люди проносятъ различныя предметы и фигуры—статуэтки людей и животныхъ, при чемъ изъ проходящихъ одни говорятъ, другіе же молчатъ. Узники не видятъ ни выхода, ни огня, ни проходящихъ сзади людей, ни проносимыхъ ими предметовъ. Они могутъ созерцать только заднюю стѣну пещеры, а на ней—*тѣни* предметовъ, проносимыхъ между ними и свѣтомъ. Не видя въ теченіе всей своей жизни ничего кромѣ этихъ тѣней, они очевидно будутъ принимать тѣни за самыя предметы, за подлинную дѣйствительность. Если они услышатъ эхо отъ задней стѣны, повторяющее голоса проходящихъ сзади, невидимыхъ для нихъ людей, имъ естественно покажется, что говорятъ движущіяся на стѣнахъ тѣни: они ничего не будутъ признавать истиннымъ, кромѣ этихъ тѣней и этихъ отраженій звука.

Если мы внезапно раскуемъ узника, заставимъ его выпрямиться во весь ростъ и повернуться къ свѣту, мы причинимъ ему боль. Ослѣпленный яркимъ свѣтомъ, онъ не будетъ въ состояніи распознавать тѣхъ предметовъ, коихъ тѣни онъ прежде ясно видѣлъ. Что же отвѣтитъ узникъ тому, кто скажетъ, что раньше онъ видѣлъ пустяки, а

теперь видитъ подлинно сущее? Не сочтеть ли онъ, что именно теперь его обманываютъ, а что видѣнное раньше было истинною? Если же кто заставитъ его разомъ пройти весь трудный скалистый путь изъ пещеры и вытащить къ свѣту солнечному, онъ испытаетъ муку, вознегодуетъ на влекущаго и потеряетъ окончательно способность зрѣнія.

Нужна привычка, постепенное воспитаніе, чтобы сдѣлать узника способнымъ смотрѣть вверхъ. Сначала ему всего легче распознавать тѣни, потомъ отраженія, подобія, (εἰδωλα) людей и другихъ предметовъ въ водѣ: потомъ онъ уже можетъ обратиться къ самымъ предметамъ; засимъ онъ устремитъ свой взоръ къ тому, что на небѣ, разсматривая самое небо ночью, созерцая мѣсяцъ и звѣзды. Наконецъ, онъ будетъ въ состояніи видѣть уже не отраженіе солнца въ водѣ, не изображеніе его въ чемъ-либо другомъ, но самое солнце, само въ себѣ и на своемъ мѣстѣ. Тогда ему откроется, что отъ солнца идутъ смѣны временъ дня и года, что солнце въ видимомъ мірѣ всѣмъ управляетъ, будучи нѣкоторымъ образомъ всему причиною. И, вспомнивъ о прежнемъ жилищѣ, о товарищахъ по узамъ и о тамошней мудрости, онъ почтетъ себя блаженнымъ, а къ тѣмъ восчувствуетъ жалость.

Тамъ среди узниковъ доставались почетъ и хвалы въ удѣлъ тому, кто яснѣе другихъ распознавалъ и удерживалъ въ памяти тѣни; но душа, вырвавшаяся изъ плѣна, не почувствуетъ зависти къ наиболѣе почитаемымъ и властвующимъ въ пещерѣ: она выскажется о нихъ такъ, какъ говорить Ахиллъ въ стихахъ Гомера о своемъ пребываніи въ аду:

„Лучше поденщикомъ быть и воздѣлывать поле чужое,
Быть въ услуженіи у бѣднаго, скудно живущаго мужа,
Чѣмъ надо всѣми погибшими властвовать здѣсь мертвецами“.

Есть два рода ослѣпленія: есть ослѣпленіе толпы—тѣхъ низменныхъ природъ, которыя не могутъ созерцать солнечнаго свѣта безъ помраченія взора. Другое дѣло—ослѣпленіе истиннаго философа. Человѣкъ, привыкшій къ со-

зерцанию солнечнаго свѣта, испытываетъ этотъ недугъ, когда возвращается въ пещеру. Онъ не сразу овладѣваетъ своимъ зрѣніемъ; пока онъ не привыкнетъ снова распознавать тѣни, онъ даетъ поводъ къ насмѣшкамъ: говорятъ, что изъ своего путешествія кверху онъ вернулся съ поврежденными глазами, и что не стоитъ предпринимать новыхъ восхожденій: такъ, что всякаго, кто попытается другихъ расковать и вывести на свѣтъ изъ мрака, узники убьютъ, если только смогутъ наложить на него руки.

Такова противоположность между нашимъ земнымъ жижищемъ и тѣмъ мыслимымъ міромъ, куда надлежитъ держать путь душѣ, чтобы найти себѣ достойное мѣстопробываніе. Солнце этого мыслимаго міра—его вершина—есть идея блага. „Она съ труломъ дается созерцанію. Но, увидавъ ее, должно судить о ней, какъ о причинѣ всего справедливаго и прекраснаго. Въ видимомъ мірѣ она—свѣтъ и источникъ того, что имъ управляетъ. Въ мірѣ же мыслимомъ она—владычица (*νομία*)—источникъ истины и разума. На нее долженъ устремлять свой взоръ всякій, кто хочетъ разумно дѣйствовать въ частной и общественной жизни“¹⁾.

Этими словами опредѣляется сущность той задачи, которую Платонъ пытался разрѣшить въ своей „Политіи“. Въ блестящей и глубокомысленной статьѣ В. С. Соловьева „Жизненная драма Платона“ мы находимъ къ сожалѣнію довольно поверхностное сужденіе объ этой задачѣ. По мнѣнію Соловьева, „такъ какъ настоящее, глубокое исправленіе и полная помощь—черезъ *перерожденіе* человѣческой природы—оказались ему (Платону) не по силамъ, то онъ беретъ болѣе поверхностную, но за то и болѣе доступную задачу—*преобразование* общественныхъ отношеній“.

Что, вопреки Соловьеву, для Платона идетъ рѣчь не о преобразованіи только, а о полномъ *перерожденіи* человѣческой природы, это видно даже изъ заключительныхъ словъ

¹⁾ L. VII, 514—517.

только что приведеннаго текста. Нужно покончить съ неправдой жизни частной и общественной, осуществить въ ней безусловное добро. Иначе говоря, надо расковать узника и возвести его изъ темницы на самую вершину міра мыслимаго: всѣмъ сердцемъ и умомъ онъ долженъ прилѣпиться къ идеѣ блага. Это ли не полное перерождение человѣческой природы? Чтобы не оставить въ этомъ ни малѣйшаго сомнѣнія, Платонъ такъ поясняетъ свое сравненіе земной жизни съ пещерою:

„Сказанное теперь значитъ, что, какъ глазъ (плѣнника) не можетъ повернуться отъ мрака къ свѣту иначе, какъ вмѣстѣ со всѣмъ тѣломъ, такъ же и присущая душѣ каждаго сила и органъ познанія долженъ обратиться вмѣстѣ со всей душой отъ того, что рождается, доколѣ душа не станетъ способною выносить созерцаніе истинно сущаго и притомъ самой свѣтлой его точки: это, какъ мы уже сказали, есть благо“¹⁾.

Иначе говоря, Платонъ требуетъ, чтобы человѣкъ совершилъ поворотъ отъ міра тлѣннаго къ безусловному, сверхчувственному благу *всєю душою*. Въ „Политіи“ это — не какая-либо случайная обмолвка, а *основная мысль* всего діалога. Весь соціальный и политическій строй идеальнаго государства долженъ выражать собою этотъ поворотъ души. Вспомнимъ, что вся „Политія“ — не что иное, какъ трактатъ о *правдѣ—справедливости*; а сущность правды именно въ томъ и заключается, чтобы, какъ въ человѣческой душѣ, такъ и въ общежитіи безсмертное начало господствовало надъ смертнымъ. Для этого требуется полное перерождение дѣйствительной жизни, гдѣ между духомъ и тѣломъ существуетъ, какъ разъ обратное отношеніе.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи намъ придется убѣдиться въ негодности тѣхъ средствъ, которыми Платонъ думалъ воспользоваться для разрѣшенія поставленной имъ жизненной задачи. Но пока мы можемъ оставить вопросъ о средствахъ

¹⁾ Civitas, l. VII, 518.

въ сторонѣ. Намъ предстоитъ выяснитъ *самую задачу*, самую цѣль личной и общественной жизни, какъ ее понималъ Платонъ.

Для философа, который считаетъ существующія формы общественной жизни основанными на неправдѣ, возможно двоякое отношеніе къ окружающей его дѣйствительности: или бѣгство отъ міра, или попытка преобразовать міръ. Съ самой кончины Сократа, въ душѣ Платона боролись оба эти стремленія.

Говоря словами Соловьева, трагизмъ этой кончины для Платона состоялъ „въ томъ, что лучшая общественная среда во всемъ тогдашнемъ человѣчествѣ—Аѳины—не могла перенести простого, голаго принципа—правды; что общественная жизнь оказалась несомѣстимою съ личной совѣстью; что раскрылась бездна чистаго, непримѣснаго зла и поглотила праведника; что для правды смерть оказалась единственнымъ удѣломъ, а жизнь и дѣйствительность отошли ко злу и лжи. Какъ же жить въ этомъ царствѣ зла, жить тамъ, гдѣ праведникъ долженъ умереть“¹⁾?

Казалось бы, для вѣрнаго Сократу ученика бѣгство отъ міра являлось неизбѣжнымъ. „Платонъ“, говоритъ Соловьевъ, долженъ былъ по убѣжденію бѣжать отъ міра; съ этимъ связалось бѣгство по принужденію изъ роднаго города. Онъ поселяется на нѣсколько лѣтъ въ Мегарѣ съ другими сократовцами и вдали отъ всякихъ дѣлъ предается чистой теоріи, математическимъ и діалектическимъ задачамъ и упражненіямъ“²⁾.

Однако, бѣжать въ Мегару еще не значило бѣжать отъ міра. Весь изложенный выше Платоновъ анализъ формъ дѣйствительной жизни указываетъ, что для бѣгства отъ міра въ его дни былъ только одинъ единственный путь—смерть. У древняго греческаго философа, въ отличіе отъ христіанскихъ отшельниковъ, не было монастыря. Поэтому здѣсь,

¹⁾ Соловьевъ, собраніе соч. т. VIII, стр. 266.

²⁾ Ibid., стр. 271.

Вопросы философіи, кн. 91.

въ этой жизни ему бѣжать было некуда. Діалектическія и математическія упражненія, очевидно, не спасали отъ міра: наполняя умъ, они оставляли нетронутымъ сердце. Ихъ однихъ было совершенно недостаточно, чтобы осуществить тотъ поворотъ всего человѣческаго существа къ умопостигаемому солнцу, о которомъ говоритъ „Политія“. Для души Мегара, очевидно, была не лучшей темницей, чѣмъ Аеины.

Отсюда—естественный соблазнъ—освободиться отъ „темницы“ самымъ прямымъ и радикальнымъ способомъ. „Есть поводъ догадываться“, говоритъ Соловьевъ, „что и Платону являлась мысль о самоубійствѣ“¹⁾. Соловьевъ не высказываетъ своихъ оснований; но догадка оправдывается текстомъ Федона, того самаго діалога, который повѣствуетъ о смерти Сократа. Тутъ мы видимъ, что мысль о самоубійствѣ обсуждалась Платономъ именно въ связи съ этой смертью. Для философа тѣло — только помѣха. Смерть — вѣнецъ всѣхъ его жизненныхъ стремленій. Таковъ смыслъ предсмертныхъ рѣчей Сократа въ Федонѣ — той радостной „лебединой пѣсни“²⁾, которую онъ поетъ за нѣсколько часовъ до своей кончины. Но, высказавъ мысль о желательности смерти для философа, Сократъ тотчасъ спѣшить прибавить оговорку: „однако, онъ самъ не наложитъ на себя руку; ибо, какъ говорятъ, это недозволено“³⁾. И на вопросъ собесѣдника, почему недозволено, онъ отвѣчаетъ: „въ самомъ дѣлѣ, тебѣ кажется удивительнымъ, что людямъ, которымъ лучше умереть, не подобаетъ самимъ себѣ причинять смерть, а надлежитъ ждать другого благодѣтеля. Однако, мы во власти боговъ, которые о насъ пекутся и составляютъ ихъ собственность. Посему надлежитъ „убивать себя не иначе, какъ если богъ насъ къ тому вынудитъ, какъ въ настоящемъ случаѣ“⁴⁾ (Сократъ разу-

1) Ibid., стр. 268.

2) „Лебединая пѣснь“ — подлинная характеристика самого Платона, въ Федонѣ.

3) Ibid., 61.

4) Ibid., 62.

мѣтъ необходимость выпить ядь по приговору аѣинскихъ судей).

Отсюда ясно, что идеализмъ Платона съ самаго начала не былъ такимъ *отрѣшеннымъ* отъ жизни, какъ думаетъ Соловьевъ. Поставленный смертью Сократа вопросъ о самоубійствѣ тотчасъ рѣшается для него въ томъ смыслѣ, что человѣкъ прикрѣпленъ къ своей земной темницѣ своимъ провиденціальнымъ назначеніемъ, — тѣмъ *дѣломъ*, которое онъ долженъ совершить въ качествѣ собственности божества; тутъ же Платонъ сравниваетъ самоубійство съ бѣгствомъ неразумнаго раба отъ добраго господина ¹⁾.

Характеризуя точку зрѣнія, выразившуюся въ *Федонѣ* и другихъ діалогахъ той же эпохи (*Горій, Менонъ*, 2-я книга *Государства, Кратилъ, Феэтетъ, Парменидъ*), Соловьевъ говорить между прочимъ:

„Если этотъ идеализмъ, держашійся на почвѣ противоположенія между умопостигаемой областью истинно сущаго и обманчивымъ потокомъ чувственныхъ явленій какъ „несущаго“, куда всецѣло относится всякая житейская и общественная практика,—если такую отрѣшенную точку зрѣнія прямо сопоставить съ послѣдующими стремленіями Платона къ социальнымъ преобразованіямъ, съ его упорными попытками не только опредѣлить истинныя нормы общественныхъ отношеній, но и воплотить эти нормы въ устройствѣ дѣйствительнаго образцоваго государства, то представляется явное противорѣчіе, непроходимая пропасть“ ²⁾.

Въ дѣйствительности, непроходимой пропасти *между діалогами* Платона не существуетъ. Соловьевъ упустилъ изъ вида то существенное различіе между динамическимъ идеализмомъ Платона и отрѣшеннымъ идеализмомъ его друга *Евклида*, основателя мегарской школы, противъ котораго Платонъ полемизируетъ уже въ *Софистѣ*. Мегарская школа

1) Ibid.

2) Собраніе соч., VIII, стр. 271—272.

учила, что идеи совершенно отрѣшены отъ движущейся области явленій, а потому безусловно чужды движенію. Напротивъ, для Платона божественная идея есть *движущая сила*, которая проникаетъ въ явленія и дѣйствуетъ въ нихъ. Въ *Софистъ* онъ возражаетъ мегарцамъ, что, если бы идеи были неподвижны, онѣ были бы непознаваемы, безжизненны и неразумны. Познавать, — значитъ дѣйствовать на познаваемое. Если мы познаемъ идеи, то, стало быть, онѣ находятся по отношенію къ познающему уму въ страдательномъ состояніи, движутся по отношенію къ нему. Въ качествѣ совершеннаго бытія, святаго и цѣннаго, идеи живутъ, мыслятъ и движутся¹⁾.

Въ *Федонъ* Платонъ прямо изображаетъ ихъ, какъ *движущія причины* вселенной, объясняетъ ими ея цѣлесообразное устройство: разсужденіе объ идеяхъ здѣсь начинается словами: намъ „надлежитъ изслѣдовать причину возникновенія и уничтоженія“²⁾. Тутъ же высказывается сочувствіе мысли Анаксагора, что разумъ есть устроитель вселенной и причина всего генезиса; здѣсь же мы находимъ упрекъ Анаксагору за то, что, при объясненіи явленій, онъ не дѣлаетъ изъ выдвинутаго имъ разумнаго начала никакого употребленія, а становится на матеріалистическую точку зрѣнія, не дающую возможности понять цѣлесообразнаго устройства существующаго, его смысла³⁾. И, наконецъ, Платонъ формулируетъ свое заключеніе, что есть нѣчто само по себѣ прекрасное и благое, что служитъ воистину причиною (*αἰτία*)⁴⁾. Короче говоря, это—та самая идея блага, которая, какъ мы видѣли выше, признается въ „Политіи“ причиною всего прекраснаго и справедливаго и источникомъ свѣта въ мірѣ видимомъ.

Переходъ отъ „*Софиста*“ и „*Федона*“ къ „*Политіи*“ такимъ

1) Sophista, 248—249, Ср. Zeller, Die Philosophie d. Griechen, II Th., 1 Abth., 3 Aufl., 218—219; 574—584.

2) Phaedo, 95.

3) Ibid., 97—98.

4) Ibid., 100.

образомъ ясенъ. Точка зрѣніе „Политіи“ представляетъ собою не что иное, какъ дальнѣйшее развитіе началъ, выраженныхъ въ двухъ первыхъ діалогахъ, прямой логическій выводъ изъ нихъ. Если идеи вообще и въ особенности идея блага суть двигатели всего существующаго, начало цѣлесообразнаго устройства вселенной, то имъ подобаешь быть двигателями также въ личной и въ общественной жизни человѣка. Онѣ и здѣсь должны явиться, какъ *живыя силы*.

Если въ *Федонѣ* Провидѣніе положительно воспрещаетъ философу самоубійство и предписываетъ ему ради какого-то благаго дѣла не разставаться съ тѣломъ, доколѣ его не освободитъ божество, то „Политія“ прямо выясняетъ, въ чемъ заключается это *дѣло* философа на землѣ. Это дѣло — само наилучшее общежитіе: „ибо въ немъ будутъ господствовать воистину богатые, — не золотомъ, а тѣмъ, чѣмъ подобаешь быть богатымъ блаженному, — благою и разумною жизнью; если же нищіе и алчущіе для себя частныхъ благъ приступятъ къ общественному служенію съ цѣлью урвать оттуда себѣ благо, то это недозволительно. Ибо, разъ власть станетъ предметомъ спора, начнется внутренняя, домашняя война, которая погубитъ какъ ихъ самихъ, такъ и прочее государство“¹⁾.

Богатство и бѣдность! Мы помнимъ, что это — тотъ самый контрастъ, изъ котораго, по ученію Платона, рождается любовь, *эросъ*, посредникъ между небомъ и землею. Теперь мы видимъ, что эта самая посредническая задача въ „Политіи“ вмѣняется въ обязанность философу. Съ небесной высоты умозрѣнія онъ долженъ снизойти къ бѣднымъ и удѣлить имъ отъ своего богатства. Какъ могъ Соловьевъ утверждать, что въ „Республикѣ“ Платонъ отступилъ передъ своей высшей жизненной (эротической) задачей! Это значитъ игнорировать въ преобразовательныхъ планахъ философа самую ихъ сущность!

Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы увидимъ, въ чемъ заклю-

¹⁾ Clivitas, l. VII, 521.

чаются философскія противорѣчія утопіи Платона. Пока же для насъ ясно, что у Соловьева они изображены не совсѣмъ точно.

VI.

Государство, управляемое философами! Вотъ мысль, которая въ наши дни кажется наиболѣе странною, парадоксальною: теперь, какъ и въ дни Платона, она продолжаетъ служить темою для насмѣшекъ. Въ лучшемъ случаѣ она прощается Платону, какъ чудачество, юродство генія. Едва ли многіе считаютъ идею философскаго государства заслуживающею серьезнаго вниманія. Между тѣмъ эта „причуда“ уже потому требуетъ обстоятельнаго анализа, что она неразрывно связана съ самой сущностью платонизма, съ тѣми цѣнными его сторонами, которыя никогда не утратятъ значенія.

Платонъ самъ отдавалъ себѣ ясный отчетъ въ парадоксальности своего тезиса, зналъ всѣ вызываемыя имъ возраженія и насмѣшки, начиная съ указаній на полную непрактичность философа, на его неприспособленность къ общественной дѣятельности. И, странное дѣло, тѣ, кто въ наше время повторяютъ эти насмѣшки, сами того не зная, большею частью заимствуютъ ихъ изъ произведеній самого Платона. Такъ, напр., именно благодаря Платону мы знаемъ классическій, оставшійся до нашего времени ходячимъ анекдотъ о Фалесѣ: онъ былъ осмѣянъ еракійской рабыней за то, что, наблюдая звѣзды на небѣ, свалился въ колодезь. Отсюда же взято вошедшее въ поговорку изреченіе: „философъ хочетъ видѣть то, что на небѣ и не замѣчаетъ ближайшаго, что у него подъ ногами“ ¹⁾.

Въ *Теэтетъ* и въ *Горіи* дается также изображеніе философа. Съ юныхъ лѣтъ онъ не знаетъ дороги на площадь, не вѣдаетъ, гдѣ судъ, совѣтъ или какое-либо другое мѣсто публичныхъ собраній. Законы и постановленія ему не-

¹⁾ Theaetetus, 174.

извѣстны, участвовать въ какихъ-либо союзахъ, собраніяхъ, политическихъ обѣдахъ и добиваться власти ему не грезится и во снѣ: „въ дѣйствительности онъ живетъ и вращается въ государствѣ только тѣломъ; умъ же его все это мало цѣнить и ни во что не ставить; но, говоря словами Пиндара, онъ всюду проникаетъ, измѣряя нѣдра земли и то, что надъ нею, возносится надъ небомъ, изучая астрономію, вездѣ изслѣдуетъ природу сущаго и не спускается къ близлежащему“. Понятно, что философъ, ничего не смысляшій въ земныхъ, рабскихъ дѣлахъ, не умѣющий завязать своего дорожнаго мѣшка, ни приправить кушанья, ни произнести льстивую рѣчь, возбуждаетъ насмѣшки своею беспомощностью. Но это юродство и беспомощность въ житейскомъ обусловливается тѣмъ, что онъ влагаетъ душу въ высшую мудрость; онъ одинъ обладаетъ тѣмъ знаніемъ правды, которое возноситъ его высоко надъ царями. Если бы всѣ думали какъ онъ, среди людей царилъ бы миръ и было бы меньше золъ на землѣ. Но зло не можетъ уничтожиться; ибо противоположное добру по необходимости должно существовать всегда. Однако, оно не можетъ имѣть мѣсто среди боговъ, а въ силу необходимости преисполняетъ смертную природу и эту жизнь. Поэтому нужно стремиться какъ можно скорѣе „бѣжать отсюда туда“. Бѣгство заключается въ возможномъ уподобленіи божеству; уподобленіе же состоитъ въ томъ, чтобы становиться праведнымъ и святымъ согласно съ разумомъ. ¹⁾

Повидимому, эта проповѣдь „бѣгства отъ міра“ въ *Феэтетѣ* находится въ полномъ противорѣчій съ позднѣйшимъ требованіемъ—*господства философа надъ государствомъ* въ „*Политіи*“. Тамъ проповѣдуется какъ разъ то, что, по словамъ *Феэтета*, „не грезилось философу и во снѣ“. Однако, *пропасти* между двумя діалогами и тутъ не существуетъ. Въ дѣйствительности мы имѣемъ дѣло не столько съ противорѣчіемъ между двумя діалогами и двумя эпохами жизни Пла-

¹⁾ Ibid., 173—176; ср. Gorgias, 484.

тона, сколько съ внутреннимъ противорѣчіемъ всей его философіи, проникающимъ всю его литературную дѣятельность послѣ смерти Сократа. Уже въ *Θεαίτητῆ* сталкиваются два непримиренныя требованія—бѣгства отъ міра и осуществленія философскаго идеала въ мірѣ. Уже здѣсь высказывается мысль о необходимости дѣятельной борьбы противъ общественнаго зла. Нельзя допускать, говорится здѣсь, чтобы неправедный и нечестивый превозмогали своимъ лукавствомъ: ибо они величаются своимъ срамомъ и считаютъ себя не пустыми болтунами, не бременемъ земли, а людьми, коимъ подобаетъ спастись въ государствѣ. Изобличеніе—имъ самимъ на пользу: ибо они не знаютъ, что истинное наказаніе—не удары и не смертная казнь, коихъ нерѣдко избѣгаютъ даже виновные, а тѣ загробныя муки, коихъ неправедному избѣжать невозможно ¹⁾).

Вотъ препятствіе, которое задерживаетъ бѣгство философа отъ міра: личная задача самоспасенія философа неразрывно связана съ задачею спасенія ближняго. Въ „Республикѣ“ Платонъ только глубже созналъ и точнѣе формулировалъ эту связь; этимъ сама собою намѣтилась задача философскаго государства—того единственнаго образа правленія, гдѣ философъ можетъ явиться въ роли спасителя. Здѣсь онъ прямо говоритъ, что, пока счастливый случай не отдастъ власть въ руки философамъ, ни государство, ни государственное устройство, ни *отдѣльный человекъ* не станутъ совершеннымъ ²⁾).

За рѣдкими исключеніями не спасется и самъ философъ: ибо существующія формы государственной жизни создаютъ ту атмосферу всеобщаго развращенія, среди которой спасеніе отдѣльной личности становится почти невозможнымъ. Философская природа здѣсь подвержена порчѣ и гибели болѣе, чѣмъ какая-либо другая; чѣмъ богаче ея духовные

¹⁾ Theaetetus, 176—177.

²⁾ Civitas, I; VI, 499: οὐτε πόλις, οὐτε πολιτεία, οὐδὲ ὕψις ἐμείως μήποτε γένηται τέλειος.

дары, тѣмъ вѣроятнѣе и глубже ея паденіе. Люди посредственные, ограниченныя неспособны вообще къ чему-либо великому; напротивъ, даровитые—тѣ самыя, которые причиняютъ государству и частнымъ лицамъ или наибольшее благо или наибольшее зло ¹⁾).

Послѣднее случается чаще, потому что природа даровитая, философская подвержена великимъ искушеніямъ, которыхъ простые смертныя не знаютъ. Источникомъ искушеній являются всѣ тѣ отдѣльныя качества, которыми она обладаетъ. Съ яснымъ умомъ истинный искатель правды сочетаетъ непремѣнно умѣренность въ отношеніи къ чувственнымъ благамъ; онъ щедръ по природѣ, потому что люди возвышенныхъ стремленій неспособны прилѣпиться душою къ низшимъ, матеріальнымъ цѣнностямъ жизни; съ этимъ обыкновенно сочетается и мужество, потому что искатель сверхчувственного блага презираетъ опасности, угрожающія тѣлу.

И вотъ, когда человѣкъ съ этими рѣдкими дарами является въ извращенной общественной средѣ, все соединяется, чтобы отвлечь его отъ его высокаго призванія. Съ дѣтства онъ—первый между сверстниками; въ зрѣломъ возрастѣ онъ становится центромъ общественнаго вниманія; близкіе и сограждане стараются использовать его дарованія для устройства *ихъ дѣлъ*; и опасность для него возрастаетъ, когда съ дарами духа соединяются такія внѣшнія преимущества, какъ богатство, благородное происхожденіе, могущественная родня, красота и крѣпкое тѣлосложеніе. Ему, со всѣхъ сторонъ льстятъ; его соблазняютъ почестями и славою. Положимъ, что при этомъ онъ—гражданинъ могущественнаго государства; мудро ли, если имъ овладѣетъ безмѣрное самолюбіе и честолюбіе; удивительно ли, если онъ, преисполнясь тщеславіемъ, возомнитъ себя устройтеlemъ всѣхъ дѣлъ какъ эллиновъ, такъ и варваровъ!

Допустимъ, что онъ восчувствуетъ влеченіе къ мудрости,

¹⁾ Civitas, VI, 495.

къ философіи! Что стануть дѣлать тѣ, въ чьихъ глазахъ онъ тѣмъ самымъ становится негоднымъ для общественной жизни? Очевидно, они сдѣлаютъ все на свѣтѣ, чтобы этому помѣшать; все будетъ пушено въ ходъ, начиная съ уговоровъ, съ частныхъ интригъ противъ его руководителей въ философіи и кончая судебными преслѣдованіями противъ послѣднихъ. Легко ли при этихъ условіяхъ остаться вѣрнымъ мудрости?

Для развитія и роста философская природа нуждается въ подобающей умственной пищѣ. Посѣянное на чуждой ему почвѣ, сѣмя мудрости рискуетъ заглохнуть. Какое же духовное питаніе можетъ получить философъ среди общества, по существу враждебнаго мудрости? Здѣсь верховнымъ критеріемъ всего прекраснаго и цѣннаго въ искусствѣ, въ политикѣ и въ наукѣ являются грубые площадные вкусы, сужденія толпы; послѣдняя развращаетъ своими похвалами и порицаніями, оказываетъ неимоверное давленіе. Толпа по самой своей природѣ враждебна философіи и осуждаетъ философовъ. Нравится ей можетъ лишь тотъ, кто плѣняется многими благами, многими прекрасными предметами: до пониманія единой сущности прекраснаго она никогда не возвышается ¹⁾.

Въ этой атмосферѣ гибнуть не только философы: чахнетъ и сама философія. Когда люди одаренные, призванные къ ней, отвлекаются отъ нея внѣшними соблазнами, осиротѣвшая мудрость становится добычей недостойныхъ поклонниковъ. Изъ тщеславія къ ней обращаются низменные, вульгарныя души, люди безъ способностей; это—тѣ, у кого не только тѣло, но и душа искривлена низкимъ ремесломъ: ихъ соблазняетъ тотъ относительный почетъ, которымъ окружена философія по сравненію съ ремеслами. Получается типъ дилеттанта, выскочки въ философіи: онъ напоминаетъ лысаго кузнеца, который, сколотивъ себѣ деньжонки, только что освободился отъ оковъ рабства и

¹⁾ L. VI, 493—495.

омылся въ банѣ: надѣвши новое платье и, разукрасившись какъ женихъ, онъ надѣется вступить въ бракъ съ дочерью своего впавшаго въ бѣдность и одиночество хозяина. Какихъ произведеній можно ждать отъ такихъ людей: что они могутъ дать, кромѣ поддѣлокъ и недостойной софистики! ¹⁾).

Софистика пользуется успѣхомъ, а истинно философская природа, не находя себѣ сочувствія и отклика, мельчаетъ и гибнетъ. Истинные философы, достойные искатели мудрости, составляютъ въ такомъ обществѣ рѣдкую случайность. Это—или изгнанники, для которыхъ не нашлось убійцъ, или великіе умы, родившіеся въ какомъ-либо маленькомъ городѣ, который не открываетъ широкихъ горизонтовъ для ихъ дѣятельности, или люди, коимъ болѣзнь помѣшала заниматься государственными дѣлами. Демоническихъ личностей, какъ Сократъ, не стоитъ принимать въ расчетъ, такъ какъ въ своемъ родѣ Сократъ былъ единственнымъ: кромѣ него никто изъ современниковъ или жившихъ ранѣе не слышалъ голоса предостерегающаго демона ²⁾).

Философъ—*божій человекъ*, насколько возможно человекъку стать божественнымъ: ибо онъ живетъ въ божественномъ и прекрасномъ ³⁾). Оттого-то онъ подверженъ клеветѣ; онъ одинокъ и затерянъ среди людей, какъ среди дикихъ звѣрей: онъ не можетъ ни стать соучастникомъ въ ихъ неправдѣ, ни противостать одинъ ихъ звѣринымъ инстинктамъ; онъ не въ состояніи принести пользы ни другимъ, ни самому себѣ.

Отсюда—соблазнъ для философа—уйти отъ общественныхъ дѣлъ, искать спокойствія въ уединеніи частной жизни, укрыться подъ кровъ отъ бури и непогоды. Видя, какъ другіе погружаются въ беззаконіе, онъ почтетъ себя

¹⁾ Ibid., I, VI, 495—496.

²⁾ Ibid., I, VI, 492—493. 498.

³⁾ Ibid., 500.

счастливымъ, если самъ проведетъ земную жизнь въ чистотѣ отъ неправды и нечестія и разстанется съ нею, полный радостной надежды.

Это—не меньшее изъ того, что можетъ совершить философъ, но и не наибольшее. Ибо только „въ соотвѣтствующемъ ему государствѣ онъ самъ дастъ наибольшій ростъ и вмѣстѣ съ своимъ личнымъ благомъ спасетъ общее“ ¹⁾.

Кн. Евгений Трубецкой.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ Ibid., 500; 496—497.

Объ умѣ животныхъ.

Вопросъ объ умѣ животныхъ тѣсно связанъ съ вопросомъ о душѣ животныхъ. Аристотель признавалъ существованіе души у животныхъ, но думалъ, что есть цѣлая пропасть между душой человѣка и животныхъ. Животныя имѣютъ ощущенія, представленія, но не обладаютъ способностью образовывать понятія, они не обладаютъ способностью разумнаго мышленія. Животное есть существо неразумное, въ то время какъ человѣкъ есть существо разумное. Взглядъ Аристотеля былъ воспринятъ христіанскимъ церковнымъ ученіемъ и всей средневѣковой философійю, примыкавшей къ Аристотелю. Въ средніе же вѣка Θомой Аквинскимъ этому ученію была придана форма, въ которой она до сихъ поръ признается католической философійю.

Въ XVII вѣкѣ Декартъ провелъ еще болѣе рѣзкое различіе между человѣкомъ и животными. Онъ не только отрицалъ существованіе у животныхъ разумнаго мышленія, но даже отрицалъ существованіе у нихъ какой бы то ни было души. Животныя, по его мнѣнію, просто машины, которыя автоматически, машинообразно совершаютъ тѣ или иныя движенія. Они совершаютъ различныя дѣйствія, но эти послѣднія не сопровождаются сознаниемъ.

Наконецъ, въ XIX вѣкѣ вмѣстѣ съ дарвинизмомъ или ученіемъ о развитіи возникаетъ взглядъ на душу животныхъ, въ силу котораго душа животныхъ и человѣка ничѣмъ существеннымъ не отличаются другъ отъ друга. „Вся душев-

ная жизнь человѣка отличается отъ душевной жизни наиболѣе близкихъ ему млекопитающихъ только по степени, но не по виду, только количественно, а не качественно“ 1).

Такимъ образомъ создается огромное различіе между аристотелевскимъ взглядомъ и между современнымъ. Поэтому намъ предстоитъ рѣшить вопросъ, *существуетъ ли коренное различіе между умомъ человѣка и животныхъ, а если существуетъ, то можно ли заполнить пропасть, лежащую между умомъ человѣка и животныхъ.*

Вопросъ объ умѣ животныхъ имѣетъ и практически научное, такъ сказать, *методологическое* значеніе.

При построеніи социологическихъ теорій нѣкоторые исходятъ изъ предположенія, что социальная жизнь животныхъ можетъ трактоваться такъ, какъ трактуется социальная жизнь человѣка, потому что въ социальной жизни животныя руководятся тѣми же инстинктами, которымъ слѣдуетъ человѣкъ въ своей социальной жизни 2). Можетъ быть, даже зачатки экономическихъ отношеній можно раскрыть въ социальной жизни животныхъ. Далѣе, если мы строимъ этическія теоріи, то, по мнѣнію нѣкоторыхъ, мы должны принять въ соображеніе зачатки моральной жизни животныхъ. Но, спрашивается, дѣйствительно ли мы можемъ предположить у животныхъ хоть даже въ зачаточной степени существованіе какихъ-нибудь этическихъ представленій? Могутъ ли у животныхъ въ силу ихъ *умственного* склада быть какія-нибудь этическія представленія, похожія въ какомъ-нибудь отношеніи на этическія представленія человѣка? Чтобы рѣшить эти и подобные вопросы, мы должны предварительно рѣшить вопросъ о томъ, нѣтъ ли существеннаго различія между умомъ человѣка и животныхъ.

Изъ этого ясно, что вопросъ объ умѣ животныхъ имѣетъ огромную важность. Повидимому, даже съ нимъ въ значительной мѣрѣ связана судьба самой эволюціонной теоріи.

1) Гэксель. Миръвыя загадки. М., 1907, стр. 115.

2) См. Каутскій. Общественные инстинкты въ мирѣ животныхъ. Въ его „Очеркахъ и этюдахъ“. Спб. 1907.

Съ нимъ, какъ кажется, стоитъ и падаетъ эволюціонная теорія. Смотри по тому, какъ мы отвѣтимъ на вопросъ объ умѣ животныхъ, мы вмѣстѣ съ тѣмъ произнесемъ приговоръ и эволюціонной теоріи.

Итакъ, есть ли какое-нибудь различіе между душевной жизнью человѣка и животныхъ?

По обычнымъ представленіямъ, такой разницы нѣтъ. Принято думать, что между человѣкомъ и животными нѣтъ различія въ отношеніи ихъ умственного склада: они мыслятъ, чувствуютъ совершенно такъ же, какъ и человѣкъ. У животныхъ въ зачаточной формѣ имѣются налицо всѣ элементы душевной жизни человѣка. Такъ напр. неоднократно высказывалось убѣжденіе въ томъ, что у муравьевъ существуетъ „культъ мертвыхъ“ ¹⁾. Госпожа Hutton сообщаетъ слѣдующее о похоронныхъ обычаяхъ у муравьевъ. „Убивши нѣсколько солдатъ у какой-то колоніи муравьевъ, она увидѣла, что муравьи подобрали трупы убитыхъ, распорядившись такъ, что по два муравья несли одинъ трупъ и шли колонной изъ сорока муравьевъ... Двѣсти другихъ шествовали въ разсыпную и иногда смѣняли носильщиковъ. Придя въ песчаную мѣстность, муравьи выкопали по ямѣ для каждаго трупа, похоронили и все покрыли пескомъ. Нѣкоторые пожелали избавиться отъ участія въ печальной процессіи, но они были приведены насильно, преданы смерти и брошены въ общую яму“. Другая наблюдательница видѣла, какъ муравьи „рабы“ были похоронены отдѣльно отъ муравьевъ „воиновъ“. Такимъ образомъ, классовые предразсудки существуютъ очевидно и у муравьевъ! ²⁾

Такого рода описанія психической жизни животныхъ встрѣчаются зачастую и намъ кажутся совсѣмъ несообразными. Читая эти описанія, мы склонны думать, что они представляютъ продуктъ фантазіи ихъ авторовъ; мы это считаемъ *очеловѣченіемъ* животныхъ. А развѣ описанія соци-

¹⁾ См. *Foveau de Courmelles. Les facultés mentales des animaux. 1890, стр. 212.*

²⁾ Тамъ же, стр. 211.

альной жизни пчель, муравьевъ и т. д., которыя мы встрѣчаемъ даже въ научныхъ сочиненіяхъ, не грѣшатъ тѣмъ же самымъ? Когда вообще говорятъ о социальной жизни животныхъ, то ихъ взаимныя отношенія изображаются такъ, какъ если бы дѣло шло о социальныхъ отношеніяхъ чело-вѣка, имѣющаго опредѣленные представленія. Такъ, напр., принято говорить о государственной организаціи животныхъ. У пчель различаютъ „царицу“, „рабовъ“, „воиновъ“. Говорятъ о „содержаніи домашнихъ животныхъ у муравьевъ“. Словомъ, принято думать, что у пчель и у муравьевъ дѣло обстоитъ приблизительно такъ, какъ у чело-вѣка.

Отчего же проистекаетъ такое ошибочное отношеніе къ психической жизни животныхъ, отчего происходитъ такое очеловѣченіе животныхъ? Оттого, что при описаніи психической жизни животныхъ принято пользоваться популярной психологической терминологіей. Въ большинствѣ случаевъ тѣ, которые говорятъ о разумѣ животныхъ, пользуются популярнымъ значеніемъ термина „разумность“. Лица, описывающія психическую жизнь животныхъ, въ большинствѣ случаевъ называютъ разумными такія дѣйствія, въ которыхъ нѣтъ ничего разумнаго, но они называютъ ихъ такъ потому, что дѣйствія животныхъ по своимъ результатамъ только *похожи* на разумныя. Это происходитъ, повторяю, оттого, что писатели, истолковывающіе животную жизнь, пользуются не научной, а популярной терминологіей или, даже можно сказать, вульгарной терминологіей. Я, разумѣется, имѣю въ виду не только такія описанія, которыя переходятъ въ научныя сочиненія изъ устъ любителей животныхъ, изъ устъ охотниковъ, достовѣрность которыхъ чрезвычайно не велика. Въ большинствѣ описаній жизни животныхъ, даже въ такихъ сочиненіяхъ, которыя претендуютъ на научность, происходитъ то же пользованіе вульгарной терминологіей. Сюда относится такое распространенное сочиненіе о жизни животныхъ, какъ сочиненіе Брема, а также сочиненіе Бюхнера о психической жизни животныхъ ¹⁾. Подъ игомъ вуль-

¹⁾ Бюхнеръ. Психическая жизнь животныхъ. Спб., 1902.

гарной терминологіи находятся даже ученые, имѣющіе безспорныя заслуги въ зоопсихологіи ¹⁾. Но не только зоологи, а даже авторы сочиненій по психологіи впадаютъ въ такую же ошибку. Возьмемъ для примѣра сочиненіе кievскаго психіатра профессора Сикорскаго: „Всеобщая психологія“, въ которой онъ между прочимъ говоритъ о психической жизни животныхъ. „У рыбъ, оказывается, есть эстетическое чувство, потому что онѣ любятъ свѣтъ“. Быкъ, когда его ведутъ на убой, испытываетъ чувство благоговѣнія. „Собака свойственно чувство долга: становясь объектомъ вивисекціи, собака не защищаетъ свою жизнь до послѣдней крайности, какъ другія животныя, но покоряется своему печальному долгу, подобно человѣку, идущему на казнь“ ²⁾. Словомъ все, какъ у человѣка. Если бы проф. Сикорскій прибавилъ, что собака сознаетъ, что она приноситъ себя въ жертву наукѣ, то это совсѣмъ не дисгармонировало бы со всѣмъ прочимъ. Всѣмъ подобнымъ рассказамъ о психической жизни животныхъ мѣсто только въ дѣтскихъ хрестоматіяхъ, а не въ сочиненіи, претендующемъ на научность.

Было ли бы возможно подобное очеловѣченіе животныхъ, если бы тѣ, кто описываетъ психическую жизнь животныхъ, воспользовались самымъ элементарнымъ психологическимъ анализомъ? Думаю, что нѣтъ, и для поясненія воспользуюсь слѣдующимъ примѣромъ. Я не буду пока говорить о томъ, есть ли у животныхъ разумъ или нѣтъ. Я пока разсмотрю только, могутъ ли у нихъ быть даже такія *представленія*, какъ у насъ? Для примѣра я возьму то представленіе о единичныхъ вещахъ, которое можетъ быть, на примѣръ, у пчелъ. Пчелы, конечно, имѣютъ представленіе объ ульѣ. Похоже ли это представленіе на наше или

¹⁾ Напр. Влад. Валлеръ. Въ сочиненіи „Психологія животныхъ“. М., 1902. стр. 176, находить, что „у высшихъ позвоночныхъ животныхъ, птицъ и млекопитающихъ мы встречаемся съ дѣйствіями, которыхъ разумная природа не подлѣжитъ никакому сомнѣнію“.

²⁾ Сикорскій. Всеобщая Психологія. Кіевъ, 1904, стр. 331, 334.

Вопросы философіи, кн. 91.

нѣтъ? Можно отвѣтить, что рѣшительно нѣтъ, если мы обратимъ вниманіе на то, какъ складываются представленія о вещахъ у человѣка. Представленіе протяженныхъ вещей у человѣка есть результатъ его зрительныхъ представлений и его мускульно-осязательныхъ представлений. Благодаря этимъ послѣднимъ, его зрительныя представленія пріобрѣтаютъ рельефъ, разстояніе, форму и т. п. Можетъ ли такое представленіе быть налицо у пчелы? Конечно, нѣтъ. Зрительное воспріятіе пчелы крайне несовершенно вслѣдствіе особаго устройства ея глазъ. Видѣніе ея мозаичскимъ глазомъ гораздо грубѣе, чѣмъ видѣніе человѣка посредствомъ ретины. Она видитъ на очень небольшомъ разстояніи. Главныя представленія у нея имѣютъ не зрительный, а обонятельный характеръ. При отсутствіи зрительныхъ представлений у нея не можетъ выработаться такихъ представлений пространства, какъ у насъ. У нея отсутствуютъ представленія: „близко“ или „далеко“ въ нашемъ пространственномъ смыслѣ. Для нея существуетъ: „болѣе сильный запахъ“, „менѣе сильный запахъ“ и т. д. Слѣдовательно, ея представленія о вещахъ совсѣмъ не таковы, какъ наши. Приблизительно то же самое мы можемъ сказать относительно собакъ, главную составную часть представлений которыхъ составляютъ обонятельныя ощущенія. Поэтому мы не имѣемъ никакихъ основаній трактовать животныхъ такъ, какъ если бы ихъ представленія были похожи на наши.

Но приступимъ къ разсмотрѣнію вопроса о томъ, имѣютъ ли животныя разумное мышленіе. Предварительно намъ необходимо выяснитъ рядъ психологическихъ терминовъ, которые будутъ способствовать выясненію понятія *разума* или *разумнаго* мышленія.

Прежде всего мы опредѣлимъ, что такое *инстинктъ* и какія дѣйствія называются инстинктивными. Это важно сдѣлать потому, что, по мнѣнію очень многихъ ученыхъ, животныя въ своихъ дѣйствіяхъ руководятся особенной способностью, которая называется инстинктомъ. Благодаря

инстинкту животное совершаетъ рядъ движеній, которыя имѣютъ въ извѣстномъ смыслѣ цѣлесообразный характеръ, но, совершая эти движенія, животное не сознаетъ, къ достиженію какихъ цѣлей они могутъ привести. Слѣдующій примѣръ, заимствуемый нами у Моргана ¹⁾, вполне хорошо поясняетъ сущность инстинктивныхъ дѣйствій. Маленькія бѣлки въ возрастѣ одного или двухъ мѣсяцевъ отъ рожденія, которыхъ держали въ комнатѣ, обнаружили любопытный инстинктъ. „Я часто видѣлъ, что та или другая брала орѣхъ (когда орѣховъ было больше, чѣмъ она могла съѣсть), оглядывала комнату, ища подходящаго мѣста, затѣмъ клала орѣхъ на коверъ, въ какомъ-нибудь укромномъ углу, напр. около ножки дивана или конторки. Она прижимала орѣхъ къ ковру, производила такія движенія, какъ будто сгребала надъ нимъ землю, а затѣмъ оставляла орѣхъ въ покоѣ, въ полной увѣренности, что хорошо его зарыла“. „Инстинктъ есть то, говоритъ Вассманъ, что побуждаетъ молодую птицу, которая еще не знакома ни съ однимъ гнѣздомъ своего вида, послѣ спариванія сносить стебельки, травинки и т. п. матеріалъ для теплаго гнѣзда, въ которомъ должны быть высижены ея будущіе птенцы, ибо изъ собственнаго опыта и по собственному размышленію птица передъ первымъ высиживаніемъ не можетъ знать даже того, что она будетъ откладывать яйца и что послѣднія должны быть высижены, чтобы произвести новую генерачію своего вида“. ²⁾ Эти примѣры являются очень яркой иллюстраціей того, что животныя могутъ совершать рядъ цѣлесообразныхъ движеній, совершенно не сознавая ихъ цѣлесообразности. Но я долѣе не буду останавливаться на выясненіи понятія инстинкта, такъ какъ я не принадлежу къ числу тѣхъ, которые думаютъ, что животныя въ своихъ дѣйствіяхъ руководятся *только* инстинктомъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что у животныхъ есть умъ, и намъ необ-

¹⁾ Л. Морганъ. Привычка и инстинктъ. Спб., 1899, стр. 111.

²⁾ Вассманъ. Итоги сравнительной психологіи, пер. Вл. Караваева. Кіевъ, 1906. стр. 32.

ходимо ближе разсмотрѣть природу его. Для этого мы разсмотримъ смыслъ такихъ психологическихъ терминовъ, какъ ассоціація, общія представленія, выводъ, умозаключеніе и т. п.

Что такое *ассоціація* представленій?

Если я воспринималъ много разъ совмѣстно два представленія А и В, то, какъ извѣстно, они такъ тѣсно связываются другъ съ другомъ, что впослѣдствіи одно представленіе не можетъ возникать безъ того, чтобы не возникало другое представленіе, которое было съ нимъ связано. Эти представленія образуютъ, такъ сказать, одно цѣлое. Появленіе одной части этого цѣлаго заставляетъ появляться и другую часть. Если собака получила ударъ палки, который причинилъ ей боль, то представленіе боли и представленіе палки такъ тѣсно связываются другъ съ другомъ, что впослѣдствіи видъ палки вызываетъ представленіе боли.

Различіе между *представленіемъ* и *понятіемъ* или *общимъ представленіемъ* сводится къ слѣдующему. Если я воспринимаю одинъ какой-нибудь предметъ, напр. собаку, находящуюся передо мною, тогда у меня въ умѣ будетъ то умственное построеніе, которое мы называемъ „представленіемъ“, или *представленіемъ* единичной вещи. Но я могу думать не только о собакѣ, которая находится въ данную минуту передо мной, но могу думать о *собакѣ вообще*. Если я думаю о *собакѣ вообще*, то говорится, что у меня есть общее представленіе о *собакѣ*.

Спрашивается, какимъ образомъ получается общее представленіе о *собакѣ*?

Если я имѣлъ случай видѣть различныхъ собакъ: обыкновенную дворняжку, бульдога, сенъ-бернадскую, сеттера, легавую, таксу и т. п., то эти собаки при всемъ различіи имѣютъ нѣчто общее. Когда я думаю о *собакѣ вообще*, то я *отбрасываю* черты несходныя и соединяю то, что въ нихъ есть *сходнаго, общаго*. вмѣсто представленій отдѣльныхъ собакъ я получаю такимъ образомъ одно общее представле-

ніе, именно представленіе собаки вообще. Это представленіе есть результатъ сліянія ряда сходныхъ представлений, причѣмъ сходныя части сливаются, а несходныя отпадаютъ. Такой процессъ называется *обобщеніемъ* или *абстракціей*. Для того, чтобы обобщеніе могло осуществиться, необходимо, чтобы мы анализировали каждое представленіе на составныя части, затѣмъ произвели бы абстракцію, т.-е. отдѣлили бы тѣ или другія части сложнаго представленія, затѣмъ сходныя части соединили бы въ одно цѣлое.

Итакъ, если у насъ есть представленіе ряда вещей, и они сходны между собою, то мы можемъ предположить, что въ этихъ представленіяхъ сходныя части соединяются, а несходныя части отпадаютъ. Такимъ образомъ получаютъ общія представленія, которыя представляютъ собою какъ бы результатъ *слиянія* сходныхъ частей.

Но слѣдуетъ замѣтить, что когда мы мыслимъ какой-либо классъ предметовъ, то у насъ въ сознаніи появляются не какія-нибудь схемы или образы, которые являлись бы результатомъ сліянія отдѣльныхъ образовъ, такъ сказать „родовые образы“, а ихъ замѣщаютъ представленія единичныхъ предметовъ. Въ самомъ дѣлѣ, когда вы думаете о книгѣ, есть ли у васъ общій родовой образъ? Что у васъ есть въ сознаніи, когда вы думаете о лисицѣ вообще? Родовой образъ или, можетъ быть, представленіе объ единичной лисицѣ? Если бы мы разсмотрѣли рядъ примѣровъ, то мы убѣдились бы, что когда мы размышляемъ о какомъ-либо классѣ предметовъ, то мы оперируемъ не съ родовымъ образомъ, а съ индивидуальнымъ, который замѣняетъ родовой. Образъ единичнаго предмета даетъ намъ возможность мыслить о классѣ предметовъ. Онъ является *замѣстителемъ* того или другого родоваго образа. Въ качествѣ такихъ замѣстителей являются также *слова*. Когда мы мыслимъ такія понятія, какъ напр. „цѣлесообразность“, „законъ“ и т. п., то мы мыслимъ не какіе-либо родовые образы, а оперируемъ со словами „цѣлесообразность“, „законъ“ и т. п. Эти слова являются замѣстителями тѣхъ или другихъ общихъ представлений.

Они являются символами или знаками тѣхъ или иныхъ общихъ представлений. Изъ этого ясна роль словъ въ процессѣ мышленія. Они, являясь замѣстителями родовыхъ образовъ, облегчаютъ процессъ мышленія. Если бы у насъ не было словъ, то мы должны были бы оперировать съ очень громоздкимъ матеріаломъ. Напр. общее представленіе дерева являлось бы результатомъ сліянія тысячи деревьевъ, которыя мы имѣли случай воспринимать.

Англійскій ученый Романесъ признаетъ существованіе такихъ представлений, которыя какъ бы находятся посрединѣ между представленіями единичныхъ вещей и общими представленіями. Такого рода построенія онъ называетъ рецептами (recepts). Рецептъ получается въ умѣ путемъ повторенія болѣе или менѣе сходныхъ построеній. Это общія представленія, не связанныя со словами. По мнѣнію Романеса, между общими представленіями, которыя связаны со словами, и такими построеніями, которыя не связаны со словами, нѣтъ разницы. „Терминъ общая идея означаетъ идею класса или рода, все равно, будетъ ли она снабжена наименованіемъ или нѣтъ. Идеи съѣдобнаго и несъѣдобнаго имѣютъ равно общій характеръ и для человѣка и для животнаго и въ обоихъ случаяхъ образовались одинаковымъ образомъ, именно путемъ накопленія отдѣльныхъ опытовъ, самопроизвольно-сортирующихся въ сознаніи“ ¹⁾.

Теперь мы можемъ отвѣтить на вопросъ, что мы должны назвать *разумомъ*. Многіе подъ разумомъ понимаютъ просто мышленіе. Подъ разумнымъ мышленіемъ они понимаютъ просто мыслительные акты: процессы ассоціаціи, узнаванія и т. п. Мы же будемъ называть разумнымъ мышленіемъ только то мышленіе, которое осуществляется при помощи понятій, совершается въ понятіяхъ, и именно въ понятіяхъ, связанныхъ со словами.

Вотъ существованіе именно разумнаго мышленія у животныхъ и подвергается сомнѣнію. Что у нихъ есть *умъ*,

¹⁾ См. его Духовная эволюція человѣка. М., 1905, -стр. 52, 53.

это не можетъ подвергаться сомнѣнію, но что у нихъ есть *разумъ*, это подвергается сомнѣнію.

Что слѣдуетъ называть выводомъ? Мы будемъ различать два вида выводовъ. Выводъ можетъ быть простой или *конкретный* и выводъ *разумный*, который называется также *разсужденіемъ* или *умозаключеніемъ* въ собственномъ смыслѣ. Различіе между этими двумя видами выводовъ слѣдается яснымъ изъ слѣдующихъ примѣровъ. Я вижу, что небо покрыто тучами, и изъ этого дѣлаю выводъ, что будетъ дождь. Дождя я еще не наблюдалъ, но я предупреждаю это событіе, предусматриваю это событіе. Это есть выводъ. Легко видѣть, что этотъ выводъ, который можно назвать конкретнымъ выводомъ, находится въ близкомъ родствѣ съ процессомъ ассоціаціи. Черныя тучи на небѣ и появленіе дождя въ моемъ прошломъ опытѣ тѣсно другъ съ другомъ ассоціировались, такъ что появленіе въ моемъ сознаніи представленія черныхъ тучъ вызываетъ представленіе дождя. Какъ легко видѣть, этотъ выводъ есть ассоціація по смежности.

Отъ конкретного вывода мы должны отличать логическій выводъ или логическое умозаключеніе. Въ этомъ послѣднемъ выводѣ совершается черезъ посредство *общаго положенія*. Въ немъ общее положеніе является основаніемъ для умозаключенія. Если, напр., кто-нибудь заключаетъ, что данный кусокъ камня потонетъ въ водѣ, потому что *всѣ* камни тонуть въ водѣ, то онъ будетъ строить выводъ на основаніи общаго положенія. Это будетъ умозаключеніе въ собственномъ смыслѣ.

Нельзя не видѣть, что есть огромное различіе между конкретнымъ выводомъ, который представляетъ собою простую ассоціацію идей, и умозаключеніемъ въ собственномъ смыслѣ, которое осуществляется черезъ посредство понятій. Для поясненія различія между этими двумя видами вывода я воспользуюсь примѣромъ не изъ жизни реальныхъ животныхъ, а изъ жизни животнаго, взятаго изъ басни. Осель въ извѣстной баснѣ Эзопа, нагруженный

солью, переходилъ черезъ рѣку. Находясь уже на серединѣ рѣки, осель споткнулся и упалъ; его ноша подверглась дѣйствию воды, и когда онъ вышелъ изъ рѣки, то замѣтилъ, что его ноша сдѣлалась значительно легче. Въ другой разъ, осель, нагруженный губками, переходилъ черезъ рѣку. Онъ, на основаніи прошлаго опыта, сдѣлалъ выводъ, что погруженіе въ воду должно произвести облегченіе тяжести, и вотъ, находясь посрединѣ рѣки, осель умышленно погружаетъ свою ношу въ воду, надѣясь такимъ образомъ облегчить свою ношу... Это есть типичный примѣръ конкретнаго вывода.

Но поставимъ на мѣсто осла человѣка, съ его общими представленіями, и тогда мы увидимъ, какъ велико различіе между настоящими умозаключеніями и конкретными выводами, какъ мы ихъ назвали.

У человѣка есть *общее* представленіе, что существуютъ тѣла, которыя растворяются въ водѣ и теряютъ часть своего вѣса. На ряду съ этимъ у него есть общее представленіе, что есть классъ тѣлъ, которыя не растворяются въ водѣ, и кромѣ того, еще одно общее же представленіе, что есть классъ тѣлъ, которыя будучи погружены въ воду, поглощаютъ жидкость и поэтому не только не потеряютъ своего вѣса, а наоборотъ, увеличатъ его. Если бы на мѣстѣ осла былъ человѣкъ съ этими тремя общими положеніями, то онъ, прежде чѣмъ погрузиться въ воду, постарался бы узнать, съ какими тѣлами онъ имѣетъ дѣло.

Я бы поставилъ вопросъ, разсуждалъ ли осель Эзопа правильно или нѣтъ? Очевидно, вѣдь и въ баснѣ этотъ случай приводится какъ примѣръ неразумнаго разсужденія. Но вѣдь его разсужденіе неразумно съ точки зрѣнія человѣческой логики, а съ точки зрѣнія животной логики, онъ, можетъ быть, разсуждалъ совершенно правильно. Въ самомъ дѣлѣ, предположимъ, что осель Эзопа долженъ былъ бы заниматься переноской только соли, и во второй разъ его уловка освободиться отъ тяжести окончилась бы удачей; какъ бы мы тогда отнеслись къ животному? Признали ли

бы мы его дѣйствія неразумными? Я думаю, какъ разъ наоборотъ. Мы приводили бы этотъ случай какъ примѣръ необычайной смѣтливости животнаго. Предположимъ дальше, что этотъ осель замѣтилъ, что между ношей въ первомъ случаѣ и во второмъ есть то различіе, что первая ноша по размѣру была меньше второй. Осель замѣтилъ, что при погруженіи въ воду меньшей ноши, т. е., соли тяжесть уменьшалась, при погруженіи большей ноши тяжесть увеличивалась. Предположимъ затѣмъ, что ослу пришлось бы еще одинъ разъ переносить соль и онъ удачно воспользовался бы погруженіемъ въ воду для уменьшенія тяжести, а когда ему пришлось переносить губки, то онъ удержался бы отъ погруженія въ воду. Спрашивается, какой это былъ бы выводъ? Безспорно, конечно, что это былъ бы опять случай конкретнаго вывода. Это есть примѣненіе закона ассоціаціи—не больше. Объ умозаключеніи на основаніи общихъ положеній въ данномъ случаѣ и рѣчи быть не могло бы.

Какъ мы видѣли, понятія въ ихъ наиболѣе совершенной формѣ, это тѣ, которыя связаны со словами. Слово у насъ въ языкѣ является символомъ понятій. Наличие словъ является показателемъ того, что въ нашей умственной жизни есть понятія. Поэтому, если мы желаемъ знать, есть ли у животныхъ понятія, именно такія, которыя существуютъ у человѣка, то мы должны были бы спросить, есть ли у нихъ *способность рѣчи*, именно такая, какая есть у человѣка? Если нѣтъ, то можно сказать, что у нихъ нѣтъ понятій; нѣтъ, слѣдовательно, и разумнаго мышленія. Такимъ образомъ мы приходимъ къ вопросу, существуетъ ли у животныхъ способность рѣчи, говорятъ ли животныя?

Существовало и въ настоящее время у многихъ существуетъ убѣжденіе, что животныя говорятъ какимъ-то языкомъ, похожимъ на языкъ человѣческій. „Въ 1807 году французъ Дюпонъ де Немуръ перевелъ на французскій языкъ пѣніе соловья и составилъ словарь вороньяго языка,

а другой французъ Пьеркэнъ, исходя изъ убѣжденія, что люди и животныя имѣли первоначально одинъ и тотъ же языкъ, сравнивалъ звуки звѣриной рѣчи со словами американскихъ языковъ. Словарики языка собаки, кошки, курицы и т. п. были составлены въ Германіи. За эту благодарную задачу взялся въ 1800 году нѣмецъ Ветцель, который былъ убѣжденъ, что животныя понимаютъ человѣческую рѣчь¹⁾. Недавно одинъ американецъ, именно Гарнеръ, при помощи фонографа изслѣдовалъ языкъ обезьянъ. Онъ записывалъ на валикъ фонографа звуки, издаваемые какой-либо обезьяной, и затѣмъ передъ другими обезьянами воспроизводилъ эти звуки и замѣтилъ, что въ такихъ случаяхъ всѣ обезьяны реагируютъ одинаковымъ образомъ. Изъ этого онъ сдѣлалъ заключеніе, что обезьяны обладаютъ способностью сообщать свои часто очень сложныя мысли и чувства²⁾. Но эти выводы Гарнера очень спорны. Поэтому намъ слѣдуетъ отвѣтить на два вопроса. Есть ли у животныхъ рѣчь такая, какая есть у человѣка? Если же признать, что у животныхъ нѣтъ рѣчи похожей на человѣческую, если признать, что животныя не говорятъ, то спрашивается, отчего же они не говорятъ?

По всеобщему признанію, существуетъ огромное количество фактовъ, которые показываютъ, что, если животныя не говорятъ такъ, какъ говорятъ люди, то во всякомъ случаѣ они могутъ какимъ-то образомъ сообщать свои мысли. Многіе имѣли случай наблюдать, какъ, напр., собаки повидимому разговариваютъ между собою. Подходя другъ къ другу, онѣ сближаютъ головы до соприкосновенія, сопровождающагося треніемъ или маленькими ударами. Объ обезьянахъ говорятъ, что онѣ будто бы часто собираются для бесѣды. Тоже самое рассказываютъ относительно птицъ.

Для того, чтобы провѣрить фактъ, дѣйствительно ли

¹⁾ См. проф. А. Л. Погонинъ. Почему не говорятъ животныя? Къ вопросу о происхожденіи языка. Варшава, 1905, стр. 9.

²⁾ Гарнеръ. Языкъ обезьянъ. Спб., 1899.

животныя говорятъ между собою, англійскій ученый Леббокъ произвелъ цѣлый рядъ опытовъ ¹⁾. Я приведу одинъ изъ его опытовъ. Онъ взялъ три стакана и поставилъ ихъ возлѣ муравейника на разстояніи 30 дюймовъ. Въ одинъ стаканъ онъ положилъ до 600 личинокъ, въ другой около 5, а третій оставался пустымъ. Отъ этихъ стакановъ онъ провелъ три параллельныхъ тесмы, чтобы дать возможность муравьямъ свободно проходить къ стаканамъ. Затѣмъ положилъ въ каждый стаканъ съ личинками по муравью. Каждый муравей, взявъ по личинкѣ, отправился въ муравейникъ. Послѣ этого стаканъ, наполненный 600 личинками, въ теченіе 52 часовъ посѣтило около трехсотъ муравьевъ, стаканъ съ 5 личинками за то же приблизительно время до 100 муравьевъ, а пустой стаканъ не посѣтилъ ни одинъ муравей (надо замѣтить, что каждая вынутая личинка замѣнялась новой). Такимъ образомъ этотъ опытъ показываетъ, что муравьи, которые были въ стаканѣ раньше, какъ бы *сообщали* другимъ муравьямъ, куда слѣдуетъ итти.

Англійскій психологъ Ллойдъ Морганъ сообщаетъ слѣдующій случай ²⁾. Одна небольшая собака подверглась нападенію со стороны другой собаки и была искутана ею. Потерпѣвшая идетъ къ подругѣ; затѣмъ онѣ идутъ вмѣстѣ къ обидчицѣ, соединенными усиліями нападають на нее и искутываютъ ее. Изъ этого разсказа какъ будто слѣдуетъ, что обиженная собака пошла къ своей подругѣ и сообщила ей: „Меня обидѣла такая то собака, пойдѣмъ отомстимъ ей“. Та другая собака, изъ чувства дружбы, слѣдуетъ за ней.

Если бы приведенные случаи мы стали истолковывать въ томъ смыслѣ, что у животныхъ есть языкъ, похожій на языкъ человѣческій, т.-е. если бы мы могли признать, что напр. муравьи разговариваютъ между собою, то это значило бы, что муравей, побывавшій въ стаканѣ съ большимъ количествомъ личинокъ, долженъ былъ бы произнести:

¹⁾ *Леббокъ*. Муравьи, пчелы и осы. М., 1898, стр. 158—9.

²⁾ *Animal Life and Intelligence*. 1890.

фразу: „пойдемъ, тамъ сложено много личинокъ“, приблизительно такъ, какъ это могъ бы сдѣлать человѣкъ. Но можно съ увѣренностью сказать, что ничего подобнаго муравей сказать не могъ. Въ этомъ мы можемъ легко убѣдиться, если рассмотримъ, къ чему сводится то, что мы могли бы назвать языкомъ животныхъ, т.-е., другими словами, рассмотримъ, что животныя могутъ *выражать*. То, что животныя вообще могутъ выражать, есть главнымъ образомъ чувство. Животное посредствомъ крика можетъ выразить, что оно испытываетъ чувство страха, страданія и т. п. Но выражений, похожихъ на выраженія при помощи словъ, у животныхъ нѣтъ. Животныя могутъ издавать тревожные крики, служащіе для предостереженія, крики, приглашающіе къ подражанію, выражающіе страхъ отъ приближенія врага. Животныя могутъ указывать на то, что они переживаютъ извѣстныя чувственныя состоянія. Для того, чтобы выражать извѣстные чувства, нѣтъ надобности въ какихъ-либо болѣе высокихъ умственныхъ способностяхъ, чѣмъ способность устанавливанія ассоціаций между извѣстными состояніями чувствъ и между ихъ выраженіемъ, т.-е. крикомъ, жестами и т. п. Между тѣмъ, какъ человѣческія слова, какъ мы видѣли, предполагаютъ употребленіе понятій, служатъ для обозначенія предметовъ единичныхъ или общихъ, языкъ животныхъ служитъ главнымъ образомъ для выраженія чувствъ.

Муравьи въ своей совмѣстной дѣятельности нуждаются въ томъ, чтобы обращать вниманіе при помощи ударовъ усиковъ, но это не есть выраженіе мыслей, а это есть выраженіе извѣстныхъ аффектовъ. По замѣчанію одного наблюдателя жизни муравьевъ: „Если муравей раньше нашелъ ароматично пахнущій предметъ, скажемъ жука изъ рода *Locustusa* и изслѣдовалъ его посредствомъ усиковъ, то нѣжныя пахучія вещества послѣдняго сохраняются на его усикахъ. Если теперь этотъ муравей подходитъ къ одному изъ сотоварищей и поколачиваетъ его голову своими усиками, при чемъ усики обоихъ муравьевъ перекре-

шиваются, то онъ можетъ передать приставшіе къ его усикамъ пахучія вещества усикамъ другого муравья и такимъ образомъ инстинктивно передать ему, какой предметъ слѣдуетъ искать ¹⁾. „Въ первой инстанціи удары усиками служатъ къ возбужденію вниманія и побужденію къ *подражанію* со стороны другихъ муравьевъ той же колоніи. Такимъ способомъ они выражаютъ инстинктивное побужденіе къ послѣдованію за собою. Во второй инстанціи опредѣленные удары усиками передаютъ также различныя состоянія чувствованія, напр.: воинственность, страхъ и т. д. Въ третьей инстанціи они обуславливаютъ передачу со товарищами опредѣленныхъ чувственныхъ впечатлѣній и при томъ преимущественно обонятельныхъ воспріятій другихъ муравьевъ; благодаря этому указательная способность сообщенія муравьевъ возвышается до высшей степени, какую мы можемъ встрѣтить у животныхъ, именно до указанія опредѣленныхъ объектовъ, представленіе о которыхъ возбуждается ударомъ усиками. Понятно само собою, что дѣло касается главнымъ образомъ или исключительно обонятельныхъ представленій“ ²⁾.

Одинъ наблюдатель говоритъ относительно обезьянъ слѣдующее: „Отдѣльные звуки употреблялись ими для обозначенія пищи, опасности, скуки, гнѣва, досады, но это не слова, а только лишь очень общія инстинктивныя реакціи“. Дженнисонъ говоритъ: „за четыре года работы съ обезьянами мы не могли отмѣтить ни одного звука, который не обозначалъ бы какихъ-нибудь отдѣльныхъ эмоцій, удовольствія, или страданія, гнѣва“.

Какъ было сказано выше, американецъ Гарнеръ старался доказать при помощи употребленія фонографа, что обезьяны говорятъ, т.-е. выражаютъ при помощи опредѣленныхъ звуковъ опредѣленныя мысли. Но на самомъ дѣлѣ внимательное чтеніе его книги приводитъ къ тому выводу,

¹⁾ *Vaschany*. Итоги сравнительной психологіи. Стр. 126—7.

²⁾ Тамъ же стр. 126, а также *Morgan*. Introduction to comparative Psychology 2-е изд., стр. 261 примѣч.

что обезьяны могут выражать только извѣстные чувства, и что тѣ звуки, которые онѣ произносятъ въ случаѣ переживания того или другого чувства, вызываютъ у другихъ обезьянъ, слышащихъ эти звуки, соотвѣтствующія чувства же. Языкъ обезьянъ служитъ по преимуществу для выраженія извѣстныхъ чувствъ.

Конечно, нельзя отрицать, что иногда въ крикахъ животныхъ есть указаніе на опредѣленный предметъ. Напр. предположимъ, что въ какомъ-нибудь стадѣ животныхъ появленіе льва выражаетъ опасность. Разумѣется въ такомъ случаѣ одинъ изъ членовъ этого стада будетъ издавать тревожный крикъ, предупреждающій объ опасности и приглашающій ихъ обращаться въ бѣгство. Этотъ крикъ можетъ обозначать опасность и страхъ, а равнымъ образомъ и представленіе единичнаго предмета, на этотъ разъ льва.

Говоря, что животныя могутъ обозначать только состояніе чувствъ, я имѣю въ виду тѣ случаи, когда дѣло идетъ о болѣе или менѣе произвольномъ выраженіи; вообще же представленіе единичныхъ предметовъ, какъ это мы увидимъ ниже, можетъ иногда ассоціироваться у нихъ съ извѣстными звуками.

Если мы примемъ въ соображеніе это обстоятельство, то мы легко объяснимъ вышеприведенный случай съ собакой, пригласившей для отмщенія. Очевидно, что она могла только подать другой собакѣ сигналъ: „пойдемъ со мною“ или что-нибудь въ этомъ родѣ. Та собака изъ *инстинкта подражанія* пошла, но куда, зачѣмъ, для какой цѣли—этого она знать не могла. Когда онѣ подошли къ обидчику, то первая собака произвела нападеніе, вторая изъ подражанія приняла участіе въ этомъ нападеніи.

Несомнѣнно, что животныя могутъ *сообщаться* другъ съ другомъ, но вѣдь мы говоримъ не о томъ, что животныя могутъ сообщаться, а о томъ, могутъ ли животныя употреблять *слова*, которыя являются замѣстителями, символами понятій. Большинство тѣхъ примѣровъ, которые обыкно-

венно приводятъ въ доказательство способности животныхъ сообщаться, доказываетъ, что у животныхъ есть знаки для извѣстныхъ чувствъ, ощущеній, представленій, имѣющихъ индивидуальный характеръ. Это есть выраженіе извѣстныхъ индивидуальныхъ душевныхъ состояній, но это не есть языкъ.

Можетъ быть, на это кто-нибудь возразитъ: у „животныхъ нѣтъ рѣчи, похожей на рѣчь человѣка потому, что у нихъ нѣтъ для этого соответствующихъ голосовыхъ средствъ“. На самомъ дѣлѣ это возраженіе было бы неправильно, потому что животныя, напр. обезьяны, попугаи могутъ произносить звуки, отличающіеся большимъ разнообразіемъ. Мы знаемъ, что нѣкоторыя птицы могутъ издавать членораздѣльные звуки и обладаютъ всѣми матеріальными условіями рѣчи. Такихъ птицъ много. Нѣкоторые находятъ, что если бы у животныхъ была способность выражать, т.-е. были бы соответствующія голосовыя средства, то они безспорно выразили бы тѣ общія представленія, которыя у нихъ на самомъ дѣлѣ есть. Въ этомъ смыслѣ можно было бы истолковать слѣдующіе опыты, которые произвелъ Леббокъ.

„Я взялъ, говоритъ Леббокъ, два куска картона (приблизительно 10 д.ХЗ) и на одномъ изъ нихъ напечаталъ большими буквами слово „пища“, а другой картонъ оставилъ чистымъ. Я положилъ тотъ и другой картонъ на чайныя блюдечки; въ одно изъ блюдечекъ, на которомъ находилась карточка съ надписью „пища“, я положилъ хлѣба съ молокомъ, который было предоставлено съѣсть моей собакѣ, по имени Ванъ, послѣ того какъ ея вниманіе было обращено на карточку. Это было повторено много разъ. Спустя десять дней, Ванъ сталъ отличать одну карточку отъ другой. Я затѣмъ бросилъ эти карточки на полъ и заставилъ его принести ихъ ко мнѣ. Это онъ сдѣлалъ довольно охотно. Когда онъ принесъ чистую карточку, то я просто бросилъ ее назадъ. Когда же онъ принесъ карточку съ надписью „пища“, то я далъ ему кусокъ хлѣба. По

истеченіи мѣсяца онъ довольно хорошо научился отличать разницу между этими двумя карточками. Я затѣмъ взялъ нѣсколько другихъ карточекъ, на которыхъ написалъ слова: „выйти“, „чай“, „вода“, „кость“ и т. п. Ванъ скоро понялъ, что принесеніе карточки означаетъ требованіе, и скоро научился дѣлать различіе между карточками, на которыхъ напечатано, и карточками, на которыхъ ничего не напечатано. Труднѣе было для него научиться различенію словъ, но постепенно онъ научился узнавать нѣкоторыя, какъ напр., пища, выйти, кость, чай и т. п. Если его спрашивали, хочетъ ли онъ итти гулять, то онъ радостно схватывалъ карточку съ надписью: „выйти“, выбирая ее изъ ряда другихъ, и приносилъ ко мнѣ или бѣжалъ съ ней съ очевиднымъ торжествомъ къ двери. Двѣнадцать карточекъ мною были разбросаны по полу, на одной было написано; пища, на другой чай и т. д. Оказалось, что изъ 113 разъ принесенія карточекъ собака принесла карточку съ надписью „пища“—80 разъ, съ надписью „чай“—31 разъ и только въ немногихъ изъ остающихся случаевъ она дѣлала ошибку¹⁾.

Когда этотъ случай былъ опубликованъ, то многіе были склонны утверждать, что собака настолько умное животное, что можетъ не только понимать слышимое, но понимать также по писанному. Но само собой разумѣется, что въ этомъ случаѣ и рѣчи быть не можетъ о пониманіи словъ въ смыслѣ символовъ. У него просто установилась извѣстная ассоціація между извѣстными душевными состояніями и извѣстными дѣйствіями. Эту ассоціацію совершенно нельзя истолковывать въ смыслѣ употребленія человѣческихъ понятій. Здѣсь совершенно такой же случай примѣненія ассоціаціи, когда собака хочетъ выйти гулять и визжитъ, для выраженія нетерпѣнія употребляетъ другой знакъ и т. д. Мы каждый день имѣемъ возможность наблюдать это явленіе и не удивляемся ему, не считаемъ его проявленіемъ какихъ-нибудь высшихъ способностей.

¹⁾ Цит. по Morgan'у Animal Life and Intelligence. 1891, стр. 345—7.

Итакъ, животныя не говорятъ и не говорятъ потому, что у нихъ нѣтъ общихъ представленій.

Нѣкоторые писатели думаютъ, что животныя могутъ употреблять общія представленія, что у нихъ есть родовые образы, которые въ извѣстномъ смыслѣ приближаются къ общимъ представленіямъ человѣка. „Я хотѣлъ бы указать на то, говорить одинъ знакомый Романэса, что слоны обладаютъ абстрактными идеями. Невозможно напримѣръ сомнѣваться въ томъ, что они доходятъ личнымъ опытомъ до *понятій* о твердости и вѣсѣ, и вотъ основанія, которыя меня привели къ этому мнѣнію. Послѣ того, какъ пойманный слонъ научился своимъ обыкновеннымъ обязанностямъ, его начинаютъ учить поднимать съ земли разныя вещи и подавать ихъ сидящему на спинѣ его жожаку. Первые мѣсяцы опасно заставлятъ слона поднимать что-нибудь твердое, онъ можетъ подавать только мягкія вещи, напр., одежду, потому что, подавая ихъ, онъ это дѣлаетъ нерѣдко съ большою силой. Но спустя нѣкоторое время, слонъ видимо научается опредѣлять характеръ подаваемыхъ имъ вещей; узелъ съ платьемъ онъ попрежнему кидаетъ рѣзкимъ движеніемъ, тяжелыя же вещи вродѣ лома или куска желѣзной цѣпи подаетъ тихонько. Я нарочно давалъ слонамъ поднимать такія вещи, которыхъ они не могли видѣть раньше; и изъ того, какъ они ихъ подавали, я вынесъ убѣжденіе, что имъ знакомы такія свойства, какъ твердость, острота и тяжесть ¹⁾.

Этотъ случай истолковывается такимъ образомъ, что слонъ имѣетъ общее представленіе: тяжести, твердости и т. п. Но на самомъ дѣлѣ для того, чтобы этотъ случай правильнаго пользованія вещами при ихъ поднятіи можно было объяснить, нѣтъ никакой надобности въ допущеніи способности образовывать общія представленія. Слонъ образовалъ извѣстныя ассоціаціи между зрительнымъ впечатлѣніемъ предметовъ и ихъ осязаемыми свойствами, т.-е. у

¹⁾ *Романэсъ*. Умъ животныхъ. Спб., 1888, стр. 409.

Вопросы философіи, кн. 91.

слона, воспринимающаго извѣстный зрительный образъ, устанавливается извѣстная ассоціація съ извѣстнымъ импульсомъ. Для одного случая нужно употребить одинъ импульсъ; для другого случая нужно употребить иной импульсъ—и этихъ ассоціацій совершенно достаточно для того, чтобы правильно обращаться съ поднятіемъ тяжелыхъ и легкихъ вещей. Образовывать же общее понятіе о тяжести, какъ о какомъ-то свойствѣ, которое мыслится независимо отъ тяжелыхъ вещей, нѣтъ никакой надобности, не говоря уже о томъ, что абстрагированіе предполагаетъ способности, которыя совсѣмъ не подь силу слону, какъ мы увидимъ ниже.

Наличность общихъ представленій у животныхъ, по мнѣнію Романэса, доказываетъ и слѣдующій случай. Одинъ изъ его попугаевъ подражалъ лаю живущей у него въ домѣ таксы. Затѣмъ этотъ лай сталъ для него звукомъ, при помощи котораго онъ хотѣлъ обозначить таксу. Это было, такъ сказать, собственное имя таксы, потому что, какъ только онъ видѣлъ таксу, то онъ тотчасъ же начиналъ лаять. Впослѣдствіи, когда какая либо чужая собака входила въ домъ, то онъ начиналъ лаять, но пересталъ лаять при видѣ своей таксы. Изъ этого Романэсъ дѣлаетъ выводъ, что попугай, отличая отдѣльныхъ индивидуумовъ, улавливалъ между ними сходство. Другими словами, для попугая имя данной собаки превратилось въ родовое имя для класса собакъ. Попугай совершилъ такимъ образомъ настоящее обобщеніе.

Мы имѣемъ здѣсь случай, который удивительно напоминаетъ возникновеніе родовыхъ образовъ у человѣка. Воспринимается рядъ сходныхъ предметовъ, усматривается въ нихъ нѣчто общее. Это общее соединяется въ одинъ родовой образъ и къ нему присоединяется слово.

Я далекъ отъ намѣренія утверждать, что животныя въ своемъ мышленіи пользуются только представленіями единичныхъ вещей: они, весьма вѣроятно, употребляютъ и классовыя представленія, но *эти классовыя представленія нахо-*

дятся въ зачаточной ступени и очень существенными чертами отличаются отъ понятій человѣка.

Очень достовѣрный наблюдатель, Гобгаузъ ¹⁾, утверждаетъ, что животныя обнаруживаютъ способность употреблять классовыя представленія. Обезьяна, которую онъ наблюдалъ и которую звали Джимми, относилась очень дружески къ мужчинамъ и систематически избѣгала женщинъ и дѣтей. Слѣдовательно, люди не представляли для нея чего-либо не различимаго. Животныя безспорно относятся въ одинъ классъ предметы, сходные между собою ²⁾.

Но если такъ, то значить животныя мыслятъ въ понятіяхъ, значить животныя разумны?

Нѣтъ, есть огромное различіе между тѣми классовыми понятіями, которыя могутъ имѣть животныя, и между понятіями человѣка. Животныя обладаютъ способностью схватить предметъ, какъ цѣлое, состоящее изъ различныхъ элементовъ, но тѣмъ не менѣе никакъ нельзя сказать, что они обладаютъ способностью образованія понятій въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы это говоримъ относительно человѣка.

Различіе заключается въ томъ, что у животныхъ этотъ процессъ совершается *пассивно*, животное не обнаруживаетъ активности, оно не анализируетъ тѣхъ представленій, съ которыми оно оперируетъ. Когда человѣкъ образуетъ понятія, то онъ *анализируетъ*, разлагаетъ представленія на отдѣльныя составныя части и отождествляетъ ихъ съ другими представленіями того же класса. Слѣдовательно, на каждый элементъ того или другого представленія обращается *вниманіе*. При помощи анализа извѣстное свойство выдѣляется изъ ряда другихъ и мыслится отдѣльно отъ предмета, къ которому оно принадлежитъ. Благодаря этому

¹⁾ *Hobhouse. Mind in Evolution, 1901, стр. 220.*

²⁾ Могу обратить вниманіе на слѣд. случаи, которые навѣрное многіе наблюдали. Нѣкоторыя собаки лаятъ всегда, если во дворъ входитъ кто либо чужой. Другія собаки дѣлаютъ различіе между чужими, входящими во дворъ. Такъ онѣ лаятъ только на нищихъ, оставляя безъ вниманія другихъ лицъ. Слѣд. возможно, что какое-то зачаточное общее представленіе у нихъ имѣется.

послѣднему обстоятельству мы при помощи слова можемъ выразить нѣчто, чего *нѣтъ въ воспріятіи*. Мы можемъ думать о качествѣ „свѣдობности“ въ то время, когда нѣтъ налицо предмета, которому было бы присуще это свойство. Животное можетъ думать о *свѣдობныхъ предметахъ*, но не можетъ думать о *свѣдობности*. Животное можетъ думать о тяжелыхъ вещахъ, но не можетъ думать о тяжести. Между тѣмъ всѣ наши понятія, которыя связаны со словами, именно таковы, что они складываются изъ этихъ отвлеченныхъ свойствъ. То обстоятельство, что мы можемъ думать о свойствахъ предмета, котораго нѣтъ налицо въ данный моментъ, созидаетъ огромное различіе между мышленіемъ человѣка и мышленіемъ животныхъ. Для поясненія этого возьмемъ примѣръ. Обезьяна, которую наблюдалъ Гобгаузъ, сдѣлала сама ключъ, откусывая кусокъ дерева до тѣхъ поръ, пока онъ не сталъ входить въ замочную скважину. Предположимъ, что обезьяна пожелала бы сообщить секретъ своего открытія другимъ обезьянамъ. Спрашивается, какія должны быть для этого осуществлены условія? Для этого обезьяна должна обладать рядомъ словъ, служащихъ для обозначенія ряда свойствъ, которыя мыслятся отвлеченно, абстрактно, отдѣльно отъ самихъ предметовъ. Эти свойства должны комбинироваться другъ съ другомъ. Другія же обезьяны, слушательницы разсказа, должны были бы имѣть въ запасѣ слова, соотвѣтствующія тѣмъ же абстрактно-мыслимымъ идеямъ. Только при такихъ условіяхъ онѣ были бы въ состояніи слѣдить за разсказомъ. Такъ какъ этого быть не можетъ, то ясно, что животныя не имѣютъ отвлеченныхъ понятій. Съ тѣми зачаточными родовыми образами, которые имѣютъ въ своемъ распоряженіи животныя, они не могутъ дойти до возможности сообщенія своихъ мыслей. Для этого послѣдняго нужны абстрактныя родовыя понятія. Это значить, что у нихъ нѣтъ понятій, а слѣдовательно, и нѣтъ разумнаго мышленія.

Это послѣднее утвержденіе сдѣлается еще болѣе яснымъ, если мы разсмотримъ тѣ случаи, которые могутъ быть

истолкованы въ томъ смыслѣ, что животныя обладаютъ способностью умозаключенія. Ллойдъ Морганъ ¹⁾ рассказываетъ слѣдующее Черные дрозды, которые гнѣздились возлѣ одного дома, обыкновенно издавали тревожные крики, когда появлялась кошка. Собака такса, какъ только услышитъ эти крики, тотчасъ бросается въ садъ, рассчитывая получить удовольствіе отъ созерцанія преслѣдованій со стороны кошки. Этотъ случай многіе, можетъ быть, думали бы объяснять, какъ проявленіе животнаго разума, между тѣмъ, какъ объясненіе, при помощи простой ассоціаціи является самымъ простымъ, естественнымъ. Въ умѣ собаки тревожные крики дроздовъ такъ ассоціировались съ видомъ кошки, преслѣдующей птицъ, что появленіе однихъ только звуковъ тотчасъ же дополнялось благодаря ассоціаціи по смежности. Это есть то, что мы назвали конкретнымъ выводомъ, но онъ не имѣетъ ничего общаго съ процессомъ умозаключенія въ собственномъ смыслѣ. Въ этомъ выводѣ нѣтъ основнаго признака настоящаго умозаключенія, именно общаго предложенія.

Возьмемъ другой примѣръ того же автора. „Собака видитъ, какъ ея хозяинъ спускается по лѣстницѣ въ черномъ фракѣ и наблюдаетъ за нимъ, какъ онъ надѣваетъ цилиндръ и беретъ въ руки перчатки. Въ этомъ случаѣ собака совершенно спокойна, но если хозяинъ спускается въ повседневномъ сюртукѣ, то собака становится тотчасъ веселой, а если онъ надѣваетъ поярковую шляпу, то радость собаки не знаетъ границъ“ ²⁾. Съ какимъ умственнымъ процессомъ мы имѣемъ дѣло? Вы скажете—съ умозаключеніемъ. Тогда я прибавлю: съ тѣмъ типомъ умозаключенія, который мы условились называть конкретнымъ выводомъ. Для собаки поярковая шляпа и повседневный сюртукъ такъ ассоціировались съ представленіемъ прогулки, что одно представленіе не можетъ возникнуть безъ того, чтобы не воз-

¹⁾ Animal Behaviour., 1900, стр. 197.

²⁾ Цит. у Вассмана.

никало другое. Если бы мы сказали: да, это есть настоящее умозаключеніе, то мы подставили бы свои собственныя мысли: „для того, чтобы идти въ гости, надо надѣть черный сюртукъ или фракъ, надѣть цилиндръ и т. п.“. Но, что въ умѣ собаки не можетъ быть мыслей такого рода, въ этомъ едва ли кто-нибудь станетъ сомнѣваться.

Обыкновенно въ доказательство разумности животныхъ приводятся тѣ случаи, когда ими обнаруживается умѣніе совершать какія-нибудь *сложныя движенія*, напр., приподнимать щеколду дверей для того, чтобы открыть эту послѣднюю и т. п. Но эти умѣнія могутъ быть объяснены безъ допущенія способности умозаключенія.

Американскій ученый *Торндайкъ* ¹⁾ производилъ опыты надъ обезьянами, собаками и кошками для того, чтобы убѣдиться въ томъ, могутъ ли онѣ самостоятельно, путемъ умозаключенія, доходить до нахождения способа, какимъ можно было бы открывать дверцы. Для этого онъ, напри- мѣръ, запиралъ ихъ въ клѣтку съ особымъ затворомъ: внѣ клѣтки находилась пища. Животное должно было догадаться, какъ открыть дверцу, чтобы выйти изъ клѣтки. Изъ его наблюдений оказывается, что животныя тогда только научаются открывать дверцу, когда *случайно нападаютъ на совершеніе соответствующаго движенія*. Но сами догадаться не могутъ. Если имъ показывать, какъ открывается дверца, то это обыкновенно не помогаетъ. Не помогаетъ также, если они видятъ, что другое животное совершаетъ нужное въ этомъ случаѣ движеніе. Они научаются только тогда, если сами случайно нападаютъ на совершеніе того или другого движенія. То же самое подтверждается наблюдениемъ, которое приводитъ Морганъ. Его собака очень любила выглядывать на улицу черезъ рѣшетку забора или черезъ рѣшетку калитки, но не могла догадаться открыть дверь, хотя много разъ видѣла, какъ дверь открывается хозяиномъ. Но вотъ однажды она слу-

¹⁾ См. *Hobhouse. Mind in Evolution. Гл. VII.*

чайно просунула голову въ то мѣсто, которое приходилось подъ щеколдой. Дверь распахнулась и собака вышла на улицу. Послѣ этого Морганъ каждый разъ, когда выходилъ съ нею гулять, не открывалъ дверей, но старался, чтобы собака сама догадалась поднять щеколду. Это продолжалось почти двѣнадцать разъ. Собака все еще продѣлывала бесплодныя усилія: она просовывала голову въ ненадлежащее мѣсто, пока наконецъ не научилась продѣлывать это безошибочно. Этотъ примѣръ самымъ явственнымъ образомъ показываетъ, что собака совершенно случайно набрела на способъ открыванія дверцы, и что это открываніе представляетъ собою простую ассоціативную связь. Но если бы этотъ случай, или вѣрнѣе генезисъ его не наблюдалъ такой опытный наблюдатель, какъ Морганъ, то этотъ результатъ приписали бы способности самостоятельно изобрѣтать тѣ или другія механическія сложныя дѣйствія.

Таково происхожденіе большинства тѣхъ сложныхъ движеній, которыя могутъ совершать животныя. Я говорю: *большинства*, потому что въ нѣкоторыхъ случаяхъ бесспорно животныя могутъ обнаруживать способность самостоятельной комбинаціи. Наблюденія англійскаго психолога Гобгауза показали, что животныя въ процессѣ обученія не только пользуются случайными ассоціаціями, но часто комбинируютъ тѣ или другія ассоціаціи. Напримѣръ, животное узнало, что движеніе А служитъ для достиженія цѣли В. Въ другомъ случаѣ оно узнало, что дѣйствіе В служитъ для достиженія цѣли С. Если бы животное было способно только механически воспроизводить то, что оно воспринимаетъ, то оно могло бы или совершать только движеніе А, или только движеніе В, но оно ихъ комбинируетъ, т.-е. производитъ движеніе А, чтобы достигнуть цѣли В, при помощи которой достигается цѣль С. Такое дѣйствіе Гобгаузъ называетъ „практическимъ сужденіемъ“. Этотъ авторъ рѣшительно оспариваетъ мнѣніе тѣхъ, которые думали, что животныя могутъ производить только тѣ движенія, на совершеніе которыхъ они случайно нападаютъ. По его

мнѣнію, они самостоятельно могутъ изобрѣтать извѣстныя комбинаціи движеній. Его мнѣніе пріобрѣтаетъ особенную цѣну потому, что онъ его доказываетъ при помощи многочисленныхъ данныхъ экспериментальнаго характера, причемъ эти эксперименты онъ самъ производилъ. Но, тѣмъ не менѣе, онъ совершенно отрицаетъ пользованіе понятіями, т. - е. отрицаетъ у животныхъ наличность разума мышленія ¹⁾.

Только что разсмотрѣнные примѣры показываютъ, что всѣ обнаруженія мыслительной дѣятельности животныхъ могутъ быть объяснены безъ допущенія какихъ-либо болѣе высокихъ умственныхъ способностей, чѣмъ ассоціація, конкретный выводъ и т. п. Но животныя не обладаютъ способностью разума мышленія, потому что у нихъ нѣтъ общихъ представленій. Всѣ тѣ случаи, которые мы анализировали, показываютъ, что они могутъ обходиться безъ общихъ представленій, а если у нихъ нѣтъ общихъ представленій, то значить у нихъ нѣтъ и разума мышленія, нѣтъ разума. Если бы у нихъ были общія представленія, то они нуждались бы въ символахъ для выраженія ихъ, т.-е. въ словахъ; а такъ какъ они ихъ не имѣютъ, то они и не нуждаются въ словахъ. Въ самомъ дѣлѣ, обращаясь къ человѣческой психологіи, спросимъ, для чего служить языкъ. Былъ ли бы онъ нуженъ, если бы у человѣка не было общихъ представленій? Всякій согласится, что если бы у человѣка не было общихъ представленій, то языкъ въ человѣческомъ смыслѣ совершенно не былъ бы нуженъ. Если бы намъ нужно было только выражать, что намъ „холодно“, что намъ „жарко“, что намъ „страшно“, то намъ было бы совершенно достаточно, если бы мы для выраженія ихъ пользовались только нечленораздѣльными криками.

У животныхъ нѣтъ языка, потому что онъ имъ не нуженъ. То, что есть у животныхъ, это собственно есть не языкъ въ человѣческомъ смыслѣ, а только выраженіе чувствъ, или въ рѣдкихъ случаяхъ обозначеніе индивидуальныхъ пред-

¹⁾ См. его Mind in Evolution. Гл. VIII.

метовъ. Такой языкъ мы находимъ въ душевной жизни ребенка на той стадіи развитія, когда онъ выражаетъ свои чувства при помощи нечленораздѣльныхъ криковъ.

У животныхъ нѣтъ рѣчи потому, что она имъ не нужна. У животныхъ нѣтъ разумнаго мышленія, нѣтъ разума.

Я убѣжденъ, что тѣ аргументы, которые я привелъ въ доказательство того, что у животныхъ нѣтъ разума, т.-е. нѣтъ мышленія въ понятіяхъ, для многихъ не покажутся убѣдительными и навѣрное многіе сдѣлаютъ попытку привести примѣры, которые показываютъ, что у животныхъ есть разумъ. Чтобы предупредить это, я самъ приведу примѣръ, который могъ бы быть истолкованъ въ томъ смыслѣ, что у животныхъ есть умственные способности, аналогичныя высшимъ умственнымъ способностямъ человѣка.

Въ Берлинѣ была лошадь, которая такъ поражала всѣхъ своимъ умомъ, что получила прозвище „Умнаго Ганса“. Говорить умный Гансъ, конечно, не могъ, но средствомъ сообщенія для него служило выстукиваніе переднимъ копытомъ. „Да“ или „нѣтъ“ онъ выражалъ посредствомъ опусканія головы внизъ, или киваніемъ головы изъ стороны въ сторону. Лошадь считала очень хорошо. Она могла пересчитать, сколько лицъ присутствуетъ въ данное время; сколько изъ нихъ мужчинъ, сколько дамъ, сколько лицъ въ шляпѣ, сколько въ пенсвэ, сколько зонтиковъ. Умный Гансъ умѣетъ не только считать, но и вычислять. Четыре дѣйствія онъ знаетъ прекрасно. Обыкновенныя дроби онъ превращаетъ въ десятичныя, производитъ операціи съ дробями. Напримѣръ, его спрашиваютъ, сколько будетъ $\frac{2}{5} + \frac{1}{2}$ — отвѣтъ $\frac{9}{10}$, при чемъ выстукивается отдѣльно числитель и знаменатель. Гансу задаютъ такую задачу: „Я задумалъ число. Если изъ этого числа вычесть 9, то останется 3. Какое число я задумалъ?“ Отвѣтъ выстукивается 12. На какія числа дѣлится 28? Отвѣтъ—на 2, 4, 7, 14, 28. Въ числѣ 36528,7149 поставлена запятая; сколько у насъ получается сотенъ? Отвѣтъ—5. Сколько десятитысячныхъ? Отвѣтъ—9.

Онъ можетъ читать, выстукивая буквы по особо составленной таблицѣ. Именно, въ этой таблицѣ каждая буква занимаетъ опредѣленное мѣсто въ горизонтальной и вертикальной колоннѣ. Гансъ могъ повторить фразу: „Мостъ и дорога заняты неприятелемъ“ на другой день, выстукавши 58 цифръ, соотвѣствующихъ буквамъ этой фразы.

Гансъ обладаетъ музыкальнымъ талантомъ. Такъ, напр., онъ можетъ опредѣлять абсолютную высоту тоновъ; обладаетъ способностью опредѣлять интервалы. Когда передъ нимъ проиграли тоны *сde*, то на вопросъ, звучитъ ли это хорошо, онъ отвѣтилъ отрицательно. На вопросъ, что же нужно выбросить, чтобы звучало хорошо, онъ стукнулъ два раза и этимъ указалъ на то, что второй тонъ нужно выбросить. Когда передъ нимъ проиграли аккордъ септиму *dfac*, то онъ не одобрилъ этотъ аккордъ и показалъ, что нужно отбросить тонъ *c* и тогда получится пріятное созвучіе. „Такимъ образомъ,—заключаетъ одинъ наблюдатель,—Гансъ самостоятельно мыслить, комбинируетъ, выводитъ умозаключенія и поступаетъ сообразно этому“ ¹⁾.

Эта лошадь вызвала огромную сенсацію въ Берлинѣ. Умственные способности лошади оказались такъ значительны, что сначала заподозрили, что владѣтель лошади прибѣгаетъ къ какому-нибудь фокусу, т.-е. употребляетъ условные знаки, которые помогаютъ лошади давать точные отвѣты. Но комиссія изъ различныхъ лицъ, между которыми были ученые и специалисты по дрессировкѣ лошадей, тщательно изслѣдовавъ этотъ случай, нашла, что со стороны владѣльца не было употребляемо никакихъ средствъ. Но то, что дѣлалъ Гансъ, было такъ необычайно, что обратило вниманіе даже многихъ ученыхъ. Давались всевозможныя объясненія до включенія „психофизической эманации“, т.-е. предполагали, что происходитъ „непосредственная передача мыслей отъ владѣльца ло-

¹⁾ Подробное описаніе см. въ книгѣ *Oscar Pfungsl. Das Pferd des Herrn Von Osten (Der Kluge Hans) 1907.*

шади“. Многие натуралисты, среди нихъ Шиллингъ, Швейнфуртъ, извѣстный путешественникъ по Африкѣ, знаменитый зоологъ Меблусъ и другіе, увѣровали въ то, что лошадь обладаетъ способностью разумнаго мышленія. Но дѣйствительно ли мы въ этомъ случаѣ имѣемъ дѣло съ способностью умозаключенія? Можно было съ увѣренностью утверждать, что нѣтъ.

Когда профессоръ психологіи берлинскаго университета Карль Штумпфъ вмѣстѣ со своимъ ассистентомъ Оскаромъ Пфунгстомъ произвели тщательное изслѣдованіе, то оказалось, что лошадь не умѣетъ ни считать, ни читать, но что она обладаетъ той особенностью, что улавливаетъ мельчайшія движенія, которыя дѣлаетъ лицо, производящее экспериментъ, совершенно безсознательно, незамѣтно для самого себя. Лошадь прослѣживала мельчайшія движенія, которыя совершалъ владѣлецъ лошади, задававшій ей вопросы. Со стороны послѣдняго это не было обманомъ, но было бесспорно самообманомъ. Лошадь производила то, что обыкновенно называется „чтеніемъ мысли“, но ничего подобнаго тому, что называется разумнымъ мышленіемъ, у лошади не было. Если рѣшеніе задачи не было извѣстно тому лицу, которое задавало задачу Гансу, то Гансъ не могъ давать отвѣтовъ. Если надѣвали большіе наглазники, не дававшіе Гансу возможности видѣть тѣхъ лицъ, которыя знали рѣшеніе задачи, то Гансъ не могъ ничего отвѣтить, или отвѣчалъ невпопадъ. Такимъ образомъ ясно, что рѣшеніе задачъ Гансомъ находилось въ зависимости отъ воспріятія тѣхъ незамѣтныхъ движеній, которыя производитъ лицо, задающее вопросъ. Сама по себѣ лошадь не умѣла ни считать, ни различать буквъ и т. п. Можно вполнѣ присоединиться къ тому замѣчанію, которое по этому поводу дѣлаетъ Штумпфъ. Онъ ставитъ весьма высоко заслугу владѣльца лошади, Остена, но все же „безпримѣрное терпѣніе Остена не могло вызвать въ теченіе четырехлѣтней работы никакого слѣда мышленія при помощи понятій“.

Теперь мы имѣемъ достаточно данныхъ для того, чтобы сказать, какого рода умственные процессы присущи уму животнаго. Хотя на первый взглядъ и кажется, что животныя умозаключаютъ, но на самомъ дѣлѣ это не есть умозаключеніе въ собственномъ смыслѣ. У нихъ безспорно существуетъ налицо одинъ видъ вывода, который мы назвали конкретнымъ выводомъ, т.-е. дополненіемъ чувственного опыта путемъ ассоціаціи. О наличности этого вывода мы судимъ потому, что дѣйствованія животныхъ основаны на ассоціаціи представлений. Они не обладаютъ способностью умозаключенія въ собственномъ смыслѣ; они мыслятъ не въ понятіяхъ, имъ въ этомъ смыслѣ не присуще разумное познаніе. У нихъ нѣтъ разума.

Но допустимъ, что наше предположеніе справедливо: именно, что у животныхъ нѣтъ разумаго мышленія. Какіе изъ этого мы можемъ сдѣлать выводы относительно другихъ сторонъ душевной дѣятельности животныхъ? Необходимымъ послѣдствіемъ этого было бы отсутствіе у нихъ понятія личности. Вѣдь для того, чтобы имѣть понятіе вообще, необходимо сравненіе ряда представлений. Если понятія отсутствуютъ, именно вслѣдствіе того, что у нихъ отсутствуетъ способность сравненія представлений, а для установленія понятія личности необходимо сравненіе представлений, то ясно, что у нихъ не можетъ быть понятія личности. Если нѣтъ понятія своей личности, то не можетъ быть понятія личности и другихъ. Если же нѣтъ понятія личности, то у нихъ необходимо отсутствуетъ также понятіе долга, моральнаго чувства, такъ какъ всѣ эти понятія предполагаютъ именно понятіе личности. У нихъ нѣтъ свободы воли, нѣтъ моральной отвѣтственности. Такимъ образомъ животное, какъ социальное существо, является со-всѣмъ не въ томъ видѣ, въ какомъ является человѣкъ.

Наличность только такихъ умственныхъ способностей, какъ ассоціація, конкретный выводъ и т. п., ясно указываетъ на то, что животное живетъ исключительно настоящимъ. Вслѣдствіе того, что память животнаго вообще

очень незначительна, у него нѣтъ прошлаго: оно прошлаго не связываетъ съ настоящимъ. Отсутствие представленія личности производитъ то, что у него нѣтъ центра, къ которому относятся всѣ ощущенія. Міръ не представляется ему находящимся въ единомъ пространствѣ, и событія не представляются ему протекающими въ единомъ времени.

Намъ трудно представить себѣ, какова можетъ быть душевная жизнь у такихъ существъ. Нѣкоторое представление, однако, мы можемъ получить, если скажемъ, что протеканіе ихъ душевной жизни есть нѣчто вродѣ состоянія сновидѣнія. Какъ человѣкъ въ состояніи сна переживаетъ отдѣльныя состоянія, не связанныя съ точнымъ представленіемъ личности, не сводимыя въ одно цѣлое, такъ и душевная жизнь большинства животныхъ протекаетъ приблизительно такъ. У животнаго проносится та или иная потребность, удовлетвореніе той или иной потребности. Но всѣ эти смѣны потребностей не связаны въ одно цѣлое. Смѣна душевныхъ явленій животнаго похожа на смѣну образовъ въ нашихъ сновидѣніяхъ.

Такимъ образомъ мы видимъ, что между умомъ животнаго и человѣка есть очень существенное различіе. Человѣкъ мыслить при помощи понятій, при помощи символовъ; животное лишено этой способности. Спрашивается, можно ли это различіе назвать *специфическимъ*? Если же признать различіе между умомъ человѣка и животныхъ, то можно ли допустить, что изъ ума животныхъ путемъ развитія получится умъ человѣческой. Различіе между умомъ животныхъ и умомъ человѣка, на мой взглядъ, нельзя назвать специфическимъ. Я готовъ допустить, что между ними нѣтъ качественного различія, а только лишь количественное. Можно также допустить, что изъ ума животныхъ, путемъ развитія можетъ получиться умъ человѣка, но тѣмъ не менѣе различіе между умомъ человѣка и животныхъ такъ необычайно велико, что между ними лежитъ цѣлая пропасть.

Я убѣжденъ, что многіе съ трудомъ согласятся со мною, что животныя мыслятъ совсѣмъ не такъ, какъ мыслимъ мы.

Какъ относительно тѣхъ существъ, къ которымъ мы привыкли съ дѣтства, къ которымъ мы часто бываемъ такъ привязаны, которыя съ своей стороны къ намъ обнаруживаютъ такую привязанность, можно было бы сказать, что они такъ сильно отличаются отъ насъ? Я именно утверждаю, что ихъ психическій міръ совершенно отличается отъ нашего. Свыкнуться съ этой мыслью трудно, но именно оттого, что большинство людей въ своихъ сужденіяхъ пользуется популярной терминологіей и поэтому такой огромный міръ, такая огромная часть дѣйствительности въ ихъ глазахъ представляется имъ въ совершенно ложномъ свѣтѣ. Животныя на самомъ дѣлѣ совсѣмъ не таковы, какъ мы о нихъ думаемъ въ обиходной жизни. Пусть обычное представленіе о нихъ остается въ басняхъ, сказкахъ, разсказахъ для дѣтей. Для художественныхъ цѣлей это можетъ быть очень хорошо. Но какъ только умъ животныхъ мы дѣлаемъ предметомъ научнаго обсужденія, какъ явленія имѣющаго значеніе для нашего міросозерцанія, то мы должны пользоваться только научной психологической терминологіей. А для этого нужно изучать психологію.

„Нѣтъ, какъ разъ наоборотъ“, скажутъ мнѣ. „Если вы желаете строить научную психологію, то пользуйтесь тѣмъ *научнымъ* матеріаломъ, который вамъ представляетъ наблюденіе надъ психической жизнью животныхъ“... Я утверждаю обратное. Мы никогда не выйдемъ за предѣлы тѣхъ ненаучныхъ описаній, какія мы имѣемъ въ сочиненіяхъ Брема, Бюхнера и др., если не будемъ пользоваться правильной научной терминологіей. Натуралистъ, любитель жизни животныхъ, долженъ ознакомиться съ научной психологіей прежде, чѣмъ приступитъ къ описанію психической жизни животныхъ. Если кто-нибудь занимается изученіемъ душевной жизни животныхъ, пусть прерветъ на время свои занятія и займется тщательнымъ изученіемъ психологіи и только послѣ этого продолжаетъ свои наблюденія и описанія. Описанія умственной жизни животныхъ, часто представляющія продуктъ добросовѣстной работы,

превращаются въ никуда непригодный матеріалъ при свѣтѣ современныхъ научно-психологическихъ понятій. Я убѣжденъ, пройдетъ два, три десятка лѣтъ, и послѣдующія поколѣнія будутъ читать описанія душевной жизни животныхъ у Брема, Бюхнера и другихъ съ той иронической усмѣшкой, съ какой мы въ настоящее время читаемъ фантастическія описанія средневѣковыхъ географовъ. Вотъ отчего я позволяю себѣ утверждать, что зоопсихологія сдѣлается наукой только тогда, когда въ ея основу будетъ положена теоретическая психологія.

Г. Челпановъ.

Кризисъ современнаго правосознанія ¹⁾.

IX.

Испытаніе, которому долженъ быть подвергнутъ референдумъ съ установленной нами точки зрѣнія, идетъ, конечно, глубже и далѣе, чѣмъ изученіе его относительныхъ преимуществъ по сравненію съ парламентаризмомъ. Вопросъ ставится въ данномъ случаѣ не о томъ, насколько референдумъ расширяетъ кругъ лицъ, непосредственно участвующихъ въ законодательствѣ, а о томъ, является ли онъ средствомъ, способнымъ обезпечить господство общей воли, безспорной и непререкаемой для всѣхъ. И какъ только мы ставимъ вопросъ на эту болѣе углубленную точку зрѣнія, передъ нами снова поднимаются прежнія сомнѣнія. Конечно, народное законодательство, народная инициатива, все это ближе вводитъ народныя массы въ политическую область и съ болѣею непосредственностью обнаруживаетъ народную волю. Но сама народная воля становится ли отъ этого яснѣе и опредѣленнѣе? Общественное мнѣніе утрачиваетъ ли свою обычную пассивность и зависимость отъ немногихъ активныхъ руководителей? Въ образованіи законовъ участвуютъ ли здѣсь дѣйствительно всѣ и являются ли законы результатомъ общаго единодушія, при которомъ всѣ повинуются тому, что они сами постановили?—Если бы на всѣ эти вопросы можно было отвѣтить утвердительно, для сторонниковъ народнаго суверенитета это было бы по-

¹⁾ „Вопр. Фил. и Псих.“, кн. 90.

истинѣ счастливымъ разрѣшеніемъ старыхъ ожиданій, когда пришло время воскликнуть: „нынѣ отпускаеши!..“ Но достаточно поставить указанные вопросы, чтобы видѣть, что мечта остается мечтою, а практика жизни сурово и упорно стоитъ на неизмѣнности естественныхъ соотношеній. Мы не сказали бы, однако, ничего существеннаго по этому вопросу, если бы ограничились одними отвлеченными утверженіями, не постаравшись провѣрить ихъ на фактахъ. Въ настоящее время мы во всякомъ случаѣ располагаемъ достаточнымъ матеріаломъ, чтобы сдѣлать опредѣленные заключенія о томъ новомъ средствѣ спасенія отъ первородныхъ грѣховъ политики, какимъ для многихъ представляется референдумъ.

Но прежде чѣмъ говорить о слабыхъ сторонахъ референдума, воздадимъ должное его преимуществамъ, засвидѣтельствованнымъ отзывами авторитетныхъ наблюдателей и судей ¹⁾.

Одинъ изъ самыхъ безпристрастныхъ изслѣдователей референдума и вмѣстѣ съ тѣмъ близкій свидѣтель его дѣйствія въ Швейцаріи Курти ²⁾, оцѣнивая результаты его примѣ-

¹⁾ Я долженъ здѣсь принести благодарность С. И. Живаго, специально изучавшему швейцарскій государственный строй, за то, что онъ предоставилъ въ мое распоряженіе рядъ цѣнныхъ брошюръ и диссертаций по вопросу о референдумѣ и среди нихъ въ особенности брошюру швейцарскаго политика Штюсси, которая при своемъ выдающемся значеніи въ литературѣ предмета даже въ Швейцаріи добывается съ трудомъ и случайно. Среди швейцарскихъ писателей приводимое нами ниже въ текстѣ мнѣніе Курти несомнѣнно является преобладающимъ. Если надо указать и противоположную точку зрѣнія, то она, конечно, всего обстоятельнѣе развита въ обширномъ сочиненіи Signorel, *Étude de législation comparée sur le referendum législatif et les autres formes de participation directe des citoyens à l'exercice du pouvoir législatif*. Paris, 1896. См. особенно pp. 62 et suiv., pp. 367 et suiv., pp. 402 et suiv. Слишкомъ страстное отношеніе къ предмету наложило свою печать на интересный трудъ Синьёреля, носящій на себѣ безусловно слѣды тенденціозности.

²⁾ Безпристрастіе и объективность Курти въ цитируемомъ сочиненіи засвидѣтельствованы такимъ авторитетнымъ писателемъ, какъ Numa Droz, въ статьѣ: „La démocratie et son avenir“ („Bibliothèque universelle et Revue suisse“. Т. XVI (1882). P. 388). Ср. собственные заключенія Numa Droz, pp. 409—415.

ненія, говорить между прочимъ: „онъ является политической школой для народа и, слѣдовательно, средствомъ культурнаго развитія первостепенной важности. Гдѣ дѣйствуетъ референдумъ, тамъ всѣ классы населенія занимаются государствомъ и его задачами... Народъ нашего времени не хочетъ быть *misera contribuens plebs*. Онъ не хочетъ ждать, пока его признаютъ зрѣлымъ и способнымъ примѣнять болѣе обширныя права. Онъ прекрасно понимаетъ, что этой зрѣлости за нимъ бы еще долго не признали и что старанія дать ему надлежащее образованіе были бы не особенно велики. Тѣмъ лучше, что онъ самъ вступаетъ въ свои права: они именно дадутъ ему образованіе и воспитаніе, слѣлаютъ его экономически независимымъ и духовно свободнымъ. Референдумъ оказался чрезвычайно полезнымъ для законодательства и всей жизни тѣмъ, что онъ доставилъ больше вліянія на нихъ общественному мнѣнію и всеобщей волѣ: вѣдь представительныя учрежденія вездѣ, гдѣ только они могутъ дѣйствовать самовластно, слишкомъ склонны превращаться въ особое сословіе, въ касту, которая вмѣсто общественныхъ интересовъ блюдетъ лишь свои собственные. Народныя голосованія референдума напоминаютъ парламентаріямъ объ ихъ обязанностяхъ; они заставляютъ ихъ искать сближенія съ народомъ“¹⁾. Если сопоставить съ этимъ

¹⁾ Курти, „Исторія народнаго законодательства и демократіи въ Швейцаріи“ Русск. пер. Спб., 1900, стр. 238. (На нѣмецкомъ языкѣ заглавіе этого сочиненія таково: Curti, Geschichte der schweizerischen Volksgesetzgebung. Zweite Aufl. Zürich, 1885. Къ русскому переводу сочиненія Курти приложена и болѣе поздняя его статья „Результаты швейцарскаго референдума“, что дѣлаетъ русское изданіе болѣе полнымъ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи я вездѣ ссылаюсь на русскій переводъ, сдѣланный г. Львовичемъ, лишь иногда исправляя въ немъ совершенно неудачныя выраженія, вродѣ непонятнаго термина „державность“, который употребляется г. Львовичемъ вмѣсто „верховенство“ или „суверенитетъ“).— Съ приведеннымъ въ текстѣ отзывомъ Курти вполне согласуется мнѣніе Stüssi, Referendum und Initiative im Kanton Zürich. Norgen, 1886. s. 77: „Интересъ гражданъ къ государственнымъ дѣламъ сталъ значительно выше, чѣмъ прежде; необходимымъ послѣдствіемъ этого является пробуждающееся пониманіе этихъ дѣлъ, развитіе настоящаго гражданскаго смысла, чувства взаимной отвѣтственности за благо цѣлаго и всеобщей солидарности. Политическое образованіе есть часть общаго образованія, и

заключеніемъ практическаго политика почти восторженный отзывъ ученаго юриста Іеллинека ¹⁾ и высокую оцѣнку референдума у Дайси ²⁾, мы получимъ цѣлый рядъ компетентныхъ свидѣтельствъ, тѣмъ болѣе убѣдительныхъ, что они исходятъ изъ столь различныхъ источниковъ. Безпристрастно взвѣсивая всѣ эти отзывы и изучая развитіе референдума въ Швейцаріи и Соединенныхъ Штатахъ С. Америки, мы приходимъ къ выводу, что это есть именно та форма выраженія народной воли, которой принадлежитъ будущее и которая идетъ если не на смѣну, то въ подкрѣпленіе существующимъ формамъ. Въ особенности развитіе референдума въ Швейцаріи показываетъ, что идея народнаго законодательства въ демократическихъ государствахъ входитъ въ жизнь съ нѣкоторой стихійной силой, побѣждающей всѣ препятствія и возраженія. Примѣры Фатіо и Мишели въ Женевѣ и Генци въ Бернѣ, жестоко поплатившихся за приверженность идеѣ народовластія, и цѣлый рядъ неудавшихся народныхъ движеній, предпринятыхъ подъ знаменемъ этой идеи, съ ясностью показываютъ, что народное законодательство воцарилось въ Швейцаріи далеко не такъ просто, какъ иногда предполагаютъ, исходя изъ представленія о силѣ и свѣжести традицій стариннаго швейцарскаго народоправства, издавна проявлявшагося въ практикѣ *Lands-gemeinde*. Съ другой стороны, нельзя не сказать, что возраженія, противопоставленныя идеѣ референдума въ Швейцаріи, были настолько вѣски и значительны, что преодолѣть ихъ было возможно только такими же значительными и равносильными аргументами. Въ послѣдней стадіи борьбы референдуму пришлось выдержать состязаніе уже не съ отжившими формами олигархіи и патриціата, не съ обветша-

такимъ образомъ референдумъ становится истинной народной школой⁴.— Совершенно въ томъ же духѣ высказывается авторитетный швейцарскій ученый Hilty въ *Revue de droit international*. Т. XXIV (1892) Р. 476 (статья *Le referendum et l'initiative en Suisse*) и многіе другіе швейцарскіе писатели.

¹⁾ Іеллинекъ, Конституціи, ихъ измѣненія... стр. 89.

²⁾ Dicey, Статья о референдумѣ *Contempor. review*. 1890. pp. 500—501.

лыми учрежденіями стараго строя, а съ новымъ началомъ народнаго представительства, въ которомъ долго видѣли единственную правильную форму выраженія народной воли. Тутъ происходило состязаніе двухъ принциповъ, изъ которыхъ каждый имѣеть свою особенную и ему лишь свойственную цѣнность, и отъ этого стороны, отстаивавшія борющіяся начала, въ сущности находились въ двухъ различныхъ плоскостяхъ и скорѣе восполняли, чѣмъ отрицали другъ друга. Интересно остановиться нѣсколько на этой борьбѣ идей, чтобы выяснитъ ихъ принципиальное соотношеніе. Безхитростныя и простыя рѣчи швейцарскихъ политиковъ, чуждыя сложныхъ теоретическихъ построеній и высокаго философскаго полета, имѣютъ однако большой интересъ для освѣщенія занимающихъ насъ вопросовъ. Онѣ введутъ насъ въ пониманіе тѣхъ особенностей референдума, которыя цѣнили въ немъ его первые поборники въ Швейцаріи и которыя, какъ увидимъ далѣе, составляютъ самую существенную часть его достоинствъ.

Швейцарскіе сторонники представительства, возражая противъ референдума, не отрицали, что исходнымъ началомъ всѣхъ государственныхъ учрежденій и властей должно быть признано начало народнаго суверенитета. Но подобно французскимъ послѣдователямъ Руссо, они понимали народную волю, какъ отдаленный источникъ и высшую санкцію права, дѣйствительнаго же выраженія воли народа искали у его законныхъ представителей, полагая, что и для самого народа болѣе полезно, если его волю выражаютъ избранные и болѣе способные. Споръ шелъ такимъ образомъ не объ исходномъ началѣ, которое признавалось всѣми ¹⁾.

¹⁾ Замѣтимъ, между прочимъ, что связь позднѣйшихъ швейцарскихъ взглядовъ съ идеями «Общественнаго договора» не всегда легко установить. Мысль швейцарскихъ политиковъ черпала свои аргументы болѣе изъ практики, чѣмъ изъ теоріи. Новѣйшіе писатели, какъ, напримѣръ, Курти, склонны даже думать, что «Руссо не могъ содѣйствовать дальнѣйшему развитію историческихъ формъ народнаго права» (русск. пер., стр. 48). Этотъ взглядъ можетъ быть правильнымъ, если имѣть въ виду практическую разработку формъ народнаго законодательства, для которой Руссо не далъ никакихъ

а о способахъ его пониманія. Это ясно сказалось уже въ тѣхъ знаменитыхъ дебатахъ, которые происходили въ тридцатыхъ годахъ прошлаго вѣка по поводу введенія народнаго veto въ Сень-Галленѣ. Какъ справедливо замѣчаетъ Курти, „въ этихъ дебатахъ мы находимъ самые существенные доводы, какіе въ послѣдствіи приводились какъ въ пользу представительной системы, такъ и противъ нея“. Одинъ изъ наиболѣе видныхъ участниковъ сень-галленскихъ преній Феликсъ Гельблингъ прямо свидѣтельствуеетъ о томъ, что въ признаніи народнаго верховенства всѣ партіи сходились, и что разногласія относились только къ различному пониманію этого основного начала. Вопросъ шель, по его словамъ, только о томъ, „долженъ ли самъ народъ непосредственно располагать своею властью, или передавать ее учреждениямъ, вышедшимъ изъ его среды“. Гельблингъ склонялся ко второму рѣшенію, — къ тому, чтобы народъ передавалъ власть выборнымъ лицамъ,—и думалъ, что правильная организація представительства можетъ вполнѣ обезпечить „истинное благо народа, чистую и настоящую демократію“. Какъ бы развивая и подкрѣпляя мысль Гельблинга, историкъ Геннэ указывалъ на затруднительность

указаній; но онъ, конечно, не вѣренъ, если говорить объ общемъ значеніи отвлеченныхъ лозунговъ, столь краснорѣчиво провозглашенныхъ у Руссо. Въ этомъ отношеніи болѣе близки къ истинѣ Риффель и Келлеръ, отмѣчающіе въ отдѣльныхъ случаяхъ вліяніе Руссо (Ryffel, Die schweizerischen Landsgemeinden nach geltendem Rechte. Zürich 1903. S. 13; Keller, Das Volksinitiativrecht nach den schweizerischen Kantonsverfassungen. Zürich 1889. S. 70.), У Курти вообще замѣчается лишь поверхностное знакомство съ идеями Руссо. Такъ онъ утверждаетъ, что Руссо „даже и не счелъ нужнымъ задуматься надъ тѣмъ, какимъ образомъ ввести народное законодательство въ большихъ государствахъ“ (стр. 60), и что онъ находилъ народоправство возможнымъ „лишь въ такомъ государствѣ, которое занимаетъ незначительную территорію, расположено въ мягкомъ климатѣ и часть населенія котораго работаетъ затѣмъ, чтобы другая могла беззаботно пользоваться свободой“ (стр. 48). Мысль о томъ, что Руссо считалъ демократію невозможной въ большихъ государствахъ, повторяется у Дюнанна („Народное законодательство въ Швейцаріи“. Спб., 1906, стр. 22. Переводъ Львовича). Мы говорили выше о томъ, что Руссо имѣлъ особый планъ преобразованія большихъ государствъ въ цѣляхъ осуществленія въ нихъ народовластія. См. „Вопр. Фил. и Псих.“ кн. 89, стр. 368.

осуществленія непосредственнаго народнаго законодательства. „Наша жизнь слишкомъ осложнилась,—говорилъ онъ,—мы не въ состояніи довольствоваться такими законами, которые можно было бы перечестъ по пальцамъ“. Сравнивая швейцарскіе кантоны, не имѣющіе непосредственнаго народнаго законодательства, съ тѣми, въ которыхъ оно существуетъ въ теченіе цѣлыхъ столѣтій, Геннэ находить, что въ первыхъ все лучше: законы, судъ, управленіе, организація народнаго образованія и церкви: „Лишь тамъ,—говоритъ онъ,—охраняются самые священные интересы, гдѣ народную волю представляютъ лучшіе люди. Но въ большихъ кантонахъ это возможно только припредставительномъ правленіи“.

Геннэ и Гельблингъ посвоему выражали тѣ самыя доводы, которые считались рѣшающими среди первыхъ теоретиковъ французскаго представительства. Какъ и тогда, центромъ тяжести являлся вопросъ о томъ, кто долженъ и кто можетъ составлять законы. Примиряя представительство съ верховенствомъ народа, защитники его говорили, что свободный народъ, конечно, самъ даетъ себѣ законы, „однако не такимъ образомъ, что онъ самъ же и составляетъ ихъ; составляютъ законы представители, народъ же можетъ требовать законовъ посредствомъ петицій“. Такъ толковалъ понятіе народнаго суверенитета Гельблингъ. Въ томъ же смыслѣ говорилъ адвокатъ Гоодъ, что „законодатель не тотъ, кто составляетъ законы, а тотъ, кто даетъ имъ силу, кто, какъ верховный владыка, сообщаетъ законопроектамъ, составленнымъ кѣмъ бы то ни было, значеніе обязательныхъ предписаній“. Въ сущности, другими словами, здѣсь повторялась уже знакомая намъ теорія эманации, нашедшая себѣ выраженіе во французской революціонной доктринѣ. Но такъ же, какъ и тогда, оставалось неяснымъ, какимъ же образомъ даетъ народъ силу законамъ, которые вырабатываютъ, хотя и съ его вѣдома, но безъ его участія и прямого одобренія, которымъ онъ подчиняется, можетъ быть, не всегда охотно.

Въ отвѣтъ на приведенныя выше теоріи и рѣчи въ Сень-Галленѣ были высказаны взгляды, которые поистинѣ заслуживаютъ быть признанными наиболѣе удачнымъ обоснованіемъ народнаго законодательства. Эти взгляды принадлежали одному изъ демократическихъ вождей майору Діогу. Трудно судить, насколько Діогъ былъ знакомъ со взглядами Руссо, но несомнѣнно, что онъ въ своеобразной передачѣ выразилъ тѣ самыя идеи, которыя легли въ основу „Общественнаго договора“. Ученію о народномъ суверенитетѣ, какъ о высшей санкціи законовъ, онъ противопоставляетъ категорическое требованіе непосредственнаго участія народа въ законодательствѣ. „Мнѣ важно, — говорилъ онъ, — прежде всего найти принципъ, который бы служилъ исходной точкой нашего дѣла. Я знаю лишь одинъ такой принципъ: это народный суверенитетъ. Суверененъ тотъ, въ чьихъ рукахъ верховная власть: воля его — законъ. Но другіе говорятъ о представительномъ суверенитетѣ, который есть не что иное, какъ передача власти въ другія руки. Кто передалъ свою верховную власть, тому она уже не принадлежитъ, и я утверждаю, что гдѣ законы санкціонируетъ большой совѣтъ ¹⁾, тамъ конституція — ложь“. — „Отъ насъ, кажется, ускользаетъ основной принципъ, самая суть дѣла. Такимъ принципомъ хотятъ выставить благо народа. Но дѣло не въ благѣ, а въ правѣ, въ томъ, что принадлежитъ народу. Народъ признанъ самостоятельнымъ; но если ему даютъ опекуна въ лицѣ большого совѣта, то онъ уже не самостоятеленъ“. „Повторяю, я хочу не *наилучшаго*, а *правового*. Я предостерегаю каждого отъ принципа наилучшаго: руководящей нитью можетъ служить только право“.

Нельзя не видѣть тутъ удивительнаго совпаденія съ основными положеніями Руссо. Діогъ видитъ, подобно Руссо, торжество права въ господствѣ народной воли. Изъ общей воли народа вытекаютъ, по его мнѣнію, и свобода гражданъ, и справедливость законовъ. Чрезвычайно характер-

¹⁾ Т.-е. представительное собраніе.

нымъ является его замѣчаніе, что не благо, а право должно быть основою всего, и ему казалось, что онъ нашелъ безспорный принципъ для обоснованія права. „Въ случаѣ столкновенія между благомъ государства и свободой гражданъ послѣднюю нужно предпочесть первому. Нѣтъ достаточно сильныхъ словъ, которыми надо предостерегать республиканцевъ отъ деспотіи благодѣтельствующей власти“. Дюгъ особенно настаиваетъ на томъ, что подъ предлогомъ улучшеній не слѣдуетъ упразднить право. „Исторія учитъ,—говоритъ онъ,—что злоупотребленіе принципомъ лучшаго крайне легко и страшно по своимъ послѣдствіямъ, а предупредить такое злоупотребленіе чрезвычайно трудно“¹⁾.

Въ сущности Дюгъ не опровергалъ того, что при представительномъ правленіи законы могутъ быть *лучше*, чѣмъ при непосредственномъ законодательствѣ народа; но, какъ онъ характерно заявлялъ, въ государствѣ надо руководствоваться не принципомъ наилучшаго, а принципомъ права, которое онъ отождествлялъ съ общей волей народа. Послѣдующіе защитники народнаго законодательства также не думали доказывать, чтобы при этой системѣ законы были лучше. Напротивъ, многіе изъ нихъ прямо допускали, что осуществленіе непосредственнаго участія народа въ законодательной власти можетъ нанести извѣстный ущербъ прогрессивному ходу законодательства. *Но выше, чѣмъ прогрессивный характеръ законовъ, они ставили соотвѣтствіе ихъ съ народными воззрѣніями и согласіе ихъ съ народной волей.* Какъ говорилъ Дрюэ при обсужденіи вопроса о народномъ законодательствѣ въ кантонѣ Вадтъ въ 1845 г., главное достоинство народной санкціи состоитъ въ томъ, что она приведетъ законы въ надлежащее согласіе съ идеями, требованіями и степенью развитія народа; ихъ будутъ лучше понимать, лучше соблюдать, и они станутъ прочнѣе. „Такимъ образомъ, они будутъ исходной точкой прогресса,

¹⁾ Приведенные отрывки цитируются мною по сочиненію Курти (русск. пер., стр. 89—92), который извлекъ ихъ изъ „Verhandlungen des Verfassungsrathes von Schweizerkanton St. Gallen“.

тогда какъ если законы стоятъ выше народныхъ воззрѣній, они легко могутъ послужить исходной точкой регресса“... „Если они слишкомъ превосходятъ степень развитія народа, то они не достигаютъ своей цѣли и на практикѣ терпятъ фіаско“ ¹⁾. Ту же мысль позднѣе выражалъ въ собраніи бернскихъ либераловъ Фейссъ: „я утверждаю, что законъ долженъ быть выраженіемъ соотвѣтствующей степени культурнаго развитія народа и что это большая ошибка, если какое-нибудь представительное учрежденіе хочетъ идти впереди народа. Если Фрейбургъ въ свое время ушелъ впередъ, то теперь мы видимъ, что онъ регрессируетъ. Какъ бы ни было просвѣщенно представительство, законодательство не можетъ идти дальше того, что коренится въ народномъ сознаниі. Поэтому, если бы даже народъ не находился на теперешней ступени культурнаго развитія; ему все-таки надо было бы предоставить право законодательства: при этомъ условіи, можетъ быть, въ данное время явились бы не столь хорошіе законы, но зато была бы увѣренность, что законы создаются такимъ способомъ, который, осуществляя прогрессъ, устраняетъ опасность реакціи“ ²⁾. Это была та же самая идея, которая является основною для Руссо. Основать право и государство на общей волѣ, на общемъ согласіи народа—вотъ что является здѣсь главной цѣлью. Въ этомъ именно смыслѣ говорилъ Діюгъ: надо стремиться не къ лучшему, а къ правовому. Иногда къ этому присоединяется и дальнѣйшее убѣжденіе, что „источникъ всѣхъ правильныхъ взглядовъ и справедливыхъ требованій есть народъ—и только народъ“, какъ выражался цюрихскій политикъ Зиберъ ³⁾. „Мы отнюдь не идолопоклонствуемъ передъ народомъ, но таково наше глубокое убѣжденіе: государство лишь тогда можетъ наслаждаться прочнымъ счастьемъ, когда управленіе и законодательство постоянно имѣютъ въ виду этотъ источникъ и черпаютъ исключительно изъ него“...

¹⁾ Ibid., стр. 105.

²⁾ Ibid., стр. 170. ³⁾ Ibid., стр. 153.

Изъ всѣхъ приведенныхъ мнѣній мы видимъ, что защитники непосредственной демократіи и не думали отрицать, что представительное правленіе можетъ издавать лучшіе и болѣе передовые законы. Они не отрицали и того, что представительное собраніе, какъ подготовительный органъ, и впредь должно нести „главную отвѣтственность за духъ и содержаніе законодательства“. Они говорили только, что представительство „уже не будетъ альфой и омегой политической жизни; оно не будетъ опекуномъ, а лишь совѣтникомъ новыхъ идей, другомъ“¹⁾. Это было собственно не отрицаніе представительства, а только отрицаніе его рѣшающей власти, которая, согласно этому взгляду, должна оставаться за народомъ, въ силу принадлежащаго ему суверенитета. „Въ вопросѣ о народоправствѣ,—говорилъ одинъ изъ защитниковъ этого воззрѣнія, Циглеръ,—дѣло идетъ не о томъ, чтобы дать народу право, а о томъ, оставить ли за союзнымъ собраніемъ послѣднее рѣшеніе въ законодательствѣ, или нѣтъ?“.

Въ противоположность этому, сторонники представительства настаивали на томъ, что составленіе законовъ требуетъ особыхъ способностей и специальныхъ знаній, что прогрессивныя идеи возникаютъ не въ массахъ, а въ головахъ единицъ, и что безъ той или иной формы представительства обойтись нельзя. Какъ говорилъ цюрихскій политикъ Сутеръ, „законодательство или дѣятельность законодательнаго учрежденія состоитъ въ основательной разработкѣ соотвѣтствующаго вопроса, во всестороннемъ обсужденіи и рѣшеніи его. Народъ склоненъ усваивать идеи, исходящія отъ отдѣльныхъ лицъ, интересоваться, увлекаться ими и стоять за нихъ всей массой. Но въ законодательствѣ дѣло сводится къ тому, чтобы разработать эти идеи въ подробностяхъ и выразить ихъ въ самой лучшей формѣ. Народъ не можетъ выполнить этой задачи. Она должна быть возложена на совѣтъ или подобное ему

¹⁾ Ibid., стр. 154.

учрежденіе. Всесторонне обсуждать или выяснять эти вещи можетъ только корпорація, которая не должна быть слишкомъ многочисленной“¹⁾. Но едва ли не самыя замѣчательныя мысли были высказаны по этому поводу въ семидесятихъ годахъ при обсужденіи союзной швейцарской конституціи однимъ изъ наиболѣе талантливыхъ и уважаемыхъ государственныхъ людей Швейцаріи, Вельти. Это былъ вмѣстѣ съ тѣмъ одинъ изъ самыхъ видныхъ защитниковъ представительства, и слова его въ свое время произвели сильное впечатлѣніе. „Представительство,—говорилъ Вельти,—не такое установленіе, которое легко выбросить въ окно: это—природа, которая всегда вернется, какъ вы ее ни изгоняйте“. Онъ предсказывалъ, что введеніе референдума не устранить представительства, какъ не устранить оно и нѣкоторыхъ нежелательныхъ воздѣйствій на народъ. „На беззащитнаго верховнаго владыку набросятся всѣ прежніе привилегированные, и въ десять лѣтъ народъ станетъ жертвой грабежа партій, промышленниковъ, духовенства“. Послѣдующій опытъ показалъ, что эти опасенія Вельти были преувеличены, но его предсказанія о неизбѣжности идеи представительства оправдались въ полной силѣ: для разработки законовъ требовались спеціальныя законодательныя органы и обойтись безъ нихъ было невозможно. Вельти справедливо говорилъ: „если народныя права достигаютъ цѣли: установить единеніе представителей съ народомъ, объединить идеи и духъ времени съ чувствами и мыслями народа, то, конечно, въ нихъ заключается великая государственная мудрость, которая нашла философскій камень и замѣняетъ умственный трудъ государственнаго дѣятеля работой непогрѣшимой машины. Но надо тщательно приглядѣться, дѣйствительно ли народныя права выполняютъ эту высокую задачу“²⁾“?

Постараемся и мы приглядѣться къ дѣйствию системы

1) Ibid., стр. 151—152.

2) Ibid., 186.

народнаго законодательства, чтобы сдѣлать выводъ о томъ, насколько дѣйствительно найденъ въ этой системѣ философскій камень политическаго искусства. Прежде всего несомнѣнно, что разъ совокупность народа признана носителемъ верховной власти въ государствѣ, то требованіе? чтобы всѣ законы истекали непосредственно изъ народной воли, неоспоримо. Но въ какой мѣрѣ достигается здѣсь дѣйствительное торжество и господство народной воли? Курти и Дюнанъ свидѣтельствуютъ намъ, что „если референдумъ и не удовлетворилъ желанія каждаго, то тѣмъ не менѣе въ Швейцаріи нѣтъ уже ни одной партіи, которая хотѣла бы его уничтоженія“ ¹⁾. Это, конечно, много говорить въ пользу референдума, но говорить, быть можетъ, болѣе и иное, чѣмъ предполагаютъ горячіе поклонники этой системы. Въ самомъ дѣлѣ, если послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго опыта примѣненія референдума въ Швейцаріи *всѣ* партіи оказались на его сторонѣ, не значить ли это, что онъ въ дѣйствительности не вноситъ въ государственную жизнь никакихъ рѣзкихъ перемѣнъ и не грозитъ серьезной опасностью ни для какихъ общественныхъ интересовъ. Тѣ, кто питалъ въ этомъ отношеніи чрезмѣрные опасенія, послѣ ознакомленія съ референдумомъ успокоились и не боятся болѣе его разрушительныхъ свойствъ. Но болѣе того: изъ другихъ источниковъ мы знаемъ, что роли защитниковъ и противниковъ референдума уже черезъ десять лѣтъ послѣ его дѣйствія неожиданно перемѣнились; радикалы, которые ввели референдумъ въ Швейцарію, оказались менѣе удовлетворенными его дѣйствіемъ, чѣмъ консерваторы, которые сначала относились къ нему съ недовѣріемъ, а затѣмъ стали содѣйствовать его утвержденію и распространенію ²⁾. Это объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что референдумъ, препятствуя введенію непопулярныхъ законовъ, „представляетъ собою задерживающій

¹⁾ Курти, стр. 236; Дюнанъ, стр. 82.

²⁾ Deploige, Le référendum en Suisse. Bruxelles, 1892, pp. 168—172.

моментъ въ процессѣ законодательства и, какъ средство сохранения даннаго правового строя, носить характеръ консервативнаго учрежденія“¹⁾. Отсюда мы получаемъ возможность понять, почему идея референдума столь энергично защищается такими политиками, какъ Лекки, которые ищутъ средствъ противъ необдуманныхъ и внезапныхъ шаговъ парламентскаго большинства, способныхъ причинить ущербъ длительнымъ интересамъ народа²⁾. Съ другой стороны, какъ увидимъ далѣе, это объясняетъ, почему болѣе радикальные писатели ищутъ новыхъ путей для проявленія народной воли, помимо референдума.

Но обратимся къ точнымъ и конкретнымъ указаніямъ, чтобы судить, насколько дѣйствительно проявляется въ референдумѣ истинная воля народа. Передъ нами точныя цифровыя данныя относительно результатовъ цѣлаго ряда народныхъ голосованій, и нельзя не сказать, что данныя эти въ высшей степени поучительны. Первое, что бросается въ глаза при изученіи этихъ данныхъ, это какая-то нерѣшительность голосованій, проявляющаяся въ цѣломъ рядѣ случаевъ: большинство едва превышаетъ меньшинство, голосующіе какъ бы раскалываются на двѣ почти равносильныя группы, изъ которыхъ одна говоритъ: да, а другая нѣтъ. Бываютъ, конечно, случаи, когда народная воля сказывается, чтобы употребить выраженіе Курти, „почти со стихійной силой“. Таковъ, на примѣръ, референдумъ 20 февраля 1898 г., когда швейцарскій народъ высказался за выкупъ желѣзныхъ дорогъ большинствомъ 386.634 голосовъ противъ 182.718. Но вотъ два референдума 1875 года по вопросамъ весьма важнымъ о введеніи однообразнаго для всѣхъ швейцарскихъ гражданъ „политическаго права голоса“ (съ устраненіемъ различій между отдѣльными кантонами) и объ установленіи

1) Ееллинекъ, „Конституціи, ихъ измѣненія и преобразованія“, стр. 89. Интересно отмѣтить, что швейцарскій писатель Штюсси говоритъ о консервативномъ характерѣ референдума, какъ о „соотвѣтствующемъ его самому внутреннему существу“. Referendum und Initiative im Kanton Zürich. S. 56.

2) Lecky, Democracy and liberty. Vol. I, pp. 279, 280, 285.

гражданскаго брака. По первому изъ этихъ вопросовъ предложеніе о принятіи соотвѣтствующаго закона было отвергнуто большинствомъ 207.263 голосовъ противъ 202.583; по второму вопросу за принятіе высказались 213.199 голосовъ противъ 205.069. Конечно, и при голосованіи въ представительномъ собраніи возможно такое раздѣленіе голосовъ; но каждый разъ, когда подобное раздѣленіе обнаруживается при голосованіи всего народа, оно еще ярче подчеркиваетъ отсутствіе по данному вопросу единой и опредѣленной общей воли. Референдумъ по вопросу о правѣ голоса былъ повторенъ черезъ два года въ 1877 году, и на этотъ разъ количество голосовавшихъ за этотъ законъ уменьшилось болѣе чѣмъ на 70.000, а именно за него, вмѣсто прежнихъ 202.583, высказалось только 131.557, а противъ 213.230. Отрицательное рѣшеніе осталось въ силѣ, но огромная убыль сторонниковъ закона въ столь короткій промежутокъ времени указывала на извѣстную случайность въ присоединеніи къ тому или другому рѣшенію, вызвавшую столь значительную амплитуду колебаній общественнаго мнѣнія. Можно было бы привести цѣлый рядъ другихъ примѣровъ, въ которыхъ большинство и меньшинство если не столь же незначительно, то все же мало отличались другъ отъ друга. Но для насъ важно не количество подобныхъ случаевъ, а ихъ возможность, обнаруживающая извѣстную нерѣшительность народныхъ голосованій. Весьма возможно, что эта нерѣшительность объясняется отсутствіемъ должной подготовки общественнаго мнѣнія, невозможностью примирить крайности утвержденія и отрицанія какими-либо посредствующими поправками, тѣмъ голосованіемъ безъ предварительнаго совмѣстнаго обсуждения, которое составляетъ самую сущность референдума. Такъ или иначе, это—фактъ, который необходимо имѣть въ виду при общей оцѣнкѣ института.

Другой фактъ, быть можетъ еще болѣе важный, заключается въ значительномъ количествѣ воздержаній отъ участія въ референдумѣ. За періодъ времени съ 1874 по 1897 годъ,

по вычисленіямъ Курти, количество голосующихъ лишь однажды достигло 80% правоспособныхъ гражданъ. Это было именно въ томъ случаѣ, когда наблюдалось почти стихійное проявленіе общественнаго мнѣнія,—по вопросу о выкупѣ желѣзныхъ дорогъ. Обычно оно не превышаетъ 70%, очень рѣдко поднимаясь выше, а иногда спускаясь до 46, 4% и даже до 40, 4%. Многіе объясняли это равнодушіемъ и утомленіемъ гражданъ, неизбѣжнымъ при частыхъ голосованіяхъ. Этотъ взглядъ раздѣляется и нѣкоторыми безпристрастными швейцарскими писателями, какъ, напримѣръ, Дюнаномъ ¹⁾. Курти рѣшительно отрицаетъ это объясненіе, и такъ какъ число голосующихъ отъ года къ году то поднимается, то опускается, трудно судить, имѣемъ ли мы дѣло съ утомленіемъ гражданъ или просто съ обычнымъ пассивнымъ отношеніемъ къ специальнымъ политическимъ вопросамъ. Для болѣе обоснованныхъ выводовъ слѣдовало бы имѣть болѣе данныхъ. Однако, что бы ни проявлялось въ данномъ случаѣ, фактъ остается фактомъ: значительное количество воздержаній налицо. И если цифры, относящіяся къ общешвейцарскимъ голосованіямъ, мы восполнимъ статистическими данными, относящимися къ отдѣльнымъ кантонамъ, указанный фактъ получить еще большее значеніе.

Какъ извѣстно, референдумъ существуетъ въ настоящее время во всѣхъ кантонахъ, кромѣ Фрейбурга ²⁾. Помимо участія въ общемъ законодательствѣ Швейцаріи, граждане голосуютъ также по законодательнымъ вопросамъ въ своихъ кантонахъ, и здѣсь наблюдается столь же значительное и столь же неизбѣжное количество воздержаній. Для примѣра мы остановимся на данныхъ, относящихся къ Цюрихскому кантону. Въ этомъ кантонѣ, по вычисленіямъ Штюсси, слѣданнымъ въ концѣ 80-хъ годовъ, количество голосующихъ достигало 74, 4%. Воздержаніе отъ выборовъ было

¹⁾ Дюнанъ, стр. 55.

²⁾ Въ кантонѣ Фрейбургъ противъ референдума, предложеннаго большимъ совѣтомъ, высказался самъ народъ.

иногда столь значительно, что нѣкоторыя общины признали голосованіе обязательнымъ и назначили извѣстный штрафъ за неявку къ урнамъ. Насколько эта мѣра оказалась дѣйствительной, видно изъ того, что въ общинахъ Устеръ, Горгенъ и Рисбахъ, гдѣ она была примѣнена, количество голосующихъ во время референдума 25 іюня 1871 г. поднялось до 97, 94 и 59%, тогда какъ въ общинахъ Цюрихъ, Глатфельденъ и Ауссерзилъ, гдѣ голосованіе было свободно, число голосующихъ равнялось лишь 19, 14 и 10% ¹⁾. Но введеніе обязательнаго голосованія имѣло другой и совершенно непредвидѣнный результатъ: оно увеличило число незаполненныхъ бюллетеней. Граждане являлись къ урнамъ въ большемъ количествѣ, но тѣ изъ нихъ, которые не хотѣли сказать ни да, ни нѣтъ, попрежнему воздерживались отъ выраженія своего мнѣнія, и опускали пустые бюллетени. За періодъ съ 1869 по 1885 годъ число такихъ бюллетеней возросло слѣдующимъ образомъ: за періодъ отъ 1869 по 1874 оно равнялось 11%, отъ 1875 по 1880 г.—19% и отъ 1881 по 1885—18%.

По свидѣтельству Штюсси, интересъ къ законодательству среди гражданъ Цюрихскаго кантона слѣдуетъ признать неослабѣвающимъ и живымъ, но тѣмъ болѣе важны цифры, которыя онъ приводитъ, и въ особенности тѣ, которыя касаются количества голосовъ, поддерживавшихъ принятыя рѣшенія. За рассмотрѣнный имъ періодъ времени, въ 28 случаяхъ изъ 121, т.-е. болѣе, чѣмъ въ $\frac{1}{5}$ всѣхъ случаевъ народныхъ голосованій, рѣшеніе было принято 50—55% голосующихъ, такъ что почти половина голосующихъ была съ нимъ несогласна. Только въ 20 случаяхъ изъ 121 рѣ-

¹⁾ Въ цѣляхъ точности необходимо сдѣлать оговорку, что приводимыя цифры голосованій въ указанныхъ общинахъ относятся только къ референдуму 25 іюня 1871 г. Въ другихъ случаяхъ процентъ голосующихъ въ общинахъ со свободнымъ правомъ голоса не былъ столь низкимъ: въ общинѣ Цюрихъ 25 апрѣля 1877 г. онъ достигъ 77%, въ общинѣ Ауссерзилъ 12 іюня 1881 г.—66%. Въ другіе годы онъ понижался болѣе или менѣе значительно, но не такъ рѣзко, какъ въ 1871 году. См. Stüssi, Referendum und Initiative im Kanton Zürich. Horgen, 1886. SS. 44—46.

шеніе было поддержано большинствомъ имѣющихъ право голоса; въ 101 случаѣ меньшинство создавало законы для большинства.

Среди этого большинства было, конечно, значительное количество лицъ, положившихъ пустые бюллетени и воздержавшихся отъ подачи голоса, что могло свидѣтельствовать о безразличномъ отношеніи ихъ къ поставленнымъ на голосованіе законопроектамъ. Штюсси выводитъ отсюда заключеніе, что такое безразличіе можетъ обозначать отсутствіе возраженій противъ этихъ законопроектовъ ¹⁾. Но какъ бы ни объясняли это явленіе, оно во всякомъ случаѣ свидѣтельствуеетъ о томъ, что о безспорномъ и всеобщемъ выраженіи народной воли здѣсь говорить невозможно. Если же принять во вниманіе, что однохарактерныя данныя можно привести и относительно другихъ кантоновъ ²⁾, то въ соотвѣтствіи съ этимъ приходится сдѣлать и нѣкоторый общій выводъ. Этотъ выводъ заключается въ томъ, что въ дѣйствительности и при народномъ законодательствѣ законы нерѣдко являются результатомъ воли меньшинства гражданъ. Привлеченіе всѣхъ къ участию въ законодательствѣ *создаетъ для общественнаго мнѣнія лишь возможность проявиться съ большей силой; но оно не можетъ переродить самого общественнаго мнѣнія*,—его пассивности, его раздѣленій на отдѣльные и противорѣчивые голоса, его зависимости отъ извѣстнаго руководства активныхъ политическихъ дѣятелей.

Особенности референдума станутъ для насъ еще болѣе ясными, если мы разсмотримъ отдѣльныя формы его проявленія. Мы говорили до сихъ поръ о народномъ голосованіи, не различая его видовъ. Между тѣмъ подъ этимъ

1) Stüssi, *ibid.* Ss. 57—58.

2) См. цифры, приводимыя у Deploige, *о. с.* pp. 160—167. Болѣе подробныя цифровыя данныя относительно кантона Цюрихъ съ прибавленіемъ параллельныхъ данныхъ относительно голосованій швейцарскаго союза до 1893 см. въ другой работѣ Stüssi: *Referendum und Initiative in den Schweizerkantonen.* Zürich, 1893. Beilage.

общимъ именемъ подразумѣваются весьма различныя формы, среди которыхъ въ качествѣ основныхъ считаются референдумъ въ собственномъ смыслѣ этого слова и инициатива. Какъ референдумъ, такъ и инициатива имѣютъ затѣмъ свои подраздѣленія. Всѣ эти виды и подраздѣленія можно расположить въ извѣстной послѣдовательности, смотря по степени проявленія въ нихъ народныхъ правъ. Но если мы расположимъ ихъ въ такой послѣдовательности и будемъ изучать ихъ съ точки зрѣнія успѣшности ихъ дѣйствія, мы придемъ къ заключенію, что чѣмъ болѣе обезпечиваетъ извѣстная форма точное выраженіе въ законахъ народной воли, тѣмъ болѣе она оказывается недоступной для народа, тѣмъ болѣе она заключаетъ въ себѣ препятствій для свободнаго пользованія ею. И наоборотъ, формы, менѣе обезпечивающія народу точное исполненіе его воли, болѣе для него доступны и потому на практикѣ приносятъ лучшіе результаты.

Такъ, напримѣръ, изъ двухъ главныхъ видовъ референдума—факультативнаго и обязательнаго—первый имѣетъ, по словамъ непосредственныхъ наблюдателей, то преимущество, что „при немъ законы гораздо болѣе обсуждаются въ народѣ, чѣмъ при обязательномъ“¹⁾. Объясненіе этому заключается въ томъ обстоятельствѣ, что при факультативномъ референдумѣ народъ принимаетъ участіе въ законодательствѣ, когда онъ выражаетъ на это свое желаніе посредствомъ соотвѣтствующаго заявленія, тогда какъ при обязательномъ референдумѣ это участіе проявляется по отношенію ко всѣмъ законамъ, которые вырабатываются законодательными учрежденіями. Въ первомъ случаѣ народъ обсуждаетъ только то, что его болѣе живо интересуетъ, во второмъ—все, что предлагается на его обсужденіе. Отсюда разница въ характерѣ обсуждения, которое при факультативномъ референдумѣ осуществляется болѣе напряженно и внимательно. Но если разсматривать эти два вида референдума

¹⁾ Дюнанъ, стр. 88.

съ точки зрѣнія проявленія въ нихъ народныхъ правъ, то въ этомъ отношеніи обязательный референдумъ имѣетъ несравненно большее значеніе, чѣмъ факультативный. При его наличности представительныя собранія вырабатываютъ собственно не законы, а законопроекты, которые получаютъ свою санкцію только отъ народнаго голосованія. Напротивъ, при факультативномъ референдумѣ народная санкція имѣетъ мѣсто лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ; въ остальныхъ случаяхъ законодательныя рѣшенія представительнаго собранія имѣютъ окончательную силу. Ясно, что обязательный референдумъ гораздо болѣе соотвѣтствуетъ верховной законодательной власти народа, чѣмъ факультативный, но столь же ясно, что обязательный референдумъ, возлагая на народъ значительно болѣе сложныя задачи и требуя болѣе частыхъ голосованій, не можетъ рассчитывать на неизмѣнный интересъ гражданъ ко всѣмъ законодательнымъ вопросамъ. Практическое осуществленіе его нерѣдко сопровождается значительнымъ количествомъ воздержаній. Вслѣдствіе этого и до сихъ поръ нѣкоторые швейцарскіе политики предпочитаютъ факультативный референдумъ обязательному ¹⁾. Нельзя не сказать, однако, что оба основныхъ вида референдума имѣютъ нѣкоторые существенные недостатки, препятствующіе болѣе точному проявленію въ нихъ воли голосующихъ. На рѣшеніе народа ставится только вопросъ о принятіи или непринятіи закона; народъ долженъ сказать: да или нѣтъ, причемъ законъ голосуется въ цѣломъ: никакихъ частичныхъ поправокъ, измѣненій или опущеній въ немъ не допускается. Вслѣдствіе этого мнѣніе народа оказывается безсильнымъ по отношенію къ подробностямъ закона, которыхъ измѣнить онъ не можетъ; въ крайнемъ случаѣ онъ можетъ изъ-за нѣкото-

¹⁾ См. напр. Virgile Rossel, La démocratie et son évolution въ журн. Politisches Jahrbuch der Schweizerischen Eidgenossenschaft. 19. Jahrgang (1905). Pp. 204—209. Numa Droz высказывается въ пользу факультативнаго референдума и по другимъ соображеніямъ, а именно съ точки зрѣнія федерализма. См. статью „La revision fédérale“ въ Bibliothèque universelle. T. XXII, 1885. Pp. 24—28.

рыхъ подробностей отвергнуть весь законъ, но это будетъ лишь неудобство иного рода. Само собою разумѣется, что для усовершенствованія референдума необходимо придумать средства, которыя могли бы устранить эти недостатки и неудобства. Но нельзя не замѣтить, что препятствіемъ къ созданію такихъ средствъ является самая природа референдума: допустить частичныя поправки въ предлагаемыхъ законопроектахъ при всенародномъ ихъ голосованіи значило бы затруднить законодательную работу до крайности. Въ каждомъ законѣ возможны самыя разнообразныя и весьма многочисленныя поправки, и если бы голосовать ихъ всенародно, это создало бы такое количество голосованій, котораго не выдержалъ бы и наиболѣе преданный политическимъ интересамъ народъ. Я не говорю уже о томъ, что согласно общему характеру референдума къ голосованію допускались бы лишь поправки, поддерживаемыя извѣстнымъ значительнымъ количествомъ голосовъ, что для каждой поправки создавало бы особую процедуру собиранія сочувствующихъ подписей и вносило бы новое осложненіе въ обсужденіе законовъ. Было бы болѣе согласно съ свободнымъ выраженіемъ общественнаго мнѣнія ставить на обсужденіе каждую поправку, хотя бы и индивидуальную, но это увеличило бы количество голосованій до невозможности.

Въ смыслѣ болѣе полнаго проявленія народной воли выше референдума стоитъ такъ называемая народная инициатива. Какъ факультативный референдумъ, такъ и обязательный имѣютъ характеръ скорѣе отрицательный, чѣмъ положительный: они предоставляютъ народу возможность отвергнуть то, что противорѣчитъ его желаніямъ, они даютъ ему случай высказать свое одобреніе тому, что соотвѣтствуетъ его взглядамъ, но они не даютъ ему средствъ указывать и проводить въ жизнь желательныя для него законы. Въ этомъ отношеніи только народная инициатива открываетъ возможность самостоятельнаго выступленія народа въ законодательной сферѣ. Но стоитъ только ближе

разсмотрѣть отдѣльные виды инициативы, чтобы убѣдиться въ томъ, что эта болѣе дѣятельная форма проявленія народной воли есть вмѣстѣ съ тѣмъ и наименѣе для него доступная.

Народная инициатива имѣетъ слѣдующіе основные виды: или граждане заявляютъ свое желаніе въ общихъ чертахъ, предоставляя законодательнымъ учрежденіямъ выработать самый текстъ закона, или же они выражаютъ свои желанія въ формѣ выработаннаго и законченнаго законопроекта ¹⁾. Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что только послѣдній видъ инициативы облакаетъ народныя желанія въ совершенно точную и конкретную форму. Хорошо извѣстно, какое огромное значеніе имѣютъ въ законѣ подробности, частности, нерѣдко даже отдѣльныя выраженія и слова. Самая лучшая законодательная мысль можетъ быть искажена отъ неудачныхъ и неточныхъ выраженій, употребленныхъ законодателемъ. Когда основныя положенія составляются одними лицами, а текстъ закона другими, то практически главное значеніе пріобрѣтаютъ эти другія лица; они являются настоящими законодателями, дающими плоть и кровь отвлеченному предложенію инициаторовъ закона. Въ ихъ волѣ—дать закону то или другое направленіе, тотъ или другой отгѣнокъ. И хотя окончательная санкція принадлежитъ народу, но при этомъ заключительномъ актѣ образованія закона нѣтъ возможности измѣнить текстъ закона, приходится или принять его или отвергнуть. По всѣмъ этимъ соображеніямъ инициатива, проявляющаяся въ формѣ составленія законченнаго законопроекта, стоитъ гораздо выше инициативы, сводящейся къ заявленію основныхъ положеній. Но составить законченный законопроектъ можетъ только небольшая группа специалистовъ, знакомыхъ съ техникой законодательнаго дѣла. Чѣмъ далѣе подвигаются въ разработкѣ подробностей, тѣмъ болѣе становится не-

¹⁾ Я не называю здѣсь третьяго вида, упоминаемаго у Дюнана (67 стр.), потому что онъ представляетъ лишь сочетаніе этихъ основныхъ видовъ.

возможнымъ привлечь къ дѣятельному обсужденію ихъ болѣе значительное количество гражданъ. Для массы народной выработка подробностей законовъ является во всякомъ случаѣ недоступной, и этотъ видъ инициативы въ сущности сводится къ работѣ внѣ-парламентскихъ группъ, берушихъ на себя починъ возбужденія извѣстнаго законодательнаго вопроса и привлекающихъ на свою сторону болѣе или менѣе значительное количество гражданъ. Никто не станетъ спорить съ тѣмъ, что такая внѣ-парламентская инициатива, исходящая изъ среды народа, можетъ имѣть огромное и благодѣтельное значеніе. Но нельзя закрывать глаза на то, что *народной* инициативы въ подлинномъ смыслѣ слова здѣсь нѣтъ и даже не можетъ быть, поскольку искусство законодательной техники и обладаніе специальными юридическими познаніями всегда являются принадлежностью немногихъ. Швейцарскіе политики свидѣтельствуютъ намъ, во что превращается народная инициатива на практикѣ. Такъ какъ требованіе объ изданіи новаго закона или пересмотрѣ стараго исходитъ обыкновенно отъ немногихъ, отъ небольшой группы лицъ, то необходима весьма дѣятельная агитація для того, чтобы привлечь на сторону предлагаемаго законопроекта значительное количество гражданъ ¹⁾. О характерѣ этой агитаціи мы узнаемъ отъ извѣстнаго швейцарскаго демократа Штюсси. „Чтобы принудить къ подписи несогласныхъ,—разсказываетъ онъ—зываютъ къ партійной дисциплинѣ, пускаютъ въ ходъ все общественное вліяніе, пользуются узами дружбы, дѣловыми отношеніями; даже женщинъ побуждаютъ подписываться за ихъ мужей, сыновей и отцовъ; на несогласнаго производятъ всяческое давленіе, пока онъ, наконецъ, не уступитъ, лишь бы его оставили въ покоѣ; ему облегчаютъ дѣло, предлагая, чтобы онъ только наполовину согласился и позволилъ подписаться за себя. Обыкновенно бываетъ

¹⁾ Въ различныхъ кантонахъ это количество весьма различно: оно колеблется отъ 50 въ Ури до 10.000 въ С. Галленѣ и 12.000 въ Бернѣ (для пересмотра конституціи въ Бернѣ требуется 15.000 подписей).

невозможно дать подписывающемуся достаточно времени, чтобы рассмотреть проект и его основанія; ему говорятъ, въ чемъ приблизительно дѣло. Если при этомъ истина не всегда вполне уважается, это зависитъ отъ самаго характера агитаціи. Такимъ образомъ собираютъ въ концѣ концовъ 5000 „согласныхъ“, и дѣло сдѣлано. Но можно ли признать эти формы соотвѣтствующими достоинству народнаго права? Инициатива, монополизированная въ пользу тѣхъ, которые имѣютъ время, деньги и желаніе вести агитацію, можетъ ли считаться правильной формой содѣйствія народа улучшенію государственныхъ дѣлъ. Есть ли въ этой агитаціи элементъ, способствующій политическому воспитанію народа? ¹⁾

Эта интересная характеристика, несомнѣнно заимствованная изъ жизни, показываетъ, при какихъ условіяхъ осуществляется въ жизни право народной инициативы. Самъ Штюсси, написавшій одну изъ любопытнѣйшихъ монографій по вопросу о референдумѣ и инициативѣ, приходитъ къ тому заключенію, что если коллективная инициатива, предъявляемая съ извѣстнымъ значительнымъ количествомъ подписей, не можетъ быть признана правильной формой народнаго законодательства, то взамѣнъ этого должно быть широко развито ничѣмъ не стѣсняемое право индивидуальной инициативы. Онъ поддерживаетъ проектъ, который въ свое время былъ предложенъ однимъ цюрихскимъ союзомъ (Grütliverein) и согласно которому каждый гражданинъ, желающій воспользоваться своимъ правомъ инициативы, долженъ имѣть возможность лично представить свой законопроектъ законодательному учрежденію. Затѣмъ особая комиссія должна, вмѣстѣ съ составителемъ проекта, рассмотреть его предложеніе, и если окажется нужнымъ, совмѣстно исправить его, чтобы передать затѣмъ на обсужденіе народа. ²⁾

1) Stüssi, о. с. Ss. 79—80.

2) Stüssi, о. с. Ss. 82—85.

Мысль Штюсси о томъ, чтобы сдѣлать инициативу свободной для каждаго гражданина, заслуживаетъ всякаго вниманія, какъ отвѣчающая всего болѣе идеалу демократическаго государства; но нельзя не отмѣтить, что принципъ *свободной* инициативы не вполнѣ совпадаетъ съ понятіемъ *народной* инициативы. вмѣсто привлеченія къ законодательству народныхъ массъ здѣсь достигается только возможность широкаго доступа къ законодательству всѣхъ интересующихся и знающихъ, хотя бы они стояли внѣ парламента. Создается возможность инициативы независимо отъ парламента, что, конечно, очень важно, но далеко не то же, что непосредственное участіе народа въ законодательствѣ.

Отсюда видно, въ какой мѣрѣ справедливы утвержденія, что швейцарскій народъ при посредствѣ инициативы можетъ свободно управлять своими дѣлами во всѣхъ областяхъ. Едва ли не слѣдуетъ согласиться съ мнѣніемъ Боржо, который, приведя одинъ изъ такихъ отзыовъ, принадлежащій лозанскому профессору Бернею, называетъ его „бутадою юриста“. Въ данномъ случаѣ между отвлеченной возможностью, открываемой правомъ, и практической дѣйствительностью, допускаемой условіями общественной жизни, существуетъ самое рѣзкое различіе. Въ Швейцаріи права народа болѣе обезпечены закономъ, но главная законодательная работа, какъ и вообще вся политическая дѣятельность осуществляется политиками по профессіи и по призванію, какъ и повсюду. Интересно отмѣтить, что даже писатели, склонные преувеличивать значеніе народной инициативы, относительно современнаго ея осуществленія должны сказать: „швейцарскій народъ еще не готовъ къ полному осуществленію народовластія. Для возможности дѣйствительнаго самоопредѣленія и самоуправления народа требуются особыя условія, которыхъ еще нѣтъ въ современной жизни“ ¹⁾. Политики-оптимисты склонны

¹⁾ Тахтаревъ, „Отъ представительства къ народовластію“. Спб., 1907, стр. 186.

все сваливать на современные условия, но въ данномъ случаѣ дѣло не въ условіяхъ того или другого времени, а въ условіяхъ общественной жизни и человѣческой природы.

Мы замѣтили, что и въ Швейцаріи главная законодательная работа совершается политиками по профессіи и по призванію. Значеніе института народной инициативы, какъ мы видѣли, заключается въ томъ, что она открываетъ не только *de facto*, но и *de jure* доступъ къ законодательству всѣмъ интересующимся и знающимъ, хотя бы и стоящимъ внѣ парламента. Мы будемъ еще имѣть далѣе случай подчеркнуть это положеніе; здѣсь же мы должны обратить вниманіе на то, что это участіе въ законодательствѣ внѣ-парламентскихъ дѣятелей не устраняетъ, однако, и вліятельнаго значенія представительныхъ учреждений. Какъ справедливо предсказывалъ Вельти, представительство не такое установленіе, „которое легко выбросить въ окно“. Все же систематическая законодательная работа по всѣмъ текущимъ вопросамъ жизни остается въ его рукахъ. Пусть эта работа иногда является только подготовительной: она не становится отъ этого менѣе важной. Швейцарскіе писатели основательно указываютъ, что введеніе новыхъ формъ законодательства не уничтожило функций представительныхъ учреждений по инициативѣ, обсужденію и редактированію законовъ ¹⁾. Это указаніе является не болѣе, какъ признаніемъ дѣйствительнаго значенія представительныхъ собраній, закрѣпленнаго за ними какъ союзной конституціей, такъ и конституціями кантональными. Но несомнѣнно, что референдумъ и народная инициатива способствуютъ установленію болѣе тѣсной связи законодательства съ воззрѣніями народа и въ этомъ смыслѣ создаютъ и для органовъ представительства новое положеніе. Въ спорѣ съ Эсменомъ по вопросу о референдумѣ Дюги высказалъ мысль, что всѣ установленія, которыя имѣютъ цѣлью обезпечить

¹⁾ Всего яснѣе это указаніе сдѣлано въ прекрасной монографіи Albert Keller: *Das Volksinitiativrecht nach den schweizerischen Kantonverfassungen* Zürich, 1889. Ss. 80—84.

по мѣрѣ возможности соотвѣтствіе парламентскихъ рѣшеній съ народной волей, „являются необходимымъ дополненіемъ представительнаго режима“ ¹⁾. Съ этой именно точки зрѣнія референдумъ получаетъ надлежащее освѣщеніе. И что бы ни говорили Эсменъ, Синьёрель и другіе, швейцарскія формы народнаго законодательства имѣютъ несомнѣнное будущее и внѣ предѣловъ своей родины.

Разсмотрѣніе конкретныхъ формъ, въ которыхъ проявляется въ Швейцаріи народное законодательство, привело насъ къ заключенію, что развитіе этихъ формъ не уничтожило роли представительныхъ учреждений. Но болѣе того: при ближайшемъ ознакомленіи съ практикой референдума и народной инициативы, при изученіи приведенныхъ выше данныхъ и цифръ мы приходимъ къ заключенію, что и въ этихъ новыхъ демократическихъ установленіяхъ въ сущности проявляется тотъ же принципъ представительства. Общія рѣшенія и здѣсь принимаются лишь большинствомъ голосующихъ гражданъ; а это большинство является иногда меньшинствомъ не только всего народа, но и всѣхъ имѣющихъ право голоса. Если такимъ образомъ и здѣсь меньшинство даетъ законы для большинства, то это значить, что референдумъ привлекаетъ къ участию въ законодательствѣ только *нѣкоторыхъ, принимающихъ рѣшенія за всѣхъ*. Въ сущности, какъ справедливо замѣтилъ Альбертъ Келлеръ, референдумъ и инициатива представляютъ собою средство „не къ осуществленію народнаго суверенитета, а къ чрезвычайному расширенію первоначально тѣснаго представительнаго корпуса“ ²⁾. Если бы приложить къ анализу дѣйствующихъ формъ народнаго законодательства

¹⁾ Duguit, Droit constitutionnel. Paris, 1907, § 51, особ. p. 301 и далѣе § 52, pp. 308—309.—Эсменъ и въ новѣйшемъ изданіи попрежнему высказываетъ свое отрицательное отношеніе къ референдуму. (Droit constitutionnel. Paris, 1906. Pp. 345—347).

²⁾ Alb. Keller, Das Volksinitiativrecht. Zürich, 1889. S. 73. „...nicht zur Verwirklichung der Volkssouveränität, sondern zu einer grossartigen Erweiterung des ursprünglich engen *Repräsentativ-Körpers*“.

строгий принципъ народнаго суверенитета, пришлось бы признать полное несоотвѣтствіе ихъ съ этимъ принципомъ. Но это значило бы также, что принципъ народнаго суверенитета и въ этомъ случаѣ имѣеть иное значеніе, чѣмъ то, которое придавалъ ему Руссо. И здѣсь народная воля выражается не въ актахъ непосредственнаго и всеобщаго самообнаруженія, а при посредствѣ извѣстной организаціи. И здѣсь народный суверенитетъ имѣеть значеніе лишь высшей моральной санкціи; для выраженія же общей воли *создается особый органъ*,—совокупность гражданъ, имѣющихъ право голоса и говорящихъ отъ имени всего народа. Задача этого органа *не отражать, а создавать общую волю*, и потому ему усваивается право самостоятельно и свободно постановлять общія рѣшенія.

Изъ всего этого вытекаетъ, что осуществленія идеала чистой и безспорной народной воли такъ же мало можно искать въ швейцарской демократіи, какъ и въ представительныхъ формахъ правленія. Тамъ и здѣсь политическая жизнь въ концѣ концовъ направляется немногими руководящими дѣятелями. Вся разница — въ болѣе широкой возможности народнаго контроля, но контроля все же поставленнаго въ извѣстныя рамки, болѣе относящагося къ общему, чѣмъ къ подробностямъ. Какъ справедливо замѣчаетъ одинъ изъ лучшихъ нашихъ политическихъ писателей С. А. Котляревскій, „никогда, быть можетъ, мы не чувствуемъ съ болѣе безпощадной ясностью предѣловъ воздѣйствія государственной организаціи на судьбу общества и на судьбу человѣческой личности, какъ при изученіи именно наиболѣе передовыхъ формъ конституціонной демократіи; и психологически понятно, почему при изученіи именно этихъ формъ зарождаются сомнѣнія не только въ наиболѣе прочно обоснованныхъ теоремахъ конституціоннаго права, но и въ самомъ признаніи цѣлесообразности и необходимости государственной организаціи вообще. Но этихъ анархическихъ сомнѣній, очевидно, не устранить ни народная инициатива, ни референдумъ, ни обязатель-

ный мандатъ. Ни Льва Толстого, ни Бруно Вилле, ни Элизе Реклю эти учрежденія не примирять съ государствомъ" ¹⁾.

Х.

Но быть можетъ, и представительство, и референдумъ, и народная инициатива нуждаются въ нѣкоторой реорганизации основъ современного политическаго строя, для того чтобы принести должные плоды? Быть можетъ, недостатки современного государства могутъ быть исправлены какими-либо реформами въ его устройствѣ, и тогда оно встанетъ на должную высоту? Такой взглядъ высказывается нерѣдко въ политической литературѣ, и мы не можемъ оставить его безъ разсмотрѣнія. Существуютъ и нѣкоторыя конкретныя указанія относительно того, что и какъ слѣдуетъ исправить; есть даже цѣлые планы переустройства современного государства. Въ этомъ отношеніи особенно интереснымъ и характернымъ слѣдуетъ признать нашумѣвшее сочиненіе Бенуа „La crise de l'état moderne“. Значительность темы, острота критическаго анализа, обширность эрудиціи автора, все дѣлаетъ книгу его интересной и заслуживающей вниманія. Но нельзя не подивиться тому, что, поставивъ вопросъ чрезвычайно важный и глубокий, онъ свелъ свое изслѣдованіе къ результатамъ столь скуднымъ и незначительнымъ. Рѣчь идетъ о кризисѣ современного государства, о нѣкоторыхъ коренныхъ пробѣлахъ въ его жизнедѣятельности, а Бенуа находитъ средство исцѣленія въ томъ, чтобы „организовать всеобщее избирательное право“, чтобы создать представительство профессій и интересовъ! Поистинѣ авторъ не понималъ всей глубины поставленнаго имъ вопроса, и вся его эрудиція, всѣ эти цифры, таблицы, ссылки имѣютъ характеръ какого-то пышнаго украшения къ весьма незамысловатой научной постройкѣ ²⁾. Но именно эта удивительная

¹⁾ Конституціонное государство. Спб., 1907, стр. 43.

²⁾ Я не упоминаю здѣсь о другомъ предложеніи Бенуа, клонящемся къ учрежденію особаго законодательнаго органа, стоящаго внѣ парламента и

несоразмѣрность между значительностью темы и жалкимъ способомъ ея разрѣшенія является типической и характерной для современныхъ произведеній этого рода.

Въ самомъ дѣлѣ, допустимъ, что всеобщее избирательное право организовано по плану Бенуа, — устраняются ли этимъ несовершенства представительной системы, построенной исключительно на числовыхъ соотношеніяхъ. Пусть дѣйствительно найдено будетъ средство представить всѣ классы и профессіи соразмѣрно ихъ значенію въ жизни, значить ли это, что представительство и на самомъ дѣлѣ отразитъ жизнь народа во всемъ разнообразіи ея оттѣнковъ и во всей измѣнчивости ея проявленій? Бенуа, какъ и всѣ писатели этого рода, забываетъ, что проблема справедливаго избирательнаго права неразрѣшима и что какія бы новыя системы представительства ни были изобрѣтены, это не измѣнить существа дѣла. Мы говорили уже объ этомъ выше съ достаточной подробностью. Но оптимистическая увѣренность Бенуа въ томъ, что онъ нашелъ секретъ исцѣленія современнаго государства, любопытна для насъ въ особенности въ томъ отношеніи, что она отражаетъ старую политическую вѣру — *найти учрежденіе, дѣйствующее съ совершенствомъ образцоваго механизма, въ силу одной своей организаци и независимо отъ свойствъ входящихъ въ него людей*. Морисъ Блокъ удачно сравнилъ эту вѣру съ вѣрой въ возможность открыть *perpetuum mobile*. То, что въ механикѣ и физикѣ называется *perpetuum mobile*, въ области политической и экономической Морисъ Блокъ называетъ *автоматизмомъ* ¹⁾. Подъ этимъ названіемъ онъ разумѣетъ свойство извѣстнаго учрежденія дѣйствовать въ силу своей организаци, обеспечивающей ему и продолжительность дѣйствія, и достиженіе цѣли, и свободу отъ уклоненій въ сторону. Мысль объ

составленнаго изъ наиболѣе заслуженныхъ людей страны (op. cit. pp. 300—307), — потому что это предложеніе въ его планахъ играетъ лишь второстепенную роль.

¹⁾ Séances et Travaux de l'Académie des sciences morales et politiques. T. XLIX (1898). P. 460.

автоматическомъ дѣйствиі совершенныхъ учреждений упускаетъ изъ виду существеннѣйшее обстоятельство, что въ учрежденіяхъ дѣйствуютъ люди, которые и даютъ всякимъ политическимъ формамъ ихъ настоящее содержаніе. Принципъ автоматизма въ политикѣ покоится всецѣло на механическомъ созерпаніи, на понятіи о какомъ-то самопроизвольномъ и неизмѣнномъ движеніи, непогрѣшимо выполняющемъ нѣкоторыя благія предначертанія. Какъ будто бы политика не есть *искусство*, требующее постоянныхъ нравственныхъ и умственныхъ усилій со стороны людей и опирающееся не только на совершенство учреждений, но прежде всего на усилія лицъ, входящихъ въ ихъ составъ. Бенуа вѣрно указалъ явленіе—кризисъ современнаго государства, но онъ не понялъ ни огромнаго значенія этого явленія, ни его настоящаго смысла, и въ своихъ положительныхъ указаніяхъ, какъ это правильно отмѣтилъ Сеньобосъ, въ сущности предложилъ возвратъ къ отжившимъ формамъ средневѣковья ¹⁾.

Но не являются ли подобной же вѣрой въ возможный автоматизмъ учреждений и всѣ другія попытки найти совершенное избирательное право, создать совершенную партийную организацію, довести до совершенства законодательные органы. Нѣтъ сомнѣнія, что во всѣхъ этихъ отношеніяхъ возможны улучшения и исправленія. Такъ, на примѣръ, слѣдуетъ считать элементарной истиной, что расширение избирательныхъ правъ есть дѣло простой справедливости и что цензовое представительство грѣшитъ противъ самыхъ основъ современнаго государства, но никто не скажетъ, что всеобщее избирательное право разрѣшаетъ всѣ политическія затрудненія и является вѣнцомъ политическаго развитія. Точно также нельзя не признать, что пропорціональное представительство, которому многіе писатели придаютъ такое преувеличенное значеніе, имѣетъ свои хорошія стороны. Оно создаетъ болѣе равномѣрное представительство

¹⁾ Revue du droit public. Т. IX (1898). Рр. 141—144.

отдѣльныхъ группъ избирателей и до извѣстной степени ослабляетъ недостатки мажоритарной системы. Но кто повторить теперь увѣреніе Милля, что пропорціональное представительство имѣеть „достоинства до сихъ поръ почти неслыханныя и проводить великій государственный принципъ способомъ, близкимъ къ идеальному совершенству“. Самые горячіе сторонники этой системы должны признать, что она обезпечиваетъ представительство только группамъ болѣе значительнымъ: о математической пропорціональности тутъ не можетъ быть и рѣчи. Какъ уже было разяснено выше, при всякой пропорціональной системѣ остаются группы непредставленныя, и только то меньшинство получаетъ признаніе, которое достигаетъ извѣстной количественной нормы ¹⁾. Съ другой стороны, справедливо указываютъ, что, вопреки ожиданію Милля, пропорціональная система не только не устраняетъ, а напротивъ усиливаетъ зависимость отъ партій и крайне затрудняетъ возможность избранія кандидатовъ, не поддерживаемыхъ партійными организаціями.

Столь же преувеличенными представляются намъ надежды на возможные результаты преобразования партій, отъ котораго нѣкоторые писатели ожидаютъ полного оздоровленія политической жизни. Почтенный авторъ обширной монографіи о современной организаціи партій г. Острогорскій, изобразившій столь ярко дѣйствіе партійнаго механизма въ Англіи и Америкѣ, предлагаетъ цѣлый планъ реорганизаціи партій. Основная мысль этого плана заключается въ томъ, чтобы партіи утратили свой постоянный и тѣсно сплоченный характеръ и пріобрѣли значеніе временныхъ соединеній для достиженія опредѣленныхъ цѣлей, по выполненіи которыхъ данныя организаціи считали бы оконченнымъ и свое дѣло, и свое существованіе ²⁾. Мы не говоримъ уже о трудности установить границы для дѣятель-

1) См. „Вопр. Фил. и Псих.“ кн. 90, стр. 465—466.

2) Ostrogorsky, La démocratie et l'organisation des partis politiques. Т. II. Pp. 611 et suiv.

ности партій, согласно проекту Острогорскаго: было бы въ высшей степени затруднительно обосновать юридически запрещеніе дѣйствія союзовъ, не противныхъ закону и мирно занимающихся политикой. Но независимо отъ этого, власть партійныхъ соединеній не измѣняется отъ того, будутъ ли эти соединенія временныя или постоянныя. Въ тотъ рѣшительный моментъ, когда партіи будутъ осуществлять свои задачи во время выборовъ и народныхъ голосованій, онѣ все же будутъ дѣйствовать, какъ сплоченныя группы, повинующіяся партійной дисциплинѣ. Проявляя дѣйствіе свое въ минуты наиболѣе напряженного общественнаго вниманія, онѣ тѣмъ вѣрнѣе будутъ обнаруживать свою объединяющую и организующую силу. И какъ бы ни увеличилось число партій при той облегченной свободѣ изъ образованія и уничтоженія, о которой говоритъ Острогорскій, положеніе независимыхъ политиковъ отъ этого не стало бы легче, ибо для политическаго успѣха они все же должны были бы примкнуть къ какому-либо партійному союзу и подчиниться его уставу и дисциплинѣ. Увеличеніе количества партій создало бы только относительную свободу выбора между ними, что, конечно, имѣетъ свое значеніе, но весьма условное и ограниченное.

Мы не ставимъ своей цѣлью перечислить всѣ проекты преобразованія современнаго государства. Но въ отношеніи ко всѣмъ имъ можно повторить мысль, высказанную выше: всѣ они осуждены на неудачу, поскольку они проникнуты мыслью *создать автоматизмъ совершенныхъ учрежденій*. Но съ другой стороны, всѣ они заключаютъ въ себѣ одну здоровую и высоко важную мысль, поскольку они исходятъ изъ стремленія найти пути для болѣе свободнаго и всесторонняго проявленія новыхъ политическихъ силъ, не имѣющихъ доступа къ современной политикѣ. Въ частности, тотъ кризисъ парламентаризма, о которомъ говорятъ въ наше время, не имѣетъ другаго значенія, какъ то, *чтобы открыть просторъ свободной внѣ-парламентской инициативѣ*. Въ концѣ концовъ слѣдуетъ признать, что никакія усилія

политическаго творчества не создадутъ совершенныхъ политическихъ учреждений и что въ послѣднемъ счетѣ все опредѣляется нравственными и умственными силами народа; но именно поэтому необходимо и важно для каждой способности открыть свободу проявленія въ политической области. Въ этомъ смыслѣ заслуживаетъ вниманія каждая новая попытка вызвать къ жизни новыя силы для выраженія народныхъ нуждъ, помимо официально признанныхъ органовъ правительства и представительства. Йеллинекъ кончаетъ свою высокоинтересную брошюру объ измѣненіяхъ и преобразованіяхъ конституцій выраженіемъ надежды, что развивающаяся самоорганизация общества, объединяющая отдѣльныхъ лицъ во множество взаимно-перекрещивающихся группъ, вмѣстѣ съ тѣмъ создаетъ новыя пути для воздѣйствія на законодательство, поскольку этимъ группамъ предоставляется право петицій и внесенія предложеній и поскольку отъ нихъ требуются отзывы по поводу задуманныхъ законовъ и указовъ. Здѣсь, по мнѣнію Йеллинека, таится зародышъ новой формы законодательства, возможность образованія новыхъ законодательныхъ органовъ, непосредственно созданныхъ группировкой общества и создающихъ свои особыя нормы для спеціальныхъ сферъ жизни. Такъ сами собой появляются органы внѣ-парламентской народной воли, естественно выросшіе изъ жизни народной и призванные восполнять то представительство народныхъ нуждъ, которое теперь осуществляется органами искусственно созданными и составленными.

Но для того, чтобы правильно понимать эти новыя явленія, надо отрѣшиться отъ прежней точки зрѣнія на волю народа, почерпнутой изъ теоріи Руссо. Какія бы новыя измѣненія ни пережили современные конституціи, никогда онѣ не приведутъ къ торжеству идеи общей воли, совмѣщающей въ гармоническомъ единствѣ желанія всего народа. И быть можетъ еще болѣе, чѣмъ условія настоящаго, въ противорѣчій съ теоріей Руссо стоятъ предвѣстья будущаго. Освѣщеніе вопроса съ этой точки зрѣнія дасть

намъ новыя указанія относительно того направленія, въ которомъ должна быть измѣнена теорія Руссо.

Въ самомъ дѣлѣ, на всемъ протяженіи нашего изслѣдованія мы постоянно убѣждались въ томъ, что самыя демократическія формы современнаго государства не выдерживаютъ критики съ точки зрѣнія идеальной народной воли. Ни референдумъ, ни народная инициатива, не говоря уже о формахъ представительнаго правленія, не отвѣчаютъ идеалу всеобщаго согласія, при которомъ законы признаются одинаково всѣми и выполняются каждымъ по свободному убѣжденію въ ихъ справедливости. Но не значитъ ли это, что теорія народной воли, никогда не осуществленная и совершенно неосуществимая, не является настоящимъ базисомъ современнаго государства? Развитіе новыхъ явленій, о которыхъ мы только что говорили, какъ нельзя лучше помогаетъ намъ отвѣтить на этотъ вопросъ.

Мы видѣли, что ростки будущаго общають намъ, если угодно, лучшее выраженіе народной воли, но не при помощи дѣйствительнаго участія всѣхъ и cadaго въ ея образованіи, а посредствомъ *созданія новыхъ органовъ свободнаго выраженія народныхъ нуждъ*. Какъ прежде народная воля выражалась особыми органами, искавшими и находившими ее въ процессѣ умственнаго труда и политическаго искусства, такъ и въ этихъ новыхъ образованіяхъ на помощь прежнимъ органамъ являются новые органы. Способъ ихъ образованія предполагается иной, но существо дѣла остается то же: изъ массы гражданъ, изъ народа выдѣляются особыя группы, которыя берутъ на себя задачу говорить за другихъ и способствовать устроенію политической жизни. Не безошибочной и механически совершенной является дѣятельность этихъ органовъ: у нихъ нѣтъ непогрѣшимыхъ вѣсовъ Ѳемиды, для того чтобы взвѣшивать сравнительное значеніе отдѣльныхъ мнѣній, какъ и нѣтъ возможности проникнуть въ тайники народной воли, чтобы вычитать тамъ ея безспорный смыслъ. Вся задача политики въ этомъ отношеніи сводится лишь къ тому, чтобы *обезпечить процессъ*

свободнаго образованія народной воли и свободнаго ея выраженія, и въ этомъ смыслѣ созданіе органовъ свободной внѣ-парламентской инициативы является наилучшимъ средствомъ помочь осуществленію этой задачи ¹⁾. Путь къ будущему, какъ можно заключить отсюда, лежитъ черезъ усовершенствованіе существующихъ политическихъ формъ, а не черезъ возвратъ къ старымъ, и критика представительства должна привести къ требованію его восполненія, а не устраненія. По существу, формы народнаго законодательства, какъ мы говорили выше, являются лишь расширеніемъ представительнаго начала. Но точно также и образованіе органовъ внѣ-парламентской инициативы только раздвинетъ и углубитъ идею представительства, привлекиши къ осуществленію ея новыя силы. Дальнѣйшая эволюція политическихъ учрежденій можетъ привести къ усиленію исполнительной власти, но это усиленіе будетъ лишь обратной стороной ея увеличившейся непосредственной связи съ народомъ, какъ это разъяснено выше на примѣрѣ Англiи ²⁾. И потому оно не можетъ ни задержать, ни ослабить постепеннаго роста представительнаго начала. Что же касается несовершенствъ, приписываемыхъ представительнымъ учрежденіямъ, то эти несовершенства имѣютъ болѣе общее значеніе и съ тѣмъ болѣею силой проявляются при отсутствіи представительства. И потому всѣ попытки реставраціи архаическихъ формъ должны быть признаны ложными въ самой своей основѣ: критикуя несовершенное настоящее, онѣ безсильны создать лучшее будущее и только возвращаются къ еще болѣе несовершенному

1) См. однохарактерный предварительный выводъ, сдѣланный выше, „Вопр. Фил. и Псих.“, кн. 84, стр. 447.

2) Очень интересно отмѣтить, что объ усиленіи исполнительной власти рѣчь идетъ въ настоящее время именно въ странахъ наиболѣе демократическихъ. Въ этомъ смыслѣ чрезвычайно характернымъ слѣдуетъ признать появленіе книги Barthélémy, *Le rôle du pouvoir exécutif dans les républiques modernes*. Paris., 1907. См. также Virgile Rossel, *La démocratie et son évolution* въ журн. „*Politisches Jahrbuch der Schweizerischen Eidgenossenschaft*“, 19. Jahrgang (1905). Pp. 209—221.

прошлому. На вопросъ: что же далѣе? — онѣ отвѣчаютъ безпомощнымъ восхваленіемъ уже обнаружившихъ свою несостоятельность старыхъ формъ. Но если представительство признается недостаточно выражающимъ народную волю, то при отсутствіи его и это недостаточное выраженіе является недостижимымъ: создается глухое отчужденіе отъ народа и подчасъ рѣзкое противорѣчіе съ его желаніями. Никогда ни самое лучшее представительство, ни самыя развитыя формы народнаго законодательства не въ силахъ будутъ привлечь къ участию въ законодательствѣ всѣхъ гражданъ и отразить въ законѣ всѣ запросы и желанія народа; но только расширеніе и развитіе представительнаго начала создастъ условія для той *свободной организации общественнаго мнѣнія*, которая составляетъ задачу и опору политики правового государства.

Но если всегда и при всѣхъ условіяхъ народную волю выражаютъ особые органы, искусственно для этого образованные или естественно созданные, то во что же превращается идея Руссо о суверенномъ значеніи этой воли. Мы видимъ, съ одной стороны, что народная воля сводится въ дѣйствительности къ волѣ органовъ, ее выражающихъ; съ другой стороны, несмотря на постоянное разногласіе въ пониманіи народной воли различными группами общества и органами власти, самый принципъ народной воли неизмѣнно сохраняетъ свое руководящее значеніе, какъ верховная основа современной политики. Не значить ли это, что *народная воля, помимо своего фактическаго и несовершеннаго выраженія въ формѣ общественнаго мнѣнія, имѣетъ еще и нѣкоторое идеальное бытіе, въ видѣ нѣкоторыхъ руководящихъ началъ, которыми опредѣляется ея настоящее содежаніе*. Если въ спорѣ отдѣльныхъ направленій каждое изъ нихъ заявляетъ о другомъ, что оно не выражаетъ нуждъ и желаній народныхъ, не значить ли это, что понятіе свое о желаніяхъ народныхъ оно ставитъ въ связь не столько съ разнорѣчивыми фактическими заявленіями общественнаго мнѣнія, сколько съ нѣкоторыми принципиальными началами, которыми оно

считаетъ себя связаннымъ. Пока сохраняется теорія, что народная воля есть ясная и безспорная величина, легко раскрывающаяся въ процессъ своего самообнаруженія, идея и фактъ народной воли совпадаютъ; но какъ только приходятъ къ сознанію, что народная воля есть постоянная загадка, которую надо искать и искать, что общественное мнѣніе есть лишь смутный образъ ея воплощенія и что выводить изъ этого мнѣнія народную волю призваны особые органы, такъ тотчасъ же обнаруживается необходимость поставить и надъ этимъ мнѣніемъ, и надъ этими органами нѣкоторые идеальные принципы, соотвѣтственно которымъ должна распознаваться истинная народная воля. Говоря короче, *народная воля сама сводится чрезъ это къ нѣкоторымъ идеальнымъ принципамъ; которымъ она должна уступить свое верховное значеніе.* Не будучи сама по себѣ ни легко распознаваемымъ фактомъ, ни первичнымъ нравственнымъ началомъ, она нуждается въ сведеніи къ другимъ началамъ, и весь вопросъ заключается въ томъ, каковы эти начала и какъ они могутъ быть опредѣлены. Мы подошли здѣсь къ новому вопросу своего изслѣдованія—о принципиальномъ значеніи понятія общей воли.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

П. Новгородцевъ.

Скандинавскій геній.

I.

Въ изученіи свойствъ, которыми разновременно одарена каждая *современность*, заключена какая-то особая трудность. Не въ томъ ли она, что для изученія—нужно сравненіе, мысль о множествѣ однородныхъ случаевъ, а для каждого человѣка его современность такъ единственна, такъ владѣтъ имъ жизненно, что онъ не можетъ добраться въ себѣ до простой мысли о томъ, что она—лишь частный случай чего-то. Человѣку дѣйствительно не охота думать въ этомъ направленіи. А между тѣмъ, болѣе чѣмъ гдѣ-либо, страдальчески, всѣми порами своего существа онъ ощущаетъ здѣсь наличность какихъ то общихъ, весьма яркихъ свойствъ.

Ему кажется, что современность—прекрасна. Отраднo уловимыя вереницы назрѣвшихъ проблемъ окружаютъ его въ каждую минуту покоя и воплощаются медленно въ беззавѣтныхъ индивидуальностяхъ, которыя, однако, считаютъ это своимъ личнымъ дѣломъ. Это—первыя, лучшія имена современности, часто непризнанные носители объективной истины.

Но кажется также, что современность—невыносима. Какъ выносить эти краткія, туманныя господства парадоксальныхъ идей, преувеличеніе, возводимое въ законъ, постоянныя сочетанія старыхъ истинъ съ новой ложью, подъ покровомъ непроницаемой терминологіи? Для того, кто живетъ *только* въ это время, все это не такъ кратко длится. Хотя бы струя неслась впередъ и можно было быть увѣреннымъ, что вся муть случайнаго не помѣшаетъ ей *чистою* влиться въ Озеро, гдѣ скопляются, живо и тихо, какъ воды, сокровища человѣчества.

Но пока каждый остается при своемъ: ошибающійся ошибается, зрячій—безсильно страдаетъ. Его страданія и негодованія тоже, можетъ быть, понадобятся когда-нибудь, какъ искренняя, красивая книга.

И съ этой ложью *современности* тоже связаны свои имена. Живое воплощеніе сокрушающей слабости человѣческой мысли и чувства—ихъ наслѣдственныхъ недомоганій—они обладаютъ, то болѣзненно сверкающей привлекательностью, то фиглярскимъ дрожаніемъ зависимаго, слабо питаемаго свѣта; то загадочной тяжеловѣсностью односторонней, придавленной силы. Иногда развиваются эти индивидуальности непрерывно—отъ ошибки къ ошибкѣ, въ ихъ внутренней связи, и эти ложные фарватеры особенно приковываютъ вниманіе современниковъ, какъ импозантное, открыто законѣрное явленіе духа.

Но современность и безконечно смутна. Вся ея дѣйствительность развивается въ неосязаемыхъ формахъ, близость которыхъ, вынуждаетъ все снова и снова покидать то тихое, внутреннее минувшее, какимъ человѣкъ созерцаетъ свою долю въ ней. Неузванное окружаетъ всегда, дѣлаетъ каждый шагъ осязаемымъ: какъ бы въ центрѣ туманнаго ядра движешься ты.

И вдругъ доносится извнѣ, среди ночи твоего духа, опредѣленный шумъ, какъ изъ работающей мастерской: идетъ работа, въ которой ты не принимаешь участія. Гдѣ истина? Гдѣ хотя бы главное русло?

Въ этой чертѣ современности—основаніе для третьяго рода индивидуальностей и громкихъ именъ: они служатъ пробной опорой современнаго становленія, оселкомъ, на которомъ другіе точатъ и уясняютъ свои идейныя начинанія, упражняютъ свое безсильное творчество; съ ними то совпадаютъ цѣликомъ и говорятъ отъ ихъ лица, то возстаютъ и укоряютъ пристрастно и нѣжно. Эти имена не воплощаютъ и для современниковъ полной истинности: въ тонѣ, какимъ ихъ произносятъ даже самые усердные изъ адептовъ, слышатся ноты корысти и исканія. Ихъ провозглашаютъ отчасти для того, чтобы придать авторитетъ собственнымъ идеямъ, смутнымъ и не завершеннымъ.

Естественнѣе всего это—великіе художники съ опредѣленнымъ міровоззрѣніемъ. Тогда они—на рубежѣ двухъ міровъ—становятся для мелкихъ перипатетиковъ современности людьми, передъ которыми преклониться легко и необходимо. Въ нихъ хотятъ

они обрѣсти свои мысли прочувствованными, какъ можетъ только великій художникъ—прочувствованными и, такъ сказать, божественно смутными: возстановля здѣсь теоретическую точность и ясность, они укрѣпляютъ и обогащаютъ свои мысли.

Въ нашей русской современности эти имена—Толстой, особенно Достоевскій ¹⁾. Такимъ именемъ, повидимому, становится и Ибсенъ.

Но во взятомъ углѣ зрѣнія его имя отличается отъ этихъ русскихъ именъ тѣмъ, что носитель его—опредѣленный новаторъ художественной формы съ одной стороны, а съ другой стороны его идеи—въ яркой противоположности идеямъ Толстого и Достоевскаго—неопредѣленно близки основной полосѣ нашей современности, русской революціи. Поэтому онъ весь, цѣликомъ, и какъ поэтъ, и какъ мыслитель, можетъ стать по отношенію къ широкой современности—идейнымъ символомъ въ утверждаемомъ нами значеніи.

И вотъ, и внѣ прямой связи съ истинной цѣнностью его идей и художественной стороны его драмъ, имя Ибсена въ послѣднее время болѣе всякаго другого *теоретическаго* имени ставилось въ фокусъ русскаго общественнаго вниманія. Въ немъ видятъ яркую звѣзду прежде всего теоретики индивидуализма вообще; анархисты считаютъ его въ своемъ лагерѣ, и этимъ сразу вводятъ его имя въ самый приборъ социальнo-политической современности. У символистовъ и декадентовъ Ибсенъ—классикъ уже немало лѣтъ. И наконецъ—театръ.

Въ революціонную эпоху, въ тотъ ея моментъ, когда уже отложился пластъ эмоций и мечтаній, вызванныхъ образомъ новой жизни, самъ же онъ еще не воплощенъ въ окружающей старейшей дѣйствительности—повидимому закономѣрно возникаетъ культъ театра, какъ такого искусства, которое одно въ истинной тѣлесности можетъ воплотить образъ преображенной жизни и этимъ вооружить мысль о ней специфической силой *idée-force*ности, глубоко желанной для длительной, только лишь прерванной битвы. То же самое происходитъ и у насъ—но въ русскомъ театрѣ бьютъ какъ бы новыя струи. И характерно не столько что-нибудь опредѣленное, сколько эта общая готовность

¹⁾ Этимъ пониманіемъ, очевидно, не затрогивается ихъ безспорное громадное значеніе, какъ художниковъ.

общества удѣлять ему больше вниманія. Но разумѣется, надо, чтобы и самъ театръ достаточно использовалъ моментъ: выступилъ изъ старой ниши и занялъ уготованный для него свѣтлый свободный кругъ.

И въ этомъ кругу современности громко, громче чѣмъ гдѣ-либо, раздается звучное норвежское имя: создатель новой символической драмы, Ибсенъ даетъ еще на эти подмостки богатое идейное содержаніе, звучащее въ униссонъ съ современностью, европейской и русской.

Такимъ образомъ, для всѣхъ современниковъ, ищущихъ метафизической конструкціи совершающейся революціи съ одной стороны—и революціи метафизически эстетическихъ и общеоцѣночныхъ конструкціи съ другой—имя Ибсена становится излюбленной большой посылкой, живымъ синтетическимъ знакомъ искомой идеи; и писать о немъ въ извѣстной степени значить писать о самой современности. Сюда присоединяется и блескъ свѣжей смерти.

Подъ этимъ всѣмъ погребается еще разъ мѣра правды. И еще разъ кажется, что созерцать современность—значить стоять въ полосѣ прибой. Всю твою жизнь, когда бы ты ни приходилъ къ морю—онѣ бьется и оглушаетъ все на томъ же непонятномъ мѣстѣ, безъ мѣры и смысла. Ты не знаешь, гдѣ ты стоишь. Но назадъ твой взоръ уходитъ безпрепятственно: тамъ лежитъ прошлое, его тихій и спокойный берегъ; тамъ ты видишь ясно и изучаема кажется каждая пядь. И впередъ взоръ твой уходитъ свободно: оттуда бѣгутъ волны, питающія этотъ прибой. А дальше—совсѣмъ спокойно: отдѣльно разстилается будущее, голубой просторъ, гдѣ движется солнце. Какъ разъ на черной линіи, предѣлѣ твоего зрѣнія.

Основное содержаніе творчества Ибсена и основную идею его драмъ можно безошибочно видѣть въ культѣ героической воли, въ центральной, цѣнности самаго процесса осуществленія цѣлостной, мощной воли, независимо отъ цѣлей, какія она себѣ полагаетъ.

Утверждая принципъ сильной цѣльной воли *an sich*, можно этимъ устанавливать цѣнность эстетическую, или же обще-психологическую—эстетику психологическаго динамизма, или же

цѣненіе воли, какъ стержни душевнаго міра, и реального факта власти надъ жизнью и людьми. Обѣ эти цѣнности формальныя, не затрагивающія тѣхъ благъ и цѣлей, какія полагаетъ себѣ данная сильная воля, или можетъ полагать воля вообще. Можно также опредѣлить эти цѣнности какъ чисто психологическія—въ противоположность цѣностямъ жизненнымъ.

Идея Ибсена заключаетъ въ себѣ обѣ эти цѣнности. Эстетическій моментъ преобладаетъ въ его первыхъ пьесахъ изъ родной героической старины («Сѣверные богатыри»), гдѣ онъ данъ еще въ формѣ эмоціи, а не идеологіи—какъ бессознательное любованіе и воспѣваніе (фигуры Йордись и Сигурда). И это преобладаніе естественно связано съ тѣмъ, что физическіе подвиги и геройство викинговъ, тамъ изображаемое, цѣнны преимущественно съ эстетической точки зрѣнія, и эта ихъ цѣнность, съ другой стороны, самоочевидна. Однако, эстетическое цѣненіе всегда присутствуетъ при развитіи Ибсеномъ идеи сильной личности, и тогда, когда эмоціи уже превратились въ теорію и сознательную пропаганду. Безспорное доказательство того дается откровеннымъ, исключительно эстетическимъ цѣненіемъ жизни Геддою Габлеръ и Гильдой. «Сѣверные богатыри», «Гедда Габлеръ» и «Строитель Сольнесъ»—эти свидѣтельства эстетическаго цѣненія Ибсеномъ сильной воли—на большихъ и довольно равномѣрныхъ промежуткахъ пронизываютъ всю хронологическую цѣпь его драмъ, непосредственно показывая постоянное присутствіе въ нихъ того, что сперва было исключительно и бессознательно обнажено, а потомъ затушевалось, ушло внутрь, измѣнило силу.

Но главное свидѣтельство, одно насыщающее въ данномъ вопросѣ всю нужду доказательствъ, заключено въ тѣхъ словахъ, какія въ первой сценѣ пьесы Брандъ говоритъ Эйнару. Этотъ Савонаролла, застуженный во льдахъ сѣвера, произноситъ слѣдующія слова: «Я требую отъ моей паствы лишь одного: чтобы не было шатанія воли»... «Вакхъ—это цѣльное представленіе; гуляка—искаженіе его. Силенъ—красивый образъ; пьяница—его карикатура. Все несчастіе въ половинчатости—надо хоть въ чемъ нибудь быть послѣдовательнымъ до конца...»

Провозглашеніе *обще-психологической* цѣнности сильной, цѣльной воли, независимо отъ ея цѣлей и содержаній, до нельзя ясно и выпукло въ трехъ первыхъ, самыхъ крупныхъ драмахъ Ибсена,

которыя онъ создалъ, выйдя за предѣлы эмоционально-эстетическаго переживанія своей идеи: въ «Брандѣ», «Перь Гюнтѣ» и «Императорѣ и Галилеянинѣ».

Утомительный рядъ возгласовъ Бранда о томъ свидѣтельствуется:—«Воля, одна воля»...—«Воля дѣлаетъ свободнымъ и цѣльнымъ»...—«Пробуди молодого дремлющаго льва—волю...—Я требую отъ моей паствы лишь одного: чтобы не было шатанія воли...»—«Воля во мнѣ сильна, и одного этого довольно». «Одна воля способна утолить жажду вѣчной правды». «...Я стою во всеоружія моей воли». «Человѣкъ забылъ, что, какъ онъ ни свободенъ—обязанности воли остаются до конца». и пр.

Какое самосожиганіе въ словахъ! Такъ безспорна *самоцѣнность* воли, что Агнеса, ищущая и поучающаяся до конца, узнаетъ: «Я должна *хотѣть*». Формула Бранда, «все или ничего—выражаетъ ту же самоцѣнность самого процесса проявленія воли, независимо отъ ея содержаній. И идея безграничной *жертвы*, которая испепелила всю семью Бранда—является прямымъ выводомъ изъ той же основной аксіомы: непрерывное жертвованіе достигнутымъ страдальчески воплощаетъ, впервые въ самой уже жизни, нецѣнность этихъ частныхъ, постепенно достигаемыхъ содержаній и цѣлей воли.

Идею «Императора и Галилеянина» выражаетъ мистикъ Максимъ Эфесскій, борясь съ непримиримымъ дуализмомъ души самого Юліана: «Все игра и пустяки—хотѣть и желать хотѣть». «Побѣдить хотящій».

Очевидно, здѣсь выражена идея, тождественная съ идеей «Бранда». вмѣсто принципозъ—въ темной расщелинѣ, которая создается ихъ несліяніемъ для Юліана—мистикъ своими рѣченіями хочетъ поставить для Юліана саму личность его, держащую на все. И второй разъ мы встрѣчаемъ фразу, дающую ключъ ко всей идеѣ Ибсена, и подобную которой нельзя, можетъ быть, встрѣтить ни у какого другого поэта: «хотѣть и желать хотѣть». Какія то мечты огня о пламени!

Идея Максима о вѣчно возрождающемся великомъ человѣкѣ—всадникѣ, вѣчно сбрасываемомъ конемъ—человѣчествомъ—иносказательно созвучна всему Ибсену, изображая исторію человѣчества, какъ ярко волевой процессъ, какъ укрощеніе и вѣчное возстаніе раба.

Идея «Пера Гюнта» выражена въ нѣсколькихъ мѣстахъ, какъ

основная разница—*быть самимъ собою* и *довольствоваться самимъ собою* (сцена съ троллями, въ Африкѣ, въ сумасшедшемъ домѣ, сцена крушенія корабля, послѣдній день Пера Гюнта). Формулы эти раскрываются самимъ Ибсеномъ слѣдующимъ безинтереснымъ образомъ: «Я самъ—это толпа желаній, склонностей, стремленій, море исканій и требованій—короче, все то, что наполняетъ мою грудь, и благодаря чему я живу».

Формулы эти сами по себѣ выражаютъ уже нѣчто иное, чѣмъ цѣненіе формальной воли. Близкое имъ содержаніе заключается въ нѣсколькихъ другихъ мѣстахъ «Пера Гюнта» и также «Бранда». Вотъ эти мѣста: «Есть одно, чего человѣкъ не долженъ отдавать—это свое внутреннее я».—«Каждый человѣкъ созданъ для своего дѣла и цѣль его жизни—это рай его. Онъ долженъ неуклонно идти къ ней, хотя бы между нимъ и ею лежалъ великій океанъ».—«Быть самимъ собою—значить чувствовать въ себѣ намѣренія Мастера».

Одни изъ этихъ афоризмовъ постулируютъ объективную, единую цѣль индивидуальнаго существованія—но содержаніе ея никакъ не опредѣляется. Значеніе ея, очевидно, въ томъ, что она можетъ объединить и напрячь всю индивидуальную волю: единство и величіе цѣли—лишь залогъ и синонимъ единства и мощи самой этой воли. Здѣсь, слѣдовательно, таже ибсеновская идея самоцѣнности героической воли, только выраженная въ терминахъ *цѣли*.

Съ другой стороны выдвигается понятіе *внутренняго я* и формула *быть самимъ собою*, знаменательно повторяющіеся черезъ десятки лѣтъ въ «Строителѣ Сольнесѣ» и «Когда мы, мертвые, пробуемся».

Первое понятіе состоитъ въ признаніи возможнымъ выдѣлить изъ реальной полноты индивидуальной психики положительно оцѣнваемые элементы ея, абстрактно объединяемые единствомъ сознанія, производившаго эту оцѣнку. Самая возможность такого выдѣленія есть положеніе, подразумеваемое во всякой первоначальной попыткѣ цѣненія.

Формула *быть самимъ собою* можетъ означать нѣчто близкое *сохраненію своего внутренняго я*. Какъ заповѣдь перемѣнчивому въ мгновеніяхъ, живущему фантазіей Гюнту, она означаетъ постоянное сохраненіе одного и того же, положительно оцѣненнаго комплекса свойствъ—въ отличіе отъ санкціонированія произ-

вольню текучаго содержанія мгновений, когда въ челоуѣкѣ исчезаетъ всякая сердцевина, и онъ уподобляется той луковицѣ изъ однихъ только кожицъ и покрововъ, которую изслѣдуетъ въ послѣднемъ дѣйствіи Перъ Гюнтъ.

Но въ драмѣ этой формулѣ противопоставляется формула *довольствоваться самимъ собою*. И въ связи съ извѣстной сценой, гдѣ въ предсмертный день Гюнта томительно окружаютъ клубки непродуманныхъ имъ мыслей, сухіе листья непровозглашенныхъ лозунговъ, сломанныя соломинки несовершенныхъ дѣлъ—формулу *быть самимъ собою* нужно понимать уже какъ предписание стремиться къ *исчерпывающему проявленію* реальной полноты индивидуальнаго содержанія—въ противоположность частичному, случайно опредѣленному всею конкретностью проявленію личности (довольствоваться самимъ собою).

Такимъ образомъ «Перъ Гюнтъ», рядомъ съ цѣльностью и силой воли, выдвинутыми въ «Брандѣ», ставитъ, какъ цѣнность, *постоянство* и *полноту*, богатство проявленія личности. Изъ нихъ признакъ полноты и богатства, самъ по себѣ, не примиренъ съ неустрашимымъ для Ибсена моментомъ *цѣльности* воли, если, конечно, не брать произвольную предпосылку о *матеріальномъ* единствѣ личности.

Такимъ образомъ въ «Перъ Гюнтѣ» мы встрѣчаемъ уже иное идейное содержаніе, какое-то внутреннее измѣненіе Ибсеновской основной идеи воли. Это измѣненіе, эти новыя понятія *внутренняя я* и *полноты индивидуальныхъ содержаній* явились въ силу того, что эти понятія есть два изъ возможныхъ пониманій *личности*, а, созерцая и жизненно анализируя феноменъ воли, Ибсенъ этимъ самымъ неизбежно подошелъ къ понятію личности, былъ поставленъ съ самаго начала въ непосредственной близости къ этой влекущей, безформенной проблемѣ.

Причина—коренная связь воли съ личностью, и не логическая связь ихъ понятій, а реальная, обуславливающая связь силъ, поскольку воля является стержнемъ и ориентирующей энергіей духовнаго міра въ его сложной совокупности. Поэтому изучающему жизненно волю естественно переходить къ анализу личности: онъ совершаетъ это передвиженіе въ непосредственномъ ощущеніи живой, движущей связи, которая создаетъ для созерцанія—изъ воли и личности—нѣчто дѣйственно-единое.

Но при этомъ, какъ поэтъ, Ибсенъ оставилъ неоформлен-

нымъ затронутое понятіе и, не употребляя самъ терминъ *личности*, говорилъ прямо о содержаніи соотвѣтственнаго понятія.

Но понятіе внѣшней свободы личности (безпрепятственности индивидуальной воли на пути къ ея цѣлямъ) часто привлекаетъ вниманіе Ибсена. Это понятіе и есть какъ бы социальное воплощеніе психологическаго момента силы воли: съ одной стороны сила воли создаетъ для личности возможную свободу передъ лицомъ социальныхъ институтовъ, превозмогая ихъ преграды на пути къ своимъ цѣлямъ; съ другой стороны—только при известномъ максимумѣ этихъ преградъ, то есть, известномъ минимумѣ свободы личности, получаетъ смыслъ самая сила индивидуальной воли.

Поэтому свобода личности и достоинство личности замѣняютъ собой непосредственное понятіе *воли*, когда Ибсенъ переходитъ къ социально-бытовымъ драмамъ—отъ абстрактно идейныхъ, какъ «Брандъ», «Перъ Гюнтъ» и отчасти «Императоръ и Галилеининъ». Въ «Норѣ», «Докторъ Штокманъ», «Столпахъ общества», «Призракахъ» говорится уже о политическомъ и семейномъ самоопредѣленіи личности, то есть о безпрепятственности воли на пути къ ея цѣлямъ, формулированной по отношенію къ двумъ главнымъ категоріямъ внѣшнихъ обусловливаній воли—къ семьѣ и государству. Но эти понятія снова исчезаютъ въ «Строителѣ Сольнесѣ», «Когда мы, мертвецы, пробуждаемся», «Д. Г. Боркманъ» и «Маленькомъ Эйольфѣ». Здѣсь мы вновь встрѣчаемся съ понятіями изъ «Пера Гюнта»: понятіемъ внутренняго я и постулатомъ полноты проявленія индивидуальных содержаній.

Въ связи со всѣмъ тѣмъ, что насъ сейчасъ занимало, будетъ естественно уяснить себѣ, къ какому изъ возможныхъ вообще пониманій *личности* примыкаетъ Ибсенъ.

Понятіе личности связано съ четырьмя моментами духовной жизни: формальнымъ единствомъ сознанія; съ комплексомъ положительно оцѣненныхъ свойствъ индивидуальной психики, ео ipso объединенныхъ соотвѣтственнымъ сознаніемъ; съ полнотою индивидуальных содержаній, и, наконецъ, съ индивидуальной волей.

При первыхъ двухъ основаніяхъ личность есть нѣчто абстрактное (существуетъ лишь *понятіе* личности) — въ одномъ случаѣ вслѣдствіе отдѣленія сознательно-психическаго отъ всей

логической цѣльности; въ другомъ случаѣ—вслѣдствіе частичности устанавливаемого для личности объема, хоть и пересѣкающаго вертикально плоскость сознанія: и тамъ, и здѣсь частичность, но лишь въ разныхъ плоскостяхъ.

Возвращаясь къ Ибсену, мы находимъ, что у него совпадаютъ два изъ отмѣченныхъ только что значеній личности: онъ выдѣляетъ въ личность изъ индивидуальной психики оцѣночную величину — а единственно цѣннымъ въ каждомъ индивидѣ признаетъ его индивидуальную волю. При этомъ личность ограничена у него предѣлами сознанія.

Укажемъ лишь самое важное основаніе тому, чтобы принять, что для Ибсена личность ограничивалась сферой сознательнаго. Какъ мы увидимъ ниже, для ибсеновской идеи, какъ идеи скандинавской, въ высшей степени характерно то, что его сильная личность познаетъ себя въ актѣ противопоставленія всему внѣ-лежащему (природѣ и людямъ). А въ этомъ актѣ противопоставленія, предвкушенія общей борьбы, участвуетъ только сознательная личность—хотя бы потому, что она одна регулируетъ и проводитъ въ цѣломъ всю систему выразительныхъ знаковъ, и особенно внѣшнихъ актовъ индивида.

Будучи неразрывно связана съ сознательностью и индивидуальной силой хотѣнья, личность Ибсена обладаетъ специфически яркимъ самосознаніемъ, хотя и не очень глубокимъ. Причины—отсутствіе безсознательной подпочвы, полное отсутствіе интеллектуальныхъ и культурныхъ содержаній и, наконецъ, сознательное устраненіе всего индивидуальнаго разнообразія матеріальныхъ благъ и цѣлей. Общимъ же образомъ то, что, какъ только что сказано, эта *скандинавская* личность познаетъ себя лишь въ актѣ противопоставленія внѣ-лежащему и потому въ значительной степени лишена плодотворнаго акта всецѣлаго самоуглубленія. Самоуглубленіе, имѣющее необходимо мѣсто и по отношенію къ ней, имѣетъ дѣло уже лишь съ тѣмъ содержаніемъ, смутно формальнымъ и самодовольно дѣйственнымъ, которое явилось въ этой личности въ упомянутомъ актѣ волевого противопоставленія всему внѣ-лежащему — природѣ, другимъ личностямъ, обществу.

Въ основѣ своей, самосознаніе ибсеновской личности есть самосознаніе *героя*. Какъ пустой, неглубоко сидящій, но увѣнчанный прекрасной громадой бѣлыхъ, всегда вздутыхъ парусовъ корабль

(«все, или ничего») — несется это сознание, влекомое безцѣльно мощной волей, отвергнувшее все реально индивидуальное содержание жизни. Какая громадная разница этому, хотя бы, въ самосознаніи томиста, лишь созерцавшаго въ себѣ божественный разумъ...

II.

Опредѣливъ само говорящее содержаніе ибсеновской идеи, прослѣдимъ теперь, какъ опредѣлилось этой идеей его отношеніе къ основнымъ формамъ социальной жизни — государству и семьѣ.

Начнемъ съ вопроса, наиболѣе часто затрогиваемаго: съ отношенія ибсеновской идеи къ социально-политическому моменту. Есть показанія, что анархисты считали Ибсена въ своемъ лагерѣ и это можетъ казаться правдоподобнымъ, пока мы будемъ ограничиваться предѣлами драмъ Ибсена, а среди нихъ имѣть въ виду «Бранда» и «Врага народа», съ заключеннымъ въ этихъ драмахъ яркимъ протестомъ противъ правовой организаціи государства и противъ тиранніи «сплоченнаго большинства». Но это только такъ кажется и вполне можно согласиться съ г. Плехановымъ, полагающимъ, что Ибсенъ стоитъ вообще внѣ социально-политической категоріи, и при аполитизмѣ своемъ вовсе и не можетъ имѣть какой-либо опредѣленной теоріи въ этой области.

Можно уже и въ самомъ «Врагѣ народа» найти доказательство такого мнѣнія. Такъ, въ своей рѣчи Штокманъ обосновываетъ, какъ настоящій докторъ, *медицинически* невѣжество и нищету массъ: причина — нечистоплотность и... недостатка кислорода. Что Штокманъ во всякомъ случаѣ не анархистъ, свидѣтельствуетъ то господство «аристократовъ духа», которымъ онъ предлагаетъ замѣнить тираннію сплоченнаго большинства. Съ этимъ исходомъ конечно не согласится ни одинъ анархистъ и всему смѣшному сумбуру «геройской» рѣчи Штокмана онъ предпочтетъ хотя бы плохенькую федеративную республику. Для Ибсена же эта идея Штокмана — старая, каррикатурно аргументированная идея *героя и толпы* — нѣчто глубоко родственное: при его культѣ мощной, формально волящей индивидуальности, это есть единственно возможная политическая идея, заключающая въ себѣ возведеніе наличнаго распредѣленія единственно пѣнной силы въ роль социально-политическаго явленія. Цѣна же этой идеи, самой по

себѣ, въ наше время уже совершенно ясна. Она не только всецѣло ненаучна и безнравственна,—она не лишена, притомъ, и прямого комизма: указывая, такъ или иначе, примѣты «героя», она отнюдь не указываетъ, какъ можно получить въ необходимомъ количествѣ этого «героя». И онъ остается личностью по примѣтамъ неразысканною.

Но выйдя за предѣлы самихъ драмъ Ибсена, мы получаемъ и болѣе безспорныя доказательства того, что не только Ибсенъ не анархистъ, но что и вообще, трактуя темы социально-политическія, онъ вовсе не руководится критеріемъ, присущимъ этой области, т.-е. мыслить *аполитически*. Объ этомъ свидѣтельствуютъ цѣлый рядъ заявленій, сдѣланныхъ Ибсеномъ въ его частной жизни (источникъ — Брандесъ). Вотъ эти общеизвѣстныя свидѣтельства, въ подлинныхъ словахъ Ибсена. «Пустяки все это, важенъ лишь бунтъ человѣческаго духа. Одна революція хороша: всемірный потопъ. Сдѣлайте *tabula rasa*, и я буду съ вами». «Я собственно никогда не чувствовалъ особеннаго пристрастія къ солидарности... Если бы у насъ хватило мужества вполне и всецѣло освободиться отъ этого воззрѣнія».

Затѣмъ слѣдуетъ заявленіе, что человѣкъ вовсе не обязанъ быть гражданиномъ; затѣмъ—признаніе, что его «всегда привлекало больше само добываніе свободы, чѣмъ процессъ проведенія ея въ жизнь»; наконецъ — заявленіе, что деспотическій строй прекрасенъ потому, что обусловливаетъ наиболѣе сильное стремленіе къ свободѣ.

Изъ этихъ афоризмовъ слѣдуетъ, что для Ибсена дѣло вовсе не въ устраненіи правового централистскаго механизма государства и замѣнѣ его совокупностью наиболѣе мелкихъ и наиболѣе автономныхъ общинъ, какъ для анархиста; что на пути къ обезпеченію индивидуальной свободы онъ стремится къ уничтоженію не только государства, но и всякой общественности, всякой жизни коллектива. Онъ находится вообще внѣ социально-политической категоріи—и черезъ это непризнаніе предпосылокъ ея, и потому, что можетъ положительно оцѣнивать безспорно низкій социально-политическій строй: онъ устанавливаетъ одинаковую для себя формальную, индивидуально-психологическую цѣнность, и когда отвергаетъ всякую общественность, во имя мнимаго максимума личной мощи, и когда превозноситъ деспо-

тичный строй, гдѣ, въ своей неутоленности, не угасаетъ жажда свободы въ сердцахъ рабовъ.

Всѣ эти фактическія свидѣтельства лишь подтверждаютъ то, что проистекаетъ принципиально изъ самой сути ибсеновской идеи. Эта идея единственной цѣнности силы волевого процесса, независимо отъ его содержаній, есть, какъ мы подробно убѣдимся ниже, лишь выраженіе скандинавскаго племенного духа. Скандинавская же сильная душа познаетъ себя въ актѣ волевого противопоставленія всему внѣ-лежащему. Поэтому скандинавскій бунтъ, прежде всего, направляется на государство, какъ на конкретно-историческую рамку индивидуальной воли, наглядно давящую извнѣ,—какъ на дѣйствительно поразительно постоянное, поразительно мощное, поразительно всестороннее препятствіе рождающемуся въ индивидуальной глубинѣ. Государственное свое бытіе скандинавская сильная душа воспринимаетъ, какъ постоянную, унижительную близость слишкомъ сильнаго врага: она чувствуетъ, что живетъ, крошечная, у подножія громадной статуи, великаго идола, который, однако, всегда можетъ ожить и положить ей на голову руку, готовую раздавить.

Но отсюда также ясно, что скандинавскій духъ, воплощенный въ идею Ибсена, возстаетъ не только на государство, но и на всякую общественность, на самую организованную жизнь коллектива: если скандинавская сила познаетъ себя лишь въ противопоставленіи внѣ-лежащему, то очевидно вся организованная громада внѣшняго инобытія окрашена для нея однимъ враждебнымъ тономъ и требуется полное уничтоженіе ея.

Но такая идея и сила, очевидно, заключаетъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе. Именно потому, что скандинавская сила познаетъ себя или въ актѣ борьбы, или ея предвкушеніи, и все *во-внѣ* себя воспринимаетъ, какъ возможнаго врага, она именно поэтому и не можетъ разлучиться съ нимъ навсегда, не можетъ желать его уничтоженія: разъ въ ней нѣтъ самодовлѣющаго внутренняго содержанія, то при этомъ уничтоженіи она должна была бы уничтожиться и сама, какъ непрерывно отвѣчающая ему внутренняя сила. Исчезни на мгновеніе невыносимое *во-внѣ*—исчезла бы и вся сила и содержаніе скандинавской сильной души, какъ исчезаетъ воинскій станъ, когда приходитъ вѣсть о полномъ уничтоженіи врага. Въ желанной абсолютной пустотѣ «ибсеновская» сила ничего не могла бы, да

и не должна была бы хотѣть воздвигнуть; и на *tabula rasa* ничего не могъ бы написать Ибсенъ, ибо все, чего онъ могъ бы вообще пожелать,—было бы уже достигнуто, и онъ увидѣлъ бы, что стремился онъ къ абсолютной пустотѣ и отрицанію. Въ этомъ специальное противорѣчіе ибсеновской идеи.

Но есть и нѣчто общеприцательное въ той непримиримой позиціи, которую занялъ Ибсенъ по отношенію ко всей организованной жизни коллектива.

Единственно извѣстная душа,—это душа, непоправимо вовлеченная въ процессъ коллективнаго *Werden*, и только и могущая существовать въ этой общественной коллективной атмосферѣ. И нѣтъ *реальныхъ* высотъ за тѣми, которыя могутъ быть созданы социальнымъ процессомъ, который не перестанетъ быть таковымъ, сколько бы ни вливалось въ него максимумовъ индивидуальной мощи. И отпираться отъ такого воззрѣнія—не есть ни мудрость, ни «чуткость къ вѣчнымъ запросамъ духа»: это лишь, въ лучшемъ случаѣ, вѣчное повиновеніе взволнованному чувству и равнодушіе къ единственно сверхсубъективному, — преемственной жизни человѣчества, занимающаго пространство пяти материковъ и трехъ океановъ, нетвердо помнящаго своєю туманной памятью на пять тысячъ лѣтъ назадъ, со страхомъ глядящаго вверхъ, на стынущее солнце. И всякая мысль, которая не учтетъ основныхъ требованій этого цѣлага, подобно кораллову материку, составленнаго смертью милліоновъ ничтожныхъ существъ—не учтетъ, и однако будетъ о немъ говорить, и къ нему прилагаться—такая мысль будетъ жалкимъ ребяческимъ сномъ, въ которомъ, какъ во снѣ, золото и паутина, и живое сердце, и гений, со счастьемъ на плечахъ—лишь невѣсомое ничто.

Такой мертворожденной идеей является, очевидно, и идея безусловнаго отрицанія всякой организованной коллективной жизни—попытка мыслить человѣка и его дѣятельную волю внѣ отрицательныхъ ея условій. Немыслимость такого внѣ общественнаго состоянія доказывалась мыслителями всѣхъ временъ, и не здѣсь, конечно, мѣсто воспроизводить весь объемъ этихъ аргументовъ.

Къ такой именно идеѣ и пришелъ Ибсенъ въ своей апологіи индивидуальной, формально взятой воли: вмѣсто того, чтобы принять, какъ неизбѣжную посылку, среду коллектива, въ толщѣ котораго только и можетъ развиваться индивидуальная воля—

Ибсенъ, будто бы во славу ея, постулируетъ абстрактную, равноненужную, невозможную пустоту. Онъ поступаетъ при этомъ, какъ воображаемый «метафизическій» голубь Канта, который, чувствуя на своихъ крыльяхъ постоянное сопротивление воздуха, рѣшилъ, что лучше всего онъ летѣлъ бы въ безвоздушномъ пространствѣ. Однако, тамъ полетъ его былъ бы невысшимъ.

Послѣ того, что сказано объ отношеніи ибсеновской идеи къ социально-политической категоріи, и послѣ того, какъ аполитизмъ Ибсена засвидѣтельствованъ для насъ его жизненными афоризмами и даже самой его «анархистической» пьесой «Врагъ народа» — послѣ этого можно ли принять, вмѣстѣ съ Брандесомъ и А. Веселовскимъ, что Ибсенъ истинный социальный писатель и призванъ къ социальной пропагандѣ? Для насъ отвѣтъ можетъ быть только отрицательный, и намъ остается только присоединиться къ словамъ самого Ибсена, сказаннымъ въ одной изъ его рѣчей (рѣчь въ «Союзѣ для защиты женскаго дѣла»): «Я болѣе поэтъ, и менѣе социальный философъ, чѣмъ это обыкновенно думаютъ». Сторонники иного взгляда на Ибсена противопоставятъ, конечно, нашему взгляду рядъ социально бытовыхъ драмъ его. Обратимся къ матеріалу, который даютъ намъ эти пьесы.

Періодъ социально-бытовыхъ драмъ охватываетъ слѣдующія восемь пьесъ: «Союзъ молодежи», «Столпы общества», «Нора», «Привидѣнія», «Врагъ народа», «Расмерсгольмъ», «Дикая утка», «Гедда Габлеръ». Изъ этого ряда двѣ послѣднія — «Дикая утка» и «Гедда Габлеръ» и, болѣе или менѣе, «Привидѣнія» — суть произведенія психологически бытовья; бытовой же даръ Ибсена не подлежитъ никакому сомнѣнію и стоитъ, къ тому же, подъ совершенно инымъ знакомъ, чѣмъ способность къ социальному мышленію и пропагандѣ. Остается пять «социально-политическихъ» произведеній. Во всѣхъ нихъ, кромѣ «Союза молодежи», Ибсенъ не довольствуется сатирой на извѣстное общественное явленіе — онъ стремится дать и нѣчто положительное, дать рѣшеніе социальной проблемы, указать идеаль. И вотъ необходимо признать, что за исключеніемъ «Норы», три остальные пьесы даютъ ничтожные социально-политическіе выводы, а этимъ самымъ — и доказательство неспособности Ибсена къ серьезному социально-политическому мышленію. Если «открытіе» Штокмана о «сплоченномъ большинствѣ» и «аристократахъ духа», будучи и

по своему обоснованію убого, и по своему содержанію аполично, намъ все же безусловно интересно, какъ самое яркое и общее воплощеніе въ терминахъ социальности основной идеи Ибсена,—то въ «Столпахъ общества» и «Росмерсгольмъ» нѣтъ и этого. Все сгущеніе отрицательныхъ красокъ, громоздкая сложность интриги и мелодраматическій финалъ «Столповъ общества»—все это привело лишь къ произнесенію одной банальной фразы: «столпы общества—истина и свобода» (слова Дины). Въ «Росмерсгольмъ» же намѣчается достаточно краткій, и колумбовски простой путь къ спасенію общества: для этого нужно только облагородить всѣхъ людей, «очистивъ ихъ волю и духъ»; и, по-видимому, этому окончательному обновленію общества помѣшало только то, что и самъ Росмеръ чувствовалъ за собой немалый грѣхъ. Эта социальная формула Росмера, какъ идея въ области достижений, можетъ, пожалуй, сравниться съ знаменитой Мольеровской фразой: опій усыпляетъ потому, что заключаетъ въ себѣ *vis dormitiva*. Конечно, общество спасется, если всѣ люди будутъ выхвачены изъ единственно существующаго непреодолимаго процесса коллективнаго *Werden* и будутъ въ главномъ измѣнены. Все дѣло только въ томъ, что это абсолютно невозможно, что это не средство, а сама цѣль; и достигается притомъ лишь регулятивно. Въдь этого не достигло и ученіе Христа: оно истинно побѣдило лишь въ ничтожно малыхъ общинахъ ¹⁾. Такову именно *общину*—тѣсный кругъ уже въ извѣстной степени однородныхъ людей, вмѣсто всего общества, окрашеннаго всѣми историческими красками преступности и неразрѣшимой индивидуальности—и имѣетъ въ виду Ибсенъ всякій разъ, какъ онъ толкуетъ о социальной проблемѣ. Поэтому, кромѣ бессодержательности или неприемлемости его социальныхъ формулъ, общимъ недостаткомъ его социальной пропаганды надо считать еще ложное представленіе о природѣ социальныхъ *процессовъ*. Въ представле-

¹⁾ Кромѣ того, какъ и формула изъ «Столповъ общества», эта формула Росмера прямо не относится къ политической области. Это—какъ по вводимому въ нее понятію (*благородство*), такъ и по самому методу, въ ней заключенному: въ средствахъ своихъ, она отправляется не отъ того, что можетъ быть совершено сразу, по отношенію ко многимъ индивидуамъ, (и выразить въ себѣ эту безличность отношенія), а предлагаетъ имѣть дѣло съ каждой индивидуальной психикой, учитывая самостоятельно процессы и особенности, въ каждой изъ нихъ заключенные.

ни Ибсена процессы эти происходят съ быстротой интеллектуальных процессов индивидуальнаго сознанія—онъ совершенно чуждъ мысли о ирраціональной сложности и медлительности ихъ на дѣлѣ. Въ «Союзѣ молодежи», особенно же во «Врагѣ народа», «Росмерсгольмѣ», «Геддѣ Габлерѣ», рѣшительное выступленіе человѣка уважаемой фамиліи, пара-другая блестящихъ лекцій, одна пламенная рѣчь—все это признается, по меньшей мѣрѣ, началомъ того пути, на которомъ можно измѣнять общество, даже въ тѣхъ основахъ его, по отношенію къ которымъ, какъ учитъ исторія, безсильны бывали труды цѣлой жизни гениальныхъ реформаторовъ.

Но, можетъ быть, Ибсенъ, не будучи способенъ, по самой своей сути, давать лозунги и рѣшать социальныя проблемы, т. е. давать *положительное* въ данной области,—способенъ давать *незамѣнимо-сильную критику* существующаго? сотворить *отрицательный* результатъ разрушенія, рисуя яркія сатирическія картины?

До извѣстной степени это такъ и есть. Несмотря на то, что Ибсенъ отрицалъ всякую государственность и общественность и не видѣлъ существенной разницы между отсталой крошечной Норвегіей и великими странами Запада, несмотря на это, изображая въ своихъ драмахъ общественность норвежскую, онъ этимъ самымъ фактически изображалъ ярко отрицательную общественность, которую долженъ бы былъ безпошадно осудить и истинный социаль-политикъ. Насиліе и громадное лицемѣріе, власть заскорузлыхъ предрасудковъ, тиранія темнаго общественнаго мнѣнія—все это отмѣчало и политическій ликъ норвежскаго общества, страстно возмущившій Ибсена. Эти язвы онъ поражаетъ съ прекраснымъ воодушевленіемъ въ своихъ социальныхъ драмахъ впервые на конкретномъ матеріалѣ, тогда какъ въ «Брандѣ» носители этихъ пороковъ были еще собственно толпой призраковъ, которыхъ великій пасторъ поражалъ и разоблачалъ въ своихъ мысляхъ.

Но все же едва ли можно принять за истинно социальныя сатиры тѣ картины, которыя рисуетъ Ибсенъ въ «Союзѣ молодежи», «Столпахъ общества», «Привидѣніяхъ» и т. д. Въдъ указанные недостатки норвежскаго общества еще болѣе отрицательны съ моральной и съ эстетической точки зрѣнія—что же убѣдитъ насъ, что Ибсенъ порицаетъ ихъ, именно стоя на поли-

тической точкѣ зрѣнія, столь чуждой всей его идеѣ? Въ этомъ направленіи прежде всего плохо дѣйствуетъ самый фактъ, что эти сатирическія картины Ибсена сопровождають тѣ наивныя *положительныя*, въ сущности моральныя, а не политическія выводы, о которыхъ мы говорили. Это сосѣдство компрометируетъ, такъ сказать, въ нашихъ глазахъ разрушительную, сатирическую работу автора: можетъ ли достаточно осторожно и глубоко производить ее тотъ, кто такъ чуждъ всей этой области? Но какова же всякій разъ сама эта сатирическая картина по содержанію? То ли даетъ Ибсенъ, что нужно,—такія ли фигуры и положенія рисуетъ въ этихъ своихъ драмахъ, чтобы возмозженъ былъ серьезный социальный выводъ?

Возьмемъ «Столпы общества». Методъ этой пьесы, какъ обличительной, есть какъ бы методъ *à fortiori*: разъ таковъ столпъ общества, каково же само общество, такихъ людей дѣлающее своими столпами. Такова ли на дѣлѣ фигура этого «столпа», консула Берника, чтобы можно было сдѣлать этотъ выводъ, безпошадно осуждающій все общество? По такой ли части дерева ударяетъ Ибсенъ силой своей руки, чтобы по звуку судить о всей сердцевиной его?

Консулъ Берникъ—человѣкъ низко поступившій съ тремя женщинами; заочно оклеветавшій друга, отъ котораго принялъ великую услугу; человѣкъ, получившій пощечину, рисковавшій навѣрняка жизнью цѣлаго экипажа матросовъ, чтобы утопить этого самаго своего святого друга. И только системой лжи этотъ каторжникъ духа скрылъ преступный грузъ своей жизни и сталъ «столпомъ». Но развѣ скрыть обстоятельства *личной* жизни нельзя въ любомъ обществѣ изъ возможныхъ на землѣ—при чемъ здѣсь суть даннаго общества? А знай родной городъ, что такое Берникъ—онъ развѣ его сдѣлалъ бы «столпомъ»? И развѣ самъ Берникъ не человѣкъ индивидуально честолюбивый и безпринципный—и въ результатѣ не *индивидуально* преступный? Въ этой-то его *исключительности*—все дѣло: Берникъ совершенно индивидуаленъ—значить изъ его характера можно сдѣлать обще-психологическій, моральный, эстетическій, но не социальный выводъ, потому что въ этой области индивидуальная психика сама по себѣ ничего не значитъ, пока нѣтъ опредѣленныхъ основаній думать, что есть много однородныхъ ей, и она сама является лишь *представительницей* ихъ.

Въ меньшей степени, но таковъ же недостатокъ «Норы», какъ соціальной пьесы. Изъ судьбы Норы мы должны вмѣстѣ съ Ибсеномъ сдѣлать выводъ о томъ униженіи, которому подвергается въ женщинѣ человѣческая личность при обыденномъ возрѣніи на бракъ, даже если мужъ благородный и неглупый человѣкъ.

Охотно ли дѣлаемъ мы этотъ выводъ? Нѣтъ, несмотря на то, что въ общемъ «Нора»—единственная пьеса Ибсена, содержащая здоровую и индивидуально-прочувствованную соціальную идею. Почему это такъ? Вся пьеса построена на томъ, что, въ невѣдѣніи добра и зла, Нора, для спасенія здоровья мужа, и не желая безпокоить больного отца—дѣлаетъ подложную подпись на векселѣ. Но читатель и зритель отказываются повѣрить, чтобы взрослой женщинѣ было естественно не знать, что такое подлогъ; едва ли возможно, чтобы многія женщины не слышали никогда этого слова, не усвоили бы безсознательно, вмѣстѣ съ самимъ воздухомъ жизни, массу понятій, а въ томъ числѣ и общее значеніе закона, подлога, преступленія и проч. Нельзя уничтожить впечатлѣнія, что Нора, и какъ хорошенькая женщина, наивна сверхъ мѣры—и что, слѣдовательно, судьба нормальной женщины иная: судьба—потому что полное незнаніе основныхъ свойствъ общественной жизни не можетъ не вліять на всю судьбу человѣка. Словомъ, Нора, какъ и Берникъ, слишкомъ индивидуальна, какъ характеръ, для того чтобы изъ нея можно было сдѣлать съ полнымъ правомъ какой-нибудь выводъ соціального значенія.

Тотъ же недостатокъ заключенъ въ извѣстной степени и въ «Привидѣніяхъ».

Анализъ соціально-бытовыхъ драмъ Ибсена оправдываетъ, слѣдовательно; вполне тотъ выводъ, который можно сдѣлать уже изъ одной общей характеристики его идеи и изъ жизненныхъ афоризмовъ Ибсена. Весь этотъ троякій матеріалъ заставляетъ категорически признать: пропаганда соціальныхъ идей не была и не могла быть истиннымъ призваніемъ Ибсена. Онъ никогда не сходилъ съ своего глубоко оригинального пути, и совпадалъ ли онъ на этомъ пути съ современными соціальными идеями, или возставалъ на нихъ съ присущимъ его личности величіемъ темперамента—онъ равно оставался мыслителемъ аполитическимъ.

Въ этомъ своемъ выводѣ мы рѣзко расходимся со взглядомъ на Ибсена Брандеса и А. Веселовскаго и сходимся съ мнѣніемъ объ Ибсенѣ метафизическаго лагеря нашей литературы. Отъ нихъ,

однако, отличаемся обоснованіемъ такого своего взгляда: не потому, думаемъ мы, призваніе Ибсена внѣ социальной пропаганды, что такая пропаганда есть нѣчто слишкомъ ничтожное для метафизическаго духа великаго норвежца—а только потому, что въ предѣлахъ духа есть нѣсколько областей, и у каждаго поэта свое призваніе, которое онъ не можетъ ни на что безнаказанно промѣнять.

Но и ошибка Брандеса и Веселовскаго свидѣтельствуется весьма поучительно объ узости ихъ критическаго метода: о томъ, какъ опасно, въ сущности, художественному критику быть увлеченнымъ социальными идеями, и какъ ошибочно видѣть залогъ величія художника въ прямой цѣнности его социальныхъ воззрѣній. Только узость подобнаго метода и заставила двухъ выдающихся критиковъ сдѣлать изъ факта, что такой значительный писатель, какъ Ибсенъ, написалъ немало социальныхъ драмъ, тотъ выводъ, что въ нихъ и заключается его призваніе. И весьма интересно также, что этой ошибки не сдѣлалъ Плехановъ: вооруженный уже, повидимому, безусловно ложнымъ методомъ художественной критики, онъ однако слишкомъ давно и серьезно изучаетъ социальную проблему, чтобы не понять всей кажимости призванія Ибсена къ социальной пропагандѣ, не почувствовать съ искреннимъ огорченіемъ той, такъ-сказать, фальсификаціи цѣлой области, которую содержатъ социально-бытовые драмы великаго, но призваннаго къ другому поэта.

Мы говоримъ объ ошибкѣ Веселовскаго и Брандеса не только потому, что ихъ взглядъ не совпадаетъ съ нашимъ: о невѣрности ихъ пониманія Ибсена пусть свидѣлствуютъ и тѣ противорѣчія, въ которыя они впадаютъ, проводя подробнѣе свой взглядъ.

Веселовскій ¹⁾ рѣшительно утверждаетъ, что Ибсенъ «обладалъ всѣми качествами вождя и проповѣдника, способнаго вести за собой массу», онъ привѣтствуетъ первую социальную его драму словами: «...читателю чудится, какъ будто освободившись отъ философскихъ гирь, творчество Ибсена снова свободно двинулось впередъ». А весь періодъ социально-бытовыхъ драмъ характеризуетъ такими словами: «...отрекся отъ пристрастія къ фантастическому, необычайному, грандіозному...» и далѣе: «...какъ

¹⁾ А. Веселовскій, Генрикъ Ибсенъ (этюды).

Антей прикоснулся къ родной землѣ..., и вступилъ наконецъ на свое истинное поприще». По поводу слуховъ о второй «Норѣ», призываетъ его еще разъ вернуться (послѣ «Д. Г. Боркмана») къ социальнымъ драмамъ, восклицая: «сколько работы впереди!». А на самомъ дѣлѣ Ибсенъ послѣ этого написалъ самое выдержанное свое символическое произведеніе «Когда мы, мертвые, пробуждаемся». И на ряду съ этимъ критикъ не только признаетъ, что Ибсенъ былъ «сильнѣе, какъ обличитель, чѣмъ какъ проповѣдникъ», и что «избытокъ философіи и символизма не разъ парализовалъ его... творчество»; но и прямо признаетъ, что «...неясно представлялся ему тотъ строй, который сдѣлаетъ невозможнымъ торжество хищничества и несправедливости»; признаетъ «запоздалое подъ старость выясненіе идеи солидарности», что Ибсенъ «только на склонѣ лѣтъ увѣровалъ въ силу общества»; говоритъ о «развивающемся съ годами культѣ немногихъ избранниковъ», говоритъ,—«пусть онъ ошибался, создавая для будущаго строя несбыточныя формы, внушенныя ему культомъ героевъ». И наконецъ Веселовскій говоритъ: «Зачѣмъ же къ тому самому времени, когда, казалось, творчество поэта достигло наибольшей зрѣлости, стало служить жизни и ея запросамъ... Зачѣмъ все стремительнѣе врывается въ это творчество его незванный другъ—символизмъ?»

Движущей же идеи Ибсена критикъ даетъ такую характеристику: «Онъ самъ—поклонникъ энергіи, хотя бы она проявлялась въ такомъ дѣлѣ, которое идетъ вразрѣзъ съ кодексомъ и моралью»...

Противорѣчія въ приведенныхъ выдержкахъ безспорны; всѣ эти слова Веселовскаго только и говорятъ въ пользу того, что Ибсенъ отнюдь не былъ призванъ къ роли проповѣдника социальныхъ идей. Для лишняго укрѣпленія этой мысли, а не для полемики, конечно, мы и остановились на нихъ такъ подробно.

Непроводимость взгляда А. Веселовскаго на Ибсена выразилась и въ прямой эстетической оцѣнкѣ имъ отдѣльныхъ произведеній. Такъ, по отношенію къ «Перъ-Гюнту» критикъ признаетъ, что «несмотря на бремя символизма», несмотря на то, что какъ разъ въ это время Ибсенъ «страдалъ избыткомъ философіи и символизма», что «все же никогда, ни прежде, ни послѣ, не проявлялась съ такой силой его талантливость». Очень высоко ставитъ Веселовскій и «Сѣверныхъ богатырей», хотя вѣдъ

именно эта пьеса—доказательство «пристрастія Ибсена ко всему фантастическому». Мы съ своей точки зрѣнія вполне находимъ естественнымъ, что свои лучшія вещи, свободныя отъ крупныхъ недостатковъ, создавалъ Ибсенъ, пока онъ шелъ по естественному пути и не приступалъ къ соціальной пропагандѣ. Но какъ могъ бы примирить эту свою оцѣнку Веселовскій со своей основной характеристикой поэта?

Г. Брандесъ, тоже признающій Ибсена истиннымъ соціальнымъ писателемъ, въ противорѣчія съ самимъ собой не впадаетъ, потому что считаетъ символизмъ Ибсена чѣмъ-то положительнымъ и равномѣрно, будто бы, на протяженіи цѣлаго ряда лѣтъ, сплетеннымъ съ его реализмомъ; «запоздалое же выясненіе чувства солидарности» въ Ибсенѣ кажется ему естественнымъ, потому что онъ воспринимаетъ его въ ряду родныхъ скандинавскихъ поэтовъ. На этой почвѣ Брандесъ устанавливаетъ, что Ибсенъ, сперва погруженный въ романтическія идеи, овладѣлъ потомъ современными европейскими идеями и сталъ самымъ современнымъ изъ поэтовъ, что въ этомъ его неувядающая слава.

Но если Брандесъ не противорѣчитъ самому себѣ, то факты ему противорѣчатъ: все болѣе, говоритъ онъ, освобождался Ибсенъ отъ романтики и сталъ наконецъ самымъ современнымъ изъ поэтовъ. Но вѣдь «Женщина съ моря», «Гедда Габлеръ», «Строитель Сольнесъ», «Д. Г. Боркманъ»—все это написано *послѣ* соціально-бытовыхъ драмъ, гдѣ воплощенъ по Брандесу истинный Ибсенъ. А что въ нихъ содержится? Въ «Женщинѣ съ моря»—чистѣйшая романтика; въ «Строителѣ Сольнесѣ»—рассказаніе, что писались соціальныя драмы и убѣжденіе, что это была въ основѣ измѣна «самому себѣ»; въ «Д. Г. Боркманѣ»— снова «романтическое» стремленіе воспѣвать сильную, аморальную волю, и даже образъ злостнаго банкрота показался возможнымъ вмѣстилищемъ этого неудержимаго движенія души Ибсена. Даже уже въ «Геддѣ Габлеръ» нѣчто «романтическое»,—эстетически-аморальный типъ Гедды, родной сестры дикой Тордисъ изъ «Сѣверныхъ богатырей», какъ замѣчаетъ и самъ Брандесъ. И развѣ не знаменательно, что какъ разъ объ этой своей пьесѣ, гдѣ впервые ярко наблюдается возвратъ Ибсена къ родной ему идеѣ, мы имѣемъ слова самого поэта, что это не *pièce à thèse*, т.-е. что «Гедда Габлеръ» написана безъ тенденціи, по свободному влеченію вкуса. А результатъ этой свободы творчества—

созданіе демонической Гедды—еще въ періодъ социальнo-бытовыхъ драмъ.

Гдѣ же въ генезисѣ творчества Ибсена то окончательное освобожденіе отъ «романтики», которое утверждаетъ Брандесъ? Приходится признать, что мнѣніе талантливаго датскаго критика и знатока Ибсена несомнѣнно противорѣчитъ фактамъ, то есть самимъ драмамъ его.

Выше мы видѣли, что въ «Норѣ» и «Привидѣніяхъ» затрoгиваются вопросы брака и семьи¹⁾. Эта же тема, такъ или иначе, опредѣлила и «Комедію любви», «Гедду Габлеръ», «Дикую утку», «Маленькаго Эйольфа», «Строителя Сольнеса» и даже «Сѣверныхъ богатырей». Крупный интересъ Ибсена къ вопросу семьи и брака вполне понятенъ и можетъ быть выведенъ изъ существа ибсеновской идеи. Тотъ, кто сосредоточивается на моментѣ индивидуальной мощи личности, ея виѣшней свободы, долженъ отдать большую дань этимъ социальнымъ проблемамъ. Онъ даже собственно съ этого и долженъ начинать въ своемъ конкретно-социальномъ изысканіи, ибо именно въ области семьи и брака впервые опредѣляется судьба личности и индивидуальной воли. Семья—ячейка государства, и въ то же время его прообразъ; и есть много общаго въ атмосферѣ семьи и государства, въ ихъ значеніи для развитія личности и ея инициативы: личность, которая сумѣетъ найти свою свободу въ семьѣ, этимъ отчасти уже приготовлена къ пониманію цѣны и содержанія свободы политической²⁾.

Въ области брака-семьи Ибсенъ и нашелъ свою лучшую социальную идею—идею «эмансипаціи» женщины; мало того—онъ явился однимъ изъ первыхъ ея проповѣдниковъ. Здѣсь шло дѣло о дѣйствительномъ порабощеніи личности, котораго можно и должно избѣжать, здѣсь дѣло было въ существующемъ еще

1) Вопросъ брака можетъ разсматриваться и самостоятельно. Но очевидно, что есть и общая часть вопроса, ибо суть брака и состоитъ въ томъ, что филолого-психологическія отношенія половъ становятся содержаніемъ института семьи.

2) Это внутреннее средство семьи и государства великолѣпно освѣщается тѣмъ общезвѣстнымъ фактомъ изъ исторіи русской общественности, что политическому революціонному движенію прошлаго столѣтія предшествовала непосредственно революція въ области семейныхъ отношеній, создавшая знаменитыхъ „Отцовъ и дѣтей“.

въ современности и унижающемъ все человѣчество цѣликомъ, видѣ *рабства*. Въ этой чертѣ современности Ибсенъ нашель нѣчто, что онъ могъ безошадно осуждать во всемъ современномъ замиренномъ коллективѣ, не становясь внѣ-жизненнымъ и словеснымъ въ своихъ стремленіяхъ. Съ этимъ всенароднымъ пережиткомъ рабства и связана единственная здоровая социальная идея Ибсена и лучшія идейныя страницы его социально-бытовыхъ драмъ (въ «Норѣ» и «Привидѣніяхъ»).

Но идея Ибсена выразилась въ данной области не только въ проповѣди эмансипаціи женщины: она опредѣлила несравненно глубже весь взглядъ Ибсена на возможное отношеніе половъ, и его цѣненіе и въ этой области достигаетъ свойственной ему героической крайности; оно доходитъ и здѣсь *eo ipso* до внѣ-жизненности, полной абстрактности. И здѣсь Ибсенъ не пересталъ «быть самимъ собой».

Мы имѣемъ тотъ фактъ, что во *всѣхъ пьесахъ* Ибсена—кромѣ «Бранда» и «Врага народа»—выведенъ несчастный бракъ, опредѣленно несчастный, служащій источникомъ мученія для одной изъ сторонъ или для обѣихъ. Возможно ли предположить, что этой всеобщностью Ибсенъ осуждаетъ въ отношеніи половъ лишь социальную закрѣпленность, законную обязательность (церковный бракъ) и обычное рабство въ немъ женщины? Нѣтъ, идея Ибсена заставляетъ его возставать и противъ духовно-свободнаго, и равноправнаго союза женщины и мужчины, если онъ грозитъ длиться неопредѣленно долго, всю жизнь. А эта черта союза неразрывна съ истинною любовью и существованіемъ плодовъ союза—дѣтей: значитъ Ибсенъ возстаетъ противъ самой сути жизненнаго явленія. Объ этомъ свидѣтельствуетъ то рѣшеніе вопроса, которое даетъ Ибсенъ въ своей «Комедіи любви»: не истинно-свободный союзъ духа и тѣла здѣсь воспѣвается, а безжизненное, всецѣло романтическое воздержаніе, уничтожающее само отношеніе—даже позволяющее на мѣстѣ его возникнуть другому, со всѣми атрибутами реальности: считается приемлемымъ тотъ вопіющій фактъ, чтобы героиня пьесы Свангильдъ, послѣ высоко-добровольнаго ухода Фалька, вышла замужъ за знакомаго, поджидаващаго спокойно очереди купца, лишь бы только въ чувствѣ двухъ героевъ не наступило, въ процессѣ жизненнаго осуществленія, обмельчанія и опошленія. Конечно, не наступитъ искаженія отношенія—если не наступитъ самаго

отношенія! Но какая преступная фантастика, какая въ основѣ полная увѣренность въ своей слабости, въ своей способности жить только въ мечтахъ, въ вѣчномъ бѣгствѣ отъ жизни. Мы видимъ здѣсь ибсеновскую идею во всей силѣ ея внѣ-жизненности и понятно почему: абсолютное отрицаніе всякой общественности и государственности не можетъ выразиться естественно ни въ какомъ дѣйствіи, поступкѣ—потому что здѣсь полная нереальность цѣли соединена съ всеобъемлемостью соотвѣтственной формы (государства). Въ лучшемъ случаѣ это было бы нѣчто совпадающее по содержанию съ однимъ изъ существующихъ видовъ уголовныхъ преступленій¹⁾. Но по отношенію къ такому частично входящему въ жизнь моменту, какъ бракъ, любовь, полное отрицаніе и сниманіе жизненнаго осуществленія—выразить, конечно, въ фактахъ можно. Поэтому именно въ «Комедіи любви» абсолютность ибсеновской идеи и отрицанія воплотилось въ фактахъ, а не только въ отвлеченныхъ проповѣдяхъ, и этимъ еще убѣдительнѣе обнаружило свою внѣ-жизненность—а потому незаконность. Черезъ тему брака и любви идея Ибсена, въ нашемъ воспріятіи ея, переводится съ объемлющихъ окраинъ и формъ на конкретный матерьялъ жизни, и мы видимъ, какъ долженъ относиться Ибсенъ, по крайней мѣрѣ въ своей принципиальной оцѣнкѣ, къ единственно существующей стихіи жизни. И мы видимъ, что каждая длительная дѣятельность, разумно-спокойная, довольствующаяся процессомъ накопленія результатовъ, требующая ровнаго, непрерывнаго напряженія воли во имя ближайшихъ средствъ-цѣлей, на которыя разбивается въ реальности всякая общая цѣль, — отрицается Ибсеномъ: отрицается и какъ достиженіе цѣлей, которыя никакой цѣны *ap sich* для Ибсена не имѣютъ, и какъ *постепенное* достиженіе, обусловливающее недостаточно высокій тонусъ индивидуальной воли. Отрицается Ибсеномъ, по существу, и каждое фактическое закрѣпленіе и жизненное осуществленіе стремленія,

¹⁾ Единственная попытка Ибсена *въ фактахъ* выразить свое абсолютное отрицаніе государственности—дана въ уходѣ Бранда съ толпой крестьянъ въ пустыню горъ (если не понимать эту сцену прямо символически). Но и это фактическое воплощеніе идеи—*eo ipso* оказалось *немислимо*, какъ фактъ, и небывало героическій походъ превратился явно въ нѣчто совершенно иной категоріи, вступивъ въ число *возможныхъ вообще* поступковъ: выходъ за предѣлы государства превратился въ *загородную* прогулку.

превращающее психологическую бездну въ институтъ жизни—отрицается потому, что по самой природѣ чувства, въ процессѣ осуществленія стремленіе блѣднѣетъ, перестаетъ совпадать со всей устремленностью живущаго впередъ, все впередъ духа. Такъ отрицаетъ, по мѣрѣ силъ, Ибсенъ неотъемлемыя черты жизни, присущія неизбѣжно и жизни римскаго гражданина, и древняго пышнаго перса, нѣмецкаго бюргера, Перикла, рядового работника политической партіи, профессора, Цезаря и раба. Потому что и у Перикла былъ полдень сытости и у Ньютона часъ духовной пустоты.

Естественно было бы ожидать, что принципъ героической цѣльной воли, цѣнимой независимо отъ ея содержаній, приведетъ Ибсена къ *аморализму*, т.-е. къ непризнанію самой этической категоріи, съ ея абсолютными велѣніями и запретами, обращенными къ индивидуальной волѣ. Ибо, съ точки зрѣнія индивидуальной, формальной мощи, если взять непереработаннымъ въ основахъ душевный міръ человѣка—заповѣди этики ¹⁾ налагаютъ ковы и наносятъ ударъ, расщепляющій единый стволъ воли. Но и ранѣе этого—если стремиться, наряду съ силой и цѣльностью, также и къ внутренней свободѣ личности— обязательно стремленіе къ той свободѣ, которая дана лишь въ исполненіи автономнаго, самому себѣ поставленнаго закона. Тутъ личность остается въ предѣлахъ этической категоріи, но отвергаетъ общепризнанное содержаніе ея заповѣдей, какъ такое, для того, чтобы придти, путемъ свободной оцѣнки, къ свободно установленному нравственному содержанію.

На этой связи сильной, истинно-свободной личности съ отрицаніемъ всякой позитивной этики, хотя бы и божественной, и основано незамѣнимое для искусства явленіе демонизма, люциферства.

Но у Ибсена мы не находимъ ни общаго аморализма, ни общаго отрицанія позитивной морали. Въ этомъ отношеніи онъ ограничивается лишь тѣмъ, что обрушивается на явленія *вырожденія* коллективной этики («Столпы общества», «Комедія

¹⁾ Терминъ *этика* мы употребляемъ здѣсь, какъ видно, не въ широкомъ смыслѣ англійской философіи, а въ тѣсномъ смыслѣ, установленномъ Кантомъ: этическая заповѣдь—категорическій императивъ воли.

любви», «Привидѣнія», отчасти «Гедда Габлеръ»). Это явно слѣдуетъ изъ того, что тѣ жизненныя положенія и фигуры, которыя рисуетъ здѣсь, бичуя ихъ, Ибсенъ, представляютъ нѣчто безусловно отрицательное со всѣхъ точекъ зрѣнія и должны быть осуждены и чисто-внутреннимъ судомъ общественной морали: очевидно, что, осуждая отрицательные случаи извѣстнаго явленія, мы еще не осуждаемъ его самого, а лишь свидѣтельствуемъ его способность къ вырожденію.

Эстетическій аморализмъ—признаніе, что прекрасное не должно быть согласовано съ этикой, и что руководство эстетическимъ критеріемъ освобождаетъ отъ примѣненія критерія этического—проявляется въ драмахъ Ибсена. Прежде всего—въ фигурѣ Йордись («Сѣверные богатыри»): прекрасная дикарка рисуется Ибсеномъ внѣ этической категоріи, и побѣдитъ ли она, или чистая жена Сигурда, то и другое не даетъ никакого этического вывода, а лишь будетъ свидѣтельствовать о томъ, какъ въ жизни разнообразится ношеніе силы. Вторымъ выраженіемъ эстетического аморализма можно считать Гедду Габлеръ, сломавшую Левборга, какъ картонную фигурку. Брандесъ совершенно правильно считаетъ ее родственной Йордись, по общему эмоционально-эстетическому ракурсу фигуры, несмотря на все социальное ихъ различіе. Сюда же можно отнести и Гильду въ «Строитель Сольнесъ».

Такое созданіе главнымъ образомъ женскихъ *аморальныхъ* образовъ—молодыхъ красивыхъ женщинъ—уже само по себѣ свидѣтельствуемъ, что мы имѣемъ дѣло съ аморализмомъ эстетическимъ. И эта автономность красавицы—явленіе далеко не рѣдкое; сравнительно распространенъ и самый видъ эстетического аморализма, какъ основанный на наличной и самостоятельной категоріи эстетического созерцанія и оцѣнки. Несравненно болѣе рѣдкое явленіе—аморализмъ обще-психологическій, потому, что онъ требуетъ коренной реформы оцѣнки, а не только подчеркиванія принципа, который и безъ того существуетъ. Его-то провозглашенія мы и не находимъ у Ибсена. Не видимъ мы, какъ выяснялось только что, и сознанія необходимости выработки автономной морали: понуждаемый своей основной идеей, повидимому, къ высоко-индивидуальному разрѣшенію этической проблемы—Ибсенъ уклоняется отъ этого, какъ бы замалчиваетъ про-

блему ¹⁾. И здѣсь безспорно можно видѣть нѣчто характерное для скандинавскаго строя духа вообще, ярко отличающее его отъ духа германскаго, въ моментѣ переоцѣнокъ цѣнностей.

Германская идея сильной души, положительной личности, создается на почвѣ внутренняго, самодовлѣющаго самоопредѣленія души. И въ этомъ глубокомъ процессѣ внутренняго устроенія и освобожденія—она отбрасываетъ въ извѣстный моментъ все общепризнанное содержаніе этики, а иногда и саму этическую категорію (Ницше). Скандинавская же душа—какъ уже говорилось—познаетъ себя лишь въ актѣ борьбы, въ моментѣ дѣйствительнаго противоположенія всему внѣ ея лежащему. Поэтому то скандинавскій «бунтъ», въ отличіе отъ бунта германскаго и русскаго, не затрагиваетъ этики, и не доходитъ до расторгенія, хотя бы временнаго, ея внутреннихъ оковъ: ибо взятыя въ разрѣзъ, въ своемъ содержаніи—этическія заповѣди познаются именно, какъ самое яркое вѣданіе души съ самою собой.

Къ этой ограниченности скандинавскаго бунта относится весьма интереснымъ образомъ и та характеристика, какую даетъ Брандесъ Киркегору, единственному извѣстному скандинавскому философу и основателю «ибсенизма», прямо вліявшему и на Ибсена. Брандесъ говоритъ въ статьѣ «Романтическая школа въ Германіи»:

«...Въ то время какъ «Соблазнитель Іоаннъ» Киркегора, представляющій наиболѣе законченный типъ этого рода въ нашей литературѣ, постоянно держится въ извѣстныхъ границахъ относительно этическаго начала, которое онъ считаетъ скучной и непріятной, но могучей силой, и на которое поэтому онъ никогда не нападаетъ прямо—Ловель... не отступаетъ ни передъ измѣной, ни передъ убійствомъ»...

Правда, не дѣлая возможныхъ выводовъ, Брандесъ все же въ этой тирадѣ какъ разъ сопоставляетъ скандинавское и германское «дерзновеніе» (Ловель—герой нѣмца Тика) и свидѣтельствуетъ необобщеннымъ фактомъ о предѣльности перваго—объ его ограниченности въ отношеніи къ этической категоріи.

Кромѣ сосуществованія и борьбы, принципы этической и эстетической могутъ также синтетически объединяться—и понятіемъ,

¹⁾ Потому то, въ числѣ установленныхъ выше признаковъ ибсеновскій воли и отсутствовалъ признакъ (нравственной) свободы воли.

выражающимъ этотъ синтезъ этического и эстетическаго, можно считать понятие *благородства*. Благородство—это нравственная природа (святая природа—въ отличіе отъ святой «августиновской» воли, помѣщенной въ африканской грѣшной душѣ). Это—естественная нравственность, съ ея специфической красотой органически стройнаго явленія духа, чуждая вѣчнаго унижительнаго раскола и признанія привлекательности и очарованія темнаго и низкаго ¹⁾).

Естественно ожидать, что такое понятие привлечетъ вниманіе поклонника эстетической цѣльности, равнодушнаго къ чистой этикѣ, какимъ былъ Ибсенъ. И, дѣйствительно, онъ специально трактуетъ понятие *благородства* въ своемъ драматическомъ произведеніи, превосходномъ «Росмерсгольмѣ». Благороденъ тихій, кроткій, какъ бы бесполой Росмеръ, живущій уединенно въ своемъ богатомъ замкѣ, одной органической чистотой своей покоряющій и перерождающій, помимо воли, мятежно страстную Ревекку—ярко «августиновскую» натуру—съ ея «дикой, непобѣдимой страстью», злодѣйствомъ и раскаяніемъ. И политическая цѣль Росмера—сдѣлать людей *благородными*, освободивъ ихъ духъ и очистивъ ихъ волю.

Къ этому же синтетическому понятію *благородства* относятся и «Претенденты на корону» — торжество тихаго, благороднаго Гокона надъ демоническимъ Скуле ²⁾).

III.

Мы изслѣдовали внутреннюю, *говорящую* природу ибсеновской идеи, непреломимый, несмягчаемый формализмъ ея, заключенный въ *исключительной цѣльности силы и цѣльности воли*,—т.е. въ единственномъ цѣненіи опредѣленнаго свойства такой силы, которая сама есть неустрашимый общій моментъ всей жизни человѣка.

Естественно теперь рѣшить вопросъ, уже ярко поставленный

¹⁾ Полюсь *благородства*—*хамства*, понятие также основанное на синтезѣ эстетическаго и этического начала. Отсюда, замѣтимъ мимоходомъ, его значеніе для Мережковскаго, ищущаго метафизическаго синтеза этики и эстетики. Какъ метафизикъ, онъ пишетъ *Хамъ* черезъ большую букву.

²⁾ Что касается отношенія Ибсеновской идеи къ остальнымъ содержаніямъ культуры—*религии, науки, искусства*—то о первомъ вопросѣ ниже еще будетъ рѣчь, второй же и третій мы опускаемъ, въ интересахъ краткости.

всѣми предшествовавшими разсужденіями: насколько вообще законна такая формальная цѣнность, какъ идея Ибсена—и какъ единственное содержаніе оцѣнокъ, и какъ предметъ проповѣди и пропаганды—и, наконецъ, насколько плодотворна и естественна такая идея, какъ содержаніе художественнаго творчества. Это именно вопросы, которые самоочевидно нужно ставить: Ибсень—художникъ, пламенный проповѣдникъ и общепризнанный участникъ всей современной реформы оцѣнокъ.

Вполнѣ законно установленіе самостоятельною высокою цѣнностью—цѣнности воли, какъ творческаго стержня душевнаго міра и реального факта власти надъ жизнью и людьми, съ естественными основными признаками воли—силою и цѣльностью ея. Эта цѣнность будетъ относиться къ жизни, какъ общій регулятивъ; кристаллизованное въ сознаніи категорическое цѣненіе силы и цѣльности воли, можетъ быть, будетъ, въ нѣкоторой степени, постоянно повышать тонусъ воли данной личности, можетъ окрашивать дѣянія людей на пути къ конкретнымъ цѣлямъ нѣкоторымъ *идеалистическимъ* ¹⁾ оттѣнкомъ, а въ опредѣленныхъ пунктахъ жизни можетъ снабжать эти дѣйствія и болѣе замѣтнымъ акцентомъ дѣйственности: въ вѣчномъ пасторатѣ морали, въ педагогикѣ. А наряду съ этимъ, явно сохранена будетъ вся человѣконужная сумма матеріально-индивидуальныхъ благъ и цѣнностей, рождающаяся во времени поочередно *всѣми усиліями* воли—и инсценирующая этимъ впервые основное движеніе воли на ея путяхъ. Тогда цѣненіе формальной воли будетъ подобно магниту, привѣщенному надъ частицами желѣза, извѣстнымъ образомъ построенными и движущимися: не нарушая порядка ихъ движенія, онъ всѣ ихъ равномерно притягивалъ бы къ себѣ. Если же бы этотъ магнитъ попалъ въ самую среду этихъ ча-

¹⁾ Мы употребляемъ здѣсь терминъ *идеалистическій* въ довольно точномъ смыслѣ. Взятая указаннымъ, т. сказ. умѣреннымъ образомъ, идея Ибсена относилась бы къ жизни, какъ въ общемъ относится къ ней и *идеалъ*: регулятивно господствуетъ идеалъ надъ реальнымъ теченіемъ жизни, не уничтожая и не исчерпывая ея внутренняго строенія и стихійнаго измѣненія, по конкретнымъ цѣлямъ и этапамъ, а лишь равномерно и ограниченно влияя на все рождающееся самостоятельно въ ея предѣлахъ—иногда творя нѣчто самостоятельное, но еще долженствующее пройти испытаніе своей жизнеспособности. И сфера *идеала*, плоскость его жизни въ исторіи есть лишь рядъ смѣняющихся и частично достигаемыхъ, т.-е. регулятивныхъ схемъ жизни.

стиць, то онъ уничтожилъ бы совѣтъ и ихъ порядокъ, и ихъ движеніе впередъ. Но именно такъ и поступаетъ Ибсенъ съ тѣмъ великолѣпнымъ магнитомъ, которымъ обладаетъ: въ самое сердце теплаго теченія крошечныхъ частицъ жизни онъ опускаетъ его и проводитъ по всему ряду; онъ разрушаетъ этимъ все его основное движеніе и строеніе—и съ отвращеніемъ созерцаетъ потомъ тѣ частицы, которыя налипли на этотъ магнитъ.

Въ своемъ разрушеніи цѣнности всей современной жизни и культуры идетъ онъ двумя, конечно родственными путями. Произведя разрѣзъ культурной жизни въ данномъ мѣстѣ и времени, онъ обезцѣниваетъ все содержаніе, которое въ этомъ разрѣзѣ находитъ—разъ онъ замѣчаетъ, что воля этихъ людей слаба и нецѣлостна. И фактически, гдѣ бы онъ ни производилъ такое сѣченіе современности,—всегда это было съ одинаковымъ результатомъ абсолютнаго отверженія. Съ другой стороны, Ибсенъ бралъ отвлеченно извѣстную область и сторону современной культуры и теоретически устанавливалъ, что по своей природѣ она неизбѣжно превращаетъ волю человѣка во все болѣе слабнущій токъ—и на этомъ основаніи онъ отвергалъ всю данную область современнаго культурнаго общества. А такъ какъ такіе промѣры своимъ лотомъ и, съ другой стороны, такія общія сѣмки Ибсенъ дѣлалъ всегда съ одинаковымъ для себя отрицательнымъ результатомъ,—то онъ и отрицалъ въ результатѣ все существующее содержаніе и строеніе современной культуры. Его формальная цѣнность героически сильной и цѣльной воли носитя надъ живою системою человѣческихъ благъ, какъ холодный убивающій ураганъ надъ лѣсомъ почекъ. А имъ нужно неистощимо медленное, горячее солнце. Его девизъ *все или ничего* убиваетъ каждую живую силу въ нѣдрахъ жизни: *все или ничего* свободно приводитъ къ *ничему*, ибо *всего* не можетъ быть. Отвергается цѣнность государства и всякой внѣшней организаціи общежитія, во имя фантастической свободы индивидуальной воли, которую нигдѣ не найдемъ—начнемъ ли съ воли пчелы и полипа, кончимъ ли мы волею послѣдняго, передняго золотого вѣка! Бросается безъ сожалѣнія на землю преемственный свѣтъ человѣчества—его великая наука. Мораль замѣчается лишь въ мгновенія ожога. Унижается великая дружба массъ и мысленно не покидающихъ ихъ далекихъ мудрыхъ единицъ, презирается безсмертный духъ демократизма. Предписывается истребленіе са-

мой золотой сердцевины жизненныхъ отношеній, преступно безсильная любовь, которая, потерявъ добровольно свое второе, сладкое тѣло, будетъ въ слѣдующее мгновеніе грызть свое собственное...

Чтобы не сдѣлать незаконной своей императивной формальной цѣнности, Ибсенъ не имѣлъ права не принимать неизбѣжныхъ предпосылокъ, заложенныхъ въ природѣ самой жизни и его же излюбленной воли. На немъ лежала общечеловѣческая обязанность примириться со внѣшними ограниченіями, которыя налагаетъ на индивидуальную волю великая объемлющая ее организациа, въ предѣлахъ которой она только и мыслима—и это по принципу, пронизывающему весь столбъ явленій, начиная съ механическихъ: множество частей не потому координируется въ своихъ дѣйствіяхъ, что этого требуетъ цѣлое, ихъ объемлющее, а наоборотъ—это цѣлое ихъ объемлетъ и координируетъ, создается лишь для того, чтобы было возможно само существованіе множества дѣйствующихъ частицъ, которое есть первичный фактъ. На Ибсенѣ, дальше, лежала общечеловѣческая обязанность принять процессъ медленнаго достиженія, степененія, суммированія, распаденія каждой общей цѣли на рядъ посредствующихъ, мелкихъ цѣлей—средствъ—поскольку все это суть общія черты всякой человѣческой дѣйственности, неотвратно опредѣляемая природой *реальности*, какъ единственнаго предмета всякаго дѣйствія и процесса. Реальность есть нѣчто безконечно сложное, неохватываемое никакой теоріей, иногда лишь плоскостью равное интуиціи, наилучше узнаваемое лишь вблизи, на ходу, въ объятіи; реальность есть мѣсто дѣйствія безчисленныхъ силъ, дѣйствующихъ такъ, какъ если бы силы, исходящей отъ тебя вовсе не было.

Но еще болѣе онъ долженъ былъ бы примириться съ существомъ природы воли—пусть даже не тѣмъ, что вошло въ анализъ Шопенгауэра: онъ не могъ игнорировать ту простѣйшую, основную истину, что воля живетъ и дышитъ лишь опредѣленнымъ содержаніемъ, матеріаломъ благъ индивидуальныхъ и общихъ, которыя лишь и образуютъ цѣли—и токъ ея совсѣмъ прерывается, если она не видитъ передъ собой хотя бы ничтожнѣйшей и грязнѣйшей цѣли. Воля есть *всеобщая форма* человѣческихъ дѣйствій—поэтому она сама, очевидно, не можетъ замѣнить въ оцѣниваемомъ сознаніи человѣка тѣхъ цѣлевыхъ

содержаний, которыми только и пополняется эта форма; и человек может цѣнить извѣстныя общія свойства своего волевого тока—силу и цѣльность его—только тогда, если самоочевидно самостоятельную цѣну сохраняет въ его сознаниі конецъ, къ которому направляется этотъ токъ—опредѣленные блага его жизни. Такъ это—въ жизни, въ осуществленіи оцѣнокъ. Но и въ моментъ теоретической оцѣнки, если дѣло ставится такъ, что призывъ обращается къ самой всеобщей формѣ,—воли—въ игнорированіи всѣхъ ея возможныхъ содержаній,—то передъ сознаниемъ свободно встаетъ основная альтернатива, шире самой жизни: я могу стремиться къ сильному, цѣлостному хотѣнью, но могу и не хотѣть подчеркивать въ себѣ основную двигательную силу воли, и даже могу прямо хотѣть прекратить, пересѣчь ее. Желаніе жить—отсутствіе желанія жить—желаніе не жить. Ибо фактомъ, котораго и самымъ рѣшительнымъ рѣшеніемъ не уничтожишь, были лишь сами конкретныя цѣли и содержанія моей воли. Все это неизмѣнныя, аналитическія истины—поскольку воля есть всеобщая самоочевидная форма всѣхъ дѣйствій, и приводится въ движеніе лишь чѣмъ-либо матеріальнымъ, выходящимъ за предѣлы самаго понятія этой формы. Признаніе единственной цѣнностью формальныхъ свойствъ воли превращало бы отношеніе человека къ жизни и къ самому себѣ въ какую-то игру и спортъ, и никогда человекъ не согласится на такое превращеніе, онъ неудержимо серьезно смотритъ на свою жизнь и себя.—А между тѣмъ, именно, какъ на какой-то божественный спортъ, смотритъ Ибсенъ на жизнь въ своихъ оцѣнкахъ. И его девизъ—хоти хотѣть—просто не доходитъ до сердца человека, совершаетъ свой полетъ въ близкой пустотѣ, между устами и жизнью—что лежитъ подъ сердцемъ человека...

Но все-таки скажутъ можетъ быть, стоя не на психологической, а на чисто оцѣночной точкѣ зрѣнія: нѣтъ абсолютныхъ благъ; возможная система индивидуальныхъ и социальныхъ благъ есть нѣчто относительное, эмпирическое; можетъ быть и нѣчто неистребимое, какъ фактъ, изъ души и воли человека, но нѣчто, могущее теоретически быть отвержено во имя абсолютнаго, хотя бы и формальнаго. Прежде всего слѣдуетъ сказать, что вообще нетрудно достигать мнимой абсолютности и безконечности, разобщая неразрывное, отдѣляя форму отъ содержанія,

средство отъ цѣли. Всякое средство, разобщенное съ цѣлью, становится какъ бы безконечнымъ: безконечно стремленіе скупа, совершившаго въ своей душѣ эту операцію. Но такое расторженіе нерасторжимаго можетъ создать лишь патологическое, и не на этомъ пути надо искать абсолютнаго, внѣпредѣльнаго. Мечтая о немъ, надо помнить, что и все совершенно безсмысленное обладаетъ въ жизни какъ бы безконечностью, ибо и вовсе не имѣетъ цѣли, которая была бы концомъ.

Кромѣ того—приведеннаго возраженія сдѣлать *некому*. Прежде всего—именно поклонники Ибсена, какъ философа, признаютъ абсолютныя блага и цѣли: отдѣляя политическія и экономическія блага, они признаютъ такими абсолютными благами мораль, искусство, науку, объединяемыя религіознымъ синтезомъ. Этими *абсолютными* благами они не могутъ жертвовать ни во имя чего—какъ именно благами абсолютными; для нихъ формализмъ Ибсеновскаго цѣненія, его девизы *хоти хотѣть* и *все или ничею* суть угроза вѣчному достоянію духа.

Тѣ же мыслители, которые признаютъ лишь блага и цѣли эмпирическія, существующія лишь процессуально въ преемственной жизни человѣчества, тѣмъ болѣе не намѣрены обезцѣнивать эти блага во имя формальныхъ свойствъ воли, потому что эти мыслители стоятъ на точкѣ зрѣнія *реальности*, принимаютъ основныя свойства жизни и довольствуются медленными, преемственными достиженіями. Всѣ люди собственно иные, чѣмъ Ибсенъ; какъ фактъ дана во всѣхъ нѣкоторая сумма благъ и цѣлей, которую они не видятъ чѣмъ замѣнить. И одна и таже по содержанію эта сумма благъ и у эмпириковъ, и у метафизиковъ—различно лишь обоснованіе. Въ основѣ всей области *оцѣнки*, какъ неизбежная предпосылка всякаго смысла, лежитъ нѣкоторое содержаніе, понимаемое, какъ реальность. И предпосылка эта, повидимому, объединяетъ всѣ области теоріи и практики—тутъ, такимъ образомъ, уже самый общій аргументъ противъ формализма въ области оцѣнокъ. Повидимому слѣдуетъ признать, что и въ логикѣ, въ двухъ основныхъ ея видахъ, и въ наукѣ, въ философіи, въ психологіи, въ области оцѣнки и (прямо) практической дѣятельности—нужно начинать оперировать надъ уже изначально даннымъ *содержаніемъ*, нѣкою реальностью, которая и есть поэтому предпосылка всякой области и дѣятельности человѣческаго духа.

Съ этой точки зрѣнія идея Ибсена своимъ формализмомъ совершаетъ смертный грѣхъ противъ жизни въ самоѣ объемлющемъ смыслѣ слова. За этотъ грѣхъ, за исчерпывающій формализмъ оцѣнки, и былъ Ибсенъ наказанъ той «долгой страстной недѣлей», съ которой самъ великій норвежець сравнилъ свою жизнь. Такъ охарактеризовать свою жизнь! Это всей силой пало на него проклятіе, которое постигаетъ того, кто, съ презрѣніемъ вѣчнаго юноши, отвергаетъ, какъ ничтожное, единственно существующія для чловѣка, реальныя, развиваемыя содержанія—и не можетъ предложить ничего взамятъ.

Многіе, конечно, не согласятся съ развиваемымъ взглядомъ на философское значеніе Ибсена; но развѣ не ту же оцѣнку своей идеи даетъ онъ и самъ въ своей исповѣдной драмѣ «Строитель Сольнесъ», словами безпокойно кающагося Сольнеса? Сольнесъ раскаивается въ томъ, что строилъ полезныя жилища для людей (символь социально-бытовыхъ драмъ Ибсена), потому что имъ эти дома не нужны, и самъ онъ не поселился бы въ нихъ, если бы и имѣлъ. Но не хочетъ строитель возвращаться и къ тому времени, когда строилъ величественныя церкви, во славу Творца (символь абстрактно-философскихъ драмъ Ибсена): онъ хочетъ отнынѣ лишь строить *воздушныя замки*, которые онъ будетъ дарить блистающей около него юностью Гальдѣ. Но въ значеніи *воздушнаго замка* и мы не откажемъ идеѣ Ибсена: воздушный замокъ и означаетъ бессильно, виѣ-жизненно построенную идею жизни. Мы хотѣли бы даже придать идеѣ скандинавскаго гениа большее значеніе. *Воздушный замокъ* означаетъ сознательное, полное разобщеніе съ жизнью, которая отвергается; но этимъ самымъ онъ означаетъ и самое полное безсиліе и примиреніе съ тѣмъ, что отвергается. Мы же признаемъ, что идея сильной, цѣльной воли, цѣнной и независимо отъ ея содержаній, можетъ быть плодотворнымъ *регулятивомъ* жизни: можетъ висѣть надъ нею, какъ магнитъ, окрашивающій, хотя бы и очень слабо, но равномерно, стремленія людей къ конкретнымъ цѣлямъ и благамъ, нѣкоторымъ *идеалистическимъ* отгѣнкомомъ, въ смыслѣ выше установленномъ. Но для этого дѣйствія какъ разъ нужно сохранять цѣненіе матеріальныхъ благъ, на ряду съ формальной цѣнностью сильной, цѣльной воли. Великолѣпнымъ магнитомъ такого рода и призванъ былъ быть Ибсенъ, и собственно нѣтъ ничего большаго, что бы приписывалось ему безспорно всѣми.

Высоко цѣня, возьмемъ же *призывное искусство* Ибсена, но не пустимъ его идею, какъ чистый принципъ, въ жизнь. Вѣдь если мы будемъ читать его драмы, и *не признавая его* идеи,—онѣ кромѣ художественнаго впечатлѣннѣя, все же произведутъ и на насъ, не признающихъ, возможное вообще, удивительное, хоть и мгновенное дѣйствіе. Таковъ максимумъ. Однако и здѣсь останется, какъ выраженная ненормальность положенія, основное противорѣчіе: только полной внѣжизненностью, непритворнымъ формализмомъ достижима ибсеновская сила порыва—она и охватываетъ насъ. Но тутъ же, столь же неудержимо и интуитивно, ощущается нами *опороченность* этого порыва, ибо онѣ—въ пустотѣ, и полное пренебреженіе общечеловѣческими содержаніями тутъ же охлаждаетъ насъ, и мы *свободны* отъ Ибсена.

Эта неустраняемая двойственность чувства, оправдывающая нашу критику ибсеновской идеи, всего ярче при чтеніи высокаго «Бранда». Мы поражены до слезъ силою Бранда, забываемъ, что передъ нами искусство, созерцаемъ лишь его, паразитальнаго—и въ то же время, всѣмъ сердцемъ мы противъ Бранда за его нечеловѣческой формализмъ цѣненія. И когда онѣ хочетъ вести покорную толпу *никуда*, и она побиваетъ его камнями, мы говоримъ: подѣломъ ему, это жизнь побиваетъ идею Ибсена своими камнями. И когда самъ Ибсенъ осуждаетъ, въ самопротиворѣчіи, своего первенца послѣднимъ возгласомъ изъ облаковъ, мы говоримъ: это не могло кончиться иначе.

До сихъ поръ мы давали лишь критику идеи Ибсена, какъ реформаторства въ области оцѣнокъ. Все же отдѣльно стоитъ вопросъ о силѣ этой идеи, какъ *предмета пропаганды*, какъ оружія для похода на умы. Идея Ибсена дана вѣдь лишь въ формѣ поэтического произведенія и, какъ содержаніе поэзіи, *относительно*, она нами признана весьма дѣйственной. Но какова сила ея *абсолютно*, въ прямомъ жизненномъ смыслѣ? Вѣдь не легкаго береда души, неразрывно слитаго съ эстетическимъ наслажденіемъ, не этой минутной, двойственной смѣси мечты о сильномъ дѣйствіи и пассивнаго созерцанія, ждалъ только Ибсенъ отъ своей идеи въ душѣ читателя. Онѣ ее конечно стремился сдѣлать обнаженно непосредственнымъ факторомъ жизни.

Сила проповѣди и призыва склонна вообще уменьшаться, по мѣрѣ обобщенія ея содержанія: обобщенное содержаніе обла-

дасть малой *id'ee force*-ностью, плохо импульсируетъ волю, если оно не связывается для сознанія, на которое хотятъ подѣйствовать, съ конкретными жизненными воплощеніями. Страстная проповѣдь общей идеи способна лишь временно *увлекать*, а не *перерождаютъ*; для этого же нужно вложить въ душу *новое бытіе*, новые реальные элементы внутренняго ея процесса,— изъ него-то и долженъ родиться въ душѣ соотвѣтственный принципъ, такъ же, какъ онъ образовался и въ духѣ призывающаго. А процессъ этотъ нуждается въ конкретныхъ содержаніяхъ. Особенное значеніе имѣетъ конкретность проповѣди, когда рѣчь идетъ непосредственно о *воли*, объ усиленіи ея (Ибсенъ). Здѣсь данъ какъ бы реальный кругъ: взываютъ къ слабой волѣ, чтобы она, сама на себя дѣйствуя, стала сильной—т.-е. хотятъ найти нѣчто, при помощи самаго этого искомаго. Въ этомъ случаѣ проповѣди специфически важно влить въ душу новое реальное содержаніе, которое и должно порвать реальный кругъ. Нужно отнестись къ душѣ не *логически*, а *жизненчески*, дѣйствовать педагогическимъ выборомъ конкретныхъ содержаній: дарованіе одного такого функционально обновляющаго цѣлевого содержанія плодотворнѣе, чѣмъ безконечныя возгласы о величій сильной воли,—уже потому, что никто не станетъ съ этимъ спорить, и считаетъ это старой истиной.

Въ силу всего сказаннаго о свойствахъ идеи Ибсена, какъ революціонной идеи въ области оцѣнокъ и какъ предмета пропаганды,—естественно она можетъ пріобрѣтать жизненное значеніе лишь для приблизительно однородныхъ единичныхъ личностей, ищущихъ лишь ярко оформливающей идеи для своихъ самостоятельныхъ, но незавершенныхъ переживаній, съ общимъ тяготѣньемъ къ эстетическому центру. ●

IV.

Въ этой главѣ мы дадимъ обоснованіе того уже не разъ упоминавшагося положенія, что подробно анализируемая нами идея Ибсена заключаетъ типичное содержаніе скандинавскаго духа, что она была въ величайшемъ скандинавскомъ поэтѣ лишь внутреннимъ опознаніемъ пробужденной въ немъ племенной струи духа. Этимъ обоснованіемъ мы отъ задачи оцѣнки перейдемъ къ задачѣ объясненія. И незаконное, жизненно безсильное

и безразсудное превратится на нашихъ глазахъ въ многовѣковое, всенародное—и потому неудержимо проявляемое.

Исключительный культъ сильной, цѣльной воли, независимо отъ содержаній и цѣлей ея, культъ героической воли и подвига, я считаю наиболѣе типичной, основной струей скандинавскаго племенного духа и объясняю эту черту духа дѣйствіемъ природы скандинавскаго полуострова. Я вижу въ этомъ всенародномъ психологическомъ образованіи — слѣдствіе вѣчнаго нажима космоса, дѣйствіе космоса этихъ темныхъ береговъ крайняго сѣвера Европы. Одинокіе фіорды, гдѣ въ гранитномъ створѣ, подъ снѣжю близкаго, недвижнаго снѣга, бьется вѣчная пѣна. Пустынныя заливы, снѣжныя горы, скалы,—грозы темнаго моря, страшный фіолетъ сѣверныхъ сіяній, холодныя, чистыя озера, водопады,—вотъ Скандинавія, вотъ Норвегія. Грозное море напрягаетъ одинокую волю, учитъ вѣчно достигать невѣдомаго, заставляетъ цѣнить чудный рискованный процессъ поступательнаго движенія къ неосязаемой границѣ личной судьбы—морскому горизонту, гдѣ изъ холодной туманной дали возникаетъ въ концѣ-концовъ, и растетъ, и становится понятнымъ образъ новой земли. Это Сицилія, викинги? Море приучаетъ душу къ вѣчной воплощенной опасности, приурочиваетъ мечтаніе даже отдыха къ этому трепету у скалъ, возвѣщающему о страшной стихіи. И кажутся львиные бѣлые гребни чьими-то подвигами и туманъ—чьимъ-то замысломъ у горизонта. Родныя скалы, требуя упорнаго труда, снабжаютъ въ теченіе вѣковъ волю человѣка спокойнымъ, суровымъ упорствомъ. Но выше скалъ — снѣжныя вершины. Онѣ снова окрыляютъ волю, и символическимъ своимъ видѣніемъ, и вѣчнымъ, напряженнымъ подъемомъ, онѣ пропитываютъ волю кристалльнымъ волненіемъ, какъ пропитанъ снѣгомъ ихъ вершинъ самъ окрестный воздухъ.

Каждый скандинавъ пережилъ—и это въ теченіе вѣковъ—безразсудныя странствованія надъ бездною, наполненной крутящимся снѣжнымъ прахомъ—съ горящимъ, обвѣтреннымъ лицомъ и раздутыми ноздрями. Когда онъ застывалъ при видѣ сіянія глетчеровъ, въ созерцаніи ревушей полосы высокаго, синяго моря, закинувъ медленно пылающее лицо, на которомъ поставлены честно рыцарскіе голубые глаза, прямой носъ, свѣтлеме, крутящіяся въ простодушномъ весельи у губъ усы. Но и когда онъ съ опущеннымъ лицомъ работалъ надъ тѣсной бороздой земли, или у окна

шилась темная, толстая ткань—безъ воли и сознанія, въ его душу входила тысячью путей, которые мы называемъ пятью путями, грозная низовая стихія и тишина незримыхъ вершинъ.

Этотъ торжественный грозный сѣверъ Скандинавіи и создалъ въ исторіи, викинговъ—завоевателей Гренландіи, Бриттїи, Сициліи: немного больше обработанной стали и дерева—и норманны сдѣлали бы Колумба ненужнымъ. Такимъ образомъ исторія приходитъ на помощь; содержаніе скандинавскаго племенного духа и дѣйственность космическаго элемента Скандинавіи засвидѣтельствованы непосредственно фактомъ существованія *викинговъ*, единственнаго въ исторіи типа социальной психики: героев-завоевателей, романтически безцѣльныхъ скитальцевъ, которыхъ привлекалъ, и у которыхъ великѣ былъ лишь самъ непрерывный рискъ и путь, а держава, лежащая въ концѣ пути, ничтожна. Исторія викинговъ свидѣтельствуетъ, что природой Скандинавіи созданъ былъ ярко опредѣленный строй духа, какова бы ни была его дальнѣйшая судьба, и состоитъ онъ въ самой позѣ борьбы со всѣмъ внѣшнимъ, въ духѣ геройства, какъ процессуальнаго напряженія воли, независимо отъ содержанія пѣли, во единое имя риска. Въ этомъ же видимъ мы и содержаніе идеи Ибсена—и развѣ слѣды, оставленные на землѣ норманнами, нѣчто меньшее, чѣмъ драмы Ибсена?

Этотъ героическій племенной духъ отразился и въ дальнѣйшей исторіи Скандинавіи. Но постепенно какъ бы совершенно исчезъ, и масса современниковъ Ибсена, казалось, еще меньше была похожа на своихъ героическихъ предковъ, чѣмъ другія народности Европы. Кромѣ лицемерія, мелочности, косности, непосредственно возмущавшихъ Ибсена въ горожанакъ, и въ крестьянскихъ слояхъ замѣчается нѣчто противоположное древнему геройству: упорное трудолюбіе, трезвенное, тяжеловѣсное веселье, юморъ— и въ то же время нѣсколько угрюмая сдержанность—вотъ что характеризуетъ современныхъ норвежцевъ. И эта тяжеловѣсная земная активность также несомнѣнно составляетъ основную струю скандинавскаго племенного духа: это *духъ сѣвернаго труженичества*, свѣтло ограниченной энергіи и силы, съ его энтузіазмомъ медленно зрѣющихъ злаковъ и самодовлѣющаго, тихаго движенія временъ года, съ его грубоватымъ весельемъ элементарнаго отдыха. Этотъ духъ сѣвернаго труженичества заключаетъ въ себѣ и глубокое чувство достоинства и свободу, выраженное въ хорошемъ

спокойномъ юморѣ. Это—та свобода и достоинство, которыя рождаются, когда человѣкъ дѣлаетъ все отъ него зависящее, опредѣляетъ свою судьбу такой отраднo сплошной линіей поведенія, какъ линія упорнаго труда. Тогда сознаніе, что судьба все же не зависитъ отъ человѣка, порождаетъ глубокое, съ юмористическимъ отгѣнкомъ, отношеніе къ благополучію и бѣдѣ: и въ томъ, и другомъ тогда здѣсь видится свободный излишекъ, неожиданный плюсъ къ твоимъ силамъ. И радость при этомъ есть что-то, на что нельзя рассчитывать и недостойно человѣка—цѣнится истинно лишь неуловимая доля судьбы, созданная собственными руками.

Итакъ, двѣ противоположныя струи отмѣчаемъ мы въ составѣ племеннаго скандинавскаго духа и сплетеніе ихъ—сплетеніе героизма и будничности, трудолюбія и безразсудства. Яркое сплетеніе ихъ дано въ мифѣ и народномъ эпосѣ Скандинавіи. Боги скандинава—безспорные боги, но развѣ въ то же время они не добродушные, коренастые люди, не порвавшіе исконной связи съ землей, тоже вѣдь божественной. Отъ этихъ боговъ пахнетъ не амврозій, и чѣмъ-то несказаннымъ не блистаютъ ихъ полупрозрачныя плечи: они одѣты въ грубыя шкуры, въ ихъ рукахъ—плохо обработанное дерево и камень, и отъ сильныхъ движеній несетъ запахомъ пота и земли.

Если мы отъ этихъ настоящихъ перейдемъ къ тому богу Скандинавіи, который извѣстенъ тамъ подъ двойнымъ именемъ Генрика Ибсена, то въ самой его жизни, и въ странно легкихъ для бога дѣлахъ—художественныхъ драмахъ—мы найдемъ тоже сплетеніе безразсуднаго героизма и тяжеловѣсной, трезвенной активности: струи духовнаго викингства и духа сѣвернаго труженичества.

Ребенокъ вполне одинокій, сторонящійся отъ сестеръ, запирающійся одинъ на ключъ, частое ночное его бдѣніе, малая жажда любви въ ранней молодости, отсутствіе нормальнаго образованія, семилѣтняя жизнь въ глуши, вскорѣ затѣмъ добровольное изгнаніе на 25 лѣтъ (и въ немъ—бездомное скитаніе, неимѣніе въ теченіе ряда лѣтъ собственной постели и кресла); вся жизнь вдали отъ партій и школъ, полная замкнутость въ дни славы; «ироническая сдержанность въ обращеніи, почти вошедшая въ поговорку». И на ряду съ этимъ—вспышки юмора, аккуратное трудолюбіе въ зрѣломъ возрастѣ, общее заявленіе интимно

близкаго Брандеса, что съ лѣтами Ибсенъ—неистовый Ибсенъ—«превратился въ замѣчательно положительнаго человѣка»; мирная жизнь съ женой и маленькимъ сыномъ. Даже о *двухъ* типичныхъ выраженіяхъ лица Ибсена свидѣтельствуетъ Брандесъ: одно непримиримо-сурово боевое, другое—добродушное, полное свѣтлаго юмора. То же высоко интересное сплетеніе геройства и юмористической тяжеловѣсности и благоразумія, то же характерное *сѣверной силы*, характеризующей скандинавскихъ боговъ и Ибсена, мы находимъ и въ фигурѣ героическаго чудака доктора Штокмана, этого *alter ego* Ибсена. Всякій разъ сила, которую даетъ Ибсенъ въ своихъ произведеніяхъ, есть сила простодушная, неприкрытая внѣшней эстетикой, празднующая свое бытіе иногда грубыми вспышками. И фигуры *сильныхъ* въ драмахъ Ибсена всегда облиты какой-то терпко-бытовой влагой. Тяжелыми шутниками и добрыми малыми остаются все-таки для насъ до конца Штокманъ, Сольнесъ, Перъ Гюнтъ; даже Брандъ, этотъ отвлеченный титаноидъ, говоритъ неизмѣнно простодушнымъ, иногда грубоватымъ, элементарно сильнымъ языкомъ, а языкъ—зеркало, своими осколками улавливающее лучи изъ самой глубины духа, изъ глубинъ срашенія темперамента и интеллекта. Всѣ эти люди тяжеловѣсны, таятъ свою силу въ необдѣланной глубинѣ, и въ минуту участія въ приливѣ веселья, освѣщаютъ тяжелыми шутками понагляднѣе суть дѣла, которому они служатъ всей своей жизнью. Особенно ярко сплетеніе двухъ струй скандинавскаго духа—геройства и сѣвернаго труженичества, въ эпопеѣ «Перъ Гюнтъ». Въ этой драмѣ, какъ мы сказали бы, все—геніально-мужицкое: развитіе характера Пера Гюнта, характеръ инсценирующихъ эпизодовъ, бытовой разливъ первыхъ сценъ, сама фантазія ¹⁾, характеръ безчисленныхъ символовъ, великолѣпно грубая व्यюга ихъ—наконецъ и гудящее повтореніе словъ: «быть самимъ собой». Поразительный размахъ этой эпопеи есть размахъ гигантской крестьянской руки генія, живущаго всюду.

¹⁾ Фантазія не въ общепозитическомъ смыслѣ, а чистая фантазія въ тѣсномъ смыслѣ, какъ созданіе внѣ-жизненныхъ образовъ, можетъ быть эзирнотонкимъ показателемъ эмоціональнаго типа поэта. Она—сила, пользующаяся фондомъ родового опыта, творящая независимо отъ опыта индивидуальнаго и поэтому въ поднятой, такъ сказать, отъ земли и управляемой ею въ воздухѣ массѣ можетъ несравненно проникновенно свѣтиться вся перерабатывающая организація поэта.

Присутствіе въ Ибсенѣ, какъ поэтѣ, второй струи скандинавскаго духа—духа сѣвернаго труженичества, самымъ яркимъ и общимъ образомъ выражено въ большомъ бытовомъ дарѣ поэта-викинга, которымъ запечатлѣнъ цѣлый рядъ его драмъ. Какимъ образомъ у внѣвременнаго, героически волящаго духа, явился интересъ и способность къ изображенію чего-то столь временно-опредѣленнаго, пресыщенно земнаго, какъ быть, жалкій, сѣверный быть? Откуда второе, добавочное зрѣніе? Намъ кажется, можно принять, что бытовой даръ Ибсена есть самое прямое и цѣлостное выраженіе въ его творчествѣ второй, полярной струи его духа—духа тяжеловѣсной, трезво ограниченной активности: и эта же самая струя одна осталась на поверхности современной норвежской жизни, какъ соки изображаемаго быта Норвегій. Это *средство* и дѣлаетъ то, что, несмотря на всю героическую безразсудность своего основного цѣненья, Ибсенъ проникновенно чувствуетъ, какъ что-то родное, непоколебимо спокойныя, мощныя души сѣверныхъ тружениковъ. Всѣ эти рыжіе бургомистры, старые мастера съ крѣпкими словцами, торопливые фогты съ вѣчною мыслью о своемъ живомъ приходѣ, доценты, грызущіе книги, какъ мыши, пожилыя владѣтельницы фермъ, старые, какъ корни, крестьяне, застѣнчивые парни съ крѣпкими кулаками! Весь этотъ людъ, крѣпкими спинами отгородившійся отъ грозной природы, воплощаетъ для Ибсена все же родную его духу тяжеловѣсную стихію упорнаго труда, благодущія и простоты, которая медленно катится впередъ, переплескивая по скаламъ. Все это никакъ не можетъ оторвать отъ своего двойственнаго сердца буйный, гениальный Ибсенъ. Только—лицемѣріе, трусость, лживость, фразерство — и сильнѣе, чѣмъ преступность, челоукоубійство! 1)

1) Стараюсь бросить свѣтъ на происхожденіе бытового дара Ибсена, можно было бы, пожалуй, указать и еще причины, питающія въ скандинавскомъ художникѣ даръ конкретныхъ характеристикъ. Это—созданная космическимъ нажимомъ, яркость и схематичность національнаго характера, съ сравнительно ясными видовыми различіями его. Затѣмъ — миниатюрность коллективнаго характера и затѣмъ придвигаетъ повторяющіяся живыя фигуры какъ бы къ самому лицу. Наконецъ—сама сѣверность природы и активная связанность съ нею сѣвернаго труженика, и сравнительная неэстетичность конкретныхъ живыхъ фигуръ: все это создаетъ какую-то особую бытовую терпкость и *броскость* сѣверныхъ фигуръ, которую легко каждый можетъ ощутить, подумавъ

Итакъ, нами признаются двѣ противоположныя струи въ составѣ скандинавскаго племенного духа. Одну изъ нихъ, струю викингства, мы объясняемъ космическими условіями скандинавскаго полуострова; можетъ ли и вторая, противоположная — духъ сѣвернаго труженичества, быть объяснена дѣйствіемъ того же фактора — природы Скандинавіи? Можетъ потому, что въ самой этой природѣ данъ дуализмъ и противоположности: водопады, снѣжныя вершины, кипящее море, — съ другой стороны сѣрня, унылыя скалы безплодія, скромныя узкія долины, гдѣ нужно трудиться, трудиться, гдѣ нѣтъ тѣхъ героическихъ опасностей морской бури и заоблачно-начинающихся безднъ. Здѣсь единственная опасность, тебѣ угрожающая — лѣнь, мечтательный отдыхъ, слишкомъ долгая и горячая юность. И вотъ, въ теченіе вѣковъ, гранитностью почвы и краткостью хладнаго лѣта поддерживается непрерывно высоко трудность соціального минимума — создается передъ самымъ лицомъ скандинава какъ бы высокій порогъ, черезъ который непрерывно онъ долженъ шагать, и снова шагать, чтобы не потерять своего мѣста на бесплодной землѣ. Все это пропитало волю скандинава тяжелой трезвой сплю и въ таинственномъ смѣшеніи рядомъ съ викингомъ поставило сѣвернаго труженика. Это живое соотношеніе двухъ противоположностей представляетъ изъ себя дѣйствительно нѣчто сложное. Отъ этой расколотости народнаго духа, возрождается безнадежно ощущеніе испорченной, обезсиленной глубины, которое, я увѣренъ, признаетъ въ себѣ всякій скандинавъ, случайно читающій эти строки.

И герою пришлось уступить. Съ тѣхъ поръ, какъ жизнь стала оскѣдлой и создались, въ сложномъ раздѣленіи труда, традиціонныя мирныя функціи, и христіанская нравственность совершила много разъ свой кругъ, подобный пути небесной влаги, — падая и пропитывая землю, и снова для этого поднимаясь до небесъ, — съ этихъ поръ викингство стало невозможнымъ; оно осталось еще долго лишь въ классѣ феодаловъ, и въ царскихъ родахъ, борющихся за престолъ. Героическое воздѣйствіе скандинавской природы и само ослабѣло, поскольку переходъ отъ варварства

о родинѣ Ибсена, о театрѣ Ибсена, о его драмахъ: какая-то тяжелая фигура коричневыхъ тоновъ назойливо вырисуетъ въ умѣ, съ едва засвѣченной душевной сердцевиной. Что-то немолодое, честное, небыстрое умомъ...

къ культурѣ и предполагаетъ, по существу, уничтоженіе непосредственной связи социальнаго человѣка съ природой. А поскольку это воздѣйствіе и сохранилось, то—въ потенциальномъ видѣ, ибо оно было уже теперь призывомъ къ абсолютно невозможному, будучи разъединено цѣликомъ съ социальной атмосферой и не имѣя ничего соотвѣтствующаго въ системѣ социальныхъ функций. И для скандинава, отъ отца унаслѣдовавшаго что-нибудь христіански полезное, ясно было уже при взглядѣ на великое море, что на другихъ берегахъ его, сейчасъ незримыхъ, но хорошо извѣстныхъ, живутъ такіе же мирные христіане, что это въ сущности, лишь человѣческое *озеро*, хотя бы и бурное ¹⁾).

Но другой видъ воздѣйствія скандинавской природы, творившій въ скандинавской душѣ струю сѣвернаго труженичества, не былъ подавленъ развитіемъ и усложненіемъ социальной атмосферы, ибо онъ опредѣлялъ собой скандинавскую психику главнымъ образомъ черезъ посредство такой нормальной социальной функции, какъ *трудъ*—именно отъ труда требовалъ особой напряженности и непрерывности, и этимъ уже вырабатывалъ въ поколѣніяхъ опредѣленный строй духа. Такимъ образомъ самъ ходъ культуры сдѣлалъ то, что струя наиболѣе характерная для скандинава, струя викингства, культъ подвига, почти цѣликомъ скрылся за непроницаемую шумную поверхность социальной жизни; на поверхности же осталась, владѣя всѣми путями проявленія, лишь струя сѣвернаго труженичества,—струя менѣе индивидуальная, ибо, на ряду съ скандинавомъ, она, такъ или иначе, характеризуетъ и все сѣверное крестьянство. Но мало того: дѣйствуя уже всецѣло косвенно, та же космическая среда окрасила эту преобладающую атмосферу столь ненавистнымъ Ибсену оттѣнкомъ буржуазности, мелочнаго лицемѣрія, почитанія экономически сильныхъ: она заставила скандинавовъ селиться немногочисленными группами прифюрдныхъ селеній и мелкихъ городовъ (сто-

¹⁾ Поэтому формула Ибсена—возстановить волю, испорченную социальной атмосферой, какъ таковой—эта формула вполне соотвѣтствуетъ объективной сути дѣла: Ибсенъ чувствуетъ въ себѣ пробужденнымъ, а въ странѣ кругомъ—усыпленнымъ именно тотъ строй исконнаго племеннаго духа, который и былъ усыпленъ въ жизни норвежскаго народа дальнѣйшимъ развитіемъ социальной атмосферы. Значитъ сознаніе Ибсена—вполнѣ точное эхо племеннаго духа: основной врагъ—усыпитель истинной скандинавской воли, дѣйствительно прежде всего сама социальная атмосфера.

лица Норвегии еще в началѣ XIX столѣтія насчитывала 6 тыс. населенія). Здѣсь мы подходимъ къ интересному вопросу о результатахъ наложенія всего соціального аппарата на суженный субстратъ индивидуальныхъ психикъ: результатомъ является извѣстное измѣненіе соціального содержанія. Суживается масштабъ общественной пользы и границы терпимой индивидуальности; возникаетъ тиранія общественнаго мнѣнія, неизбежно порождающая лицемеріе, трусливый морализмъ и разнообразнѣйшую согнутость индивидуальной воли. Это явленіе естественно назвать *провинциализмомъ* духа.

Такимъ образомъ и само существо культуры, и особенности соціальной жизни Скандинавіи достигаютъ того, что въ современной Норвегии духъ *свернаго труженничества* опредѣленно господствуетъ, какъ бы одинъ существуетъ на поверхности, владея всѣми путями проявленія.

При этомъ, уже и самъ по себѣ, этотъ духъ не исключительно присущъ одному Скандинавскому племени: въ немъ заключается и нѣчто болѣе родовое — *крестьянская концепція жизни*, съ ея фетишизмомъ въ религіозной и политической области, экономическимъ робинзонствомъ и строго родовой функциональностью. Нѣчто еще болѣе общее представляетъ изъ себя явленіе *провинциализма* духа: характерно, однако, для Норвегии то, что она вся является *сплошной* какъ бы провинціей, въ другихъ же странахъ само понятіе провинциализма образуется черезъ противоположеніе «столицѣ», и въ связи съ этимъ два типа соціальной жизни встрѣчаются въ одномъ государствѣ и могутъ стать въ разное время содержаніемъ одной личности.

Все это вмѣстѣ образуетъ духъ *современной культурной* Скандинавіи. Исконный же племенной духъ, *однимъ лишь скандинавамъ присущій*—формальное напряженіе воли, культъ подвига, самодовлѣющей борьбы со всѣмъ внѣ личности лежащимъ—исчезъ почти совершенно съ поверхности современной скандинавской жизни и, какъ маленькая курящаяся струя дыма иногда одна напоминаетъ о присутствіи потухшаго вулкана, такъ и въ Скандинавіи теперь лишь неудержимая страсть къ путешествію и великіе странники ея (Норденшельдъ, Нансенъ) напоминаютъ поверхностному взгляду о какомъ-то погребенномъ исконномъ пластѣ племенного духа. И именно подавленность этого исконнаго строя духа опредѣляетъ и это остаточное проявленіе его:

подавленное, потенциальное частично только и можетъ проявляться въ простѣйшей тождественной формѣ, потому что въ этомъ состояніи никакая сила не можетъ достигать сложныхъ и дифференцированныхъ состояній. А съ другой стороны—именно въ этомъ простѣйшемъ, *физическомъ* видѣ (жажды странствованій) основная струя скандинавскаго духа меньше всего приходитъ въ столкновение съ замиренной, сложною жизнью современности.

Но нѣтъ: потухшій вулканъ сохранилъ еще постоянно дѣятельный, достаточно мощный кратеръ: этотъ живой, прекрасный кратеръ на потухшемъ вулканѣ скандинавскаго племенного духа — *скандинавское искусство*, его рѣдкое огненное дыханіе — голоса лучшихъ скандинавскихъ поэтовъ. Въ этомъ сравненіи воплощѣ точно выражается суть нашего пониманія Ибсена и скандинавскаго искусства вообще. Основная, наиболѣе индивидуальная струя скандинавскаго племени не исчезла совсѣмъ, а лишь погрузилась и уснула въ глубинѣ народнаго духа; этотъ погребенный, первобытный пластъ народной души можетъ обнажиться въ отдѣльныхъ личностяхъ, какъ нѣчто отъ вѣка дремавшее, и затѣмъ быть окончательно оживленъ въ предѣлахъ индивидуальной жизни дѣйствіемъ того же фактора, который нѣкогда создалъ эту черту и въ духѣ самого народа, и который продолжаетъ существовать (скандинавская природа). И такое двойственное происхожденіе чего-либо въ индивидѣ типично для органическаго міра вообще, какъ міра существъ пластическихъ. Есть группа скандинавскихъ психикъ, по отношенію къ которымъ такое обнаженіе и оживленіе первобытнаго пласта племенного духа будетъ явленіемъ закономернымъ, явленіемъ, учитываемымъ впередъ. Эта группа — скандинавскіе поэты и беллетристы, какъ психики опредѣленнаго типа, если ихъ брать и внѣ прямыхъ актовъ творчества. Поэта и беллетриста почти въ каждый моментъ ихъ жизни отличаетъ склонность смотрѣть на окружающую жизнь извнѣ, относиться къ ней эстетически созерцательнымъ, обобщеннымъ образомъ. Все, что онъ видитъ въ жизни, является для него почти исключительно иллюстраціей извѣстной психологической правды и категоріи. Такой иллюстраціей является для поэта принципиально и его собственная личная жизнь—отсюда общеизвѣстное значеніе для поэтовъ ихъ личныхъ романическихъ переживаній (Вергеръ Гёте). Будучи въ состояніи, и даже стремясь сдѣлать свои реальныя жизнен-

ныя переживанія *средствомъ*, предметомъ изображенія, они черезъ это достигаютъ истинно объективнаго къ нимъ отношенія и создаютъ въ предѣлахъ жизни какъ бы *нечеловѣческое*: полную неуязвимость и призрачную безличность своихъ переживаній: все свое для нихъ чужое, и все чужое—свое. Черезъ это человѣкъ съ беллетристическимъ неудержимымъ даромъ дѣлается и лучше, и хуже нормальнаго человѣка, ибо существуетъ одна лишь незамѣнимая жизнь—и ее онъ дѣлаетъ *всецѣло средствомъ*, отдаетъ на съѣденіе какой-то фантастической силы внутри себя же ¹⁾. Эта глубокая особенность отличаетъ поэта и беллетриста отъ всякаго другого художника потому, что и само его искусство принципиально отличается отъ остальныхъ искусствъ: въ связи съ тѣмъ, что *средствомъ поэзіи является чистый знакъ*—слово, она одна имѣетъ своимъ предметомъ *всю жизнь цѣликомъ*, безъ какихъ-либо количественныхъ или качественныхъ ограниченій. Поэтому сама *цѣлостная жизнь*, какъ объемлющая среда индивида, является возможнымъ *средствомъ*, предметомъ беллетристики, поэзіи; а черезъ это истинно способный къ ней имѣетъ на всю жизнь и особое *зрѣніе*, какъ на возможное средство, предметъ обобщеннаго воспроизведенія. Это зрѣніе становится преобладающимъ, поскольку оно создаетъ пассивный, предварительный періодъ творчества, а творческая способность вообще есть культивируемая и санкционируемая всячески неудержимость въ жизни того, кто ею обладаетъ.

Указанная глубокая особенность психики поэта и беллетриста *освобождаетъ его отъ самоочевидной для всякаго иного человѣка, постоянной эмоціональной приобщенности* окружающей его жизни,—создаетъ максимально возможную, принципиальную свободу его отъ ея фактическихъ и идейныхъ содержаній. Если мы теперь возьмемъ поэта *скандинавскаго*, то эта *эмоціональная разобщенность* съ окружающей жизнью еще усилится только что отрицательными отрицательными свойствами скандинавской жизни, и постоянное эстетически созерцательное отношеніе *жизни* приподнимаетъ въ психикѣ скандинавскаго поэта, какъ плену, все современное и культурное—и черезъ это *обнажаетъ* скрытый въ другихъ психи-

¹⁾ Ср. ту характеристику, которую даетъ самому себѣ въ „Найкъ“ Чехова знаменитый беллетристъ Тригорявъ.

какъ исконный пластъ народнаго духа, который есть въѣками спящая *Urville* викинга.

Съ этимъ обнажаемымъ впервые пластомъ тогда вступаетъ въ соприкосновеніе и пробуждаетъ его отъ сна та самая сила, которая нѣкогда создала его въ душѣ народа и, значить, засвидѣтельствовала свою мощь въ этомъ направленіи: космосъ Скандинавіи. И героическое «окисленіе» идетъ быстро и сильно. Въ этомъ нарушеніи успенія первобытнаго племеннаго духа, рядомъ съ космосомъ, принимаетъ участіе и сама организація скандинавскаго поэта; при чемъ въ этой роли выступаетъ уже не специфически беллетристическая складка его души, которая *обнажила* въ ней *Urville* викинга, а нѣчто общее художникамъ всѣхъ категорій: постоянная дѣйственная связь съ своей глубиной, постоянное взрываніе, на путяхъ фантазіи и чувства, этой ноуменальной у обыденнаго человѣка глубины.

Еще сильнѣе обнаженіе первобытнаго племеннаго пласта духа изъ-подъ покрыва современности произойдетъ въ скандинавскомъ поэтѣ тогда, если онъ, какъ Ибсенъ, не получилъ полнаго нормальнаго образованія, не впиталъ въ немъ систематическаго, концентрированнаго плода культуры. Великое, снимаемое лишь для гениевъ интеллекта, значеніе нормальнаго образованія въ томъ, что оно, какъ ровное, теплое дыханіе, проявляетъ тотъ родовый опытъ и потенциалъ культуры, съ которымъ рождается каждый человѣкъ. Поэтому въ Ибсенѣ, не пережившемъ этого момента, наслоенія культуры въ индивидуальномъ духѣ остались въ сравнительно потенциальномъ состояніи: на этой почвѣ тѣмъ легче и полнѣе «беллетристическая» отрѣшенность отъ окружающей родной жизни, притомъ опредѣленно отрицательной эстетически, приподняла, какъ покровъ, современно-культурное въ душѣ Ибсена и обнажила *Urville* викинга. Это совершилось съ нимъ въ ранней юности еще—и это первое обнаженіе внутри чего-то загадочнаго, еще спящаго, болѣе властнаго, чѣмъ сама личность, и означаютъ безсонныя ночи подростка Генрика: когда исчезала, вмѣстѣ съ дневнымъ свѣтомъ, чужая ему современная жизнь, онъ становился свободнѣе и внимательнѣе склонялся надъ спящимъ еще внутри его кратеромъ, откуда вылетали пока только отдѣльныя огненные искры—маленькія стихотворенія подростка и юноши-Ибсена.

Оживаніе обнаженнаго первобытнаго племеннаго пласта духа

совершенно было и въ Ибсенѣ тою жъ силой, которая нѣкогда создала его въ духѣ племени — природою Скандинавіи: сюда относится *приморскость* его родного города и семилѣтнее пребываніе въ глуши Норвегіи, въ Бергенѣ, расположенномъ на самомъ драгоцѣнно-фіордномъ берегу Норвегіи. Совершались безчисленные акты слиянія съ природою, когда въ душѣ скандинавскаго поэта все дрожитъ, все восклицаетъ: вотъ оно! Мы этого мгновенія въ душѣ скандинавскаго поэта понять не можемъ. Это ощущеніе пробужденія чего-то болѣе широкаго и властнаго, чѣмъ самъ индивидуальный духъ — первобытнаго спавшаго духа: оно ударяетъ его сознание о созерцаемыя скалы, о снѣгъ вершинъ, о пелену моря, какъ бы въ стремленіи разрушить невозможный сонъ. Это — мгновение, когда, видя нѣчто поразительное, человекъ убѣжденъ, что дѣло сейчасъ все же не въ этомъ поразительномъ видѣніи. Въ чемъ же другомъ, чего не знаетъ его душа?

Пробужденію въ Ибсенѣ обнаженнаго, первобытнаго племенного пласта, содержаніе котораго — въ безпредметной героической борьбѣ со всѣмъ внѣ-личности лежащимъ — способствовала и матеріальная нужда, которая и всегда налагаетъ въ юности на энергическую волю печать безформеннаго протеста противъ всего внѣшняго. А еще сильнѣе — активность окружающей Ибсена норвежской современности; ибо вооруженное силой общественнаго тиранническаго мнѣнія, оно было непрерывно и медлительно активно, какъ спрутъ. Эти враждебныя притязанія сугубо ничтожной современности, когда вся она показалась бы кошмаромъ проснувшемуся викингу, дѣйствовали потрясающе. Что то презрѣнное и невыносимое, какъ уродливая стѣна передъ самымъ лицомъ, заслонившая гигантскій просторъ. И она еще надвигается, угрожающе растеть въ глазахъ: нуженъ лишь поводъ, чтобы стремительно удалиться отъ этой ужасной стѣны. Такимъ поводомъ, не болѣе, были всѣ обычно указываемыя причины добровольнаго изгнанія Ибсена: литературныя неудачи, разочарованіе въ политическомъ движеніи Норвегіи.

На 25 лѣтъ въ добровольное изгнаніе удаляется Ибсенъ. Не принимаетъ участія и въ жизни посѣщаемыхъ европейскихъ странъ, а только скитается, много лѣтъ подъ рядъ не имѣя своей постели, кресла. Это — прямая манифестация природы пробужденнаго въ немъ духа: это проснувшійся викингъ скитается и ви-

дить, что земля его занята. Какой-то властный призрак заставляет Ибсена не знать покоя и родины—призрак утраченной первобытной земли, еще не охваченной ковами законовъ и правилъ, не занятой удушливыми толпами мирныхъ, обезличенныхъ людей. Какъ отвергъ Ибсенъ глухое общежитіе Норвегіи, такъ отвергаетъ и высшія формы европейской культуры: нѣтъ разницы, изъ его далека все это похоже—все это стѣны, заслоняющіе какой-то просторъ. Какія высокія стѣны!

Urville викинга - норманна, пробужденная въ предѣлахъ индивидуума, извѣстнаго міру подъ именемъ Генрика Ибсена, опредѣлила, какъ мы видѣли, весь внѣшній *habitus* его; и кромѣ того она сдѣлалась всеопредѣляющимъ содержаніемъ поэтического творчества, которымъ былъ такъ богато надѣленъ этотъ индивидуумъ. При этомъ, проходя путь, *возможный* для всякаго волевого состоянія и эмоціи, *неизбѣжный* для той эмоціи, которая не можетъ прямо излиться въ жизнь—интересующій насъ, господствующій элементъ духа Ибсена изъ безсознательнаго, непосредственнаго чувства превратился затѣмъ въ предметъ сознанія и образовалъ въ немъ самостоятельную категорію. Эмоціоноально эстетическимъ, полубезсознательнымъ любованіемъ подвигомъ физическимъ встрѣчаютъ насъ и сѣверные богатыри—сознательную теоретическую проповѣдь подвига духовнаго даетъ намъ уже грандіозная трилогія «Бранда», «Пера Гюнта», «Императора и галилеянина».

То, что мы видимъ въ индивидуальномъ художникѣ Ибсенѣ, пробужденіе «идеи рода»—всенароднаго первобытнаго скандинавскаго духа,—кромѣ признанія громадной его индивидуальности, какъ международнаго поэта, даетъ намъ и углубленное воспріятіе этой индивидуальности. Мы понимаемъ тогда иначе неразложимую простоту и формализмъ ибсеновской идеи, которую мы выше подробно проанализировали. Опредѣленная черта народнаго духа, пока находится въ дѣятельномъ состояніи, проявляется конечно въ жизни его въ разнообразныхъ содержаніяхъ. Но *пробужденіе* ея въ индивидуальной душѣ, какъ нѣчто исключительное, означаетъ, что именно она сама, въ своемъ значеніи общаго психологическаго момента, стала содержаніемъ этой души—и опознаетъ и провозглашаетъ этотъ индивидуумъ именно опредѣленную черту ума или воли, какъ таковую, а не матеріальныя проявленія ея въ жизни. Разумѣтся, для этой

формальности пробужденія и проявленія народной струи нужно еще, чтобы индивидъ, въ коемъ она пробуждается, понуждался, такъ или иначе, познать ее и не могъ достаточно полно и непосредственно проявлять ее въ жизни. Эти условія налицо въ нашемъ случаѣ: Ибсенъ—живущій внѣ-жизненно, оскорбленный родиной поэтъ.

Понимая идею Ибсена, какъ «идею рода», мы, далѣе, впервые понимаемъ и ту преданность и увлеченность установленной цѣнностью, и творчествомъ своимъ, ее возвышающимъ, которая поражаютъ и восхищаютъ въ Ибсенѣ-художникѣ и Ибсенѣ-человѣкѣ каждаго культурнаго скептическаго европейца, какъ восхищали онѣ и культурнаго еврея Брандеса. Мы видимъ сомнамбулическое гениальное существо. Отъ прикосновеній современности оно съ крикомъ пробуждается, какъ настоящая сомнамбула отъ холодной воды, налитой на ея пути. Оно стремится только къ острымъ кровлямъ, залитымъ мертвымъ сіаніемъ, гдѣ не можетъ двигаться бодрствующій человѣкъ.

Пробужденіе въ индивидуумѣ племенного духа, совершенно уснувшаго въ окружающихъ его родныхъ толпахъ, должно давать ему невыразимое чувство найденной, и все же утраченной отчизны—чувство необъяснимаго *успенія* всюду кругомъ чего-то самаго цѣннаго. Невозможное на иномъ пути по своей яркости чувство! Онѣ безсознательно чувствуетъ себя спяющимъ съ уснувшими нѣдрами какой-то громады—и непрестаннымъ, жертвенно-глубокимъ трепетаніемъ своей индивидуальной глубины онѣ жаждетъ всколыхнуть эти однородныя ему, уснувшія нѣдра. Черезъ это Ибсенъ сталъ голосомъ, зовущимъ на самыя вершины—черезъ бездны, и запрещающимъ брать въ дорогу съ собой пищу, веревки и кирки. «Все или ничего». «Побѣдить хотящій».

Принятая нами точка зрѣнія на великаго норвежца должна помочь и въ рѣшеніи вопроса объ *объективности* или *субъективности* Ибсена, какъ поэта. Нѣтъ сомнѣнія, что идеи и оцѣнки, которыя мы находимъ въ его драмахъ, суть въ высшей степени его собственныя идеи и оцѣнки. Слова и мысли Бранда, Штокмана, Дины, Норы, мистика Мақсима, Фалька, г-жи Альвангъ, Сольнеса, Рубека—даже слова и мысли Росмера, Альмерса, даже Гедды Габлеръ—можно всецѣло и безусловно отнести на долю автора. Такимъ образомъ страстная *субъективность* Ибсена, какъ художника, въ обычномъ пониманіи этого слова—ясна и

несомнѣнна для каждаго. Но въ то же время Ибсенъ—какъ бы и объективный художникъ, потому что то духовное содержаніе, которое онъ превращаетъ въ предметъ страстной проповѣди, не только его личное переживаніе, но и въ равной мѣрѣ переживаніе, хотя бы и потенциальное, тысячи психикъ. Это содержаніе составляетъ вѣдь племенной характеръ Скандинавовъ, и вся индивидуальность Ибсена лишь пробужденная сверхъ-индивидуальность. Ясно, что наша точка зрѣнія на Ибсена заставляетъ насъ видѣть въ немъ художника совершенно специфическаго—ни субъективнаго, ни объективнаго въ обычномъ смыслѣ слова: онъ максимально субъективенъ—но именно постольку, поскольку безличенъ, равенъ эху.

Но пробужденная въ Ибсенѣ сверхъ-индивидуальность все же составила содержаніе его души и сознанія, какъ индивидуальных формъ, и проповѣдуемая имъ идея явилась лишь обобщеніемъ всего его индивидуальнаго живого существа. Черезъ это Ибсенъ сталъ въ рядъ совершенно особыхъ, высокаго значенія личностей, которыхъ возможно было бы назвать *кровными проповѣдниками*. Иногда человѣкъ, чаще всего художникъ, даетъ въ своихъ писаньяхъ просто *самого себя*, всю свою индивидуальную духовную организацію. Если изъ эмоціональных пластовъ ея вырастаетъ отчетливая цѣнность, идея—такой писатель становится *кровнымъ проповѣдникомъ* и влияніе его на умы современниковъ специфически сильно.

Всею своей личностью, дышавшей въ его писаніяхъ, и специфическимъ сліяніемъ эмоцій и интеллекта, возможнымъ у художника, такой человѣкъ претворяетъ идею, вводитъ ее изъ безкровнаго міра интеллекта въ міръ волевыхъ переживаній и даетъ ей иначе невозможную *idée force'ность*. Такимъ великимъ *кровнымъ проповѣдникомъ* нужно считать Байрона, идея котораго, соответствуя современному состоянію Европы, была въ то-же время воспоена *фамильнымъ* духомъ Байроновъ и какъ *кровная*, и въ то же время *культурная* идея, обладала заразительностью бациллы. Въ этой же категоріи, а отнюдь не въ категоріи чистой абстракціи, нужно воспринимать и Ницше: онъ не умомъ, а всѣмъ своимъ гениальнымъ нутромъ вспоилъ «ницшеанскую» идею,—не только перевелъ ее изъ области интеллекта въ область эмоціонально-волевою, но даже снабдилъ ее своей кровью! Эту кровавую обоснованность идеи, полное обнаженіе удѣльнаго вѣса

идей и теорій, и ихъ корсенья въ самой живой цѣлостности человѣка и чтуть всѣ неудержимо въ Ницше. Это очень *большая посылка*—цѣлостный, напряженный до безумія человѣкъ!

Къ числу кровныхъ проповѣдниковъ, *ауто-поэтовъ* принадлежить, какъ это ясно, и Ибсенъ. Но въ подробномъ анализѣ мы убѣждались, какъ внѣ-жизненно абстрактна, особенно въ социальнo-политической части, его хотя бы и кровная идея. Затѣмъ—она отягчена элементомъ автобіографическимъ и закутана въ покровы социальности, а кровную идею ауто-поэта нельзя разлагать на части и принимать одну изъ нихъ: она специфически сильна именно эмоциональной цѣлостностью, тѣмъ обитаніемъ собственнаго, отдѣльнаго міра и тѣла, которыми одаряетъ ее организациа ея творца. Еще же болѣе важно то, что идея Ибсена, несмотря на свою кажущуюся огромность, не идетъ до конца и скандинавскій «бунтъ», въ ней воплощенный, не затрагиваетъ сколько-нибудь глубоко проблемы чисто этической и религіозной, потому, что, по самому существу, имѣетъ своей цѣлью лишь борьбу съ внѣ-лежащимъ, истинно цѣлнить и знаетъ лишь свободу внѣшнюю. Въ этомъ, какъ мы еще будемъ имѣть случай убѣждаться, основное отличіе его отъ германскаго «бунта», воплощеннаго въ личности Ницше. По этому всему Ибсенъ цѣлнится и воспринимается все же главнымъ образомъ въ категоріи художественной и литературной, а не философски-идеиной: онъ для насъ прежде всего громадный талантъ и новаторъ искусства, «съ оригинальнѣйшимъ содержаніемъ». И это только справедливо и неизбежно, потому что въ Ибсенѣ, въ отличіе отъ другихъ кровныхъ проповѣдниковъ, дано не *общечеловѣческое*, воплощенное въ индивидуальной плоти, а дано обнаженіе и пробужденіе лишь *ярко-національнаго*, которое само уже заключаетъ *односторонне* развитой общечеловѣчскій моментъ: скандинавскій духъ, выраженный для Европы гениемъ Ибсена, есть типъ души, несвободно односторонне развивающейся, слишкомъ сильно опредѣляемой космической средой социальной жизни.

V.

Видя въ содержаніи ибсеновскаго творчества пробужденіе усыпленнаго культурой скандинавскаго племенного духа, мы этимъ затронули, какъ это было уже ясно, три принципа. Мы признали,

что въ любой современной культурной психикѣ существуетъ скрытый слой *первобытнаго*, слой далекихъ психическихъ образованій, который въ опредѣленно рѣдкихъ случаяхъ, но все же можетъ обнажаться и становиться характеристикой сознательнаго человѣка. Мы признали, во-вторыхъ, присутствіе въ беллетристахъ и поэтахъ принципиально особаго, имъ однимъ свойственнаго отношенія къ объемлющей ихъ, жизненной средѣ. Наконецъ, въ-третьихъ, своимъ пониманіемъ Ибсена мы признали за могушественный факторъ культурныхъ и социальныхъ явленій космическую среду, въ которой они протекаютъ. Что въ этихъ трехъ принципахъ спорнаго?

Существованіе въ современной, одухотворенно грѣшной психикѣ пласта *первобытнаго*—общепризнано, хотя бы въ примѣненіи къ патологической области ея, и выражено въ понятіяхъ *атавизма* и *вырожденія*. Но этого принципиально уже достаточно: какъ бы рѣдко ни проявлялся этотъ психическій пластъ, и какъ бы отрицательно не оцѣнивались эти его проявленія,—онъ признанъ существующимъ, какъ часть бессознательной психики часть, для которой общимъ правиломъ, въ отличіе отъ обыденно, формально бессознательнаго, является безвѣстно-долгое, непрерывное отсутствіе, *разомкнутость* съ сферой сознанія, а потому и *незнакомость* этой части бессознательнаго. Въ такомъ случаѣ нѣтъ теоретическихъ основаній рѣзко ограничивать продолжительность существованія такихъ пластовъ далекихъ психическихъ образованій и шокироваться отдаленностью вѣковъ, къ которымъ они могутъ относиться, хотя, конечно, съ нею вмѣстѣ возрастаетъ и рѣдкость оживанія этихъ древнихъ залежей духа. Съ другой стороны существуетъ, значитъ, общая возможность прибѣгать къ нимъ для объясненія, въ случаяхъ, не относящихся къ области патологіи, въ судебно-психіатрическомъ смыслѣ слова. Напримѣръ, такое обнаженіе первобытнаго пласта психики можно видѣть и въ религиозныхъ явленіяхъ иныхъ сектъ, (именно—хлыстовъ, по какому предмету были весьма интересныя статьи въ «Вѣстникѣ Европы» года три-четыре назадъ). Трудность признанія *первобытнаго* пласта въ современной психикѣ связана не только съ высокоразвитостью этой психики, но и съ тѣмъ, что до сихъ поръ, въ силу преобладанія оцѣночнаго и житейскаго отношенія къ психикѣ надъ научно-теоретическимъ, въ достаточной мѣрѣ не учтенъ дуализмъ сознательнаго и бессозна-

тельного. Не учтено въ достаточной степени и различіе *структуры моза*, и энергетическаго состоянія, *орошенности* этой структуры: въ видѣ такой, чрезвычайно скудно орошенной структуры и существуетъ въ современной психикѣ. слой первобытнаго, о которомъ у насъ идетъ рѣчь, по поводу скандинавскаго искусства.

Такого *летарика эволюціи* и встрѣчаемъ мы въ нашемъ анализѣ величайшаго скандинавскаго писателя.

Мы увидимъ, затѣмъ, ниже, въ предлагаемомъ общемъ очеркѣ скандинавской литературы, что пластъ первобытнаго въ скандинавской психикѣ, по основнымъ условіямъ культуры Скандинавіи—*ближе къ живой культурной поверхности*, чѣмъ въ психикѣ остальныхъ народовъ Европы; черезъ это облегчено значительно оживаніе его въ современной скандинавской психикѣ, а значитъ увеличена и пріемлемость нашего пониманія Ибсена и скандинавскаго искусства вообще. Здѣсь же слѣдуетъ еще оговорить, что мы, собственно, не совсѣмъ точно употребляемъ, въ примѣненіи къ нашей темѣ, понятіе *первобытнаго* пласта въ психикѣ народа. Тѣ свойства племеннаго скандинавскаго духа, которыя мы вскрываемъ по поводу творчества и личности Ибсена, были налицо и въ *варварскій* періодъ жизни скандинавскихъ народовъ: викинги, съ ихъ патріархатомъ, индивидуальной семьей и прочной собственностью на домъ и движимое имущество, были уже *варварами* (а не первобытными дикарями); а именно викинги и обладали тѣми свойствами духа, которыя насъ сейчасъ интересуютъ.

Но вслѣдствіе указанныхъ индивидуальныхъ причинъ этотъ непосредственно интересующій насъ духъ викингства почти исчезъ съ живой поверхности современной скандинавской психики и исчезъ давно. Такимъ образомъ онъ все же образовалъ психическій пластъ, погружившійся въ безвѣстно долгое потенциальное состояніе; поэтому, констатируя его пробужденіе въ психикѣ скандинавскихъ поэтовъ, мы этимъ затрагиваемъ вопросъ о возможности спорадическихъ пробужденій въ современной индивидуальной психикѣ такихъ *летариковъ эволюціи*; этотъ-то вопросъ мы поставили въ самой общей формѣ, говоря о *пластѣ первобытнаго*: тогда меньшее подразумѣвалось бы. Точнѣе же было бы въ нашемъ случаѣ употребить терминъ: пластъ *варварской* психики.

Но скажемъ ли мы — пробужденіе пласта *первобытнаго*, или пласта *варварскаго*, въ примѣненіе къ Ибсену, модно идейному, мудрому «сверхчеловѣку» Ибсену, это все равно прозвучитъ совершенно фантастическимъ парадоксомъ. Таковъ, однако, по существу нашъ взглядъ на скандинавскаго генія. Мы проведемъ въ заключеніи эту свою мысль на гипотетическомъ краткомъ очеркѣ всей скандинавской литературы, гдѣ мы примѣнимъ ее къ норвежскимъ, шведскимъ и датскимъ собратьямъ Ибсена, и самъ Ибсенъ сдѣлается для насъ лишь видовымъ различіемъ скандинавскаго художественнаго генія. При чемъ мы убѣдимся въ этомъ очеркѣ, что такимъ видовымъ отличіемъ Ибсена именно было высокохарактерное стремленіе дать синтезъ пробужденнаго въ немъ исконнаго племеннаго духа съ современной идейностью — дать Европу *sub specie Nordi*. Здѣсь же, для устраненія лишннихъ недоразумѣній, мы должны нѣсколько ближе опредѣлить, что мы разумѣемъ подъ пробужденіемъ въ современной психикѣ пласта первобытнаго, или варварскаго.

Въ этомъ отношеніи необходимо различать интеллектъ съ одной стороны, и элементы чувства, настроенія и оцѣнокъ — съ другой. Элементы интеллекта суть нѣчто структурно-прочное и объективное, непрерывнѣе и преемственнѣе развивающееся, чѣмъ элементы чувства и воли: приходитъ въ первобытное состояніе интеллектъ можетъ, повидимому, лишь подъ вліяніемъ прямыхъ поврежденій мозга. Поэтому прежде всего психика скандинавскаго поэта, заключающая въ себѣ пробужденный изъ подъ культурныхъ наслоеній первичный племенной пластъ духа, сохраняетъ основной аппаратъ культурной мысли, со всѣми ея *средствами*, главный запасъ абстрактныхъ понятій, терминовъ, словъ. Вслѣдствіе этого, съ внѣшней стороны она повидимому вполне способна думать и высказываться, какъ и нормальная современная психика, о любыхъ явленіяхъ современной культуры. Но сама природа интеллектуальныхъ процессовъ и содержаній дѣлаетъ возможнымъ специфически внѣшнее усвоеніе идей и понятій, не заключающее пониманія ихъ сути, ихъ отношенія къ отдѣльнымъ элементамъ того же міра понятій и идей. Такое бесплодно внѣшнее отношеніе допускаютъ къ себѣ и большинство наиболѣе популярныхъ научныхъ идей современности, напр., идея эволюціи, наслѣдственности, идеи подбора, сохраненія энергіи, химическихъ элементовъ. Такимъ образомъ въ области интеллекта, при сохраненіи

всѣхъ средствъ и общихъ путей мысли, могутъ или совсѣмъ исчезать, или существовать номинально высшія ея содержанія, при кажущейся принадлежности ихъ данной индивидуальной психикѣ.

Сохраненіе всѣхъ средствъ и путей мысли принимаемъ мы и въ интересующей насъ сейчасъ психикѣ скандинавскаго поэта, съ пробужденнымъ въ ней пластомъ *первобытнаго* племенного духа. Что же касается усвоенія интеллектуальныхъ содержаній, то это и составляетъ, какъ мы увидимъ въ послѣдней главѣ, основной признакъ для дѣленія скандинавской литературы на три періода; при чемъ первый періодъ характеризуется невозможной ни въ какомъ иномъ слѣчаѣ *пустотой* скандинавской поэтической организаціи въ отношеніи къ идейнымъ содержаніямъ современной культуры ¹⁾.

Если мы возьмемъ теперь область эмоціонально волевою, то первобытность современной психики, вообще говоря, можетъ означать прямое исчезновеніе всѣхъ высшихъ эмоцій—этической, эстетической, исчезновеніе и общаго свойства развитыхъ эмоцій—ихъ тонкости и разнообразія. Конечно, не это мы имѣемъ въ психикѣ скандинавскаго поэта, ибо, какъ организацію поэтическую, ее по существу будетъ отличать обиліе тонкихъ эмоцій, особенно эстетическихъ. Но мы имѣемъ въ ней невыносимую ни въ одной другой современной психикѣ освобожденность отъ всѣхъ социальныхъ инстинктовъ и импульсовъ, и доходящее до отвращенія равнодушіе ко всѣмъ содержаніямъ культуры. Въ связи съ этимъ, сама социальная атмосфера, съ ея родовой дѣйственностью давить душу скандинавскаго поэта, какъ непереносимо низкій потолокъ; и общество себѣ подобныхъ, необходимое для современной социальной психики, какъ вода и воздухъ, съ трудомъ выносимо имъ въ теченіе даже краткаго промежка времени. Отсюда образъ жизни датскихъ художниковъ—Гольберга, Ибсена, Гамсуна, Стриндберга. То, что для современной психики *необходимо*, для скандинавскаго поэта—*невыносимо*: вотъ въ чемъ

¹⁾ Этому не противорѣчитъ возможность отдѣльныхъ *прозрѣній*, даруемыхъ самою природою максимально глубокаго чувства. Возможность такихъ прозрѣній общепризнана въ отношеніяхъ къ интеллектуальной области женщины. А развѣ поэтъ не близокъ къ женщинѣ? Однако такого рода прозрѣніе еще не означаетъ, что психика владѣетъ истинно даннымъ идейнымъ содержаніемъ.

первобытность его психики. Въ немъ сметенъ до основанія строй благъ и привычекъ, которыми питаемся мы ежеминутно всю жизнь, и центръ тяжести оцѣнки и волея выброшенъ далеко въ пустоту. Лишь два мѣста во всей вселенной считаетъ онъ своими — въ двухъ точкахъ просвѣчиваетъ ему истинный, цѣлимый строй міра и жизни: когда онъ окруженъ необитаемой природой, или когда заперся въ своей комнатѣ и тамъ раскрылъ око своей первобытно пламенной души. Любовь, подвигъ и творчество одни цѣнимы—и середины онъ не знаетъ: или равнодушіе, переходящее въ отвращеніе, или дѣтскій энтузіазмъ.

Въ то же время частью этическія, а особенно эстетическія эмоціи въ немъ сохранены; онъ чувствуетъ, какъ его творчество связываетъ его неразрывной нитью съ обществомъ, какъ это непостижимое общество, вмѣстѣ съ нимъ, высоко цѣнить основное движеніе его души. И скандинавскій поэтъ безвозвратно видитъ себя живымъ членомъ двухъ совершенно различныхъ, непримиримыхъ міровъ—и притомъ тотъ міръ, къ которому онъ тайно склоненъ всей душой, пусть и неуловимъ для него же, ибо никакими усилями ума и фантази онъ не можетъ возстановить строй жизни, соотвѣтствующій, по первобытности, пробужденному въ немъ племенному строю духа. Среди природы онъ хочетъ лишь что-то невозможное начать, въ прямыхъ повѣстяхъ о героической старинѣ онъ слышитъ лишь мучительно несвязуемая ноты. Когда онъ скитается, безъ конца странствуетъ—это онъ лишь открываетъ жилы своему внѣ-жизненному, осужденному порыву. Отсюда—замкнутость, частые порывы ироніи, смѣняющіе дѣтскій энтузіазмъ, безумная любовь, какое-то жонглерство на минуту отвлеченными понятіями (Гамсунъ), иногда ненависть ко всему обществу (Стриндбергъ), и ничѣмъ неуничтожаемое одиночество и пустота. Таковъ скандинавскій поэтъ, совмѣщающій въ себѣ творчество, т.-е. высоко культурную функцію и тонкость души, съ цѣлымъ воскресимъ міромъ первобытной воли ¹⁾).

Второй принципъ, заключающійся въ нашей точкѣ зрѣнія на

¹⁾ Считаемъ не лишнимъ оговорить также, что сами понятія *племенной духа, народнаго духа*, нами употребляемые, не заключаютъ въ себѣ ничего ненаучнаго, метафизическаго: здѣсь для насъ заключены не *субстанціи*, какъ это было съ *исторической школой* въ Германіи, развивавшей эти понятія, а мы видимъ здѣсь *абстракціи*, подобныя всѣмъ тѣмъ, которыми непрерывно и неизбежно оперируетъ наука.

Ибсена,—глубоко своеобразное отношеніе беллетриста и поэта къ объемлющей каждую психику стихіи жизни. Онъ въ достаточной мѣрѣ нами освѣщенъ уже выше,—съ одной стороны самыми общими свойствами поэзіи и литературы, какъ искусства *sui generis*, съ другой—общеизвѣстными свойствами жизни поэтовъ: такова, прежде всего, та естественность и легкость, съ которой самыя интимныя переживанія становятся для поэта предметомъ объективнаго изображенія — средствомъ. Затѣмъ — стремленіе всѣхъ поэтовъ создавать себѣ специфическіе *modus'ы* жизни, цѣль которыхъ именно въ свободѣ отъ самодовлѣюще дѣйствующей и цѣлнмой стихіи жизни (страсть поэтовъ къ путешествіямъ, къ божествамъ). Наконецъ, отчасти того же рода доказательствомъ является и почти всеобщее, поразительно глубокое равнодушіе поэтовъ къ социальнo-политической жизни.

Третій принципъ, который мы затрогиваемъ своимъ пониманіемъ Ибсена—вліяніе космической среды на социальныя и культурныя явленія—такъ или иначе есть нѣчто общепризнанное: ни для кого не подлежитъ сомнѣнію, что природа данной страны вліяетъ на темпераментъ и нравы ея жителей съ одной стороны, на ея экономическую исторію—съ другой. Правда, пріемлемость для многихъ природы, какъ фактора культуры, уменьшается по мѣрѣ того, какъ мы восходимъ къ болѣе сложнымъ, «духовнымъ» областямъ социальной жизни; а главное—принимаемое воздѣйствіе космоса на социальную психику не сводится къ точно понимаемому *процессу*, въ отысканіи котораго и заключена вся трудность и суть вопроса. Но однако въ какомъ-то смыслѣ считается несомнѣннымъ (цитируется даже въ учебникахъ исторіи), что южная пустыня вліяла на созданіе монотеизма, природа Индіи—на пантеизмъ, природа Греціи—на возникновеніе мраморнаго Олимпа, а лѣса Германіи, объединившіе своей туманной, угрюмой роскошью низкое, мрачное небо сѣвера—мракъ междуствольный и подземный—создали Нибелунговъ, Валгаллу и валькирій въ облакахъ. Это значить—признается дѣйственность космическаго фактора по отношенію къ высоко-духовной области религіи. Наибольшее признаніе космическаго фактора культуры нашель, какъ извѣстно, въ исторіи цивилизаціи Бокля¹⁾. Намъ кажется,

1) Знаменитая книга Бокля однако заключаетъ въ себѣ безусловно ложное преувеличеніе, основанное на игнорированіи того, что элемента чистой зако-

что въ будущемъ объясненіе космическимъ факторомъ явленій культуры и соціальной жизни будетъ принимать все болѣе широкіе размѣры, захватывая и совершенно новыя области.

Сравнительно просто принять его дѣйствіе на сферу художественнаго творчества, какъ на сферу, физиологичность которой признана уже и теперь въ достаточной степени.

По этому вопросу мы имѣемъ общеизвѣстный принципъ Тэна, пресловутую «среду» его, какъ коренное объясненіе произведеній искусства. Для насъ важно опредѣлить отношеніе нашего приѣма въ объясненіи скандинавской литературы къ этой идеѣ Тэна. Сдѣлаемъ это по возможности кратко.

Методъ Тэна въ изученіи исторіи искусства, повидимому, заключается въ себѣ безусловно крупную долю истины, но въ то же время этотъ методъ знаменитаго французскаго критика слишкомъ упрощенъ. Эта упрощенность, какъ и, съ другой стороны, общій фактъ высокаго развитія художественной критики именно во Франціи, наконецъ, какъ и само искусство французовъ, свидѣтельствуетъ все о томъ же рационализмѣ, какъ основной чертѣ народнаго характера.

«Художественное произведеніе обуславливается совокупностью данныхъ элементовъ, которую должны назвать общимъ состояніемъ умовъ и нравовъ окружающей среды» (стр. 68. Тэнъ. Философія искусства. Русскій переводъ Гудилова). Таково основное опредѣленіе Тэна. *Космическая* среда входитъ въ общее понятіе *среды* впервые въ главѣ о нидерландскомъ искусствѣ (стр. 241) и значеніе ея для произведеній искусства ни разу не оформлено общимъ образомъ; тѣмъ болѣе не установлены и виды ея воздѣйствія, и не данъ *процессъ*, къ которому сводится оно, и въ которомъ и заключена суть вопроса.

Главное значеніе книги Тэна, какъ намъ кажется, въ томъ, какъ приложилъ онъ избранный имъ методъ къ изученію итальянскаго, нидерландскаго и греческаго искусства. Что касается самаго принципа, то едва ли кто-нибудь станетъ спорить, что на произведеніяхъ искусства отражается состояніе «умовъ и нравовъ» соотвѣтственной эпохи. Тэнъ принимаетъ большее: *исключи-*

тельности въ жизни человечества космическая среда обусловить не можетъ, ибо *положительно* она дѣйствуетъ только, какъ нѣчто конкретное, въ обобщенномъ же видѣ есть лишь *отрицательное* условіе соціально-психическихъ явленій вообще.

чительное опредѣленіе этимъ моментомъ произведснія искусства, возможность вывести изъ него безъ остатка все существенное въ данномъ произведеніи. Но это-то большее и не обосновано Тэномъ достаточно. Вопросъ для него простъ, какъ просто для рационалиста всякое явленіе, если онъ думаетъ, что тотъ методъ, который въ его рукахъ, методъ, самъ по себѣ, вѣрный: многіе факты говорятъ за это, да и какъ могла бы умственная и нравственная среда не вліять—итакъ, будемъ объяснять одной этой причиной происхожденіе произведенія искусства. Таковъ ходъ мысли рационалиста Тэна.

Разумѣется, надо принять, что во *всей* совокупности жизни данного народа заключены *всѣ* причины, обусловившія, въ концѣ-концовъ, возникновеніе данного произведенія искусства. Но, по содержанію, онѣ—эти причины—нѣчто несравненно болѣе широкое и сложное, чѣмъ умственное и нравственное состояніе данной эпохи и въ связи съ этимъ онѣ легко могутъ быть фантастически неуловимы въ каждомъ данномъ случаѣ, вслѣдствіе сложности реальныхъ совокупностей. Всей сложностью этихъ, иногда лишь теоретически предполагаемыхъ причинъ, и запечатлѣна сложнѣйшая пластическая величина данного творческаго мозга, въ которомъ могутъ, поэтому, оживать и вліять на создаваемое произведеніе искусства и духовныя образованія болѣе давнія и подсознательныя, чѣмъ плоды «ума и нравовъ окружающей среды». Все наше пониманіе скандинавской литературы, главнымъ образомъ Ибсена, и основано на такомъ *усложненномъ* пониманіи причинъ, которыя могутъ скрещиваться въ творческомъ мозгу, какъ въ конечной автономной инстанціи—для порожденія произведенія искусства. Въ связи съ этимъ различіемъ приѣма, несмотря на то, что и мы прибѣгли къ широкому примѣненію космическаго фактора,—мы приходимъ и къ выводу, едва ли допустимому съ точки зрѣнія Тэна: мы видимъ характерное, постоянно опредѣляющее скандинавскихъ поэтовъ—въ *разрывѣ*, въ глубокомъ, непреходимомъ разрывѣ ихъ съ «состояніемъ умовъ и нравовъ окружающей среды». Въ этомъ именно суть нашего пониманія Ибсена: онъ *противоположенъ* окружающей его «нравственной температурѣ» (выраженіе Тэна) Норвегии, ибо онъ воплощаетъ собой исчезнувшій въ современномъ норвежцѣ, подъ вліяніемъ самаго хода культуры, пластъ племенного духа. Вокругъ него духъ сѣвернаго труженичества, окра-

ценный еще тонами провинциализма; а онъ самъ — викингъ и братъ Ницше.

И этотъ *разрывъ* поэта съ умственной и моральной современностью, недопустимый для Тэна, у насъ необходимо слѣдуетъ изъ того, что мы приняли возможность двоякаго, совершенно разнороднаго воздѣйствія космоса на скандинавскую психику, и почти полную непримиримость результата одного изъ этихъ воздѣйствій съ дальнѣйшимъ ходомъ культуры. Кромѣ того, мы приняли совершенно особое *эстетически-созерцательное*, обобщающее отношеніе поэта къ окружающей его жизни, и этимъ еще указали самостоятельный источникъ для сравнительной независимости отъ окружающей среды—хотя бы художника слова.

Тэнъ и въ пониманіи воздѣйствія космоса на социальную психику остается тѣмъ же упрощенно-мыслящимъ рационалистомъ. «Человѣкъ,—говоритъ онъ,—всегда продолжаетъ движеніе, данное ему природой изначала, потому что способность и стремленія, которыя она въ немъ упрочивала, тѣ вѣдь именно и есть, которымъ она ежедневно удовлетворяетъ (стр. 346).

Между тѣмъ въ нашемъ—правда высоко-индивидуальномъ случаѣ—человѣкъ именно не можетъ продолжать этого движенія, потому что оно трудно примиримо съ самимъ существомъ развившейся социальной атмосферы.

Если даже принять, что разрывъ скандинавскаго поэта съ социальной средой происходитъ не черезъ воскрешеніе въ немъ древняго пласта племенного духа, какъ думали мы, а просто черезъ сознательное противоположеніе себя художникомъ окружающей средѣ, какъ оцѣнивающей личности; если даже принять это, то мы будемъ имѣть опредѣляемость художника умственной и нравственной средой, но опредѣляемость *черезъ противоположеніе*, приводящую къ *разнородности* по содержанію художника и общества—и черезъ это, повидимому, уже выходящую за предѣлы обычнаго критическаго зрѣнія Тэна. И самъ этотъ логически возможный видъ *опредѣляемости средой черезъ противоположеніе* имъ произвольно не отмѣченъ, а черезъ это основныя опредѣленія еще разъ рационалистически упрощены.

Ближе вникая въ понятіе *воздѣйствія космоса* на психику, мы находимъ въ немъ нѣкоторое разнообразіе. Это воздѣйствіе, повидимому, тройное. Прежде всего—*чисто-физиологическое*, подсознательное дѣйствіе чистоты, теплоты, ароматичности воздуха,

яркости солнца, шума, или тишины окружи, величины напряженія въ постоянномъ перемѣщеніи, длительности ночи—кто знаетъ, чего еще—что, приходя, братски касается оболочки нашихъ пяти чувствъ. Эти элементы вѣками окрашиваютъ, тѣснятъ, лѣпятъ нашу волю, чувство, характеръ, умъ, голосъ—горячь вкругъ насъ, какъ прозрачное зарево, для отдачи внутрь неумовимо тонкаго тепла.

Съ другой стороны, космосъ дѣйствуетъ на психику всецѣло черезъ сознание: онъ требуетъ отъ человѣка тѣхъ или иныхъ поступковъ и свойствъ и, изъ основной жизненной нужды эти свойства, черезъ требуемые поступки, вырабатываются въ психикѣ. При этомъ вызываемыя космосомъ дѣйствія бываютъ болѣе или менѣе просты, создаютъ болѣе или менѣе непосредственно извѣстныя свойства духа.

Сѣверное море, горы требуютъ мужества, приучаютъ къ риску, постоянному, какъ наши шаги. Нужно добровольно сдвигать грудью лодку съ надежной земли—въ кипящей прибой, имѣя передъ лицомъ зловѣще темную, подымающуюся пелену моря—для того только, чтобы потомъ было, что съѣсть. Нужно въ льдистой сіяющей стѣнѣ, какъ въ сказкѣ, пройти по пути, котораго еще не существуетъ: вися надъ бездною, нужно рубить слѣдующую ступень въ твердомъ и скользкомъ. Такъ соответственная природа создаетъ мужественный, серьезный характеръ горца или рыбака, но дѣлаетъ культуру его узкой, какъ котомка, которая не должна мѣшать въ горномъ пути. Это черезъ-сознательное дѣйствіе природы можетъ быть болѣе сложно: природа можетъ приурочивать человѣка къ определенному *занятію*, которое уже своей социальнo-психической сущностью вырабатываетъ въ психикѣ извѣстныя свойства. Такъ, на примѣръ, исключительное занятіе торговлей, обусловленное природой, формируетъ весь характеръ определеннаго народа (въ древности—финикияне, кареагеняне, малоазіатскія греческія колоніи).

Оба указанные вида воздѣйствія космоса — психо-физиологической и психологической (простой и сложный), испытываютъ на себѣ, наряду съ людьми и животныя: совершенно индивидуальнымъ мы должны считать характеръ горнаго козла, характеръ орла, чайки. Отъ горнаго козла родныя горы требуютъ рискованныхъ прыжковъ, постоянныхъ странствованій по карнизамъ; а развѣ гремящая близко лавина не должна наполнять цвѣтной

мракъ животной ночи нѣкоторымъ сложнымъ чувствомъ? При этомъ, повидимому, элементарность животной психики дѣлаетъ преобладающимъ именно психологическій (простой), а не психофизиологическій видъ воздѣйствія космоса.

Существуетъ еще третій видъ воздѣйствія космоса и къ нему чувствительны, повидимому, лишь люди. Онъ основанъ на склонности человѣка *отождествлять себя съ объемлющимъ его, эмоционально окрашеннымъ цѣлымъ*. Это гипнотическое объемлющее цѣлое можетъ быть *динамическимъ*, или *неподвижнымъ*. Такъ отождествляетъ себя человѣкъ съ динамическимъ цѣлымъ несущагося экипажа, лодки—и вслѣдствіе этого переноситъ, т. ск. на свой счетъ, мощный двигатель, создающій это движеніе, себѣ приписываетъ эту внѣшнюю мощь. Этотъ психологическій процессъ и лежитъ въ основѣ общечеловѣческаго наслажденія быстрымъ движеніемъ, при чемъ обычно и въ поэзіи, и въ жизни подчеркивается именно передвиженіе при помощи живыхъ силъ (Гоголь—Мертвыя души—«тройка»), потому что въ такомъ случаѣ, отъ большого сродства, есть болѣе яркое основаніе отождествить себя съ объемлющимъ динамическимъ цѣлымъ, и себѣ приписать двигательную мощь ¹⁾.

Съ динамическимъ объемлющимъ цѣлымъ человѣкъ отождествляетъ себя, оно гипнотически мощно и тогда, когда оно составляетъ лишь часть всего внѣшняго опыта, не занимаетъ всего поля зрѣнія человѣка: именно своей динамичностью оно *схватываетъ* его и опредѣляетъ—несмотря на свою частичность, заставляетъ его считать самого себя частью не всего внѣшняго опыта, а именно этой его динамической, такъ сказать, интенсивной части. Динамичность *всей* внѣшней среды даетъ намъ даже, въ силу сказаннаго свойства человѣка, ощущение

1) Изъ сказаннаго понятна страсть къ быстрой ѣздѣ именно созерцательныхъ натуръ и народовъ—знаменитая тройка русскаго народа: мысленная эксплуатация чужой двигательной силы отрадна именно мягкой, пассивной натурѣ. Отсюда, уже нѣсколько иная, дикая страсть къ скачкамъ угрюмыхъ финновъ, молніеносныя олени скачки эскимосовъ. (Въ этихъ случаяхъ дѣйствуетъ, конечно, одновременно и *вызовъ*, бросаемый человѣку огромнымъ свободнымъ пространствомъ. Отсюда же равнодушіе къ быстрой ѣздѣ нѣмца, француза, особенно испанца. Энергичный раг excellence бриттъ любитъ не ѣзду въ чемъ-нибудь, а конную скачку, какъ дающую болѣе активное и тѣсное участіе въ крупномъ двигательномъ процессѣ и, слѣдовательно, законность отождествленія съ нимъ.

ненормальности, *непереносимости*, ибо все разнообразіе и мощь дѣйствующихъ тогда передо мной силъ я не могу сколько-нибудь правдоподобно перенести на свой счетъ. Отсюда чувство угнетенія, непереносимости, охватывающее насъ передъ лицомъ бурнаго моря; и чувство это, при условіи личной безопасности, перемежается медленно въ созерцатель его съ кантовскимъ чувствомъ *высокаго* въ природѣ, пока не выступитъ наконецъ фізіологическая подоплека нашего существа, и мы не пресытимся и не изнеможемъ.

Въ отличіе отъ этого, неподвижное, статическое цѣлое должно быть не только объемлющимъ меня, но и *всеобъемлющимъ*, занимающимъ все поле внѣшняго опыта: только въ такомъ случаѣ человекъ призывается къ объединенію съ нимъ и къ переносу на себя его свойствъ. Кромѣ того, конечно, оно должно быть однородно эмоционально для меня окрашено. Такъ возникаетъ, на примѣръ, несравненное чувство величія и покоя, охватывающее насъ на альпійской вершинѣ. Оно еще сильнѣе, если мы сами съ трудомъ взойдемъ туда, среди неистребимой громады дикою окрестности: этимъ обосновывается *переносъ на себя* созерцаемаго величія; но и поднятый туда въ вагонѣ, безъ затраты энергіи, человекъ неудержимо переноситъ на себя понимаемое по аналогіи значеніе горной высоты. Такими же гипнозами охватываетъ насъ зрѣлище пустыни, морской глади, картина заката, великой рѣки, взятой съ нагорной высоты. Въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ не объ динамическомъ, а о неподвижномъ, статическомъ цѣломъ, точнѣе говорить не о *переносѣ на себя свойствъ среды*, а о *гармонизированіи* нашей психики этими ея свойствами. Но значеніе момента *объемлющаго человека цѣлаго*, который мы выставляемъ, остается и здѣсь господствующимъ.

Можно дать доказательство того, что охарактеризованный только что видъ воздѣйствія космоса зависитъ не отъ значенія природы, какъ таковой, для нашей жизни,—но что здѣсь главную роль играетъ значеніе именно *объемлющаго психику цѣлаго*. Доказательство этого даетъ намъ архитектура. Предметъ архитектуры, зданіе, какъ объемлющая, по идеѣ, рамка нашей жизни, есть на ряду съ природой основной видъ внѣшняго цѣлостнаго охвата психики. И въ связи съ этимъ въ воспріятіи памятника зодчества основнымъ образомъ участвуетъ склонность психики человека объединяться съ эмоциональнымъ, какъ угодно сложно

установленнымъ строемъ, объемлющаго ея цѣлаго: архитектурный *стиль* и есть такая гармонизація въ одномъ направленіи всѣхъ элементовъ зданія, чтобы оно, какъ объемлющій охватъ психики, какъ возможная рамка всего ея внутренняго опыта, заражало насъ опредѣленнымъ цѣльнымъ настроеніемъ—вѣщало бы намъ о цѣльномъ, однородномъ *строй* человеческой жизни.

Какъ относится разбираемый видъ воздѣйствія космоса на психику къ установленному Кантомъ, и прекрасно развитому гениальнымъ Шопенгауэромъ *чувству высокога въ природѣ*? Чувство высокога въ природѣ, по Канту, состоитъ въ томъ, что человѣкъ противопоставляетъ подавляющей физической мощи и величію природы свою духовную (нравственную) мощь: «звѣздное небо» и нравственное величіе человѣка дрожатъ въ эту минуту въ добровольной, гармонической парѣ—все въ той же душѣ человѣка. Въ отмѣченномъ же нами *архитектурномъ* дѣйствіи природы имѣемъ мы нѣчто противоположное: не противопоставленіе природѣ, а отождествленіе съ ней. Въ немъ психика дана формально и вступаетъ въ связь со внѣшнимъ лишь на почвѣ формальныхъ своихъ свойствъ—силы аналогіи, ассоціаціи; и черезъ нихъ она покорно наливается до краевъ сложно воспринятыми свойствами объемлющаго внѣшняго цѣлаго. Здѣсь мы имѣемъ, слѣдовательно, лишь чистую психологію.

Всѣ три разобранные вида воздѣйствія космоса на психику соединялись въ интересующемъ насъ случаѣ. Въ пробужденіи уже обнаженнаго пласта племеннаго духа психики поэтовъ Скандинавіи, въ томъ потрясающемъ воздѣйствіи природы, которое испыталъ въ своей личной жизни и запомнилъ почти каждый изъ нихъ, участвовалъ повидимому, главнымъ образомъ, первый видъ воздѣйствія космоса (психо-физиологическій) — и третій (гармонизація психики съ природой). Въ основномъ же, въковомъ созиданіи самого племеннаго духа Скандинавіи участвовали всѣ три вида. Дѣйствовалъ и физиологическій процессъ «окисленія» психики черезъ пути пяти чувствъ (горный воздухъ и морская соль, шумъ прибоя, краткость хладнаго лѣта); вѣками дѣйствовало и затребованіе опредѣленныхъ поступковъ,—такъ сказать, безсрочный заказъ извѣстныхъ душевныхъ свойствъ (рискованныя путешествія въ морѣ и на горахъ, ремесло фіордскаго рыболова и горнаго охотника,—съ другой стороны убогость, скудность почвы, дѣленной на недѣли, на часы и дни

упорного труда). Наконецъ дѣйствовалъ и процессъ гармонизации психики въ ладахъ объемлющаго круга природы (бури на морѣ, снѣжныя вершины, водопады, трехстихийный фіордъ, лавины весення, сѣверныя сіянія зимы). И такъ какъ природа—рамка жизни постоянная, то два вида воздѣйствія сливались: созерцающая торжественную грозную природу, скандинавъ гармонизировался ей въ ладъ—и въ тоже время эхо всего жизненнаго опыта говорило ему, что и опредѣленныхъ жизненныхъ дѣйствій она требуетъ: чтобы онъ былъ смѣлъ, какъ смѣлы эти львиные гребни волнъ, смѣлъ и упоренъ, какъ смѣлы и упорны вѣдь несомнѣнно эти склоны, ведущіе въ снѣжную вышину. Она вызываетъ его на бой, но и сама одновременно указываетъ путь, на которомъ онъ можетъ побѣждать. Поэтому скандинавскій строй духа въ своемъ элементѣ—отношеніи къ природѣ, также совершенно отличенъ отъ *чувства высшаго въ природѣ*. Древній скандинавъ не эстетически поставленъ, а угрожающе замкнуть былъ въ объемлющій кругъ космоса, и передъ нимъ стояла возможная и санкціонируемая гибель его, хотя бы и героической, личности. Его тѣшило сознаніе и *испытаніе* своей ограниченной, но вполне реальной мощи—а не *познаніе* своей неограниченной, несоотнесительной врагу, мощи нравственной.

Такъ вырастаетъ на космическомъ корнѣ зерно скандинавскаго духа. Оно скоро находитъ себѣ закрѣпленіе и социальное психическое выраженіе: рискованный ходъ по всей странѣ, и по земному шару происходитъ въ средѣ, такъ или иначе населенной *людьми*. Начертаніе героическихъ широтъ и меридіановъ на водной части земли происходитъ среди хотя бы страшно раскиданныхъ обществъ. Это придаетъ безформенному героически порыву яркой социальное утилитарный смыслъ: блужданіе-охота превращается въ завоевательные подвиги, разбойникъ-рыболовъ—въ рыцаря-норманна. Цѣлью становятся раскиданные среди океана южныя и сѣверныя, великіе острова земли: тамъ, на разстояніи нѣсколькихъ часовъ пути отъ берега, гдѣ застряла ладья, сгущены мирныя жилища невѣдомыхъ людей. Славная охота! Это Сипилія, викинги?

Но проникнувъ въ міръ социально-психическій, скандинавскій духъ недолго окрашиваетъ его темно-красной краской подвига,

самоѣльнаго напряженія воли въ борьбѣ со всѣмъ внѣ личности лежащимъ. Внутри страны онъ рѣдко можетъ проявляться какъ начало по существу антисоціальное; а оставаясь безъ жизненнаго примѣненія и закрѣпленія, вытѣсняется противоположнымъ теченіемъ, которое тоже характеризуетъ скандинава и вполне примиримо съ природой соціальной жизни: духомъ сѣвернаго труженичества. Внѣ страны духъ викингства тоже постепенно теряетъ примѣненіе, поскольку невѣдомая громада земли превращается въ мирнозаселенную христіанскую извѣстность. Гнѣздясь дольше всего въ классѣ феодаловъ, и создавая исторію обостренной борьбы за престоль и героической монархіи Швеціи, онъ затѣмъ, этотъ духъ, этотъ подлинный сынъ Космоса, какъ подкидышъ для соціальной жизни, скрылся, ушелъ въ незаримую глубину индивидуальной души, которую схватила соціальная жизнь, но все не можетъ донести до своего алтаря. Тамъ онъ спитъ, опустивъ голову подъ торжественной тяжестью соціальныхъ цѣнностей. Но какъ только онъ чувствуетъ во снѣ, что надъ головой его душная тяжесть стала меньше—и точить свѣжій воздухъ Космоса, всегда юнаго его отца—онъ трясетъ своей головой, сбрасывая во снѣ одну за другой тяжести чело-вѣчества,—трясетъ, пока не появится освобожденная голая, дикая голова. Это—скандинавскій «бунтъ», это—голова скандинавскаго генія Ибсена. И такъ удивительно: рядомъ поднимается къ его плечу другая, склоненная надъ великимъ тѣломъ демократіи голова сѣвернаго труженика—Бьёрнсона, въ имени котораго дважды встрѣчается слово *медведь*—и это тоже скандинавскій геній.

Дальнѣйшее мы можемъ разсматривать, какъ реваншъ скандинавскаго исконнаго духа надъ усыпавшею его такъ быстро соціальною жизнью: кромѣ буквальныхъ своихъ манифестацій въ лицѣ великихъ скандинавскихъ путешественниковъ, онъ пробуждается, какъ мы видѣли, широко психологически въ душахъ скандинавскихъ поэтовъ: значитъ, возрождаясь въ культурной Скандинавіи, онъ опредѣляетъ собой сразу одну изъ высшихъ культурныхъ цѣнностей—искусство скандинавское. Но на наибольшую высоту, уже передъ лицомъ всего чело-вѣчества, возвелъ его Ибсенъ: элементъ духа, созданный сугубымъ нажимомъ космоса, этотъ, слѣдовательно, героическій варваризмъ чело-вѣчества—Ибсенъ возвелъ до высоты философской и (такъ или

иначе, обосновавъ въ понятіи личности) ввелъ, какъ равноправнаго члена, въ міръ цѣнностей новѣйшаго культурнаго сознанія, гдѣ онъ и сталъ сильнымъ ферментомъ исторически сложившейся системы ихъ. Великая воля и познавательнo-оцѣночное стремленіе личности, горѣвшія въ Ибсенѣ, отъ сына Космоса, ожившаго въ этой же душѣ, родили уже внука Космоса—скандинавскую идею. Послѣ Ибсена мы встрѣчаемся съ скандинавскимъ племеннымъ духомъ уже въ философски идейномъ мірѣ, какъ съ идеей специфической переоцѣнки цѣнностей, и должны въ этой плоскости сводить съ нимъ счеты.

Теперь именно моментъ наиболѣе подходящий для того, чтобы сопоставить это высшее выраженіе скандинавскаго духа съ родственными ему попытками переоцѣнокъ цѣнностей. И именно въ этомъ мѣстѣ мы могли бы болѣе всего сохранить нашъ основной, къ Ибсену примѣненный приѣмъ—и считать возможнымъ одною непрерывною линіею, темною во времени, пронизывать всю психику отъ ея физиологическаго дна, питаемаго и тѣснимаго космосомъ—до ея вершинъ, разрѣженныхъ, какъ цвѣтные пары.

Мы разовьемъ теперь выше лишь намѣченную параллель идеи Ибсена, какъ идеи скандинавскаго «бунта»—и *германской* идеи сильной души. Эта германская идея выражена отчасти нѣмецкими философами, болѣе же того жизнеученіями и примѣрами Гете, Шиллера, Вагнера, Штирнера, Ницше. Она рождена въ странѣ умѣреннаго, мягкаго климата,—странѣ полей, спокойно текущихъ; невеликихъ рѣкъ, зеленыхъ горъ и холмовъ, а главное—лѣсовъ. Среди всѣхъ древнихъ народовъ, болѣе всего германцы—жители лѣсовъ—тѣхъ великихъ, прохладныхъ лѣсовъ, гдѣ погибли, какъ дѣти, Варръ и его легіоны. Этотъ умѣренный климатъ, эта ровная, покорно внимающая человѣку земля оставляетъ душу его болѣе всего свободной, даетъ ей изнутри развить возможное ея содержаніе. Космосъ не давить ее здѣсь ладонью, какъ души далекаго сѣвера, не оглушаетъ ярымъ дыханіемъ, какъ людей тропиковъ, не поднимаетъ въ странную пустоту, къ высотѣ своего чела, какъ души народовъ пустыни: она лежитъ свободно у него, на его мертвой груди—грудю теплаго пепла. Германская душа свободнѣе, можетъ быть, всѣхъ развиваетъ то содержаніе—неназываемое, лишь *окруженное* вѣнцомъ громкихъ спорныхъ словъ, которое есть *человѣческое*: оноokra-

шивается въ ней лишь *лѣснымъ* оттѣнкомъ. Германскіе лѣса своей туманной роскошью, прохладнымъ междуствольнымъ мракомъ окружаютъ совершенно, заставляють чутко слушать вздыхающую тишину *внѣшнюю*, въперяь свой взоръ куда-то—и съ этимъ сливать свою внутреннюю тишину. Съ этимъ оттѣнкомъ создается душа фантастическая, но мудро глубокая, наиболѣе свободно размышляющая обо всемъ, что ей принадлежитъ и заключено въ ея глубинѣ.

Въ связи съ этимъ германская идея сильной души—въ отличіе отъ идеи скандинавской—рождается въ свободномъ самоопредѣленіи, въ утвержденіи своего содержанія и силы—не какъ внѣшней побѣды, подвига, а какъ торжества внутренняго; не въ случайной, узкой формѣ борьбы со всѣмъ внѣшнимъ, а въ основномъ процессѣ самопознанія и критики. Собственная переполненная емкость для нея есть самостоятельная цѣнность; и если бы даже все внѣшнее *логически* было устранено, ея оцѣненное изнутри богатство осталось бы съ нею неприкосновенно. Скандинавская же сила, напротивъ, только и опредѣляется противопоставленіемъ тому, что внѣ ея. Поэтому, своему врагу она обязана своимъ существованіемъ: если бы врагъ освободилъ ее, далъ ей абсолютную внѣшнюю свободу, къ которой она стремится, она исчезла бы, растаяла бы, какъ таетъ войско, когда доходить вѣсть о полномъ исчезновеніи врага.

Въ связи со сказаннымъ германская душа безусловно чужда *формализма* въ области оцѣнки. И когда въ лицѣ Ницше она тоже призываетъ къ новой волѣ, то эта воля является для нея все же лишь *средствомъ* для достиженія высшаго обладанія новой, переполненной землей, ходъ съ которой на темное, древнее небо закрыть.

Для германской души истинно высока цѣна свободы внутренней, въ ущербъ, быть можетъ, цѣненію свободы внѣшней ¹⁾. Поэтому

¹⁾ Это затменіе для германца цѣнности внѣшней свободы свободой внутренней бросаетъ интересный свѣтъ на всю исторію Германіи, съ ея единственнымъ въ своемъ родѣ дробленіемъ на тридцать шесть политическихъ единицъ, такъ долго державшимся патриархально деспотическимъ управленіемъ; съ какой-то безнадежной замирностью нѣмца, надъ которой такъ гнѣвно изощрялся Гейне, и которую такъ старательно затупевываютъ всей своей доктриной современные нѣмецкіе социаль-демократы; съ тѣмъ, наконецъ, фактомъ,—что до сихъ поръ не имѣется національной нѣмецкой революціи.

всю глубину своего бунта германецъ направляетъ на тѣ внутреннія оковы души, которыя, какъ таковыя, остались неуловимыми для скандинавскаго бунта, то-есть на заповѣди *этической*. Скандинавъ же, устроая лишь свое отношеніе къ внѣшнему, не постигаетъ, что заповѣди этики могутъ быть предметомъ бунта и переоцѣнки, потому что въ его углѣ зрѣнія онѣ суть глубочайшее вѣданіе души съ самой собой. Отсюда—молчаливое признаніе этическаго начала Киркегоромъ и Ибсеномъ. Скандинавъ доходитъ лишь, какъ мы видѣли, до аморализма эстетическаго; онъ настолько равнодушенъ къ внутренней свободѣ, что примиряется съ позитивной, не автономной моралью. Бунтующій же германецъ, по крайней мѣрѣ, стремится къ автономной морали и Брандъ, ведомый Богомъ, Ницше долженъ былъ бы казаться безнадежнымъ рабомъ. Разъединивъ затѣмъ въ лицѣ этого Ницше идею Бога и идею морали, германскій бунтъ убиваетъ эти, ставшія беззащитными, идеи и кровью того же Ницше стремится измыслить то, что могло бы наполнить созданный убійствомъ невыносимый hiatus; творитъ окончательный образъ очень прекраснаго и очень сильнаго звѣря, который *на-всегда* долженъ уничтожить распятый трепетъ человѣчества. Скандинавъ же Ибсенъ въ своей наивности считалъ бы всегда унижительнымъ призывать человѣка къ звѣрю: онъ призываетъ лишь къ первозданному Божьему Адаму, для него человѣкъ понятъ въ отношеніи къ Богу, какъ свидѣтельству абсолютной духовности человѣка, и царство человѣка бездной отдѣлено отъ міра животной природы ¹⁾. А если бы онъ и подумалъ о звѣрѣ, то о звѣрѣ буквально сильномъ въ борьбѣ со внѣшнимъ врагомъ,—звѣрѣ, когти котораго пронзаютъ и зубы рвутъ.

Основываясь на внутреннемъ актѣ самоопредѣленія и внутренней критикѣ, германскій бунтъ далѣе, въ отличіе отъ скандинавскаго, посягаетъ и уничтожаетъ цѣнности лишь того, что глубоко опознано и пережито имъ. И это, очевидно, единственно

¹⁾ Въ этомъ заключено интересное отличіе культурнаго и докультурнаго человѣка и сознанія: дикій и варваръ, какъ бы всецѣло опредѣляемый физическимъ и животнымъ, имѣетъ въ своемъ сознаніи исчерпывающую духовность своей природы. Несравненно же болѣе духовный *культурный* человѣкъ имѣетъ въ своемъ сознаніи всю дѣйствительную физичность и животность своей природы: прежняя форма стала уже содержаніемъ, и возникшая новая форма является именно поэтому возможно духовной и свободной.

законное, особенно въ приложеніи къ *культуру*, какъ сокровищницѣ всѣхъ цѣнностей: отвергать культуру имѣеть право лишь глубоко и утонченно культурный человѣкъ, ибо не только для того, чтобы отвергать, нужно познать вполне природу отвергаемаго, а познать природу культуры и значитъ пріять ее въ себя; но и въ этомъ выражается еще глубокая внутренняя необходимость общаго развитія духовныхъ содержаній: отвергать и превосходить законно лишь *синтетически*, сохраняя въ себѣ долю правды, присущей неизбѣжно и первому состоянію. И здѣсь снова мы видимъ «варварство» скандинавскаго духа и идеи, и преимущество германской идеи; бунтующій германецъ Ницше былъ утонченно культуренъ, пройдя всѣ стадии развитія отъ научнаго позитивизма до философскаго скептицизма, и черезъ пути филологіи воспринявъ проникновенно глубоко великую эллинскую культуру. Бунтующій же скандинавскій геѣій Ибсенъ былъ недоучкой, не вступившимъ вовсе въ систематическое соприкосновеніе съ коллективнымъ умомъ челоѣчества, и каждое рѣдкое слово его о наукѣ варварски незрѣло и наивно ¹⁾.

Продолжая свою параллель идеи скандинавской и идеи германской сильной души, мы здѣсь по этому поводу разовьемъ выше не разобранное отношеніе скандинавской идеи къ *религиозной* проблемѣ. Мы имѣемъ тотъ фактъ, что идея Бога затронута, такъ или иначе, только въ двухъ драмахъ Ибсена, раздѣленныхъ между собой десятками лѣтъ,—въ «Брандѣ» и «Строителѣ Сольнесѣ», при чемъ мы имѣемъ заявленіе самого Ибсена, что пасторство (и религіозность) Бранда—только *случайность*. Въ остальныхъ же десяткахъ драмъ Ибсена идея Бога окружена глубокимъ, поразительнымъ молчаніемъ. Таковъ фактъ. Онъ свидѣтельствуетъ еще разъ объ основномъ различіи германской и скандинавской идеи. Германецъ или философски обосновываетъ идею Бога въ системѣ, кладя ее въ основу всей концепціи, или философски же замѣняетъ ее чѣмъ-либо энтузіазмиче-

¹⁾ Сюда относится сумбурная рѣчь Штокмана о „недохваткѣ кислорода“, какъ основѣ социальныхъ бѣдствій, чистосердечныя намѣренія Росмера облагородить волю и душу людей, затѣмъ доказательства научной гениальности Лѣвборга („Гелда Габлеръ“) и вся исторія съ его знаменитой рукописью, справедливо высмѣянная Брандесомъ; наконецъ, отчасти и общее трактованіе Ибсеномъ проблемы наследственности („Нора“, „Привидѣнія“); заполозриваемое съ этой стороны и А. Веселовскимъ.

скимъ (человѣкобожество Фейербаха), или тушить эту идею тяжестью своего обгорѣвшаго тѣла и восклицаетъ громко отъ боли: «Богъ умеръ» (Ницше). И всегда его познающему духу самоочевидно ясно, что въ анализѣ міра цѣнностей нельзя миновать идеи Бога. Въ противоположность этому—создатель скандинавской идеи Ибсенъ склоненъ, съ одной стороны, *замалчивать* религиозную проблему, съ другой стороны—и это еще болѣе интересно—разсматривать идею Бога, какъ *средство*. Въ молодости написалъ онъ повидимому чисто религиозную вещь, въ ней далъ самый крупный свой положительный типъ—религиознаго фанатика—и послѣ этого замолчалъ объ идеѣ Бога на десятки лѣтъ, а объ этомъ своемъ первенцѣ выразился, что религиозность и пасторство Бранда—случайность. Это глубоко индивидуально и въ то же время очевидно не «религиозно». А потому и какъ бы неожиданно отъ пламеннаго Ибсена—ни вознесения съ Богомъ въ послѣднія блаженныя сферы хотѣнья, ни огненнаго сомнѣнія, ненавидящаго свое собственное торжество, которымъ ознаменовалъ свое отношеніе къ Богу Достоевскій—молчаніе имѣемъ мы, нарушенное лишь свидѣтельствомъ равнодушія—словомъ, что идея Бога (религиозность Бранда)—«случайность».

Молчаніе Ибсена о Богѣ есть молчаніе о немъ скандинава, опредѣляемаго наиболѣе индивидуальной струей племенного духа—струей гороизма, формальнаго напряженія воли. Какъ мы неоднократно подчеркивали, скандинавская личность сознаетъ свою цѣну и мощь лишь въ актѣ противопоставленія чему-либо внѣ лежащему, ибо природа ея и опредѣлялась изначально космосомъ Сѣвера, т. е. *внѣшней par excellence* рамкой индивидуальной психики. Съ этой точки зрѣнія, всецѣло формальной, Богъ есть лишь безконечно мощное, великое *vo внѣ*; поэтому, если признать Его существованіе, то скандинавская личность теряетъ въ своихъ глазахъ всякую цѣну, а возвеличиваемый ею *процессъ* борьбы—всякій смыслъ: вѣдь тогда въ томъ внѣшнемъ, съ чѣмъ надо бороться, находится Нѣкто, кто все равно держитъ въ рукахъ весь міръ и мою личность. Но тотъ, кто цѣнитъ лишь побуждающее напряженіе своей воли—захочетъ ли имѣть Бога своимъ врагомъ. *Богъ—врагъ!* Какъ звучать эти слова? Это врагъ, одна мысль о которомъ должна уже причинять смерть смертному герою. Люциферство, какъ единоличная борьба съ Богомъ,

все-таки возможно. Но отъ люциферства отдѣленъ герой—скандинавъ второю струею скандинавскаго духа—духомъ сѣвернаго труженичества: онъ препятствуетъ не только открытому возстанію на безконечное *во-внѣ*, но препятствуетъ и отверженію реальности, скрытой въ самой идеѣ Бога, ибо духъ сѣвернаго труженичества органически связанъ съ религіозностью, которая въ этой психикѣ сѣвернаго крестьянина является лишь частью общей склонности къ фетишизму: фетишизмъ религіозный и фетишизмъ политическій (монархизмъ).

Итакъ, типичный скандинавъ не можетъ—ни отвергнуть, ни принять реальность, заключенную въ идеѣ Бога. Поэтому-то идея Бога и въ самомъ духѣ скандинавскаго генія Ибсена, вскормившаго «родовую» идею, окружена умолчаніемъ и внутренне не продумана, и не пережита. Этому и соответствуетъ то мѣсто, которое она заняла въ его произведеніяхъ. Одинъ разъ идея Бога затронута въ «Брандѣ», другой разъ, черезъ десятки лѣтъ, въ «Строителѣ Сольнесѣ»; всѣ остальные драмы—молчаніе объ этой идеѣ. При этомъ и въ «Брандѣ», и въ «С. Сольнесѣ» идея Бога является *средствомъ* и притомъ средствомъ для двухъ различныхъ цѣлей, изъ чего слѣдуетъ, что *Богъ* для Ибсена именно еще только идея безконечной реальности, а не безконечная реальность сама. Незмѣнно вѣрный своему исчерпывающему формализму Ибсенъ, создавая своего «Бранда», въ идеѣ Бога—въ этой самой матеріальной изъ идей, дающей многимъ мыслителямъ естественный синтезъ всѣхъ цѣнностей, въ этой идеѣ Ибсенъ видитъ лишь *средство*—единственное въ своемъ родѣ, драгоценное, но все же средство: идея Бога, признанная духомъ, есть несомнѣнно наиболѣе мощный импульсъ воли человѣка; свидѣтельство этого—вся исторія: возьмемъ хотя бы одинъ фактъ—*дѣтскій* крестовый походъ. Поэтому идея Бога есть наилучшее средство довести единственную цѣнность Ибсена—силу и цѣльность индивидуальной воли—до высшаго развитія. Слѣдовательно, эта идея и должна быть использована Ибсеномъ при созданіи своего наиболѣе положительнаго типа — Бранда. Такимъ образомъ религіозность Бранда не «случайность», а естественное средство. Но само это слово Ибсена—безспорное свидѣтельство нерелигіозности Ибсена и бесплодной, и неподвижной заключенности въ его духѣ идеи Бога.

И сама драма «Брандъ» лишь свидѣтельство того, что идея

Бога для Ибсена—средство, съ точки зрѣнія религіознаго сознанія, вводимое механически. Мы имѣемъ въ «Брандѣ»—идею Бога, религіознаго человѣка—и не имѣемъ вовсе религіозной проблемы. Основные вопросы бытія Бога и отношенія къ нему человѣка уже заранѣе рѣшены безапелляціонно и элементарно: къ Судьѣ, помѣщенному въ заоблачной сферѣ, обращается ограниченный умъ въ сомнительныхъ случаяхъ земнаго поведенія. И вся глубина, сила жизни и личности Бранда ни на іоту не уменьшится, если изъять изъ драмы Ибсена религіозные элементы: они лишь жизненное обоснованіе въ нашихъ глазахъ того факта, что воля Бранда непрерывно максимально напряжена,— для этого только ему и нужно быть религіознымъ, фанатичнымъ пасторомъ.

Объ этой незатронутости въ «Брандѣ» религіозной проблемы, изъ отдѣльныхъ мѣстъ драмы ярче всего свидѣтельствуютъ уже процитированныя однажды слова Бранда о Ваххѣ—и затѣмъ заключительная фраза финала. «Ваххъ—это цѣльное представленіе, гуляка—искаженіе его; Силенъ—красивый образъ, пьяница—его карриатура»—говоритъ Брандъ Эйнару въ 1-мъ дѣйствіи. «...я требую отъ своей паствы лишь одного,—чтобы не было шатанья воли»,—говоритъ онъ Агнесѣ въ 3-мъ дѣйствіи. И тамъ, и здѣсь устами Бранда возглашается лишь общая идея Ибсена, не имѣющая никакого отношенія къ религіозной проблемѣ, своей формальностью вводящая сѣвернаго Саванароллу, Бранда, въ немыслимый, тяжкій грѣхъ эстетическаго аморализма. Финаль «Бранда»: *Голосъ* (возглашаетъ...) Онъ—«Deus caritatis»! Это не голосъ самого Бога, но и не голосъ посланнаго Имъ ангела, ибо голосъ говоритъ латинской фразой въ *ковычкахъ* ¹⁾. Кто же, кромѣ нихъ, смѣетъ говорить въ этотъ моментъ, когда вѣрующій наконецъ долженъ понять—молчаніе неба, означаетъ ли одно изъ всеблагихъ намѣреній Мiroдержца, или означаетъ *несуществованіе* Его? Это значитъ просто голосъ автора символической пьесы, высказывающаго мораль ея. Этимъ дается общее отверженіе мысли о религіозности «Бранда». «Брандъ»—драма символическая, въ широкомъ смыслѣ слова, а выводитъ непосред-

1) Что вслѣдствіе этой фразы искажается именно основное намѣреніе и мораль Ибсеновской драмы—мы указали уже въ своемъ мѣстѣ, видя въ этомъ наглядномъ самопротиворѣчii естественное слѣдствіе незаконности Ибсеновскаго жизнеученія, какъ исключительно формальнаго.

ственно идею Бога и подвижника вѣры въ символическомъ произведеніи религиозный художникъ не станетъ, ибо все непосредственно даваемое въ символическомъ искусствѣ есть лишь средство; и именно такъ естественно было поступить Ибсену, для котораго идея Бога и была лишь средствомъ.

Второй разъ взята Ибсеномъ идея Бога тоже, какъ *средство*, и тоже въ символической пьесѣ «Строитель Сольнесъ». Здѣсь является *Онъ*, для котораго строилъ раньше церкви Сольнесъ; съ *Нимъ* говорилъ строитель на вершинѣ своей лучшей церкви, вступая какъ бы въ союзъ. Потомъ *Онъ* оказался недоволенъ строителемъ—сдѣлалъ такъ, что вся работа оказалась ненужной людямъ.

Очевидно, по поводу «Строителя Сольнеса» еще менѣе можетъ быть рѣчь о религиозной проблемѣ; и здѣсь—и въ этой символической пьесѣ идея Бога для скандинавскаго генія и философа—лишь *средство*. Если мы вспомнимъ, что «Строитель Сольнесъ»—произведеніе безспорно автобіографическое и сопоставимъ съ взятымъ изъ него мѣстомъ уже процитированную однажды фразу изъ прошенія Ибсена къ королю (...призваніе, которое, непоколебимо вѣрю, Богъ возложилъ на меня...), то мы поймемъ легко, въ какомъ смыслѣ здѣсь идея Бога является для Ибсена средствомъ. Собственное художественное призваніе и творчество—это то мѣсто въ жизни Ибсена, гдѣ мысль его неудержимо обращается къ идеѣ Бога, какъ за помощью: оно, для его внутренняго чувства—нѣчто столь драгоценное и возвышенное, что онъ не можетъ найти другого достойнаго своей личности исхода, какъ по этому поводу вступить въ непосредственную связь, связь личнаго союза и договора съ Творцомъ міра...

Ведя весь свой анализъ въ самыхъ общихъ чертахъ, мы подчеркивали все время *различіе* германской и скандинавской переоцѣнки цѣнностей Ницше и Ибсеномъ, потому, что въ современности господствуетъ неопредѣленное стремленіе связывать ихъ имена и въ туманныхъ монографіяхъ переходить отъ Ибсена и Нитше къ Достоевскому—далѣе уже къ Толстому, отъ Толстого къ Руссо и т. д. Но можно было бы сосредоточиться и на моментѣ сходства. Самое общее и основное сходство между Ницше и Ибсеномъ, очевидно, заключается въ томъ, что въ нихъ обоихъ мы имѣемъ исканіе новыхъ цѣнностей, и революцію противъ системы благъ, исторически сложившейся,

но не обоснованной, и по этому одному заслуживающей нападенія. Затѣмъ, интересно было бы сблизить ихъ отношеніе къ историческому христіанству—у Ницше непосредственно выраженное, у Ибсена лишь подразумѣваемое, отношеніе въ обоихъ случаяхъ глубокоотрицательное. Но это сейчасъ не составляетъ нашей задачи. ¹⁾

Однако, занимаясь параллелями, было бы неестественно не сопоставить съ Ибсеномъ другого, то же несчастнаго, какъ Ибсенъ и Ницше, современнаго духа, поглощеннаго тою же проблемой воли: мы говоримъ о Шопенгауэрѣ. Ихъ трехъ еще и потому нужно мыслить вмѣстѣ, что всѣ они извлекали свои истины изъ глубины своего я и творили идеи однимъ обобщеніемъ собственнаго геніальнаго характера.

При мысленномъ сближеніи насъ поражаютъ одинаково и различіе, и сходство. Съ одной стороны—призывъ къ возстановленію воли, испорченной социальной атмосферой; съ другой—призывъ къ умерщвленію воли—силы отрицательной въ своемъ метафизическомъ корнѣ. У Ибсена—постулатъ, предъявляемый независимо отъ анализа природы воли, какъ факта—постулатъ, внѣ вопроса объ исполнимости, предъявляемый *чужимъ* волямъ: *своя* воля все же болѣе, чѣмъ-чья либо въ мірѣ, — кажется волей истинной. У Шопенгауэра вся отрицательность природы воли позвана на *своей* именно волѣ; обобщеніе обосновано все же глубокимъ анализомъ. У Ибсена его индивидуальная воля—*безлична*, выражаетъ лишь геній рода, у Шопенгауэра, какъ разъ развившаго это понятіе—«случайная», ярко индивидуальная воля. У Ибсена внѣжизненность воли была основаніемъ для опредѣленія ея въ себѣ, у Шопенгауэра внѣжизненность ея въ 20-тилѣтнемъ затворничествѣ была слѣдствіемъ безнадежно несчастнаго примѣненія ея въ жизни и постиженіи въ этомъ ея неисправимаго реального *modus agendi*.

И въ то же время—какое глубокое сходство Ибсена и Шопенгауэра. Ихъ обоихъ какой-то непереносимый избытокъ основ-

¹⁾ Отмѣтимъ лишь высоко интересный фактъ, что Брандъ—это *тотъ норвежскій пасторъ—не христіанинъ*; и даже духовную антитезу Бранду, выражаемую устами Агнессы, доктора, самимъ *юлогомъ* изъ облаковъ намъ именно естественно понимать, какъ выраженіе духа христіанства. Только въ сумеркахъ послѣдней сцены „Бранда“ является *самъ* образъ Распятаго съ окровавленнымъ лбомъ какъ великая Воля, какъ добровольно Распятый.

ной силы оторвалъ отъ живой полноты человѣческой жизни и помѣстилъ въ пустоту, мрачную своей окончательностью: и безъ помощи смерти, они оторвались отъ жизни окончательно, оборвавъ какую-то основную нить соединенія, которой и касаться нельзя безнаказанно. И тотъ, и другой судьбою своей гениальной личности разоблачаютъ съ необычайной ясностью волевой корень человѣческаго существа и возможность возникновенія изъ личныхъ характеровъ отвлеченныхъ, даже чисто-философскихъ идей. Ихъ сфера становится разрѣженной, какъ дымъ, и, созерцая образы первобытнаго поэта и чистаго философа, мы остаемся лицомъ къ лицу съ великимъ, мучительнымъ фактомъ голой воли, принадлежащей существу, отъ котораго отпадаютъ всѣ имена и опредѣленія. И оба къ старости измѣнились, и вѣнки спокойно легли теперь на ихъ лобъ. Лица Шопенгауэра - старика и Ибсена - старика странно схожи: той же формы крутой, обнаженный лобъ, издали окруженный сѣдымъ вѣеромъ, какъ бы *волящихъ* волосъ; старчески ясные глаза подъ густыми бровями; поразительно сжатый, *безцельный* ротъ. Здѣсь—лицо безысходно данной силы, догорающей въ брэнной тѣснотѣ.

Страдальческій Ницше—страдающій Шопенгауэръ—страдающій Ибсенъ. Скитающійся, лежащій тихо, гдѣ-то на темной землѣ; стремящійся взлетѣть, поднять своими окровавленными ногами въ небо всю землю. Не о величїи—о коренной ничтожности и расколѣ человѣческой души говоритъ судьба трехъ родственныхъ гениевъ современности. При взглядѣ на нихъ, въ свѣтѣ окончательной печали, не истинно окрыленнымъ существомъ кажется человѣкъ, а одной изъ тѣхъ рептилій, незаконный оттискъ которыхъ мы находимъ на плоскихъ, грубыхъ кускахъ древняго камня: эти существа имѣли крылья за плечами, но только и могли вползать до вершины деревъ, цѣпляясь острыми длинными когтями. И иногда они должны были терзать этими когтями свою грудь.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Николай Шапиръ.

Навязчивыя психическія состоянія и психомоторная сфера.

Нѣкоторыя навязчивыя психическія состоянія, особенно такъ называемыя навязчивыя влеченія и навязчивыя побужденія, стремятся воплотиться въ двигательный актъ, проявиться въ моторномъ разряженіи. Какъ извѣстно, то, что описывается подъ названіемъ *хульныхъ мыслей*, выражается иной разъ въ томъ, что возникаетъ не только стремленіе навязчиваго характера произносить бранныя и неприличныя слова и фразы противъ всего святого и близкаго данному человѣку, но иногда въ этихъ случаяхъ больной жалуется, дѣйствительно, на то, что языкъ его словно приходитъ при этомъ въ движеніе, и получается у него такое впечатлѣніе, что вотъ-вотъ неприличное слово или даже цѣлая фраза такого же содержанія, противъ его воли, противъ его желанія, вопреки его моральнымъ или религіознымъ убѣжденіямъ, готова сорваться съ его языка и быть слышной для всѣхъ. Однако, наблюденіе и знакомство съ такого рода лицами, страдающими навязчивыми мыслями въ чистой, неосложненной формѣ, показываетъ, что самое большее, что бываетъ въ этихъ случаяхъ, это то, что дѣло ограничивается зачаточными, рудиментарными двигательными проявленіями, и хульныя мысли не осуществляются въ формѣ громко произнесенныхъ словъ и фразъ, по крайней мѣрѣ, въ присутствіи постороннихъ лицъ. Даже больше, если бы случилось это неудержимое стремленіе произносить неприличныя и бранныя слова вслухъ, если бы оно осуществилось, то этотъ признакъ, взятый, какъ таковой, и носящій названіе *копролялія*, указывалъ бы на то, что передъ нами не чистая форма эссенціальныхъ навязчивыхъ представленій, а что-то иное, на примѣръ, истерическое состояніе или прибавка къ obsessiямъ

иного болѣзненнаго психическаго состоянія. Интересно, что внутрення мученія, волненія, угрызения и терзанія совѣсти, сопровождающія хульные мысли, какъ бы замѣняютъ собою здѣсь разряженіе въ двигательный актъ; между тѣмъ какъ при *копроляліи*, существованіе которой исключаетъ возможность чистыхъ неосложненныхъ навязчивыхъ психическихъ процессовъ, эмоциональный элементъ выраженъ слабо, мало бросается въ глаза въ моментъ, по крайней мѣрѣ, обнаруженія этого признака. Боязнь начать произносить вслухъ бранныя и непристойныя слова при навязчивыхъ психическихъ состояніяхъ ограничивается почти всегда, если не всегда, однимъ лишь болѣзненнымъ страхомъ; въ самомъ субъектѣ хранятся задержки противъ двигательнаго проявленія навязчиваго побужденія; вотъ почему въ этихъ случаяхъ, равно какъ и въ случаяхъ имъ подобныхъ и аналогичныхъ, правильнѣе употреблять выраженіе «навязчивое влеченіе», а не терминъ «непреодолимое влеченіе», ибо это послѣднее указываетъ уже на иную психопатологическую подкладку. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ существуетъ у субъекта навязчивое стремленіе, напримѣръ, убить человѣка,—стремленіе, сопровождаемое страхомъ, тревогой, боязнью, какъ бы это на самомъ дѣлѣ не случилось, обыкновенно также все сводится къ одному неприятно-мучительному волненію и опасенію. Нужно обратить, однако, вниманіе на то обстоятельство, что иной разъ въ этихъ случаяхъ субъектъ испытываетъ соответствующія ощущенія въ правой рукѣ; онъ чувствуетъ при этомъ, что рука его словно тянется къ ножу или къ какому-либо другому вредоносному предмету; онъ замѣчаетъ, что въ ней появляются какъ бы даже соответствующія движенія. Вотъ эти-то ощущенія периферическаго характера и пугаютъ даннаго субъекта, особенно если они сколько-нибудь замѣтны для его сознанія. Я не сказалъ бы, что тутъ идетъ рѣчь о непреодолимомъ влеченіи убить человѣка; это—не *homicidomania*; это, мнѣ думается, скорѣе боязнь совершить преступленіе, навязчивый страхъ его, своеобразная *фобія*; это, если бы можно такъ выразиться, *homicidophobia*. Я не встрѣчалъ такого случая, чтобы индивидуумъ, страдающій эссенціальными навязчивыми психическими состояніями, совершилъ такой антисоціальныя поступокъ; какъ и въ другихъ аналогичныхъ случаяхъ, такъ и здѣсь навязчивое стремленіе трансформируется въ эмоциональный процессъ, а не въ двигательный актъ. Моральныя чувствованія,

большую часть, высоко развитыя при конституціи навязчивыхъ состояній, дѣлаютъ почти невозможнымъ осуществленіе навязчиваго побужденія или навязчиваго стремленія, какъ бы они сильны ни были, какъ бы ни были они страшны для того, кто ихъ испытываетъ и кто отъ нихъ страдаетъ такъ мучительно. Нѣкоторые изъ больныхъ съ рѣзко-выраженными навязчивыми психическими процессами жалуются на то, что у нихъ возникаетъ иной разъ стремленіе совершить также и какое-либо иное преступленіе, помимо навязчиваго побужденія къ убійству, напримѣръ, совершить поджогъ, присвоить себѣ чужую вещь и проч. Надо сказать, что эти навязчивыя побужденія, противъ которыхъ протестуетъ ихъ разумъ и противъ которыхъ возстаютъ также и ихъ моральныя чувствованія, сводятся обыкновенно, если не всегда, къ одному страху, къ одной лишь патологической боязни. Поэтому здѣсь нельзя, думается мнѣ, говорить ни о пироманіи, ни о клептоманіи; тутъ мы имѣемъ то, что можно бы назвать терминами противоположнаго содержанія, ибо тутъ налицо всѣ признаки самой типичной, самой яркой фобіи. И то, что обозначается словами «пироманія» или «клептоманія», относится къ другой категоріи психопатологическихъ явленій, имѣетъ совершенно иную психологическую подкладку; ибо опытъ показываетъ, что лица, страдающія чистыми навязчивыми психическими состояніями, какъ будто даже застрахованы отъ исполненія навязчивыхъ стремленій антисоціальнаго характера. Правда, иной разъ навязчивыя стремленія и навязчивыя желанія разряжаются не только въ видѣ эмоціональнаго процесса, но и въ видѣ опредѣленныхъ двигательныхъ актовъ и поступковъ; это бываетъ обыкновенно тамъ, гдѣ выполненіе навязчиваго стремленія и навязчиваго желанія не причиняетъ другимъ вреда или даже никакой неприємности. Если у субъекта возникаетъ навязчивое стремленіе стукнуть, напримѣръ, по какому-либо опредѣленному предмету опредѣленное число разъ, такой поступокъ, проистекающій изъ навязчиваго стремленія и побужденія и основанный на навязчивомъ суевѣріи, никому, конечно, не причинитъ вреда, и субъектъ въ такихъ случаяхъ, пожалуй, не будетъ отъ него очень-то воздерживаться. Многіе изъ лицъ той категоріи, о которой идетъ рѣчь, легко поддаются и склоняются къ выполненію иной разъ такихъ невинныхъ навязчивыхъ желаній, какъ покупка какихъ-либо вовсе ненужныхъ вещей или животныхъ, наприм., собакъ; иногда мс-

жетъ появиться навязчивое желаніе освободиться отъ какой-нибудь вещи или предметовъ, находящихся въ домѣ; но всѣ эти навязчивыя желанія, при ихъ удовлетвореніи, не переходятъ нѣкоторыхъ границъ, ибо разумъ индивидуума, его критическое отношеніе къ самому себѣ и къ собственнымъ поступкамъ и дѣйствіямъ спасаютъ и оберегаютъ его и здѣсь, какъ и при многихъ другихъ условіяхъ. Если и можно говорить о томъ, что навязчивыя психическія состоянія отражаются на поступкахъ и дѣйствіяхъ субъекта, у котораго они существуютъ, то это касается скорѣе всего поведенія его, манеры его держаться и пр.; несомнѣнно, что тамъ, гдѣ онъ испытываетъ навязчивую потребность, противъ его воли и желанія, совершить что-либо вредное для кого-либо изъ окружающихъ, задерживающая сила моральныхъ чувствованій сказывается во всей своей полнотѣ, и ни о чемъ антисоціальномъ здѣсь не можетъ быть рѣчи.

Однако, надо подчеркнуть тотъ фактъ, что навязчивая мысль или, вѣрнѣе, навязчивое представленіе стремится осуществиться въ двигательномъ разряженіи; и это отражается такъ или иначе иной разъ на состояніи периферическихъ аппаратовъ. Напримѣръ, у нѣкоторыхъ индивидуумовъ съ навязчивыми состояніями наблюдается навязчивый страхъ, что въ тотъ моментъ, когда имъ придется подавать кому-либо свою руку, она сдѣлается неприятно влажной, потной; при этомъ, дѣйствительно, субъектъ замѣчаетъ, что когда онъ одинъ, когда онъ спокоенъ, когда онъ не испытываетъ внутренняго волненія, у него кисти рукъ сухи или не очень влажны; когда же наступаетъ моментъ съ кѣмъ-либо поздороваться или прощаться; особенно съ незнакомыми; или съ мало знакомыми людьми, то этотъ субъектъ начинаетъ заранѣе волноваться, бояться, тревожиться, что вотъ-вотъ кисть его правой руки начнетъ потѣть и замѣтно покрываться влагой; представленіе объ этомъ сопровождается иной разъ на самомъ дѣлѣ усиленнымъ выдѣленіемъ пота на кисти правой руки, особенно на ладонной поверхности пальцевъ. Какъ это ни странно, но навязчивое представленіе, сопровождающееся страхомъ, — представленіе о потливости кисти руки даетъ соответствующее раздраженіе на периферіи. Интересно, что при другихъ условіяхъ кисть правой руки того же самаго субъекта не представляетъ ничего ненормальнаго. И въ подобныхъ случаяхъ эта усиленная транспирація въ ограниченномъ мѣстѣ смущаетъ субъекта, кажется

ему особенно неприятной и она тягостна ему настолько, что может отражаться и на поведеніи; она может заставлять его прежде, чѣмъ подать свою руку кому-либо, придумывать разные способы насчетъ того, какъ бы замаскировать этотъ свой недостатокъ; она может заставлять его по возможности не всегда подавать свою руку, уходить ни съ кѣмъ не прощаясь, если это можно и проч.

Разъ зашла рѣчь о томъ, что навязчивыя психическія состоянія отражаются на поведеніи субъекта, ими страдающаго, я позволю себѣ обратить вниманіе на одинъ изъ своеобразныхъ случаевъ такого рода; я остановлюсь нѣсколько подробнѣе на случаѣ навязчивой боязни чужого взгляда. Я вспоминаю объ одномъ молодомъ человѣкѣ, интеллигентномъ, образованномъ, вполне разумномъ, у котораго появлялось странное для него волненіе и тревога, когда на него начинали смотрѣть посторонніе люди; ихъ взгляда онъ не могъ выносить; онъ боялся убѣдиться въ томъ, что на него смотрятъ; одно представленіе объ этомъ приводило его въ необъяснимый ужасъ; въ это время онъ испытывалъ тягостное ощущеніе давленія въ головѣ; голову его, ~~могъ~~ его что-то сдавливало тисками, и эти ощущенія были для него реальны; они сопровождались поблѣднѣніемъ въ лицѣ. Когда этотъ субъектъ находился подъ взглядомъ другихъ, онъ настолько волновался, что ему невозможно было думать въ это время, онъ не могъ тогда сосредоточивать ни на чемъ свое вниманіе. Если такія условія продолжались дальше, онъ покрывался холоднымъ потомъ; то его бросало всего въ жаръ, иной разъ при этомъ онъ замѣчалъ у себя трясеніе и дрожаніе во всемъ тѣлѣ. Эта тревога, это волненіе смѣнялись у него чувствомъ усталости. Если онъ находится среди лицъ близкихъ и хорошо знакомыхъ, онъ волнуется мало или совсѣмъ не волнуется и чувствуетъ себя свободнѣе или совсѣмъ свободно. Въ присутствіи же лицъ мало знакомыхъ или въ присутствіи совсѣмъ ему неизвѣстныхъ лицъ, смотрящихъ на него, онъ чувствуетъ себя хуже. Видя у себя странности и психическія аномаліи, онъ начинаетъ беспокоиться о томъ, что ему грозитъ, можетъ-быть, остановка въ умственномъ развитіи. *Боязнь чужого взгляда* сильно отражалась въ этомъ случаѣ на поступкахъ и дѣйствіяхъ этого индивидуума, и она заставляла его, напр., не появляться въ обществѣ тогда, когда это было для него необходимо; она,

между прочимъ, мѣшала ему иногда являться на экзамены. Такимъ образомъ, въ данномъ случаѣ больной не выносилъ на себѣ чужого взгляда; особенно его смущало то, когда его глаза встрѣчались со взглядомъ другого, и одно это заставляло его опускать глаза или повертываться въ сторону; при чемъ волненіе, сопровождавшее навязчивое представленіе и навязчивый страхъ, вызывало рядъ несомнѣнныхъ физическихъ симптомовъ (блѣдность лица, потъ на немъ, трясеніе, дрожаніе и пр.).

Въ параллель съ боязнью чужого взгляда и усиленной транспираціи кисти правой руки, при соотвѣтствующихъ навязчивыхъ представленіяхъ, слѣдуетъ поставить *боязнь покраснѣнія*, гдѣ навязчивое состояніе сопровождается мѣстнымъ двигательнымъ, вѣрнѣе—сосудо-двигательнымъ разстройствомъ. Для обозначенія этого навязчиваго страха употребляютъ названіе «*эреитофобія*». Въ нѣкоторыхъ случаяхъ покраснѣніе лица сопровождается чувствомъ смущенія, неловкости, и иногда это чувство смущенія бываетъ очень тягостно для субъекта, у котораго наблюдается покраснѣніе въ лицѣ. Тамъ, гдѣ сосудистая система лица очень подвижна, навязчивыя психическія состоянія могутъ создать прекрасную почву для развитія навязчиваго страха покраснѣнія. Въ этихъ случаяхъ у субъекта возникаетъ очень легко и очень часто боязнь, что онъ покраснѣетъ тогда, когда это будетъ совсѣмъ некстати, въ большомъ и незнакомомъ обществѣ; и надо сказать, что навязчивое представленіе, дѣйствительно, отражается на периферическомъ аппаратѣ, и подъ вліяніемъ навязчиваго представленія соотвѣтствующаго характера человекъ измѣняется въ лицѣ, краснѣетъ, что его смущаетъ, заставляетъ волноваться; иной разъ это такъ сильно тревожитъ его, что мѣшаетъ ему появляться въ обществѣ тогда, когда это нужно. Говоря о навязчивомъ страхѣ покраснѣнія, я позволяю себѣ подчеркнуть тотъ фактъ, что навязчивое представленіе сопровождается и здѣсь двигательнымъ измѣненіемъ на периферіи.

У лицъ, страдающихъ навязчивыми психическими состояніями, приходится наблюдать цѣлый рядъ своеобразныхъ непріятныхъ эмоций, сопровождающихъ навязчивыя представленія и отражающихся такъ или иначе на внѣшнемъ поведеніи. Напримѣръ, у русскихъ священниковъ встрѣчается иногда патологическая боязнь выходить на амвонъ или изъ алтаря со Святыми Дарами; иной разъ это волненіе, эта фобія проявляется тогда, когда

больному приходится показываться передъ народомъ въ церкви, во время обѣдни, при такъ-называемомъ великомъ выходѣ. Въ это время, когда приходится на виду у всѣхъ держать въ рукахъ чашу со Св. Дарами, больной испытываетъ волненіе, страхъ, не надѣется на себя, думаетъ, что у него можетъ закружиться голова, и онъ не удержитъ чаши въ рукахъ и уронитъ ее. Такой же страхъ, но, можетъ-быть, менѣе тягостный, наблюдается у нѣкоторыхъ священниковъ при выходѣ на амвонъ, вообще; я вспоминаю объ одномъ священникѣ, который рассказывалъ, что когда онъ не на виду у молящихся, когда онъ въ алтарѣ, онъ нисколько не волнуется, свободно произноситъ молитвы вслухъ, читаетъ ихъ громко, безъ дрожанія въ голосѣ, ничего не забываетъ; но тамъ, гдѣ ему приходится дѣлать то же на виду у всѣхъ, онъ испытываетъ волненіе, страхъ, боязнь, что растеряется, забудетъ сдѣлать то, что нужно, что требуется; и дѣйствительно, приходитъ при этомъ въ смущеніе, сердцебіеніе у него усиливается, въ вискахъ начинается стучать. И это состояніе можетъ быть не только у новичка, но и у человѣка, въ теченіе многихъ лѣтъ исполнявшаго обязанности священника. И здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, приходится наблюдать, что тягостная эмоція, сопровождающая навязчивое представленіе, отражается рѣзко на системѣ кровообращенія, даетъ нерѣдко непріятныя ощущенія въ области сердца и вызываетъ объективныя измѣненія со стороны периферической сосудистой системы.

Подобныя же явленія со стороны сердца и сосудистаго аппарата наблюдаются и въ нѣкоторыхъ случаяхъ агорафобіи, т.-е. навязчивой боязни открытыхъ мѣстъ, площадей и пр.; и тутъ, если такой субъектъ остается, напримѣръ, въ открытомъ мѣстѣ одинъ, на него нападаетъ непонятный для многихъ ужасъ, страхъ; ему представляется, что онъ сейчасъ погибнетъ, онъ начинаетъ волноваться, его бросаетъ то въ жаръ, то въ потъ, руки и ноги у него холодѣютъ, сердце замираетъ какъ-будто, или біеніе его учащается сильно; онъ боится, что сердце не вынесетъ усиленной работы и разорвется; и онъ, по его мнѣнію, долженъ неминуемо погибнуть, если останется одинъ тамъ, гдѣ оставаться одному ему совсѣмъ невозможно. Это ужасное чувство страха, боязнь за свое здоровье, страхъ за свою жизнь и заставляеть такихъ субъектовъ съ явленіями агорафобіи принимать всѣ мѣры къ

тому, чтобы не очутиться въ такомъ безвыходномъ положеніи. Я вспоминаю объ одномъ молодомъ человѣкѣ, очень образованномъ, не лишенномъ талантовъ, у котораго существовали самыя разнообразныя навязчивыя состоянія; между прочимъ, у него была навязчивая боязнь оставаться въ домѣ одному и страхъ удаляться отъ дому дальше извѣстнаго разстоянія. Если онъ уходилъ съ кѣмъ-либо, конечно, изъ дому, если онъ удалялся отъ дому на разстояніе, сколько-нибудь значительное, на него нападалъ страхъ, онъ начиналъ волноваться и это сильно отражалось на системѣ кровообращенія; онъ принужденъ былъ возвращаться домой. У него же существовала боязнь сѣсть въ поѣздъ, потому, что представленіе о движеніи поѣзда, удаленіе поѣзда отъ того мѣста, гдѣ жилъ этотъ молодой человѣкъ, мысль о мчащемся поѣздѣ такъ волновали его, что у него появлялось сердцебиеніе и боязнь, что его сердце можетъ разорваться. Настолько навязчивое представленіе и навязчивый страхъ отражались въ этомъ случаѣ на сердечно-сосудистой системѣ! У этого же молодого человѣка, въ теченіе нѣкотораго времени наблюдалась невозможность уѣхать изъ того мѣста, гдѣ онъ оказался совершенно случайно и гдѣ онъ ни съ чѣмъ въ сущности не былъ связанъ; онъ былъ принужденъ остаться здѣсь ни одинъ годъ, пока удалось ему справиться съ своими навязчивыми страхами и прекратить свою вынужденную ссылку, связанную съ навязчивыми психическими состояніями. Чтобы переѣхать въ другое мѣсто, въ этомъ случаѣ дѣлались, понятно, неоднократныя попытки; его уговаривали другіе, и приготавливали все, что было нужно; предлагали ему ѣхать не по желѣзной дорогѣ, а въ экипажѣ; и онъ самъ страстно желалъ избавиться отъ своей странной ссылки; но до поры—до времени ничего не помогало. Какъ только нужно было предпринимать путешествіе, какъ только нужно было покинуть надоѣвшее и уже опротивѣвшее даже мѣстопребываніе, такъ наступалъ страхъ, волненіе, неприятыя ощущенія въ сердцѣ, измѣненіе въ сосудистой системѣ, и дѣло кончалось ничѣмъ. Перемѣна вынужденнаго мѣстопребыванія могла совершиться лишь тогда, когда позволило сдѣлать это состояніе нервной системы, т. е. когда навязчивыя психическія состоянія стали слабѣе въ данномъ случаѣ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ мнѣ пришлось встрѣтиться съ однимъ больнымъ, у котораго были налицо всѣ черты тревож-

но-мнительнаго характера и у котораго, кромѣ того, былъ навязчивый страхъ сердечной болѣзни. Какъ это часто бываетъ при навязчивыхъ психическихъ состояніяхъ, у него бывали боли въ области сердца, вслѣдствіе повышенной чувствительности межреберныхъ нервовъ; хотя врачи ему и говорили, что сердце у него здоровое, но это успокаивало его лишь на время; во всякую свободную минуту онъ прислушивался къ своему сердцу, испытывалъ боли; это его волновало, усиливало сердцебіеніе, что въ свою очередь дѣлало боли еще болѣе чувствительными для него; оказалось, что онъ попалъ въ какой-то *circulus vitiosus*, изъ котораго онъ не видѣлъ рѣшительно никакого выхода. Мы уже знаемъ теперь, какъ навязчивыя представленія отражаются на двигательныхъ аппаратахъ; мы видѣли, что навязчивое представленіе объ усиленной потливости кисти руки можетъ дать при извѣстныхъ условіяхъ дѣйствительно усиленную транспирацію въ ограниченной области; то же самое наблюдается и тамъ, гдѣ существуетъ навязчивый страхъ за свое сердце, что сопровождается сердцебіеніемъ, и гдѣ одно навязчивое представленіе можетъ дать картину рѣзко-выраженнаго и мучительнаго *сердцебіенія*. Положеніе этого человѣка сдѣлалось довольно печальнымъ: онъ сталъ бояться умереть во время такого приступа сердцебіенія, онъ боялся, что можетъ умереть внезапно, волновался еще больше; навязчивый страхъ вызывалъ у него бессонницу, лишалъ его аппетита, отражался на его физическомъ здоровьѣ; мысль о томъ, что онъ можетъ внезапно умереть внѣ дома, такъ сильно вліяла на него, что онъ пересталъ выходить одинъ изъ дому; онъ просилъ кого-нибудь сопровождать его, и это какъ будто его успокаивало; кромѣ того, навязчивый страхъ обморока или внезапной смерти заставлялъ его постоянно носить въ карманѣ, на всякій случай, записки на счетъ того, кто онъ такой, гдѣ живетъ и пр., и въ этомъ онъ находилъ нѣкоторое успокоеніе. Этотъ примѣръ, какъ и многіе другіе изъ многу цитированныхъ, указываетъ на то что въ нѣкоторыхъ случаяхъ существуетъ весьма тѣсная и очевидная связь между навязчивымъ представленіемъ и соотвѣтствующимъ двигательнымъ актомъ; навязчивое представленіе отражается такъ или иначе на томъ или другомъ моторномъ аппаратѣ; правда, это вліяніе сказывается въ ограниченной области, часто въ опредѣленномъ, одномъ и томъ же направленіи. Полу-

чается такое впечатлѣніе, что между нѣкоторыми навязчивыми представленіями и нѣкоторыми двигательными системами устанавливается постоянная связь, легко возобновляющаяся, быстро возникающая, стремительно передающаяся отъ центра къ периферіи; при чемъ ощущеніе отъ измѣненія въ двигательномъ аппаратѣ въ свою очередь снова усиливаетъ интенсивность навязчиваго представленія. Какъ это ясно изъ примѣровъ, выше приведенныхъ, огромную роль играетъ въ этихъ случаяхъ сосудисто-сердечная система, отличающаяся большою подвижностью тамъ, гдѣ дѣло касается навязчивыхъ психическихъ состояній. И этотъ эмоциональный элементъ, эта неприятная, иногда тягостно-мучительная окраска, сопровождающая нѣкоторыя навязчивыя состоянія, обуславливается, конечно, измѣненіями въ области сердца или того и другого отдѣла сосудистой системы. Въ этихъ случаяхъ, т.-е. въ случаяхъ навязчивыхъ психическихъ состояній, нужно говорить о томъ, что интенсивность реакціи со стороны сердца и сосудовъ не соотвѣтствуетъ силѣ и значенію навязчиваго представленія; устанавливается какая-то односторонняя связь между чисто-психическимъ и двигательнымъ актомъ. При самомъ возникновеніи эта связь можетъ быть случайной, чисто случайной, и повтореніе и легкое возникновеніе этой связи дѣлаетъ ее стойкой; она усложняется, иногда расширяется, вовлекая въ процессъ и другія представленія по ассоціаціи и т. д.

Говоря о двигательныхъ проявленіяхъ при навязчивыхъ психическихъ состояніяхъ, необходимо, ради полноты, остановиться еще на такъ называемыхъ тикозныхъ разстройствахъ. Прежде, чѣмъ сказать, что такое тикозныя движенія, я позволю себѣ дать самое краткое описаніе нѣкоторыхъ болѣе сложныхъ двигательныхъ разстройствъ, наблюдаемыхъ иногда у лицъ, страдающихъ несомнѣнными и очевидными навязчивыми психическими состояніями и обладающими тревожно-мнительнымъ характеромъ. У индивидуумовъ этой категоріи иной разъ существуетъ стремленіе произносить какія-либо слова или даже цѣлыя фразы словно въ сторону, независимо отъ предмета и темы разговора въ данную минуту. Напримѣръ, я зналъ одного мужчину, уже пожилого, считавшагося всегда нервнымъ, и у него во время разговора бывала привычка вдругъ, нѣсколько повернувши голову въ сторону, произнести или, вѣрнѣе, пробормотать какія-то фразы или слова; и это сопровождалось своеобразной жестику-

ляціей, при чемъ онъ издавалъ ртомъ и носомъ не менѣе странные звуки; но моментально это прекращалось, и онъ продолжалъ говорить или слушать своего собесѣдника. Несомнѣнно, что это отвлеченіе въ сторону, длившееся нѣсколько секундъ, въ общемъ, носило характеръ сложнаго навязчиваго дѣйствія, такъ какъ это послѣднее повторялось отъ времени до времени въ одной и той же формѣ съ внѣшней стороны; такъ какъ оно совершалась очевидно помимо воли и помимо желанія субъекта, при сохраненіи яснаго сознанія, то тутъ были налицо всѣ признаки двигательнаго разряженія навязчиваго стремленія и навязчиваго побужденія или навязчиваго процесса вообще. И здѣсь можно бы, пожалуй, говорить о сложномъ тикозномъ движеніи. У другого индивидуума, мнѣ хорошо извѣстнаго, съ тревожно-мнительнымъ характеромъ и съ навязчивыми состояніями, временами наблюдается рядъ быстро смѣняющихся движеній въ области дыхательныхъ мышцъ; то вы услышите быстрое выдыханіе, то словно откашливаніе, то какъ будто отплеиваніе; получается рядъ быстро слѣдующихъ другъ за другомъ звуковъ въ привычномъ порядкѣ; и все это длится нѣсколько секундъ, появляется неожиданно, быстро и также исчезаетъ. То обстоятельство, что эти движенія возникаютъ при совершенно ясномъ сознаніи, повторяются стереотипно и носятъ характеръ словно привычныхъ и какъ бы заученныхъ произвольныхъ движеній, это обстоятельство даетъ возможность говорить, что и здѣсь мы имѣемъ дѣло съ тикознымъ движеніемъ. Если бы мы стали доискиваться того, какъ развиваются эти двигательныя расстройства, если бы мы обратились къ вопросу объ ихъ генезисѣ, то могли бы убѣдиться легко въ томъ, что когда-то, можетъ быть, въ далекомъ прошломъ, они возникли изъ чисто психического процесса, изъ акта интеллектуальнаго; оказывается въ этихъ случаяхъ, что подобнаго рода произвольныя движенія когда-то развились у даннаго индивидуума въ связи съ навязчивыми процессами, въ сочетаніи съ какимъ-нибудь навязчивымъ представленіемъ; но извѣстно, что нерѣдко бываетъ такъ, что навязчивое представленіе соединяется особенно легко съ какимъ-либо двигательнымъ актомъ; и эта связь возникаетъ иной разъ въ этихъ случаяхъ такъ легко, такъ быстро, что двигательный актъ имѣетъ возможность часто обнаруживаться въ одной и той же формѣ. Впослѣдствіи эта связь двигательнаго

акта съ навязчивымъ представленіемъ какъ бы утрачивается, блѣднѣетъ, словно ступевывается, и двигательный актъ получаетъ способность обнаруживаться автоматически и какъ будто самопроизвольно, ибо онъ становится привычнымъ и заученнымъ; теряя свои прежнія свойства; будучи по своему происхожденію психическимъ, онъ превращается въ такъ называемое тикозное движеніе, склонное чаще обнаруживаться и рѣзче проявляться въ то время, когда индивидуумъ находится въ состояніи волненія, тревоги, заботы.

Выше я указалъ на сложныя тикозныя движенія; но эти послѣднія бываютъ болѣе просты, болѣе локализованы; и ихъ характеръ, и ихъ генезисъ остаются такими же, какъ и въ примѣрахъ, мною уже приведенныхъ. Напримѣръ, у молодого индивидуума появляется сильная зубная боль; ¹⁾ и вотъ, чтобы успокоить ее, онъ наклоняетъ голову къ плечу и именно въ ту сторону, съ которой у него существуютъ болевья ощущенія; тутъ налицо для даннаго движенія реальная причина, извѣстная цѣлесообразность. Пока у этого лица продолжается зубная боль, оно прибѣгаетъ все къ одному и тому же движенію, которое даетъ ему облегченіе; тутъ есть и причина, и цѣль. Но вотъ боль прошла, а движенія становятся какъ будто привычными, не прекращаются, остаются, повторяются, хотя для нихъ нѣтъ уже ни цѣли, ни причины; и это движеніе въ видѣ наклоненія головы въ сторону когда-то болѣвшаго зуба, движеніе, возникающее автоматически, непроизвольно тогда, когда въ немъ нѣтъ никакой нужды, когда оно совсѣмъ, излишне,— это движеніе и будетъ въ данномъ случаѣ тикомъ, тикознымъ движеніемъ. Прекрасную характеристику тикозныхъ движеній далъ когда-то, между прочимъ, знаменитый *Charcot*, указавшій на то, что тикозныя движенія являются какъ-бы каррикатурой цѣлесообразныхъ сложныхъ движеній; сложное тикозное движеніе нельзя назвать абсурднымъ само по себѣ, если взять его въ отдѣльности; оно абсурдно и нелогично потому, что появляется тогда, когда въ немъ нѣтъ нужды, какъ, напримѣръ, отплевываніе и отхаркиваніе, когда повода для этого не существуетъ, или морганіе, когда въ глазу нѣтъ инороднаго тѣла.

¹⁾ Примѣръ взятъ изъ монографіи Meige и Feindel'я „Les tics et leur traitement“.

Тикозныя движенія имѣютъ, слѣдовательно, тѣсную связь съ психическимъ процессомъ, по крайней мѣрѣ, при своемъ первоначальномъ возникновеніи, при своемъ зарожденіи: они суть не что иное, какъ своеобразное выраженіе въ двигательной формѣ навязчивыхъ психическихъ состояній, и потому-то они и развиваются такъ легко и такъ часто на почвѣ этихъ послѣднихъ. И психика лицъ, страдающихъ навязчивыми психическими состояніями, совпадаетъ во многомъ, если не во всемъ, съ душевнымъ складомъ тикозныхъ.

Чтобы еще болѣе пояснить, что такое тики и каковъ ихъ генезисъ, я позволю себѣ привести нѣсколько примѣровъ ¹⁾. Представьте себѣ, что у субъекта, расположеннаго къ появленію различныхъ навязчивыхъ состояній, существуетъ потребность произвести опредѣленныя движенія съ цѣлью устранить нѣсколько неприятное ощущенія отъ твердаго или узкаго воротничка; положимъ, данное лицо съ этою цѣлью дѣлаетъ поворачиваніе головы въ ту или другую сторону; затѣмъ, если причина не устранена, снова возникаетъ потребность въ томъ же движеніи, и оно начинаетъ возникать все чаще и чаще, и даже тогда, когда нѣтъ уже первоначальной причины; оно пріобрѣтаетъ характеръ какой-то навязчивой потребности и въ то же время становится чисто автоматическимъ и наконецъ пріобрѣтаетъ всѣ свойства тика. Возьмемъ другой примѣръ: у субъекта съ нервно-психической организаціей, вслѣдствіе той или другой реальной потребности, обнаруживается стремленіе произвести и повторить опредѣленное, сложное движеніе плечами, съ приподнятіемъ ихъ и пр.; эта потребность можетъ быть, на примѣръ, въ связи съ неудачно сшитымъ и неловко сидящимъ платьемъ; въ послѣдствіи обнаруживается, что хотя то, что дало первоначальный толчокъ къ возникновенію этого движенія, и устранено, но потребность производить это сложное движеніе осталась; оно стало повторяться, сдѣлалось назойливымъ и поздне автоматическимъ, т.-е. тикознымъ.

У лицъ, страдающихъ тиками, наблюдаются самыя разнообразныя произвольныя движенія; тутъ принимаютъ участіе и мышцы лица, и мышцы рукъ, и мышцы плечевого пояса и т. д.; тикозныя движенія могутъ обнаруживаться во всѣхъ произвольныхъ

¹⁾ Смотр. „Les tics“ etc. у Meige'a и Feindel'я.

мышцахъ, въ причудливой иногда формѣ; они нерѣдко бываютъ разнообразны и у одного и того же индивидуума въ томъ отношеніи, что захватываютъ различныя мышечныя группы; иной же разъ они ограничены, локализованы и захватываютъ лишь небольшое количество мышцъ. Среди тикозныхъ движеній надо отмѣтить тѣ изъ нихъ, которыя связаны съ рѣчевымъ аппаратомъ и которыя выражаются иногда въ формѣ заиканія; интересно отмѣтить, что иной разъ психика заикъ совпадаетъ съ душевнымъ складомъ тикозныхъ и, слѣдовательно, съ психикой лицъ, имѣющихъ тревожно-мнительный характеръ и наклонныхъ къ навязчивымъ психическимъ состояніямъ.

Изъ того, что было сказано выше, совершенно ясно, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ наклонность къ навязчивымъ психическимъ состояніямъ разряжается въ формѣ рѣзко выраженныхъ двигательныхъ проявленій, и тутъ существуютъ, какъ мы видѣли, разнообразныя комбинаціи, иногда странныя, неожиданно причудливыя, доказывающія съ несомнѣнною очевидностью, что нѣкоторыя навязчивыя представленія сопровождаются двигательными признаками на периферіи тѣла, какъ, на примѣръ, представленіе о потливости рукъ и усиленная транспирація въ кистяхъ рукъ. И то, что даетъ намъ наблюденіе изъ области патологической психологіи, вполне совпадаетъ съ тѣмъ, что давно уже извѣстно въ сферѣ нормальной психо-физиологіи; именно, если мы будемъ по своему желанію, совершенно произвольно представлять въ своемъ умѣ какое-либо движеніе, на примѣръ, разгибаніе руки, то у насъ является стремленіе произвести это движеніе, и мы будемъ производить движенія, правда мало замѣтныя, въ этомъ направленіи, въ какомъ рисуетъ ихъ себѣ наше представленіе въ данный моментъ. Слѣдовательно, одно представленіе о движеніи есть уже зачаточное движеніе; и въ области патологической психологіи этотъ законъ находитъ себѣ блестящее подтвержденіе, правда, не въ такой простой формѣ, какъ это можно бы думать, ибо и наша индивидуальная психическая жизнь сложнѣе, чѣмъ это можетъ быть кажется иной разъ съ перваго взгляда.

С. Сухановъ.

Научный субъективизмъ и его опасность въ экспериментальной психологіи ¹⁾.

(По поводу брошюры д-ра Котика «Эманация психофизической энергіи»).

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ появилась въ свѣтъ книга профес. Haeckel'я «die Welträthsel», надѣлавшая очень много шума, разошедшаяся въ невѣроятномъ количествѣ экземпляровъ и вызвавшая большую полемику. Однимъ изъ самыхъ рѣзкихъ и негодующихъ отвѣтовъ на эту книгу была брошюра проф. Хвольсона, гдѣ знаменитый профессоръ физики возмущался до глубины души тѣмъ, что Haeckel, профессоръ зоологіи, почувствовалъ охоту философствовать, пользуется для своихъ разсужденій физическими законами, которые онъ по своему незнанію такъ произвольно и невозможно искажаетъ, что отъ нихъ ничего не остается.

Haeckel въ своей книгѣ старался разрѣшить общемировые вопросы. Изъ основныхъ положеній, которыя онъ считалъ вполне доказанными наукой, приходилъ онъ къ своимъ абстрактнымъ выводамъ чисто спекулятивнымъ образомъ. Для этого ему не нужно было подвергать эти положенія экспериментальной провѣркѣ, онъ бралъ ихъ такими, какими ихъ установила наука. — По крайней мѣрѣ онъ думалъ такъ. Поэтому, хотя нѣкоторые физическіе законы были поняты и истолкованы имъ неправильно, онъ самъ не могъ этого замѣ-

¹⁾ Во время печатанія этой статьи д-ръ Котикъ выпустилъ новую книгу подъ названіемъ „Непосредственная передача мыслей“, но въ книгѣ этой трактуется о тѣхъ же явленіяхъ, и авторъ проводитъ ту же параллель изслѣдуемыхъ имъ психическихъ явленій съ физическими и даетъ имъ тѣ же и въ томъ же направленіи объясненія.

Примѣчаніе автора.

тить: не проверяемые экспериментальнымъ путемъ, они не мѣшали ему логически развивать дальнѣйшія свои мысли. Если бы книга Наескеля трактовала о вопросахъ точныхъ экспериментальныхъ наукъ, а не объ общихъ міровыхъ началахъ, то несомнѣнно, что при первой же опытной проверкѣ выказалось бы его незнаніе или неправильное толкованіе физическихъ законовъ. Къ сожалѣнію и съ опытными дисциплинами это не всегда такъ бываетъ: существуетъ наука, сравнительно еще очень молодая, но вполне экспериментальнаго характера, въ которой однако субъективный элементъ настолько силенъ, что очень часто онъ можетъ совершенно руководить результатами проверочныхъ опытовъ.

Эта наука — *экспериментальная психологія*. Поэтому въ ней особенно нужно избѣгать предвзятыхъ мнѣній, апіористичныхъ положеній и вообще всякой дедукціи, а если уже примѣнять ее, то съ очень большою осторожностью. При той огромной роли, которую играетъ въ экспериментальной психологіи субъективное отношеніе къ поставленному опыту, преимущественно только индуктивный методъ изслѣдованія можетъ предотвратить насъ отъ огромныхъ ошибокъ и нелѣпостей въ нашихъ конечныхъ выводахъ.

Брошюра д-ра Котика является однимъ изъ яркихъ примѣровъ того, какъ при психологическихъ опытахъ желаніе во что бы то ни стало доказать какую-нибудь мысль, хотя бы совершенно невозможную съ точки зрѣнія научной, приводитъ все-таки къ ея подтвержденію.

Д-ръ Котикъ затрогиваетъ въ своей работѣ ту область психологическихъ явленій, которая до самаго послѣдняго времени оставалась внѣ научнаго изслѣдованія, мало того: о ней не полагалось говорить серьезно въ научныхъ журналахъ: — медиумизмъ, ясновидѣніе, телепатія... все это отождествлялось съ обманомъ, шарлатанствомъ или психическимъ разстройствомъ. Были ли дѣйствительно основанія для такого отношенія къ медиумизму? Несомнѣнно были, и однимъ изъ главныхъ основаній былъ всегдашній спутникъ всѣхъ этихъ явленій — спиритуализмъ, въ его самой грубой формѣ, — въ формѣ вѣры въ духовъ. Были вѣрующіе и невѣрующіе, вѣрующіе сожалѣли невѣрующихъ, невѣрующіе смѣялись надъ вѣрующими... Такое положеніе дѣлъ, конечно, не могло перенести область медиумическихъ явленій на

научную почву. Правда изъ среды лучшихъ представителей науки являлись отдѣльныя личности, пытавшіяся проникнуть въ эту неизвѣстную область. Но ихъ слабый голосъ оставался «гласомъ вопіющаго въ пустынь», тѣмъ болѣе, что какимъ-то роковымъ образомъ нѣкоторые изъ нихъ, при всей своей научной эрудиціи, при всей объективности въ области своихъ научныхъ изслѣдованій, переходя къ изслѣдованію медиумизма, подвергались общей спиритуалистической заразѣ и начинали вѣрять въ «духовъ», и эта совершенно антинаучная идея какимъ-то непонятнымъ способомъ уживалась въ нихъ рядомъ съ самыми здравыми, строго научными тенденціями.

Съ другой стороны, были и такіе ученые, которые, не отрицая существованія спиритическихъ явленій, старались объяснить ихъ, не выходя изъ рамокъ строго научныхъ методовъ, къ нимъ долженъ быть причисленъ прежде всего лейпцигскій профес. Zöllner. Математикъ и астрономъ, онъ въ своихъ «Wissenschaftliche Abhandlungen» въ первый разъ примѣнилъ къ объясненію медиумическихъ явленій въ высшей степени плодотворную идею «четверомѣрности» пространства, и эта попытка имѣла тѣмъ болѣе значенія, что Zöllner въ его объясненіяхъ не выходилъ изъ области своихъ специальныхъ знаній, которыми къ тому же онъ пользовался съ удивительнымъ умѣньемъ и творчествомъ.

Одной изъ новыхъ попытокъ въ этомъ направленіи является брошюра д-ра Котика; можно приветствовать смѣлость, съ которою авторъ пытается вновь приподнять завѣсу таинственнаго, проникнуть въ его глубину строго научной мыслью... но эта же самая смѣлость и губитъ всю плодотворность его работы. Дѣло въ томъ, что г-нъ Котикъ по специальности медикъ, изслѣдуемая же явленія онъ желаетъ привести въ нѣкоторую параллель съ явленіями физическими; для этого нужно быть въ совершенствѣ знакомымъ съ физикой и ея основными понятіями, чего нельзя замѣтить у д-ра Котика. Въ своихъ разсужденіяхъ въ области физики онъ является дилеттантомъ и вмѣсто того, чтобы строго провести идею объ эманационномъ характерѣ психофизической энергіи, онъ до того спутываетъ свойства всѣхъ физическихъ энергій вмѣстѣ, что рѣшительно невозможно понять, къ какому же роду энергій подходитъ его психофизическая энергія. Онъ высказываетъ такія положенія, которыя съ физической точки зрѣнія рѣшительно недопустимы и все-таки

всѣ эти вполне ошибочные выводы блестяще подтверждаются у него поставленными имъ провѣрочными опытами! Какъ объяснить такое противорѣчье?

Въ полной научной серьезности работы д-ра Котика никакъ нельзя усумниться; какой-либо обманъ, подтасовка фактовъ, по моему мнѣнію, здѣсь совершенно недопустимы. За это говоритъ весь искренній тонъ работы и искренняя, подчасъ даже немного наивная, вѣра въ громадное научное значеніе высказываемыхъ имъ идей. Слѣдовательно, здѣсь должна быть другая причина, приведшая автора къ полному экспериментальному подтвержденію идей, съ научной точки зрѣнія рѣшительно абсурдныхъ. Мнѣ кажется, что все дѣло здѣсь въ томъ, что тѣ опыты, которые ставилъ д-ръ Котикъ, всѣ принадлежали къ области экспериментальной психологіи; они служили ему не для того, чтобы изъ нихъ дѣлать научные выводы, а для того, чтобы только подтверждать уже готовые предвзятые убѣжденія и предположенія автора, и здѣсь, въ этой работѣ, особенно ясно можно видѣть, какъ субъективное отношеніе его къ даннымъ вопросамъ, желаніе во чтобы то ни стало доказать излюбленную имъ мысль, вліяло на направленіе опытовъ такимъ образомъ, что всѣ они *казались* подтверждающими эти заранѣе намѣченные предположенія. Значитъ, здѣсь былъ не *обманъ*, а *самообманъ*.

Чтобы не быть голословнымъ я вкратцѣ хочу прослѣдить весь ходъ изслѣдованій д-ра Котика, и тогда первое, что намъ бросится въ глаза, это то, что не опытъ у него предшествуетъ «открытію», а *всегда* «открытіе», сдѣланное а priori, требуетъ для своего подтвержденія опыта, (который, впрочемъ, безъ исключеній подтверждаетъ эти «открытія»). Такая *абсолютная* дедуктивность въ области психологическихъ изслѣдованій если и возможна, то очень опасна, и въ данномъ случаѣ она приводитъ автора «психофизической эманации» къ выводамъ дискредитирующимъ научную достовѣрность всѣхъ его экспериментовъ.

Первые опыты д-ра Котика состояли изъ внушеній на разстояніи, которые, судя по даннымъ этихъ опытовъ, дѣйствительно и очень ярко подтверждаютъ возможность такихъ внушеній. Тутъ же авторъ дѣлаетъ уже предположеніе о психической энергіи, выходящей изъ мозга «индуктора» (внушающаго субъекта). Затѣмъ слѣдуетъ цѣлый рядъ опытовъ съ внушеніемъ сложныхъ зрительныхъ представлений, для чего служили д-ру

Котику всевозможныя открытыя письма съ изображенными на нихъ пейзажами (сцены, или отдѣльные предметы д-ръ Котикъ не бралъ для опытовъ). Эти опыты указали на нѣкоторыя подробности, между прочимъ и на то, что, какъ выражается авторъ, «волевое усиліе, т.-е. верхнее сознание, ровно никакой роли... не играетъ»... Здѣсь д-ръ Котикъ дѣлаетъ психологическую ошибку, отождествляя волю съ верхнимъ сознаниемъ. Подъ общее понятіе воли подходитъ всякій психологическій процессъ, протекающій въ индивидуумѣ и имѣющій тенденцію произвести какое-либо измѣненіе или во внутреннемъ мірѣ индивидуума, или въ окружающемъ его внѣшнемъ мірѣ. Слѣдовательно, подъ это понятіе должны быть также подведены такіе психологическіе процессы, какъ рефлексъ, импульсъ, инстинктъ, и далѣе, по восходящей степени интеллектуальнаго развитія и сложности, стремленіе и расположеніе. Наконецъ, высшей степени дифференцировки и сознательности достигаютъ волевые процессы въ актѣ опредѣленнаго хотѣнія или «воли» въ специальномъ смыслѣ этого слова—здѣсь, только этотъ психологическій процессъ становится полнымъ содержаніемъ сознанія (подразумѣвая верхнее сознание). Въ низшей же стадіи своего проявленія волевые акты сплошь и рядомъ проходятъ, не регистрируясь верхнимъ сознаниемъ. Если медиумъ съ помощью нижняго сознанія можетъ писать длинныя цитаты и разсужденія, не отдавая себѣ въ этомъ отчета, то отчего волевое усиліе внушающаго не можетъ также остаться въ области нижняго сознанія. Слѣдовательно, говоря, что волевое усиліе не играетъ никакой роли при внушеніи, нужно всегда подразумѣвать не волевое усиліе вообще, а только тотъ частный случай, когда оно протекаетъ въ верхнемъ сознаніи.

Я останавливаюсь на этомъ вопросѣ, пожалуй, слишкомъ долго, но я дѣлаю это для того, чтобы подчеркнуть особенную важность бессознательныхъ волевыхъ импульсовъ при всѣхъ психологическихъ опытахъ. Субъективное отношеніе къ нимъ при ихъ постановкѣ, о которомъ я говорилъ раньше, и выражается именно въ этомъ бессознательномъ волевоиъ усиліи, дающемъ опыту то или иное направленіе. Итакъ, только тѣ волевые импульсы вліяютъ на ходъ внушенія, которые протекаютъ въ нашемъ нижнемъ сознаніи. Изъ этого логически необходимо допустить возможность такого случая: въ то время, какъ д-ръ Котикъ смотритъ на свою открытку, вниманіе сестры m-lle Лидіи, которая была «ассистен-

томъ» при сеансѣ, было бы чѣмъ-нибудь сильно заинтересовано, и она совершенно *нечаянно* передала бы это заинтересовавшее ее впечатлѣніе сестрѣ. Но доктору Котику очевидно не пришла въ голову возможность такой комбинаціи и *поэтому именно* такого случая на его сеансахъ съ Лидіей дѣйствительно не произошло, т. е. ни разу не случилось, что вмѣсто д-ра Котика Лидія В. подверглась бы внушенію со стороны своей сестры. Это первый примѣръ большого вліянія субъективности при всѣхъ психологическихъ опытахъ. Несомнѣнно, что и Лидія В., и ея сестра были убѣждены въ исключительной возможности въ моментъ опыта получать внушенія только отъ доктора, а поэтому внутреннее бессознательное вниманіе (*бессознательное волевое усиліе*) у Лидіи было всецѣло обращено къ д-ру Котику. Но для г-на Котика такихъ субъективныхъ осложненій совершенно не существуетъ. Лично я склоненъ думать, что при передачѣ мысли другому лицу главную роль играетъ отношеніе лица воспринимающаго эту мысль. Вообще, внутренній міръ медиума, его субъективное отношеніе, т. е. его бессознательная воля, сопротивляющаяся или поддающаяся внушенію, *совершенно* управляетъ ходомъ опыта. Поэтому особенно важно предотвратить или, по крайней мѣрѣ, предугадать всѣ эти субъективныя вліянія медиума на сеансъ, чего совсѣмъ не дѣлаетъ д-ръ Котикъ.

Когда встрѣчается какое-либо новое явленіе въ области медиумизма, то всякаго, старающагося объяснить его, кака-то роковая необходимость заставляетъ непременно обратиться къ электричеству и его проявленіямъ. То же случилось и съ д-ромъ Котикомъ: первая мысль его была та, что психофизическая энергія, почти тождественна съ электрической, а поэтому, конечно, очень хорошо проходитъ по проволокаѣ. Эта мысль настолько твердо укоренилась въ публикѣ, что всякій считаетъ проволоку лучшимъ проводникомъ электричества, не входя ни въ какой критическій разборъ ея проводимости; достаточно взять проволоку; чтобы перенести электрическую энергію на громадное разстояніе съ невѣроятной быстротой. Такъ думалъ д-ръ Котикъ и, *что особенно важно*, такъ же думала, вѣроятно, и Лидія В. Опытъ не замедлилъ подтвердить это предположеніе: мысль передалась по проволокаѣ въ пять разъ скорѣе, чѣмъ черезъ воздухъ. Но вслѣдъ за этимъ случилось маленькое недоразумѣніе: при непосредственномъ соприкосновеніи рукъ энергія проходила

медленнѣе, чѣмъ по проволокаѣ. Для дилеттанта это должно представляться совершенно яснымъ: проволока лучшій проводникъ, чѣмъ рука; для человѣка же, болѣе знакомаго съ физикой, этотъ фактъ представляется непримиримымъ абсурдомъ. Въ самомъ дѣлѣ: всѣ тѣла безъ исключенія сопротивляются прохожденію электричества, при нѣкоторыхъ условіяхъ (при очень низкихъ температурахъ) это сопротивленіе бываетъ равно нулю, но отрицательною величиною оно ни въ какомъ случаѣ никогда быть не можетъ. Въ нашемъ опытѣ съ проволокой мы имѣемъ систему (Индукторъ-медіумъ) соединенныхъ: рукой + проволокой + рукой. Психофизическая энергія, проходя черезъ это соединеніе, теряется, сила ея тока $i_1 = \frac{e}{w_1 + w_2 + W}$.

Гдѣ e напряженіе энергіи, $w_1 w_2$ сопротивленія двухъ рукъ, а W сопротивленіе проволоки, которое, какъ ни мало, все же всегда существуетъ (по крайней мѣрѣ въ той обстановкѣ, въ которой происходили опыты д-ра Котика). При опытѣ съ непосредственнымъ прикосновеніемъ рукъ мы сопротивленія проволоки не имѣемъ, слѣдовательно, въ этомъ случаѣ $i_2 = \frac{e}{w_1 + w_2}$.

Ясно, что во второмъ случаѣ $i_2 > i_1$, т.-е. внушеніе должно было бы передаться скорѣе черезъ руки, чѣмъ при посредствѣ проволоки.

i_2 могло бы быть меньше чѣмъ i_1 только тогда, если бы W , т.-е. сопротивленіе проволоки было бы отрицательнымъ, но это абсурдъ, этого нельзя допустить не только для электрической, но и для какой угодно другой энергіи, на основаніи перваго принципа энергетики. Въ исключительномъ случаѣ W можно представить себѣ равнымъ нулю, т.-е. сопротивленія въ проволокаѣ нѣтъ, энергія проходитъ по ней безъ всякаго поглощенія; но даже и тогда мы имѣли бы:

$$i_1 = \frac{e}{w_1 + w_2 + 0}; \quad i_2 = \frac{e}{w_1 + w_2}; \quad i_1 = i_2,$$

т.-е. скорость внушенія съ проволокой и при непосредственномъ прикосновеніи рукъ была бы одинакова. Въ сущности все это азбучныя истины, на доказательство которыхъ не стоило бы тратить ни времени, ни мѣста. Да и самъ д-ръ Котикъ не могъ не обратить вниманія на такую теоретическую несообразность

опытныхъ данныхъ. Но онъ быстро успокоилъ себя фразами, съ внѣшней стороны имѣющими очень научный видъ и не содержащими ни одной научной мысли. Онъ говоритъ: «возможно, что тутъ играютъ нѣкоторую роль химическіе процессы, термо-электричество»... Слова, ровно ничего не объясняющія: хотя бы при опытѣ съ проволокой имѣло мѣсто безконечное количество химическихъ процессовъ и образовались бы всевозможныя термо-электрическіе пары, это ни на одну тысячную долю не уменьшило бы сопротивленія проволоки не только по отношенію къ психофизической, но и къ самой электрической энергіи, а тѣмъ болѣе, не сдѣлало бы это сопротивление отрицательнымъ, что необходимо, какъ я говорилъ, для того, чтобы мысль передавалась черезъ проволоку скорѣе, чѣмъ черезъ руки. Но опытъ даетъ факты, а съ фактами не спорять, какъ говоритъ д-ръ Котикъ. Опять и здѣсь г-нъ Котикъ упускаетъ изъ виду возможность субъективнаго вліянія на опытъ какъ его самого, такъ, особенно, и медиума. Для меня всѣ эти опыты, вполне противорѣчащія теоріи, легко объяснимы. Внушаемость медиума вполне зависитъ отъ его психическаго состоянія, что признаетъ и самъ д-ръ Котикъ; въ данномъ случаѣ все дѣло можно объяснить такъ, что Лидія В., не будучи специалисткой въ физикѣ, была вполне увѣрена, что психофизическая энергія непременно должна передаваться по проволокѣ съ наибольшей быстротой (я думаю, что въ началѣ опыта и д-ръ Котикъ склоненъ былъ это думать), поэтому внутреннее напряженіе Лидіи по отношенію къ внушаемой мысли было особенно сильно (*конечно совершенно произвольно*) во время сеанса съ проволокой. Когда же опытъ былъ произведенъ съ прикосновеніемъ рукъ, то эта магическая проволока отсутствовала, Лидія В., вѣроятно, казалось логично необходимымъ, чтобы внушенія передавались медленнѣе, и она, сама того не замѣчая, реагировала на внушеніе слабѣе. Если бы хотя одинъ разъ у д-ра Котика явилась мысль о возможности субъективнаго вліянія на опытъ, онъ непременно видоизмѣнилъ бы его такъ, чтобы исключить или ослабить это вліяніе, тѣмъ болѣе, что это ничего не стоило сдѣлать: нужно было только взять два проводника, одинъ цѣлый, другой разъединенный изоляторомъ, но такъ, чтобы съ внѣшней стороны этого не было замѣтно; затѣмъ опытъ съ внушеніемъ повторить нѣсколько разъ, выбирая наугадъ то одну, то другую проволоку. При такой постановкѣ

дѣла ни индукторъ, ни медиумъ не знали бы, когда они держатъ дѣйствительный, когда фиктивный проводникъ, и такимъ простымъ способомъ субъективное вліяніе ясно было бы совершенно исключено изъ этихъ психологическихъ экспериментовъ. Но д-ръ Котикъ ничего не знаетъ или не хочетъ знать объ этой субъективности. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ своей брошюры онъ настойчиво повторяетъ: «противъ фактовъ не спорятъ»... неужели даже тогда, когда они приводятъ къ абсурду?.. Очевидно! И слѣдуя такому убѣжденію, д-ръ Котикъ продолжаетъ усердно запутываться въ своихъ собственныхъ фантазіяхъ и непровѣряемыхъ опытахъ. На слѣдующихъ страницахъ брошюры мы находимъ новое предположеніе. Дѣло въ томъ, что отождествивъ, хотя и неудачно, психофизическую энергію съ электрической и рѣшивъ, что она проходитъ хорошо по проводникамъ, онъ вспомнилъ изъ курса физики опыты съ отведеніемъ электричества изъ заряженныхъ тѣлъ въ землю. Изъ этой идеи, понятой, какъ мы увидимъ дальше, совсѣмъ неправильно, онъ сдѣлалъ выводы такіе же неправильные, которые однако блестяще подтвердились опытомъ. Замѣтивъ, что иногда передается не внушаемая, а какая-то другая (чаще всего, раньше промелькнувшая въ головѣ) мысль, д-ръ Котикъ рѣшилъ, что эта другая мысль, рождающаяся въ мозгу индуктора раньше внушаемой, собирается на поверхности его тѣла, какъ электричество, и устремляется къ медиуму раньше, чѣмъ настоящая внушаемая мысль успѣетъ его достигнуть. Избѣгнуть этого очень просто: стоитъ только передъ началомъ внушенія эту ненужную мысль отвести въ землю, для этого опять нужна магическая проволока или, вообще, какой-нибудь проводникъ. Былъ сдѣланъ въ этомъ направленіи опытъ, который блестяще удался, а между тѣмъ, по законамъ электрической энергіи эта удача совсѣмъ не могла имѣть мѣста. Не надо забывать, что электричество уводится съ *изолированнаго* проводника, а потому, чтобы зарядить человѣческое тѣло электричествомъ, его надо изолировать, поставить на скамейку со стеклянными ножками. Въ своихъ опытахъ д-ръ Котикъ не былъ изолированъ и все же психофизическая энергія скоплялась на его тѣлѣ и уходила только при соприкосновеніи съ проводникомъ; когда же д-ръ Котикъ не прикасался къ проводнику, то она оставалась на его тѣлѣ продолжительное время; это могло бы быть только въ томъ случаѣ, если бы само тѣло представляло-

изоляторъ для психофизической энергіи. Но если бы это было такъ, то, какъ извѣстно, энергія не могла бы быть уведена тогда и проводникомъ, такъ какъ проводникъ снимаетъ электричество съ заряженнаго изолятора только въ мѣстѣ прикосновенія съ нимъ, все же остальное электричество, находящееся на изоляторѣ, остается неотведеннымъ. Такимъ образомъ, мы попадаемъ въ безвыходный кругъ: если человѣческое тѣло проводникъ, съ котораго можно отводить психофизическую энергію другимъ проводникомъ, то для того, чтобы скопить на себѣ эту энергію и удержать ее, оно должно быть изолировано, чего не было сдѣлано въ опытахъ д-ра Котика; если же тѣло само діэлектрикъ, то съ него никакими ¹⁾ проводниками вся энергія отведена быть не можетъ.

Д-ръ Котикъ пишетъ: «пожалуй скажутъ, что я слишкомъ увлекаюсь аналогіей съ электрическими явлениями; но вѣдь факты все-таки за меня... а ихъ можно объяснить только въ томъ случаѣ, если проникнуться физическимъ міросозерцаніемъ»...

Злоупотребленіе д-ра Котика состоитъ не въ отождествленіи психофизической и электрической энергіи, а въ томъ, во-первыхъ, что онъ проникся физическимъ міросозерцаніемъ, не будучи хорошо знакомъ съ его основными принципами, а во-вторыхъ въ томъ, что онъ пользуется этимъ міросозерцаніемъ слишкомъ прямолинейно, забывая, что область его работы лежитъ всецѣло въ экспериментальной психологіи, гдѣ приходится оперировать не съ физическими приборами, а съ живыми индивидуумами, имѣющими каждый свою волю, сознательную или бессознательную, и свое индивидуальное, субъективное отношеніе къ производимымъ надъ ними опытамъ. Поэтому здѣсь необходимо всегда ставить контрольные опыты, комбинировать ихъ такимъ образомъ, чтобы они уничтожали или нейтрализовали субъективное вліяніе индивидуума на каждый изъ нихъ въ отдѣльности. Это первое и самое важное условіе въ работѣ по экспериментальной психологіи. И этого условія рѣшительно не признаетъ д-ръ Котикъ. Онъ заранѣе рѣшаетъ, что посторонняя

¹⁾ Я не говорю, конечно, о какомъ-нибудь специальномъ проводникѣ, нарочно сдѣланномъ такъ, чтобы покрыть всю площадь тѣла д-ра Котика (напр. что-нибудь въ родѣ плотно облегающаго металлическаго платья), такой проводникъ, конечно, могъ бы снять, если не всю, то, по крайней мѣрѣ, 90% психофизической энергіи, распространенной на поверхности тѣла доктора.

мысль, пришедшая ему въ голову раньше внушаемой, для парализованія ея дѣйствія на медиума должна быть отведена въ землю, и, конечно, внушивъ себѣ это предположеніе, онъ, самъ того не замѣчая, бессознательнымъ волевымъ актомъ направляетъ ходъ своего опыта въ желаемую сторону, и какъ только касается проводника, онъ такъ увѣренъ, что теперь медиумъ восприметъ задуманную имъ, а не случайную мысль, что дѣйствительно эта мысль и передается, такъ какъ напряженіе его нижняго сознанія при такой постановкѣ опыта несравненно интенсивнѣе, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда онъ не отводитъ «чужую мысль» проводникомъ въ землю.

Въ этомъ случаѣ, преслѣдуя строгую научность своей работы, также ничего не стоило проконтролировать самого себя, сдѣлавъ опять два проводника, одинъ настоящій, другой фиктивный, и, не будучи въ состояніи различать ихъ по внѣшнему виду, произвести нѣсколько опытовъ, отводя постороннюю энергію то по одному, то по другому. Но этого не было сдѣлано.

Весь дальнѣйшій ходъ работы также очень характеренъ въ смыслѣ погони за предвзятыми идеями...

Попытки объяснить медиумическія явленія съ помощью аналогій съ электричествомъ были сдѣланы уже раньше д-ра Котика, и хотя эти попытки были еще менѣе удачны и менѣе научны, чѣмъ попытка доктора, все же такая аналогія была не нова, естественно было обратиться къ самымъ новымъ открытіямъ физики—къ радиоактивности и эманации, тѣмъ болѣе, что какъ разъ теперь появилась по этимъ вопросамъ довольно обширная популярная литература. Д-ръ Котикъ такъ и сдѣлалъ: отъ аналогіи съ электричествомъ онъ переходитъ къ аналогіи съ радиоактивностью. Поводомъ къ такому переходу послужило то обстоятельство, что его знакомые, дававшіе Лидіи В. письма для прочтенія въ запечатанномъ видѣ, были поражены такими подробностями въ описываемыхъ Лидіей картинахъ, о которыхъ они не упоминали въ своихъ письмахъ, но которыя дѣйствительно имѣли мѣсто при переживаніи описываемыхъ ими событій; по крайней мѣрѣ, такъ имъ припоминалось, когда они читали описанія данныя Лидіей В. На основаніи этихъ фактовъ д-ръ Котикъ дѣлаетъ заключеніе, что передаются медиуму не буквы, написанныя въ письмѣ, а *сама мысль запечатлѣвается на бумагѣ*... Были сдѣланы дальнѣйшіе опыты съ листами бумаги, на которыхъ зна-

комые д-ра ничего не писали, а только *сосредоточивали* ту мысль, которую хотѣли передать, и такъ какъ не вѣрить результатамъ этихъ опытовъ нѣтъ основанія, то надо признать доказаннымъ фактъ передачи мысли при употребленіи листковъ, на которыхъ ничего не было написано. Но физическое объясненіе этого факта, дальнѣйшіе теоретическіе выводы, а также опыты подтвердившіе эти выводы, опять не выдерживаютъ научной критики.

Если внимательно прочесть всѣ записки, сдѣланныя Лидіей подѣ влияніемъ внушаемыхъ открытокъ, писемъ или пустыхъ листковъ, то нельзя не обратить вниманія на очень яркую эмоціонную окраску этихъ записей, и, что еще важнѣе, на ярко выраженную *индивидуальность* этой окраски. Всѣ переживаемыя эмоціи, форма фразъ, слова, въ которыхъ она выражаетъ ихъ, характерны и индивидуальны именно для Лидіи В. Прочтя внимательно первыя ея описанія, можно съ увѣренностью сказать, въ какомъ тонѣ, съ какой эмоціонной окраской Лидія будетъ описывать остальные внушаемыя ей впечатлѣнія, если только тема внушенія намъ будетъ извѣстна. И для меня кажется не менѣе правдоподобнымъ предположеніе, что всѣ подробности эмоціоннаго характера, описываемыя Лидіей В., были ея собственными, продуктомъ ея души, а не внушаемыя ей извнѣ. То же обстоятельство, что знакомые д-ра Котика узнали въ этихъ подробностяхъ свои собственные, когда-то пережитыя ими эмоціи, легко объяснить самовнушеніемъ, ложной памятью, которая несомнѣнно въ данномъ случаѣ должна была имѣть мѣсто; знакомымъ д-ра Котика и ему самому, казалось, что они чувствовали и переживали именно тѣ самыя подробности, о которыхъ писала Лидія В. Давая такое объясненіе эмоціоннымъ подробностямъ въ описаніяхъ Лидіи, я не настаиваю на немъ, какъ на единственномъ. Вмѣстѣ съ докторомъ Котикомъ я признаю также и возможность передачи безсознательныхъ эмоцій индуктора, такъ какъ весь процессъ телепатіи очевидно происходитъ въ нижнихъ сознаніяхъ обоихъ участвующихъ при этомъ лицъ. Вѣрнѣе, конечно, что то и другое объясненіе приложимы одновременно. Я хочу только указать на необходимость возможно болѣе широкаго и критическаго отношенія къ психологическимъ опытамъ и на безусловный вредъ подтасовки опытовъ подѣ желаемыя доказательства.

Переходимъ теперь къ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ д-ра Ко-

тика. Извѣстно, что радиоактивныя вещества распространяють изъ себя эманацию, которая можетъ собираться на различныхъ тѣлахъ и дѣлать ихъ на нѣкоторое время также радиоактивными. Недолго думая, д-ръ Котикъ перенесъ это замѣчательное свойство радиоактивныхъ тѣлъ и на свои изслѣдованія. Онъ говоритъ: мозгъ человѣка—тѣло радиоактивное, онъ распространяетъ изъ себя психофизическую эманацию, которая можетъ быть концентрирована на листкѣ бумаги, такимъ образомъ сохранена и потомъ передана въ видѣ внушенія медиуму. При этомъ д-ръ Котикъ не оставилъ своего прежняго воззрѣнія на электрической характеръ психофизической энергіи и прямо цѣликомъ перенесъ его на ея новое опредѣленіе. Если изъ тѣла индуктора скопившаяся психофизическая энергія могла быть отведена проводникомъ въ землю, какъ думалъ д-ръ Котикъ, то это же должно случиться съ эманацией (такъ какъ очевидно она тоже обладаетъ и электрическими свойствами?). Онъ ставитъ опытъ, соединяетъ Лидію В. съ бумажнымъ листкомъ проволокой, и Лидія отлично читаетъ запечатленную на бумажкѣ мысль...

Постараемся разобраться въ этомъ хаосѣ всевозможныхъ физическихъ ошибокъ, нагроможденныхъ другъ на друга и окончательно заслонившихъ собою тѣ проблески научной мысли, которые, можетъ быть, и заключались въ основаніи работы д-ра Котика. Въ его брошюрѣ мы читаемъ: «Сложная психофизическая энергія... состоитъ изъ мозговыхъ лучей... и изъ психофизическаго элемента, который можетъ быть изслѣдованъ посредствомъ «психическаго реактива» (медиума)... и дальше: «этотъ психофизическій элементъ есть не что иное, какъ эманация психофизической энергіи»... Уже въ этихъ послѣднихъ словахъ заключается непримиримое противорѣчіе: эманация, какъ извѣстно—газъ, подчиняющійся въ опредѣленномъ температурномъ интервалѣ закону Воуля. Она есть продуктъ распада атома радія, а не продуктъ выдѣляемой имъ энергіи; она столь же матеріальна, какъ воздухъ, водородъ, кислородъ и т. д. Уже если опредѣлять психофизическій элементъ, какъ эманацию, то надо говорить, что этотъ психофизическій элементъ есть эманация, выдѣляемая веществомъ мозга. Ставъ на такую точку зрѣнія, мы совершенно должны исключить электрической характеръ этой эманации. Какъ можетъ эманация—газъ, сгущающійся на поверхности тѣла (въ данномъ случаѣ на листѣ бумаги)—уходить изъ

нея по проводнику? Дѣлать такое предположеніе, значитъ смѣшивать всѣ физическія понятія вмѣстѣ. Никогда никѣмъ не было констатировано факта, чтобы эманация какого-либо радиоактивнаго вещества проходила по проволоцѣ; да этого констатированія и не нужно, такъ какъ изъ самаго опредѣленія эманации вытекаетъ невозможность такого предположенія. Кромѣ того, и всѣ роды лучей, которые выбрасываются радиоактивными веществами, по проволоцѣ не проходятъ. Что же тогда д-ръ Котикъ отводилъ въ землю изъ своего тѣла и что передавалъ по проволоцѣ изъ листка бумаги?... Но допустимъ на время, что эманационная теорія не примѣнима, что психофизическій элементъ тождественъ или очень сходенъ съ электричествомъ, пролетѣть ли это какой-либо свѣтъ на опыты д-ра Котика? Къ сожалѣнію, нѣтъ. Выше мы видѣли, что опыты съ отведеніемъ психофизической энергіи въ землю были неправильны и невозможны съ точки зрѣнія энергетики вообще, то же нужно сказать и объ опытахъ съ передачей внушенія отъ бумажки къ медиуму по проволоцѣ. Мы и здѣсь попадаемъ въ заколдованный кругъ: если психофизическая энергія могла пройти по человѣческому тѣлу и распространиться на бумажку, то это могло имѣть мѣсто только въ томъ случаѣ, если и тѣло, и *бумажка* были проводниками этой энергіи, но тогда невозможно было бы удержать на ней эту энергію, не изолируя ея какимъ-либо диэлектрикомъ отъ соприкосновенія съ другими тѣлами; если же предположить, что листокъ бумаги представляетъ изъ себя самъ изоляторъ, на которомъ все же какимъ-нибудь (мало понятнымъ) способомъ распространена психофизическая энергія, то ея никогда не уведешь всю цѣликомъ съ помощью какого угодно проводника: онъ сниметъ съ изолятора только такое количество энергіи, какое будетъ заключаться на поверхности ихъ соприкосновенія. Итакъ, какимъ бы образомъ мы ни старались разобраться въ научныхъ предположеніяхъ д-ра Котика, мы приходимъ въ тупикъ, изъ котораго нѣтъ никуда выхода.

Въ предыдущихъ опытахъ д-ра Котика тотъ фактъ, что всѣ они привели его къ подтвержденію совершенно невозможныхъ научныхъ гипотезъ, я постарался объяснить вліяніемъ субъективнаго отношенія какъ самаго доктора, такъ особенно и медиума, которое д-ръ Котикъ совершенно игнорируетъ. Послѣдній рядъ опытовъ съ внушеніемъ мысли съ помощью пустаго листка

бумаги вводитъ насъ несомнѣнно въ область очень сложныхъ психологическихъ и медиумическихъ явленій, въ нихъ не такъ легко найти вліяніе субъективности, какъ въ предыдущихъ изслѣдованіяхъ, хотя д-ръ Котикъ и говоритъ, что противъ фактовъ не спорятъ, я все же повторяю, что, если эти факты приводятъ насъ къ научному абсурду, въ нихъ непремѣнно надо искать ошибки, а въ области экспериментальной психологии прежде всего субъективнаго вліянія. Несомнѣнно, что и въ послѣднихъ опытахъ д-ра Котика съ отведеніемъ эманации по проводнику, приведшихъ его къ такому невѣроятному смѣшенію и искаженію всѣхъ научныхъ понятій, было вліяніе субъективнаго отношенія какъ доктора, такъ и медиума. Только, вообще, самъ фактъ возможности передавать мысль черезъ пустой листокъ бумаги (если его признать какъ существующій) такъ новъ, такъ непонятенъ, что мысль теряется въ предположеніяхъ и гипотезахъ. И найти сейчасъ ясное и удовлетворительное доказательство и объясненіе субъективнаго вліянія при этихъ опытахъ я считаю преждевременнымъ, но это нисколько не мѣняетъ дѣла и не повышаетъ во мнѣ довѣрія къ выводамъ, сдѣланнымъ д-ромъ Котикомъ, такъ какъ эти выводы противорѣчатъ всѣмъ физическимъ теоріямъ, на которыя именно и старается опереться д-ръ Котикъ. Здѣсь опять было бы легко произвести нѣсколько контрольных опытовъ, которые дали бы возможность д-ру Котику, если не объяснить, то, по крайней мѣрѣ, констатировать вліяніе субъективности, такъ сказать, поймать себя самого и медиума въ совершенно произвольномъ субъективномъ склоненіи результатовъ опыта въ желаемую сторону.

Ничего бы не стоило, напримѣръ, взять два пустыхъ листка, одинъ съ «запечатленной» мыслью, другой «психически чистый», взять на угадъ одинъ изъ нихъ и передать Лидіи, такимъ образомъ могъ бы быть провѣренъ вопросъ о томъ, передается ли мысль съ помощью листка непосредственно, или здѣсь играетъ роль убѣжденіе медиума, что именно въ этотъ моментъ внушеніе должно на него подѣйствовать. Точно также, съ помощью двухъ проводниковъ, одного настоящаго, другого фиктивнаго, можно было бы вполне очистить опытъ съ передачей внушенія изъ бумаги по проволоцѣ отъ субъективнаго вліянія медиума. Ничего этого не было сдѣлано, такъ какъ д-ръ Котикъ и не задавался, очевидно, вопросомъ о возможности такого субъек-

тивнаго вмѣшательства въ направленіе психологическихъ опытовъ—это была его ошибка, погубившая все научное достоинство его работы... Еще одинъ характерный примѣръ отношенія д-ра Котика къ опыту и его достовѣрности: въ прошлой своей работѣ—«Чтеніе мыслей и N-лучи» онъ констатировалъ фактъ, открытый *Aug. Charpentier*, что мозгъ человѣка и вообще нервныя центры во время дѣятельности выбрасываютъ потокъ лучей, по своимъ физическимъ свойствамъ тождественныхъ или весьма близкихъ къ N-лучамъ *R. Blondlot*. Ихъ существованіе констатируется усиленіемъ свѣченія сѣрнисто-кальціевого экрана. Исторія открытія этихъ лучей и возникшей за этимъ полемики очень знаменательна: она представляетъ изъ себя яркую картину борьбы объективнаго и субъективнаго отношенія къ научной идеѣ. Почти всѣ ученые, кромѣ французовъ, отрицаютъ существованіе этихъ лучей, такъ какъ не видѣли никакого усиленія яркости свѣтящагося экрана и такъ какъ болѣе объективныхъ доказательствъ существованія этихъ лучей не было дано Нансійской школой. Для человѣка свободнаго отъ предвзятой мысли и хотя разъ наблюдавшаго свѣченіе сѣрнистаго экрана бросается прямо въ глаза вся шаткость, вся ненаучность этихъ опытовъ. Д-ръ Котикъ производилъ свои опыты такъ, что онъ смотрѣлъ на экранъ и въ это время *приказывалъ* (!) какому-нибудь субъекту думать—экранъ свѣтился ярче, потомъ по данному знаку (!) субъектъ переставалъ (!) думать—свѣтъ экрана ослаблялся... развѣ эти психологическіе опыты не наивны? Развѣ можетъ ктонибудь начать и перестать думать по приказанію? Развѣ самъ д-ръ Котикъ во время своихъ экспериментовъ, находясь къ тому же ближе къ экрану, чѣмъ изслѣдуемый субъектъ, совсѣмъ ни о чемъ не думалъ? Отчего же именно напряженіе мысли субъекта, а не доктора заставляло экранъ свѣтиться? Кромѣ всего этого само свѣченіе Cas-экрана настолько слабо и неясно, что нѣтъ ничего легче, какъ представить себѣ совершенно произвольно усиленіе свѣта слабо-мерцающаго въ темнотѣ экрана. На это предположеніе д-ръ Котикъ отвѣчаетъ—«отрицать то, что другіе видятъ, а я не вижу—это значитъ уподобляться мудрому страусу... Большее упорство въ непризнаваніи субъективности, я рѣдко встрѣчалъ въ научныхъ изслѣдованіяхъ!

Послѣ всего сказаннаго мною мнѣ могутъ задать вопросъ: если я считаю ошибочными всѣ теоріи, которыми д-ръ Котикъ ста-

рается разрѣшить явленія медиумизма, не долженъ ли я противопоставить имъ новыя, болѣе удовлетворительно объясняющія эти явленія? На этотъ вопросъ я отвѣчу, что такой обязанности я на себѣ не чувствую, такъ какъ я не доказывалъ общей непригодности физико-механическаго міровоззрѣнія для объясненія медиумическихъ явленій, я говорилъ только о томъ, что всѣ детальныя объясненія д-ра Котика приводятъ насъ къ научному абсурду, что, стремясь свести свои теоріи къ аналогіямъ съ міромъ физическимъ, онъ не зналъ законовъ этого міра, понялъ ихъ неправильно и, взявъ ихъ въ искаженномъ видѣ, построилъ на нихъ всѣ свои остальные выводы.

Что же касается моего личнаго отношенія къ тенденціи свести всѣ явленія медиумизма и телепатіи къ чистой физикѣ, то здѣсь, по моему мнѣнію, можно ограничиться пока только приближительной аналогіей, которой нужно пользоваться, какъ руководящей нитью къ постановкѣ и программѣ опытовъ, но не надо увлекаться настолько, чтобы превращать эту аналогію въ тождество. Мнѣ кажется, что наиболѣе близкая къ объясненію медиумическихъ явленій теорія должна имѣть сходство съ электромагнитной теоріей Махwell'a, но въ то же время въ психологической энергіи непременно придется допустить индивидуальный и даже волевой элементъ. Пока мы не можемъ констатировать его, такъ какъ всѣ эти явленія, повидимому, протекаютъ въ нашемъ нижнемъ сознаніи. Но можно представить себѣ картину психологическихъ *общеній* похожей на систему беспроволочнаго телеграфа, гдѣ станціи спрашиваютъ другъ друга, даютъ отвѣты, и все это—безъ участія нашего верхняго сознанія. Такимъ образомъ, фактъ чтенія мысли, запечатленной на листкѣ бумаги, можно представить себѣ въ такомъ видѣ, что бумага не содержитъ въ себѣ *ничего*, но медиумъ *убѣжденъ*, что она что-то содержитъ, и это убѣжденіе служитъ импульсомъ къ усиленной дѣятельности его нижняго сознанія и оно *телеграфируетъ* къ субъекту, давшему листокъ, получаетъ отъ него отвѣтъ (безъ его вѣдома) и съ помощью руки медиума записываетъ его... Конечно, все это только гипотезы, несомнѣнно очень далекія отъ истины, но во всякомъ случаѣ *въ смѣлости*, которой д-ръ Котикъ приписываетъ такое научное значеніе, онѣ не уступаютъ теоріямъ автора «Психофизической эманации». Но не въ смѣлости дѣло; ни тѣ, ни другія теоріи не имѣютъ еще за собою безпри-

страстно повѣренныхъ опытовъ; поэтому всѣ онѣ, какъ простыя предположенія, одинаково имѣютъ право на существованіе, конечно, до тѣхъ только поръ, пока не приводятъ насъ къ противорѣчіямъ или съ самими собой, или съ основными, твердо установленными научными истинами. Не рассматривая ближе вопроса о большей или меньшей пригодности той или иной теоріи, (такъ какъ это было бы, по моему мнѣнію, преждевременно), я хочу указать еще только на то, что вибраціонная теорія (Maxwell) избавляетъ насъ съ чисто формальной стороны отъ одной логической трудности: представить себѣ *мысль*,— процессъ не опредѣляемый пространствомъ, но протекающій непременно *во времени*,—въ видѣ газа (эманации) опредѣленнаго химическаго состава. Какой же сложности долженъ быть этотъ газъ, чтобы вызвать въ медиумѣ не только отдѣльныя представленія, но и мельчайшія подробности эмоціоннаго характера, пережитыя когда-то индукторомъ! Тогда какъ вибраціонный процессъ всегда имѣетъ *временное* теченіе, и какъ бы мало ни было это время, оно всегда имѣетъ положительную величину и никогда не равно нулю. Вообще, міръ психологическихъ явленій, даже въ самомъ простомъ случаѣ, настолько неизмѣримо сложнѣе міра физическаго, психическая энергія должна представлять такую сложную систему энергій еще намъ неизвѣстныхъ, что простое отождествленіе ея, хотя бы по формѣ проявленій, съ электричествомъ, эманацией или какими-нибудь лучами не откроетъ еще дверей въ неизвѣстную намъ область. Только строго продуманный анализъ всѣхъ психологическихъ явленій, только опыты, въ которыхъ предусматрѣна малѣйшая возможность вліянія субъективности помогутъ намъ разобраться въ этой области таинственнаго и освѣтить ее свѣтомъ дѣйствительно строгой научной мысли.

Н. П. Песковъ.

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФІЯ.

Обзоръ книгъ.

Теорія права и государства профессора Л. І. Петражицкаго, т. I, 1907 г.

Новая книга проф. Петражицкаго имѣетъ цѣлю въ систематическомъ видѣ представить теорію автора, основы которой были изложены имъ ранѣе въ рядѣ работъ, получившихъ широкую извѣстность. Къ сожалѣнію, задача эта съ внѣшней стороны исполнена авторомъ не вполне удачно. Отсутствіе всякихъ литературныхъ указаній лишаетъ читателя возможности сопоставить ученіе проф. Петражицкаго съ мнѣніями другихъ ученыхъ по тѣмъ же вопросамъ; собственные взгляды проф. Петражицкаго, особенно въ первой основной части его работы, изложены такъ неполно, что правильно понять ихъ невозможно, не обращаясь къ его предыдущимъ сочиненіямъ. Самое изложеніе недостаточно систематично: въ началѣ книги авторъ нерѣдко отсылаетъ читателя къ ея концу, въ концѣ возвращаетъ къ началу.

При всѣхъ этихъ внѣшнихъ недостаткахъ книга проф. Петражицкаго представляетъ глубокий интересъ не только для юриста, для всѣхъ, кто занимается изученіемъ социальныхъ явленій въ той или другой области. Я позволю себѣ коснуться ученія проф. Петражицкаго именно съ этой общей его стороны, поскольку оно заключаетъ въ себѣ основанія для уясненія природы социального явленія вообще, хотя бы и на частномъ примѣрѣ права. Въ нѣсколькихъ словахъ основная мысль автора состоитъ въ слѣдующемъ.

Проф. Петражицкій полагаетъ, что современная психологія неправильно различаетъ три элемента психической жизни: по-

знаніе, чувство и волю. По его мнѣнію, существуютъ психическія явленія, не подходящія ни подъ одну изъ названныхъ рубрикъ и представляющія собою одновременно какъ страдательныя, такъ и моторныя переживанія, при чемъ эти переживанія составляютъ единое психическое недѣлимое явленіе, въ которомъ одна сторона — пассивная — не можетъ быть переживаема отдѣльно отъ другой — активной. Примѣромъ могутъ служить переживанія голода, жажды, полового возбужденія. Подобныя переживанія авторъ называетъ импульсіями или эмоціями и придаетъ имъ весьма важное значеніе, приписывая функцію побужденій къ тѣлодвиженіямъ, внутреннимъ дѣйствіямъ, физиологическимъ, психическимъ процессамъ и волевымъ дѣйствіямъ (стр. 3). Эмоціямъ присуще то явленіе, что онѣ проицируются внѣ психики (эмоціональная проекція или фантазія) и результатъ этой проекціи намъ представляется объективно существующимъ (стр. 34). Нормы права и нравственности представляютъ собою подобнаго рода проекціи опредѣленныхъ эмоцій, переживаемыхъ въ связи съ извѣстными представленіями, напримѣръ, представленіями извѣстнаго поведенія.

Лично я согласенъ съ тѣмъ мнѣніемъ, что всѣ вообще соціальныя явленія представляютъ собою извѣстныя психическія переживанія, и что специфическая особенность соціальныхъ формъ и нормъ поведенія — ихъ объективность — является лишь особеннымъ признакомъ этихъ переживаній; тѣмъ не менѣе мнѣ кажется, что обоснованіе этого взгляда у проф. Петражицкаго не всегда достаточно убѣдительно, и что нѣкоторыя существенныя стороны вопроса имъ удовлетворительно не объяснены.

Прежде всего мнѣ не представляются достаточно убѣдительными соображенія и доказательства автора въ пользу существованія его эмоцій, какъ элементарныхъ состояній на ряду съ процессами познавательными, чувственными и волевыми.

Дѣло въ томъ, что при дѣленіи психики на интеллектуальныя, чувственные и волевые процессы не имѣется въ виду указать состоянія, которыя конкретно могли бы быть переживаемы каждое особо и отдѣльно отъ другихъ; нѣтъ состояній, которыя конкретно переживались бы какъ чистое ощущеніе, чистое чувство или чистая воля. Дѣйствительныя переживанія состоятъ изъ сложнаго, конкретно-нераздѣльнаго комплекса или потока. Лишь путемъ теоретическаго анализа мы различаемъ въ дѣй-

ствительномъ переживаніи явленія разнаго характера и путемъ изолирующей абстракціи сводимъ ихъ къ простѣйшимъ элементамъ, которые считаемъ далѣе неразложимыми, элементарными. Такимъ образомъ чувство переживается только вмѣстѣ съ интеллектуальными процессами, и въ единомъ познавательномъ-чувственномъ переживаніи мы называемъ чувствомъ то субъективное состояніе, которое въ противоположность представленію не можетъ быть сознаваемо какъ процессъ познавательный; «die beiden Glieder lassen sich jedoch nicht trennen» — поясняетъ Lehmann (Die Hauptgesetze des menschlichen Gefühlslebens, 1892, стр. 14. Тоже Wundt, Grundriss der Psychologie, 1896, §§ 5, 7 и стр. 34—35, 91—92). Съ другой стороны, чувство конкретно нераздѣльнымъ переживаніемъ переходитъ въ воленіе, являясь какъ бы нѣкоторой стороной волевого процесса, или, какъ говоритъ Simmel (Skizze einer Willenstheorie, Zeitschr. f. Psych. u. Phys. d. Sinnesorgane, B. IX, 1896, стр. 206 и сл.) первымъ его отраженіемъ въ сознаніи. Равнымъ образомъ и ощущеніе является органической составной частью воленія (ср. Turic, Der Entschluss in d. Willensprozesse, Zeitschr. f. d. exacte Philosophie, B. XIX, стр. 172 и сл. 237 и сл.). Вообще, нѣтъ волевого процесса, который не сопровождался бы антиципаціей дѣйствія или инымъ познавательнымъ процессомъ, какъ равнымъ образомъ въ самыхъ познавательныхъ процессахъ мы открываемъ элементы волевыхъ явленій.

Такимъ образомъ элементы психики — познаніе, чувство, воля — представляютъ собою теоретическія абстракціи и имѣютъ въ психологіи такое же значеніе, какъ и аналогичныя абстракціи въ другихъ наукахъ, напримѣръ, понятіе атома въ химіи.

Отсюда слѣдуетъ, что возможность открыть въ нашей психикѣ существованіе такихъ переживаній, которыя не подходятъ ни подъ одинъ изъ простѣйшихъ психическихъ элементовъ и въ которыхъ пассивная сторона конкретно не можетъ быть отдѣлена отъ активной — такая возможность нисколько не противорѣчитъ сама по себѣ дѣленію психики на познаніе, чувство и волю: всякое дѣйствительное переживаніе не подойдетъ ни подъ одну изъ названныхъ рубрикъ. Поэтому самъ по себѣ фактъ, что состоянія, которыя проф. Петражицкій называетъ эмоціями, также не могутъ быть конкретно переживаемы по частямъ, нисколько еще не свидѣтельствуетъ, что эти состоянія простыя и

не могутъ быть раздѣлены абстрактно на болѣе простые элементы.

Но, быть можетъ, эмоціи проф. Петражицкаго и абстрактно не разложатся на простые психическіе элементы и въ такомъ случаѣ дѣйствительно представляютъ собою нѣкоторыя особыя первоначальныя переживанія, которыя слѣдуетъ поставить рядомъ съ ощущеніемъ, чувствомъ и волей?

Прежде всего ясно, что эмоціи проф. Петражицкаго представляютъ явленія, протекающія въ довольно сложной обстановкѣ. Онѣ вызываются ощущеніями (видомъ, запахомъ, вкусомъ), представленіями, идеями и т. п. интеллектуальными процессами (стр. 2—3, 10, 13—14, 16, 17—18); переживаются «по адресу» предметовъ, представленій, образовъ, поступковъ (стр. 22. Нельзя сказать, чтобы эта классификація «адресовъ» отличалась особенной точностью съ точки зрѣнія психологическихъ понятій). Эмоціи возникаютъ и подъ вліяніемъ фізіологическихъ процессовъ, безъ участія психики (стр. 19); вызываются чувствами удовольствія и страданія (стр. 12); сопровождаются чувствами удовольствія или страданія (стр. 2); состоятъ изъ своеобразныхъ претерпѣваній, неразрывно связанныхъ съ позывами, понуканіями (стр. 1—2), изъ моторныхъ раздраженій (стр. 5).

Упомянутые здѣсь «претерпѣванія» и «позывы» конкретно нельзя пережить безъ вызывающихъ ихъ ощущений, представленій и т. д., безъ сопровождающихъ ихъ чувственныхъ состояній и послѣдующихъ стремленій; если такъ, то, исходя изъ положенія, что конкретно нераздѣлимое въ переживаніи должно быть разсматриваемо какъ простое переживаніе, проф. Петражицкій, будучи послѣдовательнымъ, долженъ былъ бы весь описанный сложный комплексъ считать простымъ явленіемъ: на этомъ именно основаніи онъ вѣдь считаетъ простымъ элементомъ психики эмоцію, въ которой активная часть не можетъ быть пережита безъ пассивной.

Проф. Петражицкій однако этого не дѣлаетъ и совершенно правильно: всю интеллектуальную, чувственную и волевою сторону комплекса онъ мысленно отдѣляетъ, въ качествѣ моментовъ, вызывающихъ или предшествующихъ, сопутствующихъ или послѣдующихъ. Но дойдя до «претерпѣваній» и «понуканій», «позывовъ» и «моторныхъ разсужденій», онъ останавливается въ своемъ анализѣ. Почему? Вѣдь и въ этомъ остаткѣ все же

можно различить двѣ совершенно несходныя формы переживанія—пассивную и активную. Допустимъ, что ихъ нельзя пережить отдѣльно; но вѣдь и удовольствіе отъ созерцанія голубого цвѣта нельзя пережить отдѣльно отъ голубого цвѣта. Если же мы въ томъ или иномъ переживаніи абстрактно различаемъ два момента, которые по своей природѣ сознаются, какъ прямо противоположныя, мы въ правѣ и должны различать ихъ, должны считать переживаемое состояніе сложнымъ и состоящимъ изъ двухъ абстрактно раздѣльныхъ простѣйшихъ элементовъ. Поэтому и эмоціи, въ которыхъ мы переживаемъ два явно отличныхъ состоянія — пассивное претерпѣваніе и активно-моторное понуканіе, должны быть абстрактно раздѣлены на двѣ составныя части.

Раздѣливъ эмоцію на двѣ ея абстрактныя составныя части, мы безъ всякой натяжки и безъ малѣйшаго труда можемъ уложить ее въ рубрики извѣстныхъ психологіи конечныхъ элементовъ. Активная часть эмоціи—понуканіе, позывъ, моторное раздраженіе — очевидно, не что иное, какъ волевой процессъ въ той или другой стадіи его развитія, тогда какъ пассивный остатокъ — «претерпѣваніе» — обыкновенный спутникъ волевого процесса, иногда нѣсколько ранѣе появляющійся въ сознаніи, часто почти незамѣтный — чувство. Въ нѣкоторыхъ привычныхъ волевыхъ процессахъ чувство почти незамѣтно; но и въ эмоціяхъ проф. Петражицкаго пассивная сторона переживанія настолько отходитъ на задній планъ, что онъ сплошь и рядомъ говоритъ только о «моторныхъ раздраженіяхъ», совершенно забывая о «претерпѣваніяхъ».

Но если эмоціи проф. Петражицкаго и представляютъ собою сложное явленіе, то отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы этотъ сложный психическій комплекс нецѣлесообразно было принимать за исходную точку при изученіи тѣхъ или другихъ общественныхъ явленій; для той или иной прикладной цѣли можетъ оказаться какъ разъ полезнымъ исходить не изъ простѣйшихъ элементовъ, а именно изъ нѣкоторой болѣе или менѣе сложной ихъ комбинаціи, рассматривая ее какъ неподлежащую въ цѣляхъ методологическихъ дальнѣйшему расчлененію (ср. стремленіе къ наибольшей выгодѣ въ теоріи политической экономіи). Излишне только переносить эту точку зрѣнія въ психологію; классификація, въ которой рядомъ съ простыми элементами—ощущеніемъ,

чувствомъ, волей — фигурируютъ сложные комплексы эмоцій, едва ли можетъ быть разсматриваема, какъ усовершенствованіе хотя бы традиціонной психологіи.

Для доказательства несостоятельности принятаго въ современной психологіи способа объясненія психическихъ явленій и существованія эмоцій, проф. Петражицкій ссылается на явленіе голода, которое онъ подвергъ особенно подробному изслѣдованію въ своей «эмоціональной психологіи» (введеніе въ изученіе права и нравственности, 1905), куда и отсылаетъ читателя.

Критика существующихъ объясненій голода приводитъ проф. Петражицкаго къ заключенію, что 1) попытки построенія психологической теоріи голода путемъ нахожденія или придумыванія физиологическихъ раздражителей на почвѣ недостаточнаго питанія и соотвѣтственныхъ ощущеній недопустимы и безнадежны (Введеніе, стр. 219) и что 2) голодь не представляетъ собою ни чувства вообще, ни страданія въ частности (ib., стр. 222, 220). Съ своей стороны проф. Петражицкій находитъ, что голодь представляетъ собою типичный случай страдательно-моторнаго переживанія или эмоціи со всѣми ея характерными особенностями. Эта именно эмоція голода вызываетъ сложныя и разнообразныя физиологическія и психическія акціи, превращающія организмъ въ аппаратъ, приоровленный для питанія (ib. стр. 221, 232 и др.).

Первое положеніе—независимость психического явленія голода отъ физиологическихъ процессовъ голоданія — проф. Петражицкій доказываетъ тѣмъ, что а) непріемъ пищи въ обычное время не только не усиливаетъ голода, но, напротивъ, ослабляетъ или даже на нѣкоторое время совершенно устраняетъ; б) при наличности физиологическаго голоданія можно предотвратить появленіе психологическаго голода путемъ психическихъ воздѣйствій (напримѣръ, видомъ червей или насѣкомыхъ и др. способами), и обратно, в) при отсутствіи физиологическаго голоданія тѣмъ же психическимъ путемъ можно вызвать аппетитъ (напр. видомъ лакомыхъ блюдъ); а между тѣмъ во всѣхъ этихъ случаяхъ психическія воздѣйствія «не вводятъ въ желудокъ отсутствующихъ и не удаляютъ изъ него существующихъ кислыхъ веществъ и тому подобныхъ раздражителей».

Прежде всего необходимо замѣтить, что это послѣднее ука-

заніе слишкомъ поспѣшно; такъ какъ желудокъ нервными волокнами связанъ съ центральной нервной системой, и искусственное раздраженіе сѣрой коры мозговыхъ полушарій вызываетъ, напримѣръ, движенія желудка, и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что психическіе процессы, которымъ соотвѣтствуютъ молекулярныя движенія мозга, могутъ отказывать вліяніе на физиологическое состояніе и процессы, происходящіе въ желудкѣ. Поэтому, если бы нѣкоторые изъ этихъ процессовъ, разыгрывающихся въ желудкѣ, играли роль раздражителей, возбуждающихъ голодъ, не было бы ничего невозможнаго въ томъ, чтобы психическія воздѣйствія (т.-е. соотвѣтствующія имъ раздраженія чувствительныхъ нервовъ и центральной системы) дѣйствительно вводили въ желудокъ и удаляли изъ него эти раздражители. Далѣе, непринятіе пищи въ обычное время можетъ измѣнить процессы, происходящіе въ органахъ питанія и безъ всякаго психическаго воздѣйствія, такъ какъ произвольно функционирующіе органы обладаютъ способностью, при недостаткѣ внѣшнихъ условій для обычнаго функционирования, видоизмѣнять или регулировать свою дѣятельность въ извѣстныхъ ограниченныхъ предѣлахъ съ пользою для организма (такъ, напримѣръ, при голоданіи—замедленіе обмѣна веществъ, питаніе насчетъ тканей въ опредѣленной послѣдовательности; при недостаткѣ кислорода—интрамолекулярное дыханіе, см. Н. Driesch, Die organischen Regulationen, 1901). Главное же возраженіе, которое можно было бы представить противъ этой части разсужденій проф. Петражицкаго, состоитъ въ томъ, что было бы лучше предоставить рѣшеніе этихъ вопросовъ физиологамъ.

Что касается второго положенія проф. Петражицкаго, что голодъ не представляетъ собою чувственнаго состоянія, то проф. Петражицкій былъ бы правъ, если бы возражалъ противъ отождествленія психическаго явленія голода съ простымъ психическимъ элементомъ; переживаніе голода представляетъ собою сложный психическій комплексъ, состоящій изъ разнообразныхъ интеллектуальныхъ, чувственныхъ и волевыхъ процессовъ, возникающихъ на почвѣ органическихъ ощущеній и сопровождающихся сложными аккомодациями разныхъ органовъ. Съ устраненіемъ (мысленнымъ или экспериментальнымъ) сколько-нибудь значительной части этого комплекса голодъ перестаетъ быть голодомъ. Въ этомъ смыслѣ голодъ не есть ни простое ощущеніе,

онъ простое чувство; но въ этомъ смыслѣ ни не есть и простая эмоція проф. Петражицкаго.

Вопросъ однако можетъ быть поставленъ иначе: какой изъ элементовъ этого сложнаго комплекса придаетъ всей картинѣ тотъ послѣдній своеобразный штрихъ, который главнымъ образомъ и по преимуществу дѣлаетъ изъ всей совокупности переживаемыхъ состояній то, что мы называемъ голодомъ? Такимъ элементомъ мы не назовемъ ни рядъ представлений о пищѣ или ѣдѣ, ни моторныя раздраженія, стремящіяся перейти въ ѣду, ни рядъ сопровождающихъ голодъ физиологическихъ аккомодаций, а скорѣе всего назовемъ именно то своеобразное чувственное состояніе, которое возникаетъ на почвѣ внутреннихъ органическихъ ощущений. И притомъ именно неприятное чувственное состояніе. Когда проф. Петражицкій говоритъ, что голодъ-аппетитъ не есть страданіе, а напротивъ, сопровождается чувствомъ удовольствія, онъ смѣшиваетъ двѣ вещи: представление объ удовлетвореніи или возможности удовлетворенія голода съ самымъ чувствомъ голода. Разумѣется, если человѣкъ увѣренъ, что, испытывая голодъ, онъ удовлетворитъ его и въ особенности, если онъ, будучи всегда сытъ, рѣдко испытываетъ удовольствіе отъ ѣды, то признаки аппетита не только не причиняютъ ему огорченія, но, напротивъ, доставляютъ радость, такъ какъ предвѣщаютъ удовольствіе не только гастрономическаго смакованія, но и болѣе интенсивное—утоленія голода. Я однако не думаю, чтобы голодъ-аппетитъ въ той же самой стадіи развитія сопровождался малѣйшимъ чувствомъ удовлетворенія у человѣка, не имѣющаго надежды пообѣдать.

Равнымъ образомъ нисколько не противорѣчитъ допущенію, что чувство является доминирующимъ элементомъ голода, и то утверженіе проф. Петражицкаго, что нѣтъ голода безъ «аппетита», т.-е. «позыва»—специфической особенности «эмоціи». Прежде всего, насколько мнѣ извѣстно, бывають случаи переживанія голода съ отсутствіемъ всякаго аппетита (и даже отвращеніемъ) къ ѣдѣ. Но независимо отъ этого, неизмѣнное присутствіе моторныхъ побужденій въ комплексѣ, гдѣ существенную роль играетъ чувственное состояніе, является само собою понятнымъ, такъ какъ всякое чувственное состояніе стремится перейти и переходить въ тѣ или другіе волевые импульсы и процессы.

Съ другой стороны, въ пользу предположенія, что существеннымъ элементомъ голода является чувственное состояніе, говорить слѣдующія два обстоятельства: во-1-хъ то, что интенсивность аппетита постепенно падаетъ по мѣрѣ приема пищи (Петражицкій, введеніе, стр. 225)—подобное постепенное паденіе составляетъ характерную особенность именно чувства (фактъ достаточно выясненный въ литературѣ по теоріи цѣнности); и во-2-хъ то, что голодь на извѣстной степени интенсивности переходитъ въ аффектъ, а основнымъ элементомъ аффекта является чувство (ср. Петражицкій, введеніе, стр. 228 и Lehmann, Die Hauptgesetze, стр. 59 и др.).

Я не могу исчерпать всѣхъ возраженій, какія возможно было бы привести противъ объясненій проф. Петражицкаго; скажу только, что ни критическая, ни положительная часть его изслѣдованія явленія голода не приводятъ къ убѣжденію въ необходимости признать голодь эмоціей въ его смыслѣ.

До сихъ поръ проф. Петражицкій понималъ подъ эмоціей психической элементъ, такимъ образомъ онъ и самъ опредѣляетъ это понятіе. Однако, нетрудно убѣдиться, что въ дальнѣйшемъ изложеніи проф. Петражицкій разумѣетъ подъ эмоціей нѣчто другое. Вслѣдъ за эмоціями, которыя отчетливо переживаются въ психикѣ, на сцену появляются эмоціи, которыя протекаютъ настолько незамѣтно, что даже внимательные и умѣлые интроспективные поиски не въ состояніи открыть ихъ въ психикѣ; такихъ эмоцій оказывается громадное большинство (введеніе, стр. 269). Естественно можетъ возникнуть сомнѣніе, будутъ ли психическими такія переживанія, которыхъ нельзя открыть въ психикѣ при всемъ желаніи и искусствѣ? Дѣло, разумѣется, упрощалось бы, если бы проф. Петражицкій допускалъ существованіе безсознательной психики; но онъ этого не дѣлаетъ. Основаніемъ считать эти эмоціи психическими явленіями служить для проф. Петражицкаго то обстоятельство, что при извѣстныхъ условіяхъ можно искусственно повысить ихъ интенсивность и ввести въ область сознанія (ib., стр. 273 сл.). Казалось бы, что указанное обстоятельство могло бы служить основаніемъ считать соотвѣтствующія явленія психическими лишь въ этомъ послѣднемъ случаѣ, но никакъ не тогда, когда въ самой психикѣ никакихъ эмоцій мы не переживаемъ.

Не станемъ однако останавливаться надъ этимъ вопросомъ

здѣсь, такъ какъ онъ ставится вслѣдъ за тѣмъ въ болѣе опредѣленной формѣ. Оказывается, что существуютъ и такія эмоціи, которыя вовсе недоступны наблюденію, и наличность которыхъ мы выводимъ дедуктивнымъ путемъ изъ наблюденія извѣстныхъ дѣйствій и измѣненій въ организмѣ. Причемъ подобный методъ примѣнимъ не только по отношенію къ чужимъ переживаніямъ, но и по отношенію къ намъ самимъ (стр. 286). Иначе говоря, мы наблюдаемъ извѣстныя дѣйствія и измѣненія и умозаключаемъ, что они вызваны эмоціей, хотя самой эмоціи въ психикѣ, въ нашемъ сознаніи мы не переживаемъ.

Теперь становится понятнымъ, что, собственно говоря, понимаетъ проф. Петражицкій подъ эмоціями въ данномъ случаѣ. Это не что иное, какъ координированная система произвольныхъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ рефлекторныхъ, дѣйствій и физиологическихъ измѣненій, имѣющая определенное біологически-полезное назначеніе. Вездѣ, гдѣ есть такая координированная система, проф. Петражицкій принимаетъ наличность соотвѣтствующей особой эмоціи. Въ однихъ случаяхъ эти эмоціи протекаютъ въ сознаніи, въ другихъ—въ сознаніи ихъ нѣтъ; въ послѣднемъ случаѣ проф. Петражицкій принимаетъ ихъ существованіе дедуктивно—неизвѣстно только, гдѣ именно, и неясно, почему въ послѣднемъ случаѣ онъ считаетъ ихъ психическими явленіями. Такимъ образомъ всѣ наши дѣйствія и отправленія оказываются результатами эмоцій: мы просыпаемся подъ влияніемъ будительно-вставательной эмоціи, засыпаемъ подъ дѣйствіемъ сонной эмоціи; подъ влияніемъ эмоцій умываемся, вытираемся, совершаемъ естественныя отправленія, садимся работать, идемъ гулять, отвѣчаемъ на вопросы, разговариваемъ, завтракаемъ, обѣдаемъ, глотаемъ пищу, перевариваемъ ее; эмоціи посылаютъ кровь, куда надо, оживляютъ органы, железы, мускулы (введеніе, стр. 270). При этомъ всякій разъ дѣйствуетъ особая специфическая эмоція. Эмоцій столько, сколько различныхъ комплексовъ координированныхъ дѣйствій и процессовъ. Допустивъ столько различныхъ эмоцій, сколько имѣется различныхъ случаевъ координированныхъ системъ дѣйствій и физиологическихъ процессовъ, нетрудно уже всякую координированную систему реакціи организма на внѣшнія и внутреннія раздраженія вывести изъ специфической эмоціи.

Неправильная исходная точка зрѣнія дѣлаетъ невозможнымъ

правильное рѣшеніе дальнѣйшаго существеннаго вопроса—вопроса о цѣлевомъ характерѣ сознательныхъ дѣйствій человѣка и мотивациі.

Здѣсь я обойду молчаніемъ вопросъ объ объективно-цѣлесообразныхъ дѣйствіяхъ животныхъ: представляютъ ли эти дѣйствія результатъ сознанія или физиологическаго механизма—это лучше предоставить рѣшенію естествоиспытателей (Wasmann, Die psychischen Fähigkeiten der Ameisen, 1899; Buttel-Reepen, Sind die Bienen Reflexmaschinen? 1900; Loeb, Heliotropismus der Thiere, 1890; Bethe, Dürfen wir den Ameisen und Bienen psychische Qualitäten zuschreiben? Pflüger's Archiv, Bd. 70). Приведенныя ссылки могутъ служить доказательствомъ, что естествоиспытатели въ данномъ вопросѣ не находятся въ такомъ беспомощномъ состояніи, какъ можно было бы заключить со словъ проф. Петражицкаго (введение, стр. 288—289, Теорія права и государства, стр. 9), и что теорія инстинктовъ, какъ ее представляетъ проф. Петражицкій вовсе не является господствующей въ настоящее время (ср. Ziegler, Ueber den Begriff des Instinktes, 1892, Verh. d. Zool. Ges.).

Съ другой стороны замѣчу, что если бесплодна теорія специфическихъ инстинктовъ, какъ она прежде примѣнялась для объясненія цѣлесообразнаго поведенія животныхъ, то я не усматриваю преимущества въ томъ, чтобы объяснять всякую цѣлесообразную координацію дѣйствій животныхъ допущеніемъ соответствующей специальной эмоціи, и не представляю себѣ, какимъ образомъ отъ такой замѣны словъ, вмѣсто теперешнихъ гаданій, по словамъ проф. Петражицкаго, мы перейдемъ къ подлинно научному изученію (введение I. с.). Къ тому же объясненіе всѣхъ объективно-цѣлесообразныхъ дѣйствій животныхъ соответствующими эмоціями въ нѣкоторыхъ случаяхъ встрѣчаетъ существенное препятствіе въ томъ обстоятельстве, что предполагаемая эмоція некуда помѣстится, такъ какъ опытами Loeb'a и Schrader'a (цитированы у Beck'a, Die Nachahmung, 1904) доказана наличность довольно сложныхъ координированныхъ движеній (напр. хватаніе убѣгающей добычи) при отсутствіи мозговыхъ полушарій.

Переходя къ дѣйствіямъ человѣка, необходимо указать, что, по мнѣнію проф. Петражицкаго, моментами, вызывающими дѣйствіе, всегда и во всѣхъ случаяхъ являются эмоціи. Будутъ ли

дѣйствія цѣлевыми, нецѣлевыми, рефлекторными или иного рода, всегда возбудителемъ дѣйствій является эмоція. Но такъ какъ эмоцій, какъ было указано выше, принимается столько, сколько вообще бываетъ различныхъ видовъ поведенія и координированныхъ системъ дѣйствій, и каждое дѣйствіе вызывается своей особой эмоціей, то въ концѣ-концовъ эмоція является логически совершенно излишнимъ звеномъ, рѣшительно ничего не объясняющимъ. Объясненіе дѣйствія приходится искать не въ самой эмоціи, а въ тѣхъ моментахъ, которые вызываютъ эмоцію. Эмоции же безъ всякаго ушерба для дѣла могутъ быть совершенно опущены.

Обращаясь къ моментамъ, которые могутъ опредѣлять дѣйствія, мы прежде всего встрѣчаемъ у проф. Петражицкаго отрицаніе значенія чувственныхъ процессовъ въ дѣлѣ опредѣленія поступковъ человѣка. По мнѣнію проф. Петражицкаго, не слѣдуетъ думать, будто роль цѣлевыхъ представленій могутъ играть только образы возможныхъ наслажденій и страданій (стр. 14). Вполнѣ соглашаясь съ тѣмъ, что такъ не слѣдуетъ думать, я однако полагаю, что такая постановка вовсе не рѣшаетъ вопроса о роли чувства въ сознательно-цѣлевомъ поведеніи.

Случаи, когда цѣлью дѣйствій бываетъ образъ наслажденія или страданія, имѣютъ мѣсто рѣдко. Обыкновенно цѣлью дѣйствія бываютъ тѣ или иные объекты. Но объектъ цѣлевого дѣйствія, чтобы быть таковымъ, не долженъ представляться намъ безразличнымъ; онъ долженъ имѣть для насъ то или иное значеніе, или, выражаясь техническимъ терминомъ, долженъ обладать цѣнностью. Цѣнность же представляетъ собою проекцію на объектъ нашихъ чувственныхъ состояній. Въ то же время чувственные состоянія являются тѣмъ логически предшествующимъ моментомъ, съ которымъ необходимо связано возникновеніе волевого процесса, направленного на цѣнный объектъ. Такимъ образомъ чувство участвуетъ въ цѣлевомъ дѣйствіи вовсе не такъ будто представленіе наслажденія или страданія составляетъ цѣль дѣйствія; чувство сопровождаетъ и окрашиваетъ определеннымъ образомъ въ сознаніи то или другое представленіе, и на этой почвѣ возникаетъ волевой процессъ, направленный не на чувство, а на объектъ, на тѣ или другія измѣненія внѣшней среды или внутренняго состоянія психики. Разумѣется, все, что здѣсь сказано, можно считать правильнымъ или неправильнымъ.

Но соображенія проф. Петражицкаго совершенно не затрогиваютъ вопроса съ этой стороны.

Отвергнувъ значеніе чувства въ телеологической мотивациі, проф. Петражицкій идетъ дальше и отвергаетъ самую наличность цѣли во многихъ случаяхъ поведенія, гдѣ она вообще принимается, какъ несомнѣнный фактъ. Эта мысль проф. Петражицкаго заслуживаетъ, по моему мнѣнію, особаго вниманія, такъ какъ дѣйствительно, въ правѣхъ и въ экономикѣ придается чрезмѣрно большое значеніе сознательно цѣлесообразному поведенію, и множество явленій объясняется такъ, какъ если бы они возникали изъ сознательно и разумно полагаемыхъ индивидами цѣлей и могли быть сведены безъ остатка къ сознательно-разумному поведенію каждаго отдѣльнаго индивида, чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ. Однако мнѣ кажется, что въ развитіи и обоснованіи этой плодотворной идеи проф. Петражицкій пошелъ по ложному пути, вслѣдствіе неправильнаго, на мой взглядъ, представленія о различіи цѣлевого и нецѣлевого дѣйствія.

Прежде всего проф. Петражицкій смѣшиваетъ понятіе цѣли съ понятіемъ разумной или обдуманной цѣли и въ силу этого отрицаетъ цѣлевой характеръ такихъ дѣйствій, которыя на самомъ дѣлѣ не имѣютъ лишь разумной и заранѣе обдуманной цѣли. Такъ, напримѣръ, если подъ влияніемъ пережитой обиды человекъ наноситъ другому ударъ, дѣйствіе его несомнѣнно имѣетъ цѣль (за исключеніемъ случаевъ безпамятства); цѣль эта—оскорбить, причинить зло; ближайшій эффектъ дѣйствія антиципируется и желается. Вопросъ только въ томъ, приведетъ ли такое дѣйствіе къ разумнымъ и заранѣе обдуманнымъ послѣдствіямъ, но это обстоятельство не имѣетъ никакого значенія для наличности цѣли въ дѣйствіи. Равнымъ образомъ не устраняетъ цѣлевого характера въ подобныхъ дѣйствіяхъ и то обстоятельство, что они вытекаютъ съ извѣстной необходимостью изъ предшествующаго аффекта. Всякая цѣль, хотя она полагается въ будущемъ, но ставится въ психикѣ настоящаго и слѣдовательно опредѣляется въ своемъ существованіи переживаемымъ и пережитымъ содержаніемъ психики, слѣдовательно, всегда вытекаетъ изъ моментовъ, ей предшествующихъ и частью относящихся къ событіямъ прошедшимъ.

На такомъ же недоразумѣніи основано у проф. Петражицкаго признаніе нецѣлевыми такихъ дѣйствій, которыя, вытекая изъ чувствъ и аффектовъ, не преслѣдуютъ никакой побочной или

дальнѣйшей цѣли, кромѣ проявленія чувства. Если я обнаруживаю свое уваженіе къ кому-либо, то несомнѣнно, что я совершаю дѣйствіе, имѣющее опредѣленную цѣль, и оно не становится лишеннымъ цѣли отъ того, что выраженіемъ уваженія я не преслѣдую другой цѣли—наприм., снискать расположеніе. Проф. Петражицкій думаетъ иначе и считаетъ эти дѣйствія нецѣлевыми. Быть можетъ, его ввела въ заблужденіе житейская терминологія, по которой дѣйствія, объективно не могущія привести къ разумному или желаемому результату (рѣшеніе неразрѣшимой задачи) и дѣйствія, не преслѣдующія никакой иной цѣли, кромѣ той, какая выражается въ самихъ дѣйствіяхъ (выразить негодованіе), обыкновенно называются безцѣльными.

Другую категорію дѣйствій, лишенныхъ цѣлевого характера, проф. Петражицкій видитъ въ дѣйствіяхъ съ такъ называемой имъ предметной мотиваціей. Предметная мотивація состоитъ въ томъ, что воспріятіе объекта переходитъ непосредственно въ систему согласованныхъ дѣйствій, направленныхъ на объектъ, безъ цѣлевыхъ расчетовъ и представлений, напримѣръ; голодный, увидѣвъ хлѣбъ, начинаетъ ѣсть его; кошка, увидѣвъ мышь, преслѣдуетъ ее и т. п. Такой характеръ носятъ всѣ обычно совершаемыя нами тѣлодвиженія и дѣйствія (одѣваніе, умываніе, куреніе и т. п., стр. 16—17). Упомянутые мною выше опыты съ животными показываютъ, что внѣшнія раздраженія могутъ непосредственно переходить въ координированныя дѣйствія; но здѣсь нѣтъ никакой мотиваціи, такъ какъ нѣтъ мозга. У чело-вѣка бываетъ иначе: внѣшнее раздраженіе не переходитъ непосредственно въ дѣйствіе: видъ умывальника не заставляетъ непременно умываться и видъ платья не заставляетъ непременно надѣвать его. Требуются еще нѣкоторыя дополнительные условія: я умываюсь тогда, когда нахожу это нужнымъ, такъ же поступаю относительно ѣды, куренія и т. п. Разъ я ставлю цѣль умыться, курить, пить чай, соответствующая система координированныхъ движеній часто или обыкновенно происходитъ безсознательно; но всѣ эти движенія были въ свое время сознательными и цѣлевыми (ср. тѣ же дѣйствія у дѣтей или у взрослыхъ—игра начинающаго по нотамъ). Подобно тому, какъ отдѣльные дѣйствія, направленные на извѣстную цѣль—одѣваніе, умываніе, завтракъ и т. д., превращаются отъ частаго и однообразнаго повторенія въ рефлекторныя, такъ точно въ нѣкото-

рыхъ случаяхъ исчезаютъ изъ сознанія болѣе общія цѣли одѣванія, умыванія и т. д. и соотвѣтствующія дѣйствія совершаются рефлекторно, опредѣляясь однако болѣе общей цѣлью (наприм. человекъ рѣшилъ выйти изъ дому послѣ чаю и всю процедуру вставанія и т. д. продѣлываетъ рефлекторно, погруженный въ раздумье). Такимъ образомъ, подобныя дѣйствія въ концѣ-концовъ гдѣ-нибудь опредѣляются цѣлью; въ той же части, въ которой они не опредѣляются цѣлью, они вовсе не опредѣляются сознаніемъ, а слѣдовательно и какой бы то ни было мотивашей, и происходятъ рефлекторно.

Было бы, разумѣется, смѣшно и нелѣпо утверждать, будто, совершая рядъ тѣхъ или другихъ сложныхъ дѣйствій, человекъ продѣлываетъ каждое отдѣльное движеніе съ сознаніемъ и цѣлью; что застегивая сюртукъ, онъ хватается пуговицу съ цѣлью и намѣреніемъ продѣть ее въ петлю; что, садясь къ столу, онъ обдумываетъ и рѣшаетъ вопросъ, на какомъ разстояніи поставить стулъ, чтобы сѣсть, а не упасть. Все это продѣлывается механически. Но столь же не отвѣчаетъ дѣйствительности представлять себѣ дѣло такъ, какъ будто бы человекъ совершалъ весь рядъ своихъ обычныхъ дѣйствій подобно лунатику, совершенно безцѣльно, или подобно животному съ вырѣзанными полушаріями мозга, лишь подъ вліяніемъ внѣшнихъ раздраженій. На самомъ дѣдѣ часть дѣйствій совершается съ сознаніемъ и цѣлью, другая—механически и рефлекторно.

Но хотя рядъ дѣйствій, совершаемыхъ нами обычно изо дня въ день, поскольку они опредѣляются нашимъ сознаніемъ, являются въ общемъ сознательно-цѣлевыми, но самый цѣлевой ихъ характеръ, дѣйствительно, представляетъ нѣкоторую специфическую особенность. Эта особенность цѣлевыхъ дѣйствій индивида состоитъ въ томъ, что самая цѣль дѣйствій не имѣетъ индивидуально-самостоятельнаго характера. Всѣ цѣли, которыя ставитъ себѣ и осуществляетъ индивидъ, представляютъ собою воспроизведеніе и конкретное осуществленіе, съ небольшими индивидуальными варіаціями, примѣнительно къ конкретнымъ обстоятельствамъ, тѣхъ готовыхъ формъ и нормъ поведенія, какія существуютъ въ данномъ обществѣ въ данное время. Мы живемъ въ домахъ и одѣваемся для того, чтобы не жить подъ открытымъ небомъ и не быть голыми; но, само собою понятно, такой способъ поведенія не представляетъ собою продукта нашей инди-

видуальной цѣлесообразной изобрѣтательности, а лишь конкретный случай осуществленія той формы поведенія, которая вообще осуществляется въ нашемъ обществѣ. Точно такъ же и въ самомъ способѣ осуществленія этихъ цѣлей—типъ жилища и одежды—мы воспроизводимъ готовую форму поведенія, существующую въ нашей общественной группѣ, подобно тому, какъ другіе индивиды воспроизводятъ для себя и своихъ цѣлей формы поведенія своихъ общественныхъ группъ: крестьянинъ живетъ и одѣвается, какъ крестьяне, китаецъ, какъ китайцы, негръ, какъ негры. Мы утоляемъ голодъ подъ вліяніемъ физиологической потребности; но выборъ пищи, способъ ея приготовленія, манера ѣсть, время и распредѣленіе ѣды; все это лишь конкретное осуществленіе, съ нѣкоторыми подходящими варіаціями, того, что и какъ дѣлается въ соотвѣтствующихъ случаяхъ всѣми. То, что относится къ обычнымъ будничнымъ нашимъ дѣйствіямъ, то же должно сказать и о всѣхъ обычныхъ нашихъ житейскихъ цѣляхъ и способахъ ихъ осуществленія. Удовлетвореніе половой потребности мы осуществляемъ въ одной изъ тѣхъ формъ, какія существуютъ въ нашемъ обществѣ; выбираемъ профессію, устраиваемъ образъ жизни, устанавливаемъ общеніе съ близкими и далекими намъ людьми, пользуясь для этого соотвѣтствующими наличными типами поведенія. Даже умирая, мы, по мѣрѣ силъ и возможности, дѣлаемъ это такъ, какъ вообще принято дѣлать.

Однимъ словомъ, цѣли индивида и способы ихъ осуществленія представляютъ собою конкретные случаи воспроизведенія и осуществленія опредѣленныхъ объективно существующихъ формъ и нормъ поведенія. Въ этомъ смыслѣ индивида нельзя разсматривать какъ индивидуально творческую единицу, опредѣляющую свои дѣйствія самостоятельно и оригинально полагаемыми цѣлями. Но эта точка зрѣнія не имѣетъ ничего общаго съ психологическимъ анализомъ поведенія индивида. Съ психологической точки зрѣнія поведеніе не перестаетъ быть сознательно-цѣлевымъ, хотя бы цѣль и представляла собою лишь индивидуальный случай осуществленія нѣкоторой готовой формы или нормы поведенія. Ошибка проф. Петражицкаго состоитъ въ томъ, что въ массѣ сознательныхъ дѣйствій индивида онъ отрицаетъ ихъ цѣлевой характеръ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ эти дѣйствія лишены лишь индивидуально-самостоятельной цѣли, но не цѣли вообще.

Указанная особенность цѣлевого поведенія индивидовъ приводитъ насъ къ вопросу о сущности социальнаго явленія и отношеніи послѣдняго къ психикѣ индивида. Если, съ одной стороны, поведеніе индивида представляетъ собою воспроизведеніе извѣстныхъ объективно существующихъ формъ и нормъ, то, съ другой стороны, эти формы и нормы существуютъ лишь постольку, поскольку онѣ воспроизводятся и повторяются въ поведеніи индивидовъ. Слова и обороты рѣчи, посредствомъ которыхъ индивидъ выражаетъ свои мысли, представляютъ собою лишь примѣненіе объективно существующихъ формъ языка; но языкъ существуетъ лишь постольку, поскольку онъ проявляется въ рѣчи индивидовъ. Иначе говоря, поведеніе индивида есть осуществленіе объективно существующихъ социальныхъ формъ и нормъ; но социальныя формы и нормы существуютъ и проявляются лишь въ поведеніи индивидовъ. Откуда же берется эта объективность социальнаго явленія, эта характерная внѣиндивидуальность поведенія индивида.

Вопросъ разрѣшается просто съ точки зрѣнія тѣхъ ученій, которая выводятъ и объясняютъ социальное явленіе не изъ психики индивидовъ, а изъ какаго-либо иного источника. Если языкъ есть продуктъ *народнаго* духа или право представляетъ собою нормы, устанавливаемыя *законодателемъ*, то объективность социальнаго явленія по отношенію къ индивидуальному сознанію не требуетъ никакого объясненія и явствуетъ сама собою. Но дѣло представляется совершенно иначе, если языкъ, право, хозяйство и т. д. выводить изъ психики; такъ какъ иной психики, кромѣ психики индивидовъ, не существуетъ, то естественно возникаетъ вопросъ, какимъ образомъ нѣкоторые процессы, протекающіе въ психикѣ индивидовъ, получаютъ такой характеръ, что они представляются намъ объективно существующими внѣ индивида формами и нормами?

Этотъ вопросъ имѣетъ, разумѣется, самое существенное значеніе и для теоріи права проф. Петражицкаго; однако рѣшается онъ проф. Петражицкимъ совершенно въ другомъ направленіи: проф. Петражицкій, дѣйствительно, показываетъ, что извѣстные процессы въ психикѣ индивида могутъ представляться ему объективно внѣ психики существующими; но эта объективация психическихъ процессовъ не имѣетъ ничего общаго съ указанною выше внѣиндивидуальностью ихъ, дѣ-

лающей изъ психическихъ процессовъ индивида социальное явленіе.

По мнѣнію проф. Петражицкаго, переживаемыя нами моторныя раздраженія («эмоціи») проицируются внѣ психики и представляются субъекту, переживающему эти состоянія, объективно существующими; если эмоціи переживаются въ связи съ представленіями извѣстныхъ предметовъ, послѣдніе получаютъ для насъ особую окраску, въ зависимости отъ аппульсивнаго или репульсивнаго характера и специфической природы эмоціи, и эта окраска представляется намъ въ видѣ объективно присущихъ предметамъ свойствъ и качествъ (милый, дорогой, отвратительный, страшный и т. п.). Подобнымъ же образомъ проекція эмоцій создаетъ и явленія другихъ категорій, объективно несуществующія. Право и нравственность представляютъ собою не что иное, какъ такіе же продукты эмоциональной проекціи, эмоциональныя фантазмы: переживанія моторныхъ раздраженій въ связи съ представленіями извѣстнаго поведенія и субъектовъ такого поведенія представляются переживающему индивиду въ видѣ объективно существующихъ повелѣній и запретовъ или долженствованія, связывающаго извѣстнаго субъекта (стр. 33—38).

Проекція извѣстныхъ психическихъ (чувственныхъ и волевыхъ) процессовъ на объекты хорошо и давно извѣстна экономистамъ и психологамъ въ области теоріи цѣнности. Цѣнность, безразличіе, значеніе предмета есть такая проекція въ самомъ общемъ и простѣйшемъ видѣ; всѣ другіе случаи проекціи, выражаемые эпитетами красивый, милый, вкусный и т. п., представляютъ собою общую проекцію цѣнности на почвѣ нѣкоторыхъ дополнительныхъ психическихъ процессовъ (ощущеній, представленій, ассоціацій). Однако, всѣ подобнаго рода проекціи создаютъ лишь явленія (проекціональныя фантазмы проф. Петражицкаго) индивидуальнаго характера. Переживая извѣстныя аттрактивные и репульсивныя состоянія по отношенію къ жаркому, статуѣ, поступку, я могу понять и объяснить, почему это жаркое, эта статуя или этотъ поступокъ кажутся мнѣ: жаркое—вкуснымъ, статуя—красивой, поступокъ—мерзкимъ. Но во всѣхъ этихъ и тому подобныхъ случаяхъ дѣло не выходитъ за предѣлы индивидуальнаго отношенія къ объектамъ и индивидуальнаго поведенія. Нѣчто совершенно иное происходитъ однако въ тѣхъ случаяхъ, когда имѣетъ мѣсто явленіе социальнаго характера: когда

мы говоримъ о народномъ блюдѣ, когда статуя является образцомъ эстетическихъ вкусовъ даннаго народа или поступокъ осуждается правомъ или нравственностью даннаго народа. Во всѣхъ этихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло не съ объективацией индивидуальныхъ вкусовъ или вообще индивидуальныхъ психическихъ состояній, которыя случайно совпадаютъ у всѣхъ или большинства индивидовъ, оставаясь для каждой отдѣльной психики ея собственной, самостоятельной, творческой и независимой проекціей. Нѣтъ, самыя индивидуальныя психическія состоянія являются здѣсь лишь отраженіемъ, индивидуальнымъ воспроизведеніемъ и повтореніемъ нѣкотораго объективно внѣ индивидуальной психики находящагося, готоваго уже явленія. Разумѣется, и это явленіе когда-то и какимъ-то образомъ возникаетъ изъ психики индивидовъ; но только этотъ процессъ не состоитъ въ индивидуальной объективаци для каждаго лица особо его психическихъ проекцій и въ послѣдующемъ механическомъ совпадении такихъ индивидуальныхъ проекцій во времени и пространствѣ. Процессъ этотъ гораздо болѣе сложенъ (ср. напр. происхожденіе языка у Wundt'a, *Völkerpsychologie*, т. I, *Die Sprache*), и состоитъ въ нѣкоторыхъ психическихъ отложеніяхъ или образованіяхъ, которыя получаютъ самостоятельное, независимое отъ индивидуальной психики, объективное существованіе, въ качествѣ такихъ объективныхъ внѣиндивидуальныхъ состояній, внѣдряются въ психику отдѣльныхъ индивидовъ и здѣсь ведутъ свое дальнѣйшее существованіе, образуя то, что мы называемъ общественною связью, средой, общественнымъ явленіемъ. Объяснить происхожденіе этого общественнаго характера извѣстныхъ психическихъ состояній и процессовъ изъ психики индивидовъ и составляетъ задачу теоріи соціальныхъ явленій (ср. работы Tarde'a, Beck'a, *Die Nachahmung* Wundt'a, нѣкоторыя работы изъ серіи *Natur u. Staat* и др.). Теорія же проф. Петражицкаго возвращаетъ насъ къ физиократическому взгляду на общество, какъ механической комплексъ атомовъ-индивидовъ.

По его мнѣнію (стр. 101—102), всякое психическое явленіе, въ томъ числѣ и всѣ правовыя явленія, представляютъ исключительно индивидуальныя явленія, происходятъ только въ психикѣ одного индивида; отношеніе же этихъ явленій къ психикѣ другихъ индивидовъ, какъ и самая наличность другихъ индивидовъ являются въ данномъ случаѣ обстоятельствомъ случайнымъ и

постороннимъ. Такой выводъ является, по его мнѣнію, необходимымъ результатомъ психической теоріи права. Послѣднее положеніе, безспорно, ошибочно; психическая точка зрѣнія на общественныя явленія вовсе не должна съ логической необходимостью вести къ отрицанію общественнаго характера явленій права, хозяйства, языка и т. п. и превращать ихъ въ чисто индивидуальныя процессы психики—это было бы равносильно игнорированію характерной, указанной выше, особенности тѣхъ психическихъ процессовъ, которые въ отличіе отъ индивидуальныхъ явленій психики мы признаемъ социальными, и вело бы къ грубому противорѣчію съ дѣйствительностью. И самъ проф. Петражицкій не можетъ игнорировать этой стороны психическихъ явленій, почему и впадаетъ въ противорѣчіе самъ съ собою при анализѣ права собственности: хотя право собственности есть явленіе, существующее только въ психикѣ того, кто приписываетъ себѣ или другому это право (стр. 182), тѣмъ не менѣе оно устанавливаетъ «соціальную принадлежность» (т.-е. принадлежность во мнѣніи «общества», а не индивида!) хозяйственныхъ благъ индивидамъ и коллективнымъ группамъ (стр. 186—187). Это существованіе «мнѣнія общества» есть нѣчто прямо противоположное утвержденію, будто наличность другихъ видовъ является обстоятельствомъ случайнымъ для права.

Подобнымъ же образомъ остается совершенно нерѣшеннымъ у проф. Петражицкаго и другой существенный вопросъ: откуда берется нормативный характеръ извѣстныхъ проекцій? Проф. Петражицкій даже, повидимому, и не усматриваетъ здѣсь никакого особаго вопроса. Ему представляется дѣло въ такомъ видѣ, что переживаемыя репульсіи и аппульсіи, будучи проицированы вовнѣ, сразу и непосредственно сообщаютъ нормативный характеръ соответствующимъ представленіямъ или, говоря иначе, сразу проицируются въ видѣ велѣній и запрещеній (стр. 37—38). На самомъ дѣлѣ этотъ процессъ не такъ простъ. Всѣ наши дѣйствія и цѣли являются результатомъ аппульсивныхъ и репульсивныхъ психическихъ процессовъ или, по терминологіи проф. Петражицкаго, эмоцій. Однако, не всѣ цѣли и не всѣ дѣйствія пріобрѣтаютъ въ силу этого нормативный характеръ. Одни дѣйствія и способы поведенія сохраняютъ свой свободный характеръ; мы осуществляемъ ихъ, потому что хотимъ этого, потому что это согласно съ нашими склонностями или потребностями, но не потому, что мы должны, или что соответствующій способъ

поведенія имѣеть характеръ нормы. Такимъ образомъ мы (подъ вліяніемъ «эмоцій», по мнѣнію проф. Петражицкаго) встаемъ, одѣваемся, кушаемъ, гуляемъ, разговариваемъ и т. д. Другой же рядъ дѣйствій (также возникающихъ подъ вліяніемъ «эмоцій») мы исполняемъ въ силу нормативнаго характера соотвѣтствующаго поведенія. Такъ, мы ведемъ себя извѣстнымъ образомъ въ гостинной, одеваемъ половое сожительство въ форму брака, не позволяемъ себѣ излишней роскоши въ ущербъ обязанностямъ и т. п. Такимъ образомъ подъ вліяніемъ однихъ и тѣхъ же психическихъ процессовъ возникаютъ какъ фактическія цѣли и стремленія, такъ и нормативныя. Почему одни аппульсіи и репульсіи превращаются въ цѣли, осуществляемые просто фактически, тогда какъ другія приобрѣтають для насъ нормативный характеръ—это вопросъ, самымъ тѣснымъ образомъ связанный съ объясненіемъ природы права и нравственности и небезразличный вообще для объясненія сущности социальнаго явленія.

Дѣленіе психическихъ процессовъ, дающихъ нормативные и ненормативные продукты, не совпадаетъ съ различіемъ объектовъ, къ которымъ относятся переживаемыя репульсіи и аттракціи. Такъ, одна и та же вещь, напр. знаніе, можетъ представлять собою какъ фактическую цѣнность (или цѣль), къ которой мы просто стремимся,—просто благо—такъ и нормативную, къ которой мы должны стремиться—идеалъ или высшее благо; одно и то же акціонное представленіе, вызывающее репульсивное къ себѣ отношеніе, напр. представленіе лжи, можетъ давать въ результатъ простое фактическое поведеніе—я не стану или не хочу лгать, такъ и нормативный запретъ—я не долженъ лгать.

Равнымъ образомъ нормативный или ненормативный характеръ не находится въ зависимости отъ того, проицируется или не проицируется во внѣ психическое состояніе. Такъ «милый» проицируется во внѣ, но не имѣеть нормативнаго характера, тогда какъ требованія долга носятъ нормативный характеръ, при чемъ автономная санкція ихъ можетъ не выходить за предѣлы личности и вовсе не носить характера велѣнія или запрета, исходящаго откуда-либо извнѣ или проицируемаго куда-либо.

Примѣняя все сказанное въ частности къ понятію права, можно придти къ слѣдующимъ положеніямъ:

1. Право представляетъ собою извѣстный продуктъ психики индивидовъ.

2. Психическіе процессы, являющіеся коррелятомъ права, обладаютъ извѣстнымъ свойствомъ, отличающимъ ихъ отъ индивидуальныхъ психическихъ процессовъ и сообщающимъ имъ характеръ социальнаго явленія.

3. Право представляетъ собою психическій продуктъ нормативнаго характера.

Изъ этихъ трехъ положеній у проф. Петражицкаго мы находимъ доказательство и развитіе только перваго: что право представляетъ собою извѣстный психическій процессъ; но уже въ анализѣ этого процесса нельзя, мнѣ кажется, во всемъ согласиться съ проф. Петражицкимъ: сложныя психическія явленія онъ принимаетъ за простыя (эмоціи); допуская столько различныхъ эмоцій, сколько есть системъ дѣйствій, подлежащихъ объясненію, вводитъ въ цѣль психическихъ явленій ничего необъясняющее и потому излишнее звено и смѣшиваетъ въ понятіи эмоціи психическіе процессы съ физиологическими. Что же касается двухъ послѣднихъ положеній—социальнаго характера психическаго явленія права и его нормативнаго характера,—то на эти вопросы теорія проф. Петражицкаго не даетъ никакого отвѣта, или даетъ отвѣтъ неправильный. Такимъ образомъ мнѣ представляется, что, за исключеніемъ психической природы права, всѣ остальные вопросы, касающіеся сущности этого социальнаго явленія, остались у проф. Петражицкаго неразъясненными.

Равнымъ образомъ мнѣ представляется неубѣдительнымъ и то различіе, которое проф. Петражицкій проводитъ между правомъ и нравственностью. Что правовыя нормы имѣютъ двусторонній императивно-атрибутивный характеръ, это очевидно; но чтобы нормы нравственности имѣли исключительно императивный характеръ, это противорѣчитъ моимъ представленіямъ о нравственности. Разумѣется, можно возразить, что вопросъ не долженъ рѣшаться на основаніи субъективныхъ представленій, но мнѣ кажется, что и у проф. Петражицкаго дѣло сводится къ такому субъективному представленію: въ его субъективномъ убѣжденіи понятіе нравственнаго долга не мирится съ допущеніемъ возможности требовать должнаго. Всѣ приводимые имъ факты служатъ лишь для апостеріорной иллюстраціи этой мысли и вовсе не вынуждаютъ съ безусловной логической необходимостью къ ея принятію. Не притязая на научную убѣдительность своего мнѣнія, позволю себѣ высказать предположеніе,

съ точки зрѣнія котораго приводимые проф. Петражицкимъ факты могутъ быть истолкованы въ другомъ смыслѣ безъ особенной натяжки. Мнѣ представляется, что отличіе нормъ права и нравственности можетъ быть сведено къ двумъ моментамъ: во-1-хъ, характеру санкціи и, во-2-хъ, организациіи принужденія.

Въ отношеніи санкціи мы можемъ различать нормы троякаго рода: обязательность однихъ основана на признаніи авторитета верховнаго существа (Бога),—нормы религіозныя; другихъ—на нашемъ собственномъ признаніи (совѣсти)—нормы нравственности, и третьихъ—на авторитетѣ людей (общества)—нормы права. Изъ этого основного различія вытекаетъ различіе въ организациіи принужденія. Такъ какъ нормы нравственности основаны на личномъ ихъ признаніи, то онѣ не допускаютъ внѣшней организациіи принужденія; тогда какъ правовыя нормы, покоясь на общественномъ признаніи, въ немъ находятъ источникъ и основу для внѣшней организациіи принужденія. Тѣ и другія какъ обязываютъ, такъ и даютъ право требовать. Однако, такъ какъ норма нравственнаго долга обязательна лишь постольку, поскольку я признаю ее, то нѣтъ способа понудить меня къ ея исполненію, не выходя изъ предѣловъ нравственности, если нѣтъ такого признанія. Когда же оно имѣется, то признаніе нормы сообщаетъ другой сторонѣ нравственное (т. е. ни на чемъ иномъ, какъ на признаніи нормы основанное) право требовать ея исполненія. Отецъ не только обязанъ въ силу нравственнаго долга заботиться о благѣ своего ребенка, но послѣдній имѣетъ нравственное право требовать этихъ заботъ, и если отецъ признаетъ данную норму долга, то я не могу представить, что и какъ онъ могъ бы возразить противъ подобнаго притязанія. Съ другой стороны, обязательность нормъ права основана на общественномъ признаніи, а потому и право управомоченнаго лица, покоясь на томъ же основаніи, не нуждается въ субъективномъ признаніи обязанной стороны и, въ случаѣ отсутствія такого признанія, требуетъ либо добровольнаго внѣшняго исполненія, либо внѣшней организациіи принужденія.

Съ этой точки зрѣнія нетрудно понять, почему праву, въ отличіе отъ нравственности, присущи указываемыя проф. Петражицкимъ тенденціи къ объективному, возможно точному общественно-призанному выясненію содержанія' правовыхъ нормъ, къ формальному установленію фактовъ, имѣющихъ значеніе для

возникновенія, измѣненія и прекращенія правъ, и судебному разбирательству при конфликтахъ въ правосознаніи отдѣльныхъ индивидовъ между собою и по отношенію къ обществу (стр. 166—177).

Въ заключеніе я позволю себѣ сказать нѣсколько словъ о методологической сторонѣ работы проф. Петражицкаго. Я не касался бы этого вопроса, если бы проф. Петражицкій самъ не придавалъ ему большого значенія. Слишкомъ часто проф. Петражицкій говоритъ о ненаучныхъ приѣмахъ, о поверхностномъ и наивномъ отношеніи къ фактамъ, не только въ теоріи права, но и въ другихъ наукахъ. Неоднократно онъ повторяетъ, что только путемъ рекомендуемыхъ имъ способовъ изученія можно придти къ подлинно научному знанію. Между тѣмъ на самомъ дѣлѣ методологическіе приѣмы, которые примѣняетъ проф. Петражицкій въ своемъ изслѣдованіи, ничѣмъ не отличаются отъ тѣхъ методовъ, какіе вообще примѣняются въ современной наукѣ; и если проф. Петражицкій во многихъ вопросахъ приходитъ къ инымъ, новымъ и лучшимъ, сравнительно съ другими, результатамъ, то это объясняется исключительно его оригинальностью и талантомъ, но не особенностями научнаго метода. Всѣ его выводы и соображенія построены, по преимуществу, на самонаблюденіи, самомъ обычномъ приѣмѣ въ области психологическихъ изслѣдованій; весьма часто его убѣжденіе, будто онъ оперируетъ въ области внутренняго опыта точными методами индукціи, по правиламъ логики Милля, является заблужденіемъ. Правда, проф. Петражицкій настаиваетъ на примѣненіи экспериментальнаго метода изученія психическихъ явленій. Не говоря уже о томъ, что этотъ методъ не представляетъ собою ничего новаго въ области психологіи, въ нѣкоторыхъ случаяхъ рекомендуемые проф. Петражицкимъ приѣмы экспериментальнаго изслѣдованія болѣе сложныхъ психическихъ явленій слишкомъ ужъ ненадежны и уступаютъ приѣмамъ, которые были примѣнены раньше другими изслѣдователями (ср., напр., экспериментальную постановку изслѣдованія аффектовъ испуга, гнѣва у Lehmann'a съ совѣтомъ проф. Петражицкаго входить въ соглашеніе съ кѣмъ-либо относительно эксперимента и подвергаться послѣднему послѣ того, какъ мы забыли объ уговорѣ). Наблюденія надъ дѣтьми и играми, использованныя проф. Петражицкимъ съ удивительнымъ искусствомъ, съ точки зрѣнія методологическаго приѣма не пред-

ставляютъ собою ничего новаго ни въ психологіи, ни въ соціологіи, ни въ естественныхъ наукахъ (Goos, Spiele der Tiere, 1896).

Проф. Петражицкій неоднократно и сурово осуждаетъ тѣхъ ученыхъ, которые прибѣгаютъ, между прочимъ, къ выясненію смысла словъ, обозначающихъ въ языкѣ то или другое изслѣдуемое явленіе; но самъ онъ очень часто пользуется тѣмъ же приемомъ и своими остроумными сопоставленіями и толкованіями (о правильности которыхъ должно впрочемъ предоставить сужденіе филологамъ) доказываетъ, что въ значеніи словъ нашъ языкъ нерѣдко даетъ весьма мѣткіе намеки на сущность явленій.

Вообще же, проф. Петражицкій нѣсколько преувеличенно-пессимистически относится къ современному состоянію научныхъ знаній не только въ области знакомой ему юриспруденціи, но и въ другихъ наукахъ: психологіи, эстетикѣ и даже естествознаніи. На основаніи его словъ можно было бы думать, что все здѣсь полно ошибокъ и ненаучныхъ приемовъ.

Указанные выше недостатки работы проф. Петражицкаго не умаляютъ однако общаго значенія его изслѣдованій. Проф. Петражицкій даетъ теорію права, проливающую новый свѣтъ на явленія права, открывающую новыя области для научнаго изслѣдованія. Правильность и плодотворность этой теоріи подтверждается общностью исходныхъ ея точекъ съ тѣми положеніями, на которыхъ строятся въ послѣднее время другія соціальныя науки, напр., политическая экономія, на которыхъ начинается строиться и новая теорія общества. Изслѣдованія проф. Петражицкаго не только даютъ новую теорію права, но даютъ ее въ такой талантливой, оригинальной и увлекательной формѣ, которая захватываетъ и приковываетъ вниманіе. Эти обстоятельства создали заслуженный ореолъ вокругъ имени проф. Петражицкаго,—ореолъ, который можетъ поставить его во главѣ сторонниковъ новой соціально-психологической школы въ русской литературѣ. Но этотъ ореолъ налагаетъ на проф. Петражицкаго соответствующую обязанность: относиться съ большимъ вниманіемъ къ соціально-психологической сторонѣ своего ученія и съ меньшимъ пренебреженіемъ къ существующей литературѣ.

Р. Орженцкій.

Рихардъ Авенариусъ.—Критика чистаго опыта. Т. I. Переводъ съ нѣмецкаго Ив. Федорова. Спб., 1907. Ц. 80 к.

Карстанъенъ, авторъ извѣстнаго «Введенія въ Критику чистаго опыта», писалъ лѣтъ десять тому назадъ, что «Критика» пользуется наибольшимъ успѣхомъ въ двухъ странахъ, въ Америкѣ и въ Россіи. Внѣшній признакъ этого успѣха онъ видѣлъ въ томъ, что тогда подготовлялся переводъ «Критики» на русскій языкъ,—переводъ, въ свое время не вышедшій. Несомнѣннымъ признакомъ живого интереса, вызываемаго эмпириокритицизмомъ, и большого успѣха его можетъ служить появившійся теперь переводъ перваго тома «Критики», принадлежащій перу г-на Федорова, сдѣлавшаго переводъ и другого сочиненія Авенариуса, его «Человѣческаго понятія о мірѣ».

Намъ приходилось уже касаться на страницахъ этого журнала вопроса объ общемъ значеніи «Критики», и въ частности приходилось знакомить съ содержаніемъ перваго тома ея. Не повторяя поэтому сказаннаго нами ранѣе, мы ограничимся здѣсь разсмотрѣніемъ перевода.

Переводъ сдѣланъ со втораго нѣмецкаго изданія, которое, впрочемъ, мало отличается по существу отъ перваго. Редакторъ втораго изданія, Петцольдтъ, внося нѣкоторыя дополненія и поправки, пользовался тѣми замѣтками, которыя онъ нашелъ въ собственныхъ экземплярахъ Авенариуса, и часть которыхъ была опубликована ранѣе въ «Трехмѣсячникѣ научной философіи». Двоякаго рода поправки и дополненія дѣлались самимъ Авенариусомъ на практическихъ занятіяхъ по общей теоріи знанія. Нѣкоторыя изъ нихъ имѣли частный и несущественный характеръ, касались довольно второстепенныхъ деталей, свидѣтельствуя лишь о точности, къ которой стремился Авенариусъ въ своемъ изложеніи. Примѣромъ такого рода редакціонныхъ измѣненій, которыя мы находимъ во второмъ изданіи, можетъ служить одинъ изъ вариантовъ, относящійся къ предисловію перваго тома. Въ первомъ изданіи Авенариусъ допустилъ выраженіе, неосторожное согласно усвоенной имъ терминологіи, а именно—«если меня не обманываетъ *сознаніе*»—и во второмъ изданіи оно замѣнено—«если мнѣ не измѣняетъ *память*». Эта замѣна «сознанія» «памятью» объясняется тѣмъ, что Авенариусъ тщательнo избѣгалъ слова «сознаніе», предлагая въ замѣнъ его терминъ «*formale Abhebung*». Подобнаго рода измѣненія приняты редак-

торомъ второго изданія во вниманіе и, за немногими исключеніями, внесены имъ въ текстъ.

Но кромѣ такихъ несущественныхъ поправокъ, редакторъ нашель въ экземплярахъ Авенаріуса рядъ добавленій, преслѣдовавшихъ совсѣмъ иную цѣль. Хотя эти измѣненія не внесены въ текстъ второго изданія, однако о содержаніи ихъ можно судить по замѣчанію Петцольдта, что все это—цитаты изъ произведеній цѣлаго ряда философовъ, психологовъ и натуралистовъ. Приводимыя имъ при этомъ имена показываютъ, что это были нѣкоторые изъ примѣровъ, появляющихся въ такомъ изобиліи во второмъ томѣ «Критики». Въ своемъ устномъ изложеніи Авенаріусъ считалъ слѣдовательно нужнымъ иллюстрировать отвлеченныя формулы общей части біомеханики, обоснованію которой посвященъ первый томъ, примѣрами, заимствованными изъ второго тома и относящимися къ «зависимому жизненному ряду», т.-е. къ области соотвѣтствующихъ душевныхъ переживаній. Такимъ образомъ самъ авторъ вынужденъ былъ нарушать планъ, по которому написана «Критика». И дѣйствительно, конкретныя добавленія изъ второго тома совершенно необходимы для полнаго пониманія отвлеченныхъ схемъ перваго тома; можно поэтому посовѣтовать приступающимъ къ чтенію «Критики» воздержаться отъ подробнаго изученія всѣхъ схемъ, встрѣчающихся въ общей части біомеханики, до ознакомленія со вторымъ томомъ, такъ какъ въ такомъ оторванномъ видѣ онѣ останутся непонятными для читателя.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію русскаго перевода. Будучи въ общемъ удовлетворительнымъ, переводъ страдаетъ нѣкоторою неровностью, постепенно улущаясь отъ начала къ концу. Литературный уровень перевода вездѣ ниже того уровня, на которомъ стоитъ подлинникъ. Отъ искусства и внимательности переводчика могло, безъ сомнѣнія, многое зависѣть, чтобы сдѣлать чтеніе безжизненныхъ формулъ жизненнаго ряда болѣе привлекательнымъ и легкимъ занятіемъ. Переводчику не всегда извѣстно подходящее значеніе нѣмецкаго слова, и потому онъ переводилъ мѣстами механически; иногда онъ дѣлаетъ попытки переводить техническіе термины, неподдающіеся переводу (напр., «*Transexercitio*»—«перепрактикація»), и не всегда выдерживаетъ терминологию (напр., «*Aussage*» переводится и «заявленіе», и «высказываніе»; «*formell*»—«органическій» и «морфологическій»).

Малоблагодарный трудъ переводчика облегчался отчасти тѣмъ, что въ упомянутомъ выше сочиненіи Карстаньена существенное содержаніе перваго тома было переведено уже В. В. Лесевичемъ.

Укажемъ нѣкоторые изъ отдѣльныхъ промаховъ, замѣченныхъ нами.

Едва ли можно признать вполне удовлетворительнымъ переводъ предисловія. Въ немъ встрѣчается рядъ не совсѣмъ удачныхъ выраженій: «теоретическое поведеніе» (*Verhalten*), «простодушное познаніе» (*unbefangen*), «поощреніе, могущее быть и не быть» (*eventuelle Anregung*), и т. п. На стр. XV осталась непереуведенной цитата изъ физиологической психологіи Вундта и, судя по тому, что слово «*Ausgleichung*», относящееся къ смыслу этой цитаты, переведено — «резюмирование» вмѣсто «соглашеніе», она не была понята переводчикомъ. На той же страницѣ встрѣчается и другая ошибка, дѣлающая текстъ непонятнымъ (17-ая строка снизу).

Терминъ «*Wert*» переводчикъ вездѣ передавалъ словомъ «цѣнность», между тѣмъ какъ у Авенаріуса этимъ обозначается «величина», «факторъ»; въ нѣкоторыхъ случаяхъ слово это могло быть и совсѣмъ опущено въ переводѣ.

На стр. 10 сдѣланъ важный пропускъ: осталось непереуведеннымъ «*von sich selbst aus*» — организмъ имѣетъ способность самоутвержденія.

На стр. 28 *Entwicklungsdifferentiale* неправильно переведено «отличія въ развитіи».

На стр. 45: третій отрѣзокъ образуется вполне завершившимся устраненіемъ «жизненнаго ряда», вмѣсто «колебанія». Тамъ же: «*Nachdauer*» — запоздавшая длительность, «*Oszillation*» — дрожаніе.

Однако, несмотря на эти и подобные имъ промахи, переводъ въ общемъ, какъ сказано, удовлетворителенъ. Нельзя не быть признательнымъ переводчику за взятый имъ на себя неблагодарный трудъ; обѣщанный имъ переводъ втораго тома не заставитъ себя, будемъ надѣяться, долго ждать.

Давидъ Викторовъ.

Новыя книги и брошюры, полученныя въ редакціи.

Абрамовичъ, Н. Я. Человѣкъ будущаго. Спб. 1908. Ст. 99. Ц. 50 к. Изд. «Прометей».

Вѣрьте себѣ. Новыя произведенія Л. Н. Толстого. Вып. IV. Москва 1908. Ст. 4. Ц. 4 к.

Геккель, Э. Естественная исторія міротворенія. Часть I: Общее ученіе о развитіи. Сб. 1908. Ц. 2 руб. Ст. 274.

Головкинъ-Хвощинскій, Ю. Н. гр. Аграрный вопросъ. Кіевъ 1907. Ст. 25. Ц. 15 коп.

Денисюкъ, Н. Николай Гавриловичъ Чернышевскій, его время, жизнь и сочиненія. Москва 1908. Ст. VI—196. Ц. 50 к.

Казминъ-Вьюговъ, Н. О религіозномъ воспитаніи дѣтей. Спб. 1908. Ст. 47. Ц. 35 к.

Крачковскій, В. Н. Афоризмы Спб. Ст. 167. Ц. 1.

Очерки по философіи марксизма. Философскій сборникъ. Спб. 1908. Ст. 328. Ц. 2 р. 50 к.

Полянская, Е. И. Жизнь и ученіе Анчаровой. Москва 1908. Ст. 148. Ц. 1 р.

Сиземскій, Л. Обученіе чтенію въ семьѣ. Спб. 1908. Ст. 62. Ц. 35 к.

Сэндерлэндъ, I. T. Библия, ея происхожденіе, развитіе и отличительныя свойства. Перев. съ англ. подъ ред. В. Черткова. Изд. «Посредника». Москва 1908. Ст. 272. Ц. 50 к.

Товстикъ, С. Жизнь во вселенной, познаваемая и постигаемая человѣкомъ. Чериковъ 1907. Ст. 246. Ц. 1 р. 20 к.

Форшъ, Ольга. Рыцарь изъ Нюрнберга. Кіевъ. 1908. Ст. 27. Ц. 75 к.

Френсенъ, Густавъ. «Рукопись». Жизнь Спасителя. Изд. 2-ое. (Съ порт. автора). Ст. 160. Ц. 75 к.

Христіансенъ, Бродеръ д-ръ. Психологія и теорія познанія. Перев. съ нѣм. Е. И. Боричевского. Подъ ред. Б. А. Фохта. Москва 1907. Ст. 27. Ц. 40 коп.

Обзоръ журналовъ.

Mind. «New Series, Vol XV, №№ 57—60, январь—октябрь 1906 г.».

Bernard Bosanquet. «Противорѣчіе и реальность».

Ни одинъ предикатъ по своей внутренней природѣ (intrinsically) не противорѣчитъ другому. Онъ начинаетъ противорѣчить лишь тогда, когда поставленъ не на своемъ мѣстѣ. Логическое противорѣчіе есть интеллектуальная мертвая петля, созданная попыткой сопоставить два или болѣе различныхъ термина, не приспособивъ соотвѣтствующимъ образомъ содержаніе для ихъ воспріятія. Однако, даже подобное формальное противорѣчіе, въ извѣстномъ смыслѣ, есть существующая данность и характеристика реального. Конечно, оно не можетъ характеризовать конечную реальность, но не слѣдуетъ слишкомъ идеализовать міръ фактовъ, ставя ихъ на одну линію съ конечной реальностью. Ибо неугомность дѣятельности и стремленія къ познанію, повидимому, зависятъ отъ постоянного присутствія внутренняго противорѣчія въ природѣ дѣйствительныхъ фактовъ. Слѣдуетъ допустить, что каждый фактъ, какъ данный въ обыденномъ опытѣ, есть въ одно и то же время и дѣйствительный и противорѣчивый (actual and selfcontradictory). Такимъ образомъ, съ одной стороны, противорѣчіе есть нѣчто такое, что не можетъ быть терпимо, а съ другой,—оно является пружиной, движущей всю жизнь міра по самой природѣ реальности. Что же остается послѣ того, когда противорѣчіе разрѣшено? Можно отвѣтить: «остается успѣшное выраженіе отрицательности (A successful expression of negativity). Цѣль статьи именн и заключается въ томъ, чтобы поддержать взглядъ, рассматривающій отрицательность, какъ основную характеристику Реального (Negativity as a fundamental characteristic of the Real).

Norman Smith. «Авенариусова философія чистаго опыта».

Изложение философіи Авенариуса съ критическими замѣчаніями.

W. H. Winch. «Психологія и философія игры».

Вопросъ о природѣ игры сверхъ теоретическаго интереса имѣетъ еще и большое практическое значеніе, какъ одинъ изъ основныхъ вопросовъ педагогіи. Психологія игры, обыкновенно понимается неправильно, вслѣдствіе того, что роль воображенія въ игрѣ слишкомъ преувеличивается. Весьма многое изъ того, что въ пріемахъ и дѣйствіяхъ играющихъ дѣтей приписывается ихъ живому воображенію, объясняется просто ихъ неспособностью достаточно диссоціировать элементъ сложныхъ данныхъ чувственныхъ воспріятій. Что касается философіи игры, то въ настоящее время существуютъ три теоріи, объясняющія возникновеніе игры. Во-первыхъ, теорія избыточной энергіи, развитая Гербертомъ Спенсеромъ и поддерживаемая Маршаллемъ и Валлашекомъ. Согласно этой теоріи, энергія, не находящая своего примѣненія въ настоящемъ дѣлѣ, тратится въ формѣ подражанія дѣлу: въ формѣ игры. Признавая нѣкоторое значеніе за этой теоріей, авторъ, однако, указываетъ, что она трудно совмѣстима съ тѣмъ общеизвѣстнымъ фактомъ, что весьма часто большой энергіей въ игрѣ отличаются дѣти, обнаруживающія во всемъ прочемъ не избытокъ, а недостатокъ энергіи.

Теорія избыточной энергіи объясняетъ условія возникновенія игры, но не пытается объяснить, почему игра принимаетъ ту или иную форму. На этотъ послѣдній вопросъ даетъ отвѣтъ теорія подготовленія (Preparation Theory), согласно которой игра есть подготовленіе къ серьезной дѣятельности. Эта вторая теорія развита Гроосомъ, но она легко соединима и съ первой теоріей, какъ показываетъ примѣръ Маршалля. Авторъ не возражаетъ противъ телеологизма этой теоріи, но весьма сомнѣвается, чтобы игра, дѣйствительно, подготовляла къ жизненной работѣ. Авторъ цитируетъ по этому поводу стихотвореніе, гласящее: «Всегда работать и никогда не поиграть, это—дѣлаетъ Джека угрюмымъ мальчикомъ. Никогда не работать и всегда играть, это—превращаетъ Джека въ дикаря».

Авторъ является сторонникомъ третьей «повторительной теоріи» (Rescapitulation Theory). Современъ Дарвина мы знаемъ, что онтологическая эволюція повторяетъ эволюцію филогеническую: вся-

кое животное проходит въ сокращенномъ видѣ всѣ тѣ фазы развитія, которыя въ свое время были пройдены его предками. Разсматривая вопросъ объ игрѣ съ точки зрѣнія этой біологической теоріи, мы легко поймемъ, что человѣческія игры, въ своемъ сходствѣ съ серьезной дѣятельностью низшихъ стадій человѣческой жизни и съ дѣятельностью животныхъ, являются частнымъ случаемъ этого прохожденія индивидуумомъ стадій развитія своихъ предковъ.

Henry Rutgers Marshall. «Представленіе и воспредставленіе»¹⁾.

Всѣмъ извѣстно ученіе нѣкоторыхъ современныхъ психологовъ о томъ, что всякое представленіе ново и единственное (*new and unique*) и, вѣроятно, найдется мало психологовъ, готовыхъ оспаривать это утвержденіе, но далеко не столь общепризнаннымъ является королларій этого утвержденія, а именно: утвержденіе, что по самой своей природѣ всякое представленіе въ каждый моментъ является новой формой представленія. Мы постоянно говоримъ о воспредставленіяхъ и при этомъ мы молчаливо предполагаемъ, что тѣ состоянія сознанія, которыя мы при этомъ имѣемъ въ виду, являются не новыми представленіями, а копіями старыхъ представленій, съ которыми мы ихъ и отождествляемъ. Реакція нашего органа познанія на чувственное раздраженіе имѣетъ двойной характеръ: во-первыхъ, имѣются тѣ измѣненія въ органѣ познанія, которыя непосредственно связаны съ чувственнымъ раздраженіемъ, это—первичныя представленія; во-вторыхъ—измѣненія не связаны непосредственно съ чувственнымъ раздраженіемъ, это—вторичныя представленія. Существованіе первичныхъ представленій влечетъ за собой и существованіе вторичныхъ представленій, но существованіе вторичныхъ представленій не влечетъ за собою непремѣнно существованія первичныхъ представленій. Всякое внѣшнее раздраженіе вызываетъ сразу и первичное представленіе и представленіе вторичное, только это послѣднее остается въ тѣни вслѣдствіе большей живости первичнаго представленія. Такъ какъ первичное представленіе обусловлено непосредственнымъ дѣйствіемъ внѣшняго раздраженія, то при попыткѣ вызвать вновь былое представленіе это первичное представленіе не можетъ возродиться, но, съ

1) Терминъ „воспредставленіе“ для передачи англійскаго (и французскаго) термина „representation“ былъ предложенъ покойнымъ В. В. Лесевичемъ.

другой стороны, у насъ имѣется сознание того, что это первичное представленіе было; такимъ образомъ, если мы обозначимъ первичное представленіе литерой А, то можемъ сказать, что возродившееся представленіе состоитъ изъ: 1) частичнаго вторичнаго представленія, которое обыкновенно и называется вос-представленіемъ А (назовемъ его *a*). 2) Частичнаго вторичнаго представленія, которое указываетъ на то, чѣмъ было А (What A. was) (назовемъ его *a'*). 3) Чувства отношенія, заставляющаго насъ утверждать, что *a* сходно съ *a'*.

F. C. S. Schiller. «Двусмысленность истины».

Самъ авторъ отмѣчаетъ, что его статья является однимъ изъ эпизодовъ борьбы «прагматизма» съ интеллектуализмомъ, борьбы, которая ведется по всей линіи, ибо нѣтъ ни одного философскаго положенія старой интеллектуалистической философіи, которому прагматизмъ не пытался бы придать новую форму. Но, говоритъ авторъ, цѣль нашей статьи болѣе ограничена: она занимается разслѣдованіемъ того, какой смыслъ имѣеть терминъ «истина». Авторъ стремится показать: 1) что необходимъ и возможенъ анализъ, вскрывающій смыслъ этого термина; 2) что этотъ анализъ приводитъ къ проблемѣ, которую интеллектуалистическая логика не можетъ ни устранить, ни разрѣшить; 3) что отказъ отъ абстрактной логики дѣлаетъ сразу эту проблему и простой, и разрѣшимой; 4) что для ея рѣшенія нужно принять прагматическій критерій истины; 5) что выработанное такимъ образомъ опредѣленіе истины объединяетъ опытъ и даетъ рациональную основу классификаціи наукъ.

Логики-интеллектуалисты не замѣчаютъ того, что въ ихъ словопотребленіи терминъ «истина» имѣеть два смысла: во-первыхъ, это—разсмотрѣніе какой-либо проблемы *sub specie veri et falsi*; во-вторыхъ, это—провѣрка правъ на званіе истины. Интеллектуалисты не могутъ отвѣтить на слѣдующіе два вопроса: 1) какъ оцѣнивать право на званіе истины (*claim to truth*), и 2) какъ найти различіе простаго заявленія о такомъ правѣ отъ установленной истиной (*between such a claim and an established truth*)? Прагматисты избѣгаютъ этихъ затрудненій, такъ какъ для нихъ истина оцѣнивается по своимъ практическимъ послѣдствіямъ.

A. O. Lovejoy. «Кантова антитеза догматизма и критицизма».

Со временъ Канта антитеза догматизма и критицизма сдѣлалась общепринятой. Кантъ установилъ два рѣзко очерченныхъ

типа философскаго метода: критицизмъ и догматизмъ, при чемъ онъ заявилъ, что всѣ философскіе методы, употреблявшіеся до него, принадлежатъ къ типу догматическихъ методовъ. Авторъ намѣренъ показать, что эта антитеза вводитъ въ заблужденіе (*is misleading*) и что Кантъ, создавая ее, допустилъ преувеличеніе, впалъ въ противорѣчія и неправильно оцѣнилъ приемы своихъ предшественниковъ. Кантъ могъ установить такую рѣзкую антитезу лишь потому, что онъ допустилъ три довольно своеобразныхъ недосмотра (*oversights*). Во-первыхъ, онъ неясно представлялъ себѣ дѣйствительное значеніе философскихъ методовъ своихъ непосредственныхъ предшественниковъ; во-вторыхъ, онъ не установилъ яснаго и опредѣленнаго отношенія между своей доктриной и общеустановленными приемами метафизическаго разсужденія; въ-третьихъ, онъ не замѣтилъ, что самый главный изъ его «критическихъ» аргументовъ, аргументъ касательно причинности во второй аналогіи опыта, является ни чѣмъ инымъ, какъ усовершенствованнымъ аргументомъ его «догматическаго» предшественника Вольфа, у котораго онъ, повидимому, безсознательно его и заимствовалъ.

John Dewey. «Экспериментальная теорія знанія».

Можно характеризовать и описывать знаніе такъ, какъ характеризуютъ и описываютъ какой-либо предметъ или какое-либо событіе. Возьмемъ для этого какой-либо простой случай, напр.: мы воспринимаемъ извѣстный запахъ и это побуждаетъ насъ сорвать розу и наслаждаться ею. Спрашивается, что во всемъ этомъ событіи имѣетъ отношеніе къ познанію? Запахъ былъ въ нашемъ сознаніи; движенія имъ вызванныя были въ нашемъ сознаніи; актъ срыванія и наслажденіе нами испытаны (*are experienced*); но пока всѣ эти элементы существуютъ сами по себѣ, пока мы не смотримъ ни впередъ, ни назадъ, пока нѣтъ ни памяти, ни антиципаціи—мы имѣемъ лишь рядъ опытовъ, но не познанія. Разсматривать цвѣтокъ, держать его въ рукахъ и наслаждаться его запахомъ, это—не есть познаніе, ибо это есть болѣе чѣмъ познанія (*is not Knowledge because it is more than Knowledge*). Знаніе заключается не въ испытываніи или выполненіи (*fulfilment*), но въ намѣреніи, цѣли, схемѣ, символахъ открытаго выполненія (*intentions, aims, schemes, symbols of overt fulfilment*). Авторъ даетъ такое окончательное опредѣленіе знанію: опытъ есть знаніе, если въ его *quale* существуетъ испытан-

ное различіе и связь двухъ элементовъ слѣдующаго рода: одинъ означаетъ или указываетъ на присутствіе другого, такимъ же самымъ образомъ, какимъ онъ уже самъ присутствуетъ; тогда какъ другой таковъ, что, когда онъ не присутствуетъ тѣмъ же образомъ, онъ долженъ сдѣлаться такъ присутствующимъ, если значеніе или намѣреніе его компаньона или союзника должно быть выполнено при содѣйствіи операциі, которою онъ завѣдуетъ.

(An experience is a Knowledge, if in its quale there is an experienced distinction and connexion of two elements of the following sort: one means or intends the presence of the other in the same fashion in which itself is already present, while the other is that which, while not present in the same fashion, must become so present if the meaning or intention of its companion or yoke-fellow is to be fulfilled through an operation it sets up).

J. S. Mackenzie. «Новый реализмъ и старый идеализмъ».

До послѣдняго времени въ англійской философской литературѣ господствовалъ идеализмъ. Но недавно противъ него выступили два опасные противника: прагматизмъ и новый реализмъ. Такъ какъ о прагматизмѣ достаточно уже писали, то авторъ сосредоточиваетъ свое вниманіе на реализмѣ, представителями котораго онъ считаетъ Адамсона, Стаута и Александра, на которыхъ замѣтно вліяніе Авенариуса. Но наиболѣе рѣшительнымъ и послѣдовательнымъ противникомъ идеализма и защитникомъ реализма является Муръ въ своихъ «Опроверженіи идеализма» и «Основахъ этики». Настоящая статья и посвящена защитѣ идеализма противъ Мура. Центральнымъ пунктомъ обвиненія Мура противъ идеализма является утвержденіе, что идеализмъ основанъ на принципѣ *esse est percipi*. Опровергая этотъ принципъ, Муръ думаетъ опровергнуть и идеализмъ. Но этотъ принципъ ведетъ не къ идеализму, а къ скептицизму, идеализмъ же основанъ скорѣе на отверженіи этого принципа. Авторъ заявляетъ, что самъ Беркли въ концѣ-концовъ пришелъ къ значительному ограниченію принципа *esse est percipi*, и что дѣйствительный принципъ идеализма это: *esse est intelligi*.

Foster Watson. «Свобода учителя учить религіи».

Преподаваніе религіи въ школахъ вещь весьма трудная, но его объемъ и методъ не могутъ быть опредѣлены удовлетворительно

Вопросы философіи, кн. 91.

безъ совѣщанія съ тѣми, для которыхъ воспитаніе является жизненной профессіей.

F. H. Bradley. «Блуждающія мысли и воображеніе».

Авторъ говоритъ, что онъ намѣренъ, во-первыхъ, рассмотреть вопросъ о существованіи блуждающихъ мыслей (*floating ideas*); во-вторыхъ, изслѣдовать различіе содержанія у «реальнаго» и «воображаемаго»; наконецъ, въ-третьихъ, изучить отношеніе между воображеніемъ и игрой, а также и между игрой и серьезнымъ дѣломъ. Всѣ эти изысканія, говоритъ далѣе авторъ, приведутъ насъ къ выводу, что строгое разграниченіе реальнаго отъ воображаемаго не выдерживаетъ критики и что истинный критерій реальности мы должны искать въ другомъ мѣстѣ.

G. Vailati. «Этюдъ о терминологіи Платона».

Dr. H. Foston. «Строеніе мышленія».

Знакомясь съ тѣми утонченными абстракціями, которыми пользуется современная наука при объясненіи конкретной дѣятельности предметовъ, мы можемъ предположить, что нашъ интеллектъ, вырабатывая общія идеи, покидаетъ *piéd à terre* чувственнаго порядка вещей, чтобы заняться изслѣдованіемъ своего собственнаго эфирнаго міра; однако, подобное предположеніе было бы ошибочнымъ, ибо при самыхъ отвлеченныхъ изслѣдованіяхъ оторванность отъ почвы есть лишь кажущееся явленіе. Пока теорія мышленія отдаетъ все свое вниманіе изолирующимъ отвлеченіямъ и бесплоднымъ обобщеніямъ, мы не можемъ дать адекватнаго объясненія того контроля, который мы, благодаря мышленію, получаемъ надъ тѣмъ, что можно назвать практическимъ значеніемъ объектов (*the practical significances of objects*), при чемъ подъ «объектомъ» слѣдуетъ понимать представленіе (*presentation*), и подъ «значеніемъ» слѣдуетъ понимать то, что въ опытѣ является сигналомъ (*signal*), предварающимъ знакомъ (*anticipatory sign*). Всякій предметъ, разсматриваемый, какъ предварающій знакъ чего-либо иного, имѣетъ, конечно, значеніе посредника, и основаніе его интереса для насъ лежитъ внѣ его. И эта система предварающихъ знаковъ, система посредниковъ глубоко заложена во всякомъ мышленіи, она господствуетъ и на низшихъ ступеняхъ духовной жизни, она же господствуетъ и надъ отвлеченіями и обобщеніями. Такимъ образомъ «значеніе» является нервомъ органическаго строенія мышленія. Однако,

если мы узнаемъ лишь то, что одно явленіе есть знакъ другого, то мы еще не имѣемъ мышленія. Роль мышленія опредѣлить условія, при которыхъ обнаруживаются извѣстныя значенія, какъ предваряющіе знаки.

Hugh MacLoll. «Символическое разсужденіе».

(Это—восьмая и послѣдняя часть работы, начавшейся еще въ 1880 году).

П. Мокіевскій.

Философскія изслѣдованія, == == обзрѣнія и проч.,

издаваемыя подъ редакціей проф. Г. Челпанова.

СОДЕРЖАНІЕ.

- Т. I. Вып. 1-й. Шиманскій, А. Н. Ученіе Канта и Спенсера о пространствѣ.
Челпановъ, Г. И. Обь имманентной философіи.
Отчетъ о дѣятельности Псих. Семинаріи за 1897—1902 г.
- Т. I. Вып. 2-й. Щербина, А. М. Ученіе Канта о вещи въ себѣ.
Вайнштейнъ, А. Э. Ученіе о реальности по Шурбертъ-Зольдерну.
Челпановъ, Г. И. Авенариусъ и его школа.
- Т. I. Вып. 3-й. Щербина, А. М. Ученіе Канта о вещи въ себѣ (окончаніе).
Зѣньковскій, В. В. Современное состояніе психофизической проблемы.
Шпеттъ, Г. Г. Проблема причинности у Юма и Канта (Введеніе).
Челпановъ, Г. И. Апріоризмъ и эмпиризмъ (отвѣтъ проф. Гилярову).
- Т. I. Вып. 4-й. Шпеттъ, Г. Г. Проблема причинности у Юма и Канта.
Челпановъ, Г. И. Рецензія на соч. И. С. Продана „О памяти“.
Отчетъ о дѣятельности Псих. Семинаріи за 1902—1906 г.
- Т. II. Вып. 5-й. Блонскій. Ученіе Беркли о реальности.

Цѣна за каждый выпускъ 1 р.

Складъ изданія въ редакціи журнала „Вопросы Философіи и Психологіи“ и въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбаснинова, Москва, Моховая, противъ Университета.

Открыта подписка на 1908 годъ

XIX г.

на журналъ

XIX г.

„ВѢСТНИКЪ ВОСПИТАНІЯ“.

Журналъ ставитъ своею **задачею** выясненіе вопросовъ образованія и воспитанія на основахъ научной педагогики, въ духѣ общественности, демократизма и свободнаго развитія личности. Съ этою цѣлью журналъ слѣдитъ за развитіемъ педагогическихъ идей, за современнымъ состояніемъ образованія и воспитанія въ Россіи и за границей и даетъ и систематическіе отзывы о вновь выходящихъ книгахъ по педагогикѣ, естествознанію, общественнымъ наукамъ и друг., о дѣтскихъ журналахъ, общедоступныхъ и дѣтскихъ книгахъ. Кромѣ того, въ журналѣ помѣщаются научно-популярныя статьи по различнымъ отраслямъ знанія и искусства, литературно-педагогическіе очерки, рассказы, воспоминанія и проч.

При настоящей редакціи въ журналѣ принимали участіе: д-ръ философіи В. Анри (Victor Henri), Ю. И. Айхенвальдъ, А. Д. Алферовъ, проф. В. М. Арнольди, д-ръ Д. Д. Бекарюковъ, Ю. А. Бунинъ, И. А. Бунинъ, проф. А. В. Васильевъ, В. П. Вахтеровъ, К. Н. Вентцель, Ю. А. Веселовскій, проф. Р. Ю. Вишперъ, А. Ф. Гартвигъ, прив.-доц. А. В. Горбуновъ, С. Т. Григорьевъ, А. Е. Грузинскій, Е. А. Звягинцевъ, Н. Н. Златовратскій, прив.-доц. В. Н. Ивановскій, прив.-доц. П. А. Иванцовъ, д-ръ В. Е. Игнатьевъ, проф. Н. А. Каблуковъ, проф. И. А. Каблуковъ, проф. М. М. Ковалевскій, проф. Н. М. Кулагинъ, Е. І. Лозинскій, проф. Т. В. Локоть, А. П. Лотоцкій, проф. И. И. Мечниковъ, Н. Мировичъ, Н. Ф. Михайловъ, С. П. Моравскій, Н. М. Никольскій, проф. Д. Н. Овсяннико-Куликовскій, проф. И. Г. Оршанскій, проф. А. П. Павловъ, проф. А. А. Радцигъ, Г. Роковъ, прив.-доц. П. Н. Сакунянъ, прив.-доц. Е. Д. Синицкій, Л. Д. Синицкій, С. Г. Смирновъ, Н. В. Сперанскій, Г. А. Фальборкъ, проф. А. Θ. Фортунатовъ, В. П. Хопровъ, В. И. Чарнолускій, кн. Д. И. Шаховской, проф. Ф. Ф. Эриеманъ, д-ръ Вл. И. Яковенко, В. Е. Якушкинъ, Е. П. Янжулъ, акад. И. И. Янжулъ и многіе др.

Журналъ выходитъ 9 разъ въ годъ (въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ журналъ не выходитъ); въ каждой книжкѣ журнала болѣе 20 печатныхъ листовъ.

Подписная цѣна: въ годъ безъ доставки 5 руб., съ доставкой и пересылкой 6 р., въ полгода 3 р.; съ пересылкой за границу 7 р. 50 к.; для студентовъ и недостаточныхъ людей цѣна уменьшается на 1 р.

Подписка принимается: въ конторѣ редакціи (Москва, Арбатъ, Старо-Конюшенный пер., д. Михайлова) и во всѣхъ крупныхъ книжныхъ магазинахъ общія столицъ. Гг. иногороднихъ просятъ обращаться прямо въ редакцію.

Редакторъ-издатель д-ръ Н. Ф. Михайловъ.

Открыта подписка на 1908 годъ на журналы:

1) „Юная Россія“ („ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ“).

ежемѣсячный иллюстрированный журналъ для семьи и школы.
СОРОКОВОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Особымъ отдѣломъ Ученаго Комитета Мин. Нар. Просв. журналъ допущенъ къ выпискѣ, по предварительной подпискѣ, въ ученическія библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки.

Въ годъ 4 р. 50 к., безъ пересылки. 5 р. съ пересылкой.

Въ 1908 г. журналъ „Юная Россія“ („Дѣтское чтеніе“) дастъ вѣзмъ подписчикамъ: 12 КНИЖЕКЪ ЖУРНАЛА.

БЕЗПЛАТНЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ: 1. Л. Н. Толстой.— Избранные рассказы для школы и семьи. 2. Бреть-Гартъ.— Избранные рассказы для школы и семьи. 3. Оскаръ Уальдъ.— Сказки. 4. Проф. А. Л. Погодинъ.— Очеркъ исторіи Польши. Со многими рисунками.

„Юная Россія“ съ „Педагогическимъ Листкомъ“ (8 кн.). Безъ доставки на годъ 5 р. Съ доставкой перес., на годъ 6 р.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА.

Оставшіеся комплекты журнала „ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ“ за прежніе годы 1897—1907 гг. по 4 р. безъ пересылки.

2) „Педагогическій Листокъ“,

журналъ для воспитателей и народныхъ учителей.

СОРОКОВОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія разрѣшенъ къ выпискѣ по предварительной подпискѣ, для учительскихъ библіотекъ и бесплатныхъ народныхъ читальнь,

1 р. 75 к. безъ пересылки. 2 р. съ пересылкой.

Журналъ выходитъ 8 разъ въ годъ, книжками до 5 листовъ.

АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ: Москва, Б. Молчановка, д. № 24. Подписка принимается и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Книгопродавцамъ уступка 5%.

Плата за объявленія въ журналахъ „Юная Россія“ и „Педагогическій Листокъ“: За страницу 40 р. За 1/2 страницы 20 р.

Издательница Е. Н. Тихомирова.

Редакторъ Д. И. Тихомировъ.

При журналѣ „Юная Россія“ и „Педагогическій Листокъ“ организованъ книжный складъ изданій Д. И. Тихомирова: 1) Библіотека для семьи и школы; 2) Учительская библіотека, 3) Учебники Д. И. Тихомирова.

Каталогъ высылается бесплатно по первому требованію.

Открыта подписка на 1908 годъ

НА ЖУРНАЛѢ

„Московскій Ежедѣльникъ“.

Вступая въ третій годъ своего существованія, „Московскій Ежедѣльникъ“ сохраняетъ неизмѣнными тѣ начала, которые опредѣляли его направленіе въ теченіе двухъ предшествовавшихъ годовъ. Не примыкая ни къ какой изъ существующихъ политическихъ партій, журналъ ставитъ себѣ задачей служить органомъ объединенія для тѣхъ конституціоналистовъ, которые сходятся на почвѣ общихъ возрѣвнй идеализма, какъ христіанскаго, такъ и гуманитарнаго, и стремятся освѣщать вопросы политики и культуры съ точнн зрѣвнн неизблемыхъ нравственныхъ началъ.

Редакторами журнала состоятъ: { **кн. Е. Н. Трубецкой,**
кн. Г. Н. Трубецкой.

== Въ журналѣ принимаютъ участіе: ==

Н. Н. Авиновъ, священникъ К. М. Аггеевъ, проф. А. С. Алексѣевъ, В. П. Алексѣевъ, Мих. Андреевъ, К. К. Арсеньевъ, Н. Н. Баженовъ, П. В. Безобразовъ, А. Н. Венуа, Н. А. Бердяевъ, М. И. Брунъ, О. Е. Бужанскій, проф. С. Н. Булгаковъ, П. П. Вейнбергъ, П. Н. Вернеръ, прив.-доц. Д. В. Викторовъ, проф. П. Г. Виноградовъ, М. О. Гершензонъ, І. М. Гольдштейнъ, проф. И. М. Громогласовъ, проф. А. Г. Гусаковъ, прив.-доц. Н. В. Давыдовъ, Н. П. Добролюбовъ, проф. В. Э. Денъ, прив.-доц. Д. Н. Егоровъ, проф. М. Э. Здѣховскій, М. А. Ивановъ, проф. И. П. Иванюковъ, проф. А. В. Карташовъ, А. А. Кауфманъ, Н. Д. Кашкинъ, прив.-доц. И. А. Кистяковский, проф. М. М. Кавалевскій, прив.-доц. С. А. Котляревскій, проф. Н. А. Котляревскій, проф. В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, проф. В. Ф. Левицкій, А. Р. Ледвицкій, проф. Л. М. Лопатинъ, проф. П. В. Лучицкій, Н. Н. Львовъ, В. А. Маклаковъ, А. Н. Максимовъ, М. М. Марголинъ, В. М. Маркельсъ, В. Г. Михайловскій, проф. Б. М. Млодзѣевскій, проф. П. И. Новгородцевъ, И. Д. Новикъ, Ю. А. Новосильцевъ, проф. Л. І. Петражицкій, прив.-доц. А. И. Покровский, Т. И. Полнеръ, проф. А. С. Посниковъ, прив.-доц. Г. К. Рахмановъ, Ф. И. Родичевъ, Сергій Глаголь, Л. С. Словимскій, П. Б. Струве (бывш. редакторъ „Освобожденія“), проф. С. С. Салазкинъ, проф. Н. А. Умовъ, проф. С. Ф. Фортунатовъ, проф. В. М. Хвостовъ, проф. Чууровъ, проф. фонъ-Шульце-Гевверницъ (Фрейбургъ въ Брейсгау), М. П. Щепкинъ, прив.-доц. Л. Н. Яснопольскій и другіе.

Въ частности общали рядъ статей по слѣдующимъ вопросамъ: А. Н. Бенца—искусства, С. Н. Булгановъ—церковному, Н. А. Бердяевъ—письма изъ Парижа, Н. Э. Езерскій—общественной жизни, А. А. Кауфманъ—аграрной политики, С. А. Котляревскій—внутренней политики, П. Б. Струве—соціально-экономической политики.

Въ журналѣ будутъ появляться слѣдующія періодическія обзорѣнія.

Дѣятельности Государственной Думы; мѣстнаго управленія; иностранной политики; искусства и музыка.

Въ теченіе года подписчики получаютъ 50 книжекъ въ 4 листа еженедѣльно, за исключеніемъ праздниковъ Рождества и Пасхи.

Условія подписки на 1908 г.:

За 5 за 6 мѣс. 3 р. за 3 мѣс. 1 р. 50 к. за 1 мѣс. 75 к.
ГОДЪ 5 ЗА ГРАНИЦУ ВДВОЕ.
РАЗСРОЧКА ДОПУСКАЕТСЯ только годовымъ подписчикамъ по слѣдующимъ условіямъ: при подпискѣ—2 р., 1 апрѣля—1 р. и 1 июля—2 р.

Объявленія принимаются въ конторѣ отъ 10—5 час. дня.

АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ: Москва, Пречистенскій бул., д. Кальмееръ. Телеф. 127-18.

I-й годъ изданія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1908 г.

II-й годъ изданія.

на большую политическую общественную финансово-экономическую и литературную газету

„ГОЛОСЪ МОСКВЫ“

Независимый органъ печати умѣренно-прогрессивнаго направленія.

„ГОЛОСЪ МОСКВЫ“ получаетъ по телефону и телеграфу отъ своихъ специальныхъ корреспондентовъ полные отчеты о засѣданіяхъ Государственной Думы и Государственнаго Совѣта и всѣ свѣдѣнія о работахъ комиссій, состоящихъ при этихъ учрежденіяхъ, о жизни парламентскихъ фракцій, политическихъ клубовъ, собраній и т. д.

„ГОЛОСЪ МОСКВЫ“ получаетъ по телеграфу отъ своихъ корреспондентовъ, находящихся во всѣхъ крупно населенныхъ мѣстностяхъ Россіи, самыя подробныя свѣдѣнія о ходѣ провинціальной жизни.

„ГОЛОСЪ МОСКВЫ“ имѣетъ своихъ специальныхъ представителей для телеграфныхъ сообщеній: въ Берлинѣ, Вѣнѣ, Парижѣ, Лондонѣ, Римѣ, Бѣлградѣ, Софіи, Константинополѣ, Прагѣ, Мадридѣ, Сеулѣ, Пекинѣ, Вашингтонѣ, Нью-Йоркѣ и Чикаго. Специальные военные корреспонденты въ Берлинѣ, Шанхаѣ и Токио. Особой задачей редакціи является широкая органиція въ газетѣ финансово-экономическаго и торгово-промышленнаго отдѣловъ.

Въ газетѣ „ГОЛОСЪ МОСКВЫ“ принимаютъ ближайшее участіе: В. Авсьенко, А. Арцишевскій, проф. Е. Берендсъ, А. Бобршевъ-Пушкинъ, Н. Брешко-Брешковскій, проф. Б. Варнеке, Н. Виноградовъ, кн. Н. Волконскій, М. Галкинъ, проф. В. Герье, прив.-доц. В. Грибовскій, проф. И. Громоглазовъ, Н. Демчинскій, прот. Л. Добронравовъ, П. Каменскій, проф. М. Капустинъ, Г. Качаловъ, проф. гр. Л. Комаровскій, А. Кондратьевъ, проф. П. Кулешовъ, В. Куманинъ, проф. А. Михайловъ, проф. Ю. Морозовъ, Н. Насаквиль-Симбирскій, М. Невѣжинъ, Д. Одинокій, А. Осиповъ, М. Петровъ, Ф. Плеванко, А. Потемкинъ, В. Поповъ, В. Преображенскій, В. Садовской, Илья Сады, А. Тимофеевъ, гр. Л. Л. Толстой.

Въ газетѣ общали свое сотрудничество: Н. Авдаковъ, Афанасьевъ, проф. Е. Бергманъ, С. Богусевскій, Вальди, проф. А. Вульфбергъ, проф. Н. Высотскій, проф. Д. Голованъ, проф. Доримедонтовъ, К. Дягилевъ, А. Ермоловъ, А. Еропкинъ, проф. М. Красноженъ, проф. П. Кротовъ, П. Кутлеръ, прив.-доц. К. Кузьминскій, проф. Ф. Латкинъ, проф. Ю. Легра, проф. К. Ландеманъ, бар. Мейндорфъ, Ю. Милютинъ, Н. Петровская, Л. Половцевъ, А. Ремизовъ, проф. Б. Сергѣевичъ, проф. В. Судейкинъ, М. Сухотинъ, В. Татаринцовъ, Тодоровъ-Петко, Н. Хомяковъ, П. Чистяковъ, проф. Н. Цитовичъ, акад. П. Янжулъ и другіе.

Подписная цѣна: съ доставкой и пересылкою на годъ—9 р., на 6 мѣс.—4 р. 50 к., на 3 мѣс.—2 р. 25 к., на 1 мѣс.—75 к. За границу вдвое. Для военныхъ, духовенства, учителей, студентовъ вѣсп. учебн. заведеній 50 коп. въ мѣс. Годовымъ подписчикамъ на 1908 г. газета будетъ высылаться до 1-го января бесплатно.

Редакція и главная контора газеты „Голосъ Москвы“ находится въ Москвѣ, Леонтьевскій пер., домъ № 5.

Редакторъ Ю. В. Вульфбергъ.

Издатель: „Московское Товарищество
для изданія книгъ и газетъ“.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1908 г.

на ежемѣсячное литературно-политическое изданіе

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“

подъ общимъ редакторствомъ А. А. Кизеветтера и П. Б. Струве.

При ближайшемъ участіи: Ю. И. Айхенвальда, Э. К. Арнольда, В. И. Вернадскаго, И. М. Гревса, А. С. Изгоева, В. А. Кистяковскаго, С. А. Котляревскаго, П. И. Новгородцева, С. Л. Франка и Л. И. Яснопольскаго.

Въ ближайшихъ книгахъ 1908 г. появятся между прочимъ произведенія слѣдующихъ авторовъ: А. П. Чехова — „Неизданныя письма“, Д. С. Мережковскаго — „Драма изъ новой русской исторіи“, П. Булыгина — пов. „Призраки“, Осипа Дымова — разск. „Островъ заката“, П. А. Кожснникова — „Луги“, К. Д. Посилова — пов. „Золотая рѣчка“, М. К. Первухина — пов. „Штрейбрыхеръ“, Н. И. Тимковскаго — пов. „На озерѣ“. Разсказы: П. Бунина, Бориса Зайцева, Вацлава Сѣрошевскаго, Э. Соллогуба, А. Фѣдорова, И. С. Шмелева, Т. Л. Щепкиной-Куперникъ и др. Статьи: Вальтера — „Рихардъ Венеръ“, Волжскаго — „Изъ міра современныхъ религіозно-общественныхъ исканій“, И. М. Гревса — „Воспоминаніе о Драгомановѣ“, Н. А. Гредескула — „Этюды въ области теории оцѣнки“, Э. Ф. Звѣинскаго — „Античная религія и христіанство“, В. А. Кистяковскаго — „Объ украинскомъ вопросѣ“, І. М. Кудшера — „Экономическая исторія, какъ наука“, И. И. Лалшина — „Эд. Ф. Гартмювъ“, Д. С. Мержковскаго — „О Леонидѣ Андреевѣ“, Н. М. Минскаго — „Рабочій классъ и рабочая партія“, А. С. Пругавина — „Суздальская крѣпость“, В. В. Розанова — „Объ Исусѣ Сладчайшемъ и о горькихъ плодахъ міра сего“, А. М. Рыкачева — „Профессиональные союзы въ Германіи“. П. Б. Струве — „Великая Россія“, „Русская интеллигенція“, „Философскіе мотивы въ исторіи экономич. мысли“ и рядъ публицист. набросковъ подъ общ. заг. „На разныя темы“. Д. И. Шаховскаго — „Земскіе вопросы“, Г. Швитау — „Организація работодателей въ борьбѣ съ рабочими“ и „Рабочая партія въ англ. парламентѣ“, Л. Яснопольскаго — „Нашъ бюджетъ на 1908 г.“ Ю. Энгель — „О Григѣ“. Статьи: Н. Кутлера, А. Кауфмана, С. Франка, С. Булгакова и др. Письма изъ Франціи — Н. А. Бердяева, письма изъ Германіи — К. Дверницкаго. Публицист. очерки А. С. Изгоева. Литер.-критич. очерки — Ю. Айхенвальда и Д. И. Философова. Законодательство и жизнь — В. Н. Линда. Иностр. обзор. — С. Котляревскаго. Жур. обзор. — Э. Арнольда. Очерки изъ исторіи полит. идей въ Россіи — А. А. Кизеветтера.

Въ библиогр. отдѣлѣ помѣщ. рецензіи по всѣмъ отраслямъ литер. и науки за подписью постоянн. сотрудниковъ журнала и другихъ специалистовъ.

Условія подписки (безъ герб. сбора):

Съ достав. и перес.	Годъ	9 м.	6 м.	3 м.	1 м.
	12 р.	9 р.	6 р.	3 р.	1 р.
За границу	14 „	10 „	50 к. 7 „	3 „	50 к. 1 „ 25 к.

За переиѣну адреса взим. 30 к. Книгопрод. уступ. 50 к. съ год. экз.

Подписка принимается: въ Москвѣ — контора журн. Воздвиженка, д. Куманина. Въ Петербургѣ, Вильнѣ, Варшавѣ — въ книжн. маг. Н. Карбасникова. Въ Кіевѣ — въ книжн. маг. Оглоблина. Въ Одессѣ — въ книжн. маг. „Трудъ“.

Открыта подписка на 1908 годъ

НА ЖУРНАЛЬ

„ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ“

ИЗДАВАЕМЫЙ ПРИ С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ.

„Церковный вѣстникъ“ — еженедѣльный журналъ, служащій органомъ богословской мысли и церковно-общественной жизни въ Россіи и за границей.

„Церковный вѣстникъ“ вступаетъ въ 1908 году въ тридцать четвертый годъ изданія.

З А П И С К И

МОСКОВСКАГО ОТДѢЛЕНІЯ

Императорскаго Русскаго Техническаго Общества

(десять выпусковъ въ годъ).

За годъ съ пересылкой и доставкой 5 р., за полгода 3 р.; безъ пересылки и доставки за годъ 4 р. 50 к., за полгода 2 р. 50 к.

СОДЕРЖАНИЕ: Нечетные №№—оригинальныя работы и изслѣдованія по вопросамъ техническимъ и социальнo-экономическимъ на почвѣ русской дѣйствительности, обзоры, библиографія (переводныя статьи не печатаются).

Четные №№—изъ внутренней жизни Общества, протоколы засѣданій, отчеты о дѣятельности Отдѣленія и отдѣловъ; приложения, состоящія изъ законченныхъ трудовъ членовъ Общества или отдѣловъ его.

Подписка принимается: 1) въ книжномъ магазинѣ Н. Лидертъ, Москва, Петровскія линіи и 2) въ редакціи „Записокъ“, Знаменка, М. Знаменскій пер., д. К. К. Мазинга.

Объявленія принимаются у С. С. Кальмансона, Москва, Мясницкая, 29, кв. 9, телеф. 109—12.

Редакціонный комитетъ: { Я. Ф. Катанъ-Шабшай.
П. И. Кедровъ.
Я. И. Перельманъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на новый ежемѣсячный религіозно-философско-научный журналъ

„ВѢСТНИКЪ ТЕОСОФІИ“.

Журналъ будетъ выходить съ 7-го января 1908 г., 7-го числа каждаго мѣсяца, книжками въ форматѣ in 8° не менѣе пяти печатныхъ листовъ каждая, подъ редакціей А. А. Каменской, при участіи Анни Безантъ, доктора Рухольфа Штейнера, Альба, Н. Гернегъ, М. Каменской, К. Бурдяцева, Н. Лихачевой, А. Минцловой, Е. Писаревой (Е. П.), Д. Страндена и др.

Цѣна 4 руб. въ годъ съ доставкой и пересылкой въ предѣлахъ Россійской Имперіи. Допускается разсрочка: за 1/2 года—2 р. 20 к., за 3 мѣс.—1 р. 10 к.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (Спб., Кабинетская ул., д. 7, кв. 1) ежедневно, кромѣ субботы и праздничныхъ дней, отъ 12—4 час. дня и по воскресеньямъ отъ 11—12 час. дня, а также въ книжныхъ магазинахъ Н. П. Карбасникова (Гостинный дворъ) и „Доброе дѣло“ (Бассейная, 4).

По дѣламъ редакціи издательства принимаеть лично по повѣдѣльникамъ, вторникамъ и пятницамъ отъ 4—5 час. дня.

Открыта подписка на 1908 годъ

(XIII годъ изданія)

на иллюстрированный литературный и научно-популярный журналъ для семьи и школы

„В С Х О Д Ы“.

Въ 1908 году „ВСХОДЫ“ будутъ издаваться въ томъ же духѣ и направленіи, какъ и въ предыдущіе годы.

Въ 1908 г. подписчики на полное изданіе „Всходовъ“ получаютъ:

12 №№ большого формата разнообразнаго содержанія. Въ составъ ихъ входятъ: повѣсти и рассказы, оригинальные и переводные, стихотворенія, историческія повѣсти, сказки, легенды, біографіи знаменитыхъ людей, путешествія, очерки по естествознанію, географіи, этнографіи и пр. Постоянные отдѣлы: Изъ науки и жизни.—Обо всемъ.—Критическій указатель дѣтской и народной литературы.

12 №№ „Библиотеки Всходовъ“—книжки малаго формата, заключающія въ себѣ каждая цѣлое произведеніе, беллетристическое или научно-популярное.

12 отдѣльныхъ картинокъ.

Въ журналѣ принимаютъ участіе слѣдующія лица:

И. Абрамовъ, А. Алтаевъ, В. Анучинъ, К. Баранцевичъ, А. Боане, В. Бруснянъ, И. Бувинъ, Л. Василевскій, М. Ватсонъ, Воротынскій, П. Вольногорскій, А. Галагай, Г. Гална, А. Доброхотовъ, С. Елпатьевскій, А. Заринъ, И. Игнатъевъ, В. Измайловъ, С. Караскевичъ, В. Каррикъ, П. Левашовъ, М. Лялина, Д. Маминъ-Сибирякъ, С. Минцловъ, В. Немировичъ-Данченко, А. Нечаевъ, А. Никольскій, Н. Новичъ, К. Носиловъ, Н. Носковъ, Д. Пахомовъ, В. Писнячевскій, С. Порѣцкій, И. Потанекко, Н. Пружанскій, Э. Рагозина, Б. Розовъ, А. Свирискій, В. Сѣрошевскій, Г. Тумимъ, А. Чеглокъ, А. Яцута и друг.

Въ 1908 году будетъ напечатано между прочимъ: „Къ сѣверному полюсу“. Полярная экспедиція герцога А. Абрускаго.—„Переломъ“. Повѣсть А. Алтаева.—„По высотамъ Кавказа“. Бар. С. Врангель.—„Подъ шумъ дубовъ“. Ист. пов. С. Минцлова.—„Наши самоучки“. М. В. Ломоносовъ. Н. Носкова.—„Изъ исторіи русской живописи“. Очерки Д. Пахомова.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ доставкой и пересылкой:

Полное изданіе „Всходовъ“: На годъ въ Россіи 5 р., на $\frac{1}{2}$ года 2 р. 50 к., на $\frac{1}{4}$ года 1 р. 25 к. За границу 8 р. „Всходы“ съ 12 карт., но безъ „Библиотеки Всходовъ“: На годъ въ Россіи 2 р. 75 к., на $\frac{1}{2}$ года 1 р. 50 к., на $\frac{1}{4}$ года 75 к., за границу 4 р.

На „БИБЛИОТЕКУ ВСХОДОВЪ“ подписка отдѣльно не принимается.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ въ конторѣ журнала: С.-Петербургъ, 4-я Рождественская, № 8; въ конт. Печковской: Москва, Петровскія линіи, и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Ред.-изд. Э. Монвижъ-Монтвидъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1908 ГОДЪ

— пятый годъ изданія —

НА ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСКУССТВЪ И
ЛИТЕРАТУРЫ

„В Ъ С Ы“.

Вступая въ пятый годъ изданія „Вѣсы“ остаются вѣрны своей программѣ и будутъ издаваться при прежнемъ составѣ сотрудниковъ. „Вѣсы“ за недорогую подписную плату (пять рублей въ годъ за 12 книгъ) даютъ художественное изданіе, печатаемое на лучшей бумагѣ верже, при чемъ въ каждомъ № помѣщаются художественно выполненныя черныя и красочныя воспроизведенія картинъ и рисунковъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ. Въ журналѣ печатаются: романы, повѣсти, рассказы, стихотворенія, біографіи писателей и художниковъ, статьи по общимъ вопросамъ и богатая бібліографія, оцѣнивающая всѣ выдающіяся новыя книги, которыя появляются на языкахъ: русскомъ, польскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ, итальянскомъ, англійскомъ, норвежскомъ и др. Во всѣхъ главныхъ городахъ Европы у „Вѣсовъ“ есть собственные корреспонденты.

Въ 1908 году въ „Вѣсахъ“, между прочимъ, будетъ напечатано: „Огненный Ангелъ“, историческій романъ Валерія Брюсова, часть 2 я, главы XI—XVI. (Новые подписчики часть I этого романа, главы I—IX, могутъ получить бесплатно).— Неизданные отрывки (авторизованный переводъ съ англійской рукописи) изъ „Тюремныхъ Записокъ“ Оскара Уайльда.— „Сизокрылый голубь“, повѣсть изъ современной жизни Андрея Бѣлаго — „О Лермонтовѣ“, критическое изслѣдованіе Д. Мережковского.— „Сказки“ Александра Блока.— „Куранты Любви“, лирическая поэма М. Кузмина.— Новые рассказы Ф. Соллогуба, С. Ауслендера, Э. Гиппиусъ и др.— Новые стихи К. Бальмонта, Валерія Брюсова, Вяч. Иванова и др.— Новые рисунки К. Сомова, С. Судейкина, Н. Миліоти, Карла Валзера, Н. Теофилактова и др.

Подписная цѣна на годъ (12 книгъ) **пять** рублей съ пересылкой по всей Россіи; на полгода—**три** рубля. Допускается разсрочка.

Годовые подписчики, внесшіе сполна подписныя деньги до выхода № 1, получаютъ премію: изданій к—ва „Скорпионъ“, по ихъ выбору, изъ списка, который будетъ приложенъ къ № 1, на сумму до 3 рублей. Всѣ подписчики „Вѣсовъ“ при покупкѣ книгъ изданныхъ к—вомъ „Скорпионъ“ (болѣе 50 изданій), пользуются скидкой отъ 15 до 50%.

Адресъ главной конторы: Москва, Театральная пл., д. Метрополь, кв. 23, книгоиздательство „Скорпионъ“. Отдѣленіе: С.-Петербургъ, Садовая, 18, книжный складъ „Комиссіонеръ“.

Редакторъ-Издатель С. А. ПОЛЯКОВЪ.

27 годъ изданія ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1908 Г. 27 годъ изданія

„РЕБУСЪ“ Единственный въ Россіи популярно-научный ЖУРНАЛЪ

по вопросамъ спиритуализма, психизма, медиумизма и мистики.

(Обзоръ и изслѣдованіе малоизвѣстныхъ теорій и фактовъ: телепатіи, ясновидѣнія, передачи мыслей, раздвоенія личности, содержанія, сомнамбулизма, животнаго магнетизма, медиумизма, гипнотизма, явленій спиритизма и другихъ онкултныхъ явленій и фактовъ.)

Независимое слово внѣ школъ и партій о всѣхъ спорныхъ вопросахъ науки и жизни.

Выходятъ не менѣе 2-хъ разъ въ мѣсяцъ выпусками отъ одного до 3-хъ печатныхъ листовъ. Статьи по мѣрѣ надобности сопровождаются пояснительными чертежами, рисунками и портретами.

Помѣщаются отзывы о новыхъ и старыхъ книгахъ; разъясненія и отвѣты редакціи на запросы и письма подписчиковъ. Въ литературномъ отдѣлѣ будутъ помѣщаться повѣсти, рассказы, романы, стихотворенія и новеллы, соответствующіе направленію журнала.

За прошлые года въ журналѣ, въ числѣ прочихъ статей, были напечатаны: проф. Ф. Майерса—„О послѣднемъ существованіи“ и „Прижизненные призраки“; проф. А. Бутлерова—„Статьи по медиумизму“; А. Аксакова—„Анимизмъ и спиритизмъ“; проф. Н. Вагнера—„Фотографія невидимой руки“; А. Дассье—„Позитивизмъ въ области спиритуализма“; проф. Ш. Рише—„Слѣдуетъ ли изучать спиритизмъ“; д-ра Ж. Максвелль—„Феномены психизма“; д-ра М. Принса—„Множественность личности“; проф. Ч. Ломброзо—„Непокойные дома“; А. Шопенгауера—„О духовидѣніи“; д-ра Дю-Преля—„Душа, какъ организующее начало“; М. Сабурзвой—„Смерть только метаморфоза“; проф. Шарко—„О сомнамбулизмѣ и гипнотизмѣ“; д-ра Окоровича—„Лекціи о животномъ магнетизмѣ“; А. Уоллеса—„Духовный дарвинизмъ“; проф. В. Крукса—„Объ относительности человѣческихъ знаній“; П. Чистякова—„Исторія волшебства и суевѣрій“; „Кантъ, какъ спиритуалистъ“; „Радій и ясновидѣніе“ и др.; затѣмъ Отчеты Лондонскаго Общества психическихъ изслѣдованій русскаго спиритуалистическаго общества и др.

Подписная цѣна: въ Россіи: на годъ 5 руб., на 1/2 года 3 руб.
За границу на годъ 6 р., на 1/2 года 3 р. 50 к.

Отдѣльный номеръ въ продажѣ 25 к. (можно высылать почтовыми марками).

Подписка принимается: въ Москвѣ: въ редакціи журнала—Арбатъ, домъ Нейдгартъ, кв. № 12, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ въ Россіи.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на ежедневную политическую, экономическую, общественную и литературную газету

С Л О В О .

Главная задача „СЛОВА“ служеніе дѣлу скорѣйшаго фактическаго осуществленія новаго государственнаго строя—конституціонной монархіи въ Россіи и проведенія въ жизнь неотложныхъ для обновленія страны реформъ, начиная съ мѣстнаго самоуправленія. Широкая освѣдомленность во всѣхъ областяхъ политической общественной и народно-хозяйственной жизни и знанія положена „СЛОВОМЪ“ въ основу изданія. Къ литературному и художественному отдѣламъ „СЛОВА“ привлекаются лучшія силы въ области публицистики, беллетристики, театра, музыки, искусства и критики. Подробные отчеты спеціальнаго корреспондента о засѣданіяхъ Государственной Думы.

Подписная цѣна: на 1 годъ 12 руб., 6 м. 6 руб., 3 м. 3 руб., 2 м. 2 р. 15 к., 1 м. 1 р. 10 к.

За границу: на годъ 20 р., 6 м. 11 р., 3 м. 6 р., 1 м. 2 р.

Для учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, волостныхъ и сельскихъ священниковъ, учителей и учительницъ и фельдшеровъ на годъ 8 р., на 6 мѣс. 6 р., 3 м. 2 р. 25 к., 2 м. 1 р. 50 к., 1 м. 80 к. выходятъ въ С.-Петербурѣ съ 19 ноября 1906 г. въ изданіи и подъ редакціей М. М. ФЕДОРОВА.

При ближайшемъ участіи: Гр. К. Градовскаго, Максима Ковалевскаго, В. Д. Кузьмина-Караваева, Н. Н. Львова, В. А. Маклакова, о. Гринг. Сп. Петрова, П. Б. Струве, Н. А. Тверскаго, кн. Евг. Н. Трубецкаго и др.

Подписка принимается въ Главной конторѣ СЛВ. Невскій 92, нв. 4.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА НОВЫЙ ДВУХНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„Живая Жизнь“

Въ журналѣ принимаютъ участіе: свящ. К. М. Аггеевъ, С. А. Аскольдовъ, Н. А. Бердяевъ, свящ. І. Брихничевъ, проф. С. Н. Булгаковъ, Андрей Бѣлый, А. С. Волжскій, З. Н. Гипшусъ, А. В. Ельчаниновъ, В. В. Зѣнковскій, А. В. Карташевъ, Д. С. Мережковскій, А. А. Мейеръ, Арх. Михайль, В. А. Никольскій, Г. А. Рачинскій, В. В. Розановъ, В. П. Свенцицкій, проф. кн. Е. В. Трубецкой, Д. В. Философовъ, П. А. Флоренскій, В. Ф. Эрнъ.

Журналъ выходитъ два раза въ мѣсяцъ книжками въ 4—5 печатныхъ листовъ. Первая книжка выйдетъ въ первыхъ числахъ ноября 1907 года.

Подписная цѣна 5 р. въ годъ съ пересылкой, 2 р. 50 к., на полгода, 50 к. въ мѣсяцъ. Отдѣльный номеръ—25 к.

Сельскимъ священникамъ, учителямъ и учащимся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ 10% скидки.

Подписка принимается въ конторѣ журнала въ книжномъ магазинѣ „Братство“, Москва, Тверская, д. Осуфьева (противъ Брюсовскаго пер.).

КРИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

СЕРІЯ ПЕРІОДИЧЕСКИХЪ СБОРНИКОВЪ,

издаваемая при Комиссіи по организациі домашняго чтенія подъ редакціей:

прив.-доц. Н. Д. Виноградова (филос. отд.), М. О. Гершензона (литературный отдѣлъ), прив.-доц. П. П. Гензеля (эконом. отд.), Б. А. Кистяковского (юр. отд.), прив.-доц. Н. К. Кольцова (ест.-науч. отд.), проф. Д. М. Петрушевскаго (историч. отд.).

Цѣль изданія: — поднять на уровень истинной научности дѣло оцѣнки текущей литературы.

Программа изданія: 1. *Систематическіе обзоры* научно-популярной литературы по разнымъ отраслямъ знанія, равно какъ и по беллетристикѣ. 2. *Критическіе отзывы* о вновь вышедшихъ книгахъ, брошюрахъ и журнальныхъ статьяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія, а также и по беллетристикѣ. 3. Библиографическія свѣдѣнія. 4. Краткія ученые и литературныя извѣстія. 5. Почтовый ящикъ. Въ приложеніи будутъ печататься программы, составленныя комиссіей по организациі домашняго чтенія.

Сборники будутъ выходить ежемѣсячно, за искл. четырехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, книжками отъ 4—6 печ. листовъ, дѣной отъ 25—50 коп. за книжку. Въ вышедшихъ четырехъ выпускахъ помѣщены 13 обзоровъ, 154 рецензіи. Ц. 40 к. за вып.

Вып. V выйдетъ 15 декабря.

До сихъ поръ изъявили согласіе участвовать слѣдующія лица:

М. П. Авсаркисовъ, Ю. И. Айхенвальдъ, проф. А. С. Алексѣевъ, С. А. Аскольдовъ, А. Д. Алферовъ, пр.-д. Е. В. Аничковъ, С. М. Барацъ, М. В. Бернацкій, Н. А. Бердяевъ, С. Н. Блажко, пр.-д. М. П. Бобинъ, прив.-доц. М. И. Боголѣповъ, прив.-доц. М. М. Богословскій, А. А. Борзовъ, прив.-доц. А. А. Боровой, В. Н. Бочкаревъ, Н. И. Бронштейнъ, В. Я. Брюсовъ, О. Е. Бужанскій, проф. В. П. Бузескулъ, проф. С. Н. Булгаковъ, М. И. Бѣлоруссовъ, Андрей Бѣлый, А. М. Васютинскій, Э. А. Венгерова, С. А. Венгеровъ, поч. акад. А. Н. Веселовскій, Ю. А. Веселовскій, С. Б. Веселовскій, прив.-доц. Д. В. Викторовъ, А. С. Волжскій, А. Л. Волинскій, прив.-доц. А. Э. Воржсъ, бар. Н. Н. Врангель, проф. Г. Н. Вульфъ, В. П. Вышеславцевъ, прив.-доц. М. Н. Гернетъ, доц. В. М. Гессенъ, проф. П. В. Гидуляновъ, Н. Б. Гольденгейзеръ, Б. М. Гольдштейнъ, Ю. М. Гольдштейнъ, прив.-доц. А. В. Горбуновъ, А. Г. Горифельдъ, прив.-доц. Ю. В. Готье, проф. В. Э. Грабарь, И. Э. Грабарь, проф. И. М. Гревсъ, С. Г. Григорьевъ, А. Е. Грузинскій, прив.-доц. А. Д. Гуляевъ, проф. В. Э. Денъ, проф. Г. В. Демченко, В. К. Дмитріевъ, А. М. Долматовскій, Н. А. Дубровскій, прив.-доц. Д. Н. Егоровъ, доц. В. Б. Ельшевичъ, прив.-доц. Е. Н. Ефимовъ, прив.-доц. С. И. Живаго, С. О. Загорскій, прив.-доц. М. Д. Загряцковъ, Г. Я. Закъ, А. В. Заремба, проф. Э. Ф. Зѣлинскій, прив.-доц. А. А. Ивановскій, Вяч. И. Ивановъ, проф. Л. А. Ивановъ, Р. В. Ивановъ-Разумникъ, проф. И. И. Иванюковъ, прив.-доц. Н. А. Иванцовъ, прив.-доц. В. Е. Игнатьевъ, И. А. Ильинъ, проф. Н. А. Каблуковъ, А. І. Калишевскій, В. Я. Канель, проф. Н. И. Карѣевъ, прив.-доц. А. А. Кауфманъ, Д. Н. Калкаровъ, В. А. Келтуяла, прив.-доц. А. А. Кизиветтеръ, прив.-доц. И. А. Кистяковский, М. Н. Ковалевскій, П. С. Коганъ, А. П. Коптяевъ, проф. В. А. Косинскій, А. Н. Котельниковъ, прив.-доц. С. А. Котляревскій, Л. П. Кравецъ, Т. П. Кравецъ, прив.-доц. В. А. Краснокутскій, прив.-доц. С. Г. Крапивинъ, М. А. Кречмаръ, А. А. Круберъ, Е. Д. Кускова, М. К. Лемке, Н. О. Лернеръ, прив.-доц. Н. О. Лосскій, проф. И. В. Лучицкій, О. И. Рудченко-Лѣтникъ, Е. А. Ляцкій, проф. А. А. Мануиловъ, Л. С. Мееровичъ, Н. Миравачъ, Б. Л. Модзалевскій, С. П. Моравскій, прив.-доц. М. И. Назаревскій, прив.-доц. В. М. Нечаевъ, проф. П. И. Новгородцевъ, К. М. Оберучевъ, проф. П. Х. Озеровъ, проф. Р. М. Орженцкій, проф. Н. И. Палиенко, проф. В. К. Пискорскій, В. И. Пичета, прив.-доц. С. В. Познышевъ, прив.-доц. Н. Н. Поляскій, проф. І. А. Покровский, проф. М. М. Покровскій, С. Н. Прокоповичъ, В. С. Протопоповъ, проф.

Э. Л. Радловъ, проф. А. А. Раевскій, проф. М. И. Ростовцевъ, В. Г. Рудневъ, А. М. Рыкачевъ, проф. С. Г. Сабининъ, прив.-доц. В. А. Савальскій, прив.-доц. А. Н. Савинъ, В. Θ. Саводникъ, прив.-доц. П. Н. Сакулинъ, проф. Я. В. Самойловъ, Н. В. Самсоновъ, Н. А. Сваицкій, Н. П. Павловъ-Сильванскій, А. П. Симененко, прив.-доц. Е. Д. Синацкій, А. С. Скляръ, проф. М. Н. Соболевъ, проф. П. П. Соколовъ, прив.-доц. Е. В. Спекторскій, проф. А. В. Сперанскій, Н. В. Сперанскій, В. Н. Сторожевъ, П. Б. Струве, прив.-доц. П. П. Сушкинъ, прив.-доц. Б. И. Сыромятниковъ, М. А. Таганскій, проф. Θ. В. Тараповскій, прив.-доц. Е. В. Тарле, прив.-доц. Л. Я. Тауберъ, прив.-доц. В. Н. Твердохлѣбовъ, проф. П. В. Тихомировъ, проф. М. И. Туганъ-Барановскій, прив.-доц. В. М. Устиновъ, прив.-доц. М. А. Фатѣевъ, прив.-доц. А. Θ. Флеровъ, проф. А. Θ. Фортунатовъ, С. Θ. Фортунатовъ, А. Л. Форштетеръ, С. Л. Фривъ, проф. В. М. Хвостовъ, прив.-доц. М. М. Хвостовъ, проф. Г. И. Челпановъ, К. И. Чуковский, проф. А. И. Чупровъ, проф. А. А. Чупровъ, проф. М. П. Чубинскій, проф. Л. В. Шалландъ, Н. Н. Шапошниковъ, прив.-доц. М. Н. Шатерниковъ, проф. Г. Ф. Шершеневичъ, прив.-доц. В. Н. Ширяевъ, Г. Н. Шмелевъ, Г. Г. Шпетъ, С. А. Шумаковъ, Ю. Д. Энгель, П. Д. Эттингеръ, Е. Н. Янжулъ, акад. И. И. Янжулъ, прив.-доц. А. И. Яковлевъ, Л. Н. Яснопольскій, прив.-доц. А. С. Яшенко.

Книгопродавцамъ 30% скидки.— Объявленія (послѣ текста) о книгахъ, газетахъ и журналахъ принимаются по цѣнѣ въ 10 р. за страницу.

Складъ изданія—въ редакціи: Москва, Б. Никитская, д. Семеновича, кв. 56. Для Петербурга—въ кн. складѣ „Прометей“, Спб., Пушкинская, 15.

Редакторъ-издательница Е. Н. Орлова.

IV годъ изданія. . ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1908 годъ . IV годъ изданія
на ежемѣсячный иллюстрированный журналъ для дѣтей

„СЕМЬЯ и ШКОЛА“.

Журналъ предназначенъ для дѣтей средняго возраста (10—12-ти лѣтъ), какъ учащихся въ младшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній, такъ и учениковъ начальной, городской и сельской школы.

„Семья и Школа“ состоитъ изъ 12-ти ежемѣсячныхъ книжекъ журнала и 6 отдѣльныхъ книжекъ „Библиотеки Семьи и Школы“.

Не привлекая своихъ подписчиковъ никакими преміями, ни такъ называемыми безплатными приложеніями, редакція „Семьи и Школы“ обращаетъ исключительное вниманіе на внутреннее достоинство самого журнала, на тщательный подборъ матеріала, доступнаго и занимательнаго для дѣтей и выдержаннаго въ педагогическомъ отношеніи, — а также и на его изящную внѣшность. Для послѣдней цѣли, текстъ журнала тщательно иллюстрируется художественно исполненными рисунками и, кромѣ того, въ каждой книжкѣ помѣщаются отдѣльныя картины.

Имѣя въ виду распространеніе журнала въ школахъ, каждая книжка „Семьи и Школы“ составляется такимъ образомъ, чтобы ее легко было, при желаніи, раздѣлить на части, и большія произведенія, печатавшіяся въ нѣсколькихъ номерахъ, можно было бы въ концѣ года переплести въ одну книгу.

Въ „Семьѣ и Школѣ“ принимаютъ участіе: Е. А. Бакунина, И. А. Бѣлоусовъ, Е. Волкова, Н. А. Гольцева, С. Д. Дрожжинъ, П. Засодимскій, П. П. Ифантиевъ, В. В. Капелькинъ, О. Карышева, А. А. Кизеветтеръ, С. А. Князьковъ, Н. К. Кольцовъ, М. А. Круковский, В. Н. Львовъ, Т. Н. Львовъ, Вл. Львовъ, Д. Н. Маминъ-Сибирякъ, И. И. Митропольскій, Н. Новичъ, Юр. Новоселовъ, К. Д. Носиловъ, Сергѣй Орловскій, О. П. Рунова, С. И. Рербергъ, В. Г. Рудневъ, А. Серафимовичъ, В. Д. Соколовъ, Н. Д. Телешевъ, М. В. Тилчиева, В. Н. Харузина, С. А. Фомичевъ и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за 12 книжекъ „Семьи Школы“ и за 6 книжекъ „Библиотеки Семьи и Школы“: съ доставкой и пересылкой 3 р., безъ доставки 2 р. 50 к. За границу 5 р. Подписка безъ доставки принимается въ Москвѣ: въ редакціи, въ конторѣ Н. Печковской и книжныхъ магазинахъ „Трудъ“ и Н. Карманасикова. Пробный номеръ высылается въ редакціи за три семикопеечныя барки. Иногородніе подписчики могутъ обращаться прямо въ редакцію журнала „Семья и Школа“. Москва, Гончарная ул., д. № 17.

Редакторъ-Издатель Вл. Львовъ.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО Казанскаго Университета

на 1908 годъ.

Въ Ученыхъ Запискахъ помѣщаются:

I. Въ отдѣлѣ наукъ: ученія изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія, публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по ученымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованныя факультетами труды постороннихъ лицъ.

II. Въ отдѣлѣ критики и библиографіи: профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертациі, представляемыя въ Казанскій университетъ, и на студентскія работы, представляемыя на соисканіе наградъ; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и заграницей книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія, библиографическія отзывы и замѣтки.

III. Университетская лѣтопись: извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта; отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обзорнѣю коллекцій и состоянью учебно-вспомогательныхъ учрежденій при университетѣ, біографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому университету, обзорнѣе преподаванія распределеніе лекцій, актовый отчетъ и проч.

IV. Приложенія: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; намятники историческіе и литературныя, съ научными комментаріями, и намятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнаруженные.

Ученыя Записки выходятъ ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ не менѣе 13 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 7 руб. Отдѣльныя книжки можно получать изъ редакціи по 1 руб. Подписка принимается въ Правленіи университета.

Редакторъ **А. Александровъ.**

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Казанскаго Университета.

1908 г.

Принимается подписка

Годъ II.

НА ЖУРНАЛЬ

„Современная Психіатрія“,

издаваемый при ближайшемъ участіи

А. Н. Бернштейна, П. Б. Ганнушкина и М. Ю. Лахтина.
(Москва). (Москва). (Москва).В. А. Муратова и С. А. Суханова.
(Саратовъ). (Москва).

Журналъ „Современная Психіатрія“ посвящается всемъ вопросамъ теоретической, клинической и общественной психіатріи.

Журналъ будетъ выходить ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ около 3-хъ листовъ каждая, приблизительно въ концѣ каждого мѣсяца.

Подписная цѣна: на годъ съ доставкой и пересылкой 6 р., за границу—8 р.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи „Современной Психіатріи“ Москва, Краснопрудная, домъ № 27, кв. 46.

Авторы оригинальныхъ работъ получаютъ бесплатно 25 отдѣльныхъ оттисковъ.

ПЛАТА за ОБЪЯВЛЕНІЯ:Впереди текста: Страница 20 р., $\frac{1}{2}$ страницы 10 р. $\frac{1}{4}$ страницы 5 р. По
зади текста: Страница 10 р., $\frac{1}{2}$ страницы 5 р., $\frac{1}{4}$ страницы 2 р. 50 коп.
Оставшіеся экземпляры журнала „Современная Психіатрія“ за 1907 г. вы-
сылаются за 5 р. (10 книжекъ: мартъ—декабрь.)

ГОДЪ ИЗДАНІЯ СОРОКЪ ТРЕТІЙ.

„АСТРАХАНСКІЙ ЛИСТОКЪ“

будетъ выходить въ 1908 году подъ прежней редакціей и при томъ же составѣ постоянныхъ сотрудниковъ.

Газета прогрессивнаго направленія, но независимая отъ какихъ либо партій и кружковъ. Основная задача газеты: содѣйствіе осуществленію широкихъ народныхъ реформъ путемъ мирнаго преобразованія государства и народнаго быта на демократическихъ началахъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ:1 годъ—7 руб. 50 коп., $\frac{1}{2}$ года—4 руб. 50 коп., 3 мѣс.—3 руб.
1 мѣс.—1 руб.

„Астрах. Листокъ“ расходуется больше, чѣмъ всѣ прочія астраханскія изданія, взятыя вмѣстѣ.

Подписка принимается исключительно въ Астрахани, въ конторѣ „Астрах. Листка“, по Мало-Демидовской улицѣ, свой домъ.

Редакторъ-издатель В. И. Склабинскій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1908 ГОДЪ.

III годъ изд.

Вѣстникъ Народной Свободы.

III годъ изд.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНИКЪ К.-Д.

Еженедѣльникъ издается въ С.-Петербургѣ при ближайшемъ участіи В. Д. Набокова и А. И. Каминка, по прежней программѣ и съ тѣмъ же составомъ сотрудниковъ.

Въ вышедшихъ №№ „Вѣстника Народной Свободы“ помѣстили, между прочимъ, статьи слѣдующіе авторы: А. Ю. Блохъ, Н. А. Бородинъ, А. В. Вергескій, I. В. Гессенъ, профессоръ Н. А. Гредескулъ, А. П. Грессеръ, кн. Павелъ Дм. Долгоруковъ, кн. Петръ Дм. Долгоруковъ, А. С. Изгоевъ, Н. М. Горданскій, прив.-доп. А. И. Каминка, профессоръ Н. И. Карѣевъ, А. А. Кауфманъ, А. А. Кивеветтеръ, А. М. Колюбакинъ, А. А. Корниловъ, прив.-доп. С. А. Котляревскій, Н. Н. Кутлеръ, А. Р. Ледницкій, П. Н. Милуковъ, М. С. Могилянскій, А. А. Мухановъ, В. Д. Набоковъ, И. И. Петрункевичъ, А. А. Прессъ, Д. Д. Протопоповъ, Ѳ. И. Родичевъ, Л. Родіоновъ, А. В. Смирновъ, П. Б. Струве, Л. С. Таль. А. В. Тыркова, З. Г. Френкель, прив.-доп. М. И. Фридманъ, Н. И. Черненко, кн. Д. П. Шаховской, Г. Швиттау, А. И. Шингаревъ, Л. И. Шифъ, профессоръ П. Н. Щепкинъ, В. Е. Якушкинъ, Л. Яснопольскій и др.

Кромѣ статей въ „Вѣстникъ Народной Свободы“ отводится много мѣста сообщеніямъ о текущей партійной жизни. Относящійся сюда матеріалъ располагается по слѣдующимъ постояннымъ рубрикамъ:

Центральный комитетъ: Отчеты о засѣданіяхъ и дѣятельности ц. к., циркуляры ц. к. мѣстнымъ партійнымъ организациямъ, отчеты о дѣятельности состоящихъ при ц. к. аграрной, рабочей, церковной и т. д.

С.-Петербургская и Московская группы: Отчеты о засѣданіяхъ и дѣятельности городскихъ и губернскихъ комитетовъ, а также районныхъ комитетовъ к.-д. партіи въ столицахъ. Отчеты о собраніяхъ, рефератахъ и т. п.

Провинциальный отдѣлъ: Корреспонденціи, отчеты и хроника партійной жизни на мѣстахъ.

Изъ низин другихъ партій: Сообщенія о выдающихся моментахъ жизни другихъ партій—лѣвыхъ и правыхъ. Въ этомъ отдѣлѣ помѣщаются, между прочимъ, отчеты о съѣздахъ и всѣ важнѣйшія постановленія и резолюціи партійныхъ организаций Россіи.

Особое вниманіе удѣлено Государственной Думѣ и дѣятельности парламентской фракціи партіи Народной Свободы. Въ „Вѣстникѣ“ печатаются, между прочимъ, всѣ законопроекты партіи, предназначенные для внесенія въ Государственную Думу.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

съ доставкой и пересылкой на годъ 5 р., на полгода 3 р. Разсрочка: при подпискѣ 3 р. и къ 1 мая 2 р. Заграницу вдвое. Отдѣльные №№ продаются въ книжныхъ магазинахъ Вольфа, „Дума“, Карбасникова, Мелье, Митюрникова, Попова и „Право“ и въ кіоскахъ Пташникова по 15 к. Перебѣна адреса 20 к.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ: въ конторѣ журнала Кирочная, № 30, отдѣленіе конторы для городскихъ подписчиковъ при конторѣ газеты „Рѣчь“, Невскій пр., № 13 (въ кн. маг. Вольфа); 2) въ Москвѣ: при книжномъ складѣ „Народное Право“, Б. Никитская, Чернышевскій пер., домъ Пуотшкіна, кв. 26; 3) въ комитетахъ конституціон.-демократ. партіи.

Пробный № высылается главной конторой за одну 7 коп. марку.

Адресъ редакціи и главной конторы: Спб., Кирочная, 30, кв. 34.

Издатель В. Д. НАБОКОВЪ.

Редакторъ А. Ю. БЛОХЪ.

XIV ГОДЪ. ВЪ 1908 ГОДУ ГОДЪ XIV,

„Журналъ Министерства Юстиціи“

будеть выходить ежемѣсячно, кромѣ июля и августа, книгами въ объемѣ около 20 листовъ. Подписной годъ начинается съ января 1908 г.

Въ „Журналѣ“ печатаются: 1) Узаконенія и распоряженія правительства, приказы и циркуляры по вѣдомству М. Ю.; 2) Статьи по исторіи, теоріи и практической разработкѣ права и судопроизводства, особенно гражданскаго и уголовнаго; 3) Обзоръ текущей судебной практики, систематическія извлеченія изъ рѣшеній Гражд. и Уголов. Касс. Д-товъ и Общаго Собранія Правительствующаго Сената; 4) Литературное обозрѣніе: критическіе отзывы о новыхъ книгахъ и брошюрахъ, русскихъ и иностранныхъ, библиографическій указатель юридической литературы, русской и иностранной; 5) Обзоръ иностраннаго законодательства: свѣдѣнія о новыхъ законахъ и законопроектахъ въ иностранныхъ государствахъ; 6) Письма изъ Англіи и Парижа.

Въ „Журналѣ“ за 1894—1907 были напечатаны, между прочимъ, статьи слѣдующихъ авторовъ: А. С. Алексѣева, А. Л. Боровиковскаго, Е. В. Васковскаго, М. М. Винавера, Ю. С. Гамбарова, А. Г. Гасмана, Д. Д. Гримма, М. О. Громницкаго, А. М. Гуляева, П. Н. Гусаковскаго, Д. А. Дриля, М. В. Духовскаго, М. А. Дьяконова, К. П. Змирлова, В. В. Ивановскаго, А. О. Копп, Н. М. Коркунова, В. Н. Латкина, Ф. И. Леонтовича, В. М. Нецаева, бар. А. Э. Нольде, Д. А. Носенко, П. Н. Обнинскаго, В. И. Сергѣевича, Н. Д. Сергѣевскаго, В. К. Случевскаго, В. Д. Спасовича, Е. Н. Тарновскаго, А. Н. Филиппова, И. Я. Фойницкаго, М. П. Чубинскаго, В. М. Цвингмана, Г. Ф. Шершеневича, И. Г. Щегловитова, И. Е. Энгельмана и мн. др.

Подписная плата **8 рублей** въ годъ съ доставкой и пересылкою.

Должностныя лица при подпискѣ чрезъ казначеевъ пользуются разсрочкою до 1 рубля въ мѣсяць съ тѣмъ, чтобы вся уплата была произведена въ теченіе первыхъ 8 мѣсяцевъ каждаго года.

Всѣ прочіе подписчики, при подпискѣ исключительно въ Главной Конторѣ, пользуются разсрочкою до 2 рублей въ мѣсяць съ тѣмъ, чтобы вся уплата была произведена въ теченіе первыхъ четырехъ мѣсяцевъ каждаго года.

Кандидаты на должности по судебному вѣдомству, лица, оставленныя при университетахъ для подготовленія къ профессорскому званію, а также студенты Императорскихъ Университетовъ и Демидовскаго Юридическаго Лицея, воспитанники Императорскихъ: Училища Правовѣдѣнія и Александровскаго Лицея и слушатели Военно-Юридической Академіи платятъ, при подпискѣ въ Главной Конторѣ,—по 5 рублей въ годъ.

Книжные магазины пользуются за приемъ подписки и объявленій уступкою 10%.

Главная контора: Книжный складъ М. М. Стасклевича, С.-Петербургъ, Васильевскій островъ, 5 линія, д. 28.

Объявленія для напечатанія въ „Журналѣ“ принимаются въ Главной Конторѣ съ платою по разсчету 30 копеекъ за строчку и 8 рублей за страницу.

Редакція „Журнала Министерства Юстиціи“ находится въ С.-Петербургѣ, по Екатерининской улицѣ, въ зданіи Министерства Юстиціи.

Редакторъ В. О. Дерюжинскій.

Въ 1908 году будетъ продолжаться (32-й годъ) изданіе

ЖУРНАЛА

Извѣстія Московской Городской Думы.

Журналъ выходитъ два раза въ мѣсяцъ книжками отъ 10 до 15 печ. листовъ и раздѣляется на два отдѣла, по 12 номеровъ въ каждомъ: отдѣлъ общій, посвященный разработкѣ вопросовъ городской жизни въ Россіи и за границей, и отдѣлъ официально-справочный.

Цѣна журнала, съ пересылкой во всеѣ города Россіи:

	Отдѣлъ общій.	Отдѣлъ офиц.-справоч.	Оба отдѣла.
За 12 мѣсяцевъ	4 р. 40 к.	4 р. 40 к.	8 р. — к.
„ 6 „	2 „ 20 „	2 „ 20 „	4 „ — „
„ 3 „	1 „ 20 „	1 „ 20 „	2 „ — „
„ 1 „	— „ 40 „	— „ 40 „	— „ 80 „

Въ теченіе первыхъ 11 мѣсяцевъ 1907 г. въ общемъ отдѣлѣ между прочими статьями были помѣщены:

Народное образованіе въ Нью-Йоркѣ. Школы для служащихъ въ ремесленныхъ и торгово-промышленныхъ предпріятіяхъ. Оздоровленіе духовной стороны жизни фабричныхъ рабочихъ. Страхуваніе отъ безработицы. Законъ о воскресномъ отдыхѣ служащихъ и примѣненіе его въ Парижѣ. Пенсіи и инвалидныя ренты для городскихъ служащихъ въ Ригѣ. Трудовая помощь во Франціи. Общественное призрѣніе вѣнбачныхъ дѣтей и сиротъ. Роль частныхъ пожертвованій въ начинающихъ московскаго городского управленія. Городскія попечительства о бѣдныхъ въ 1905 г. Жилищная гигиена въ связи съ законами о неприкосновенности жилищъ во Франціи. Участіе городскихъ управленій въ дѣлѣ попеченія о народной трезвости. Борьба съ дѣтской смертностью въ Москвѣ. Борьба съ дѣтской смертностью во Франціи. Новые данныя о дѣтской смертности въ Германіи. Организациа больничнаго дѣла въ городахъ Германіи. Къ вопросу о введеніи таксы на ржаной хлѣбъ. Регламентациа уличнаго движенія во Франціи. По поводу отчета Московской Пожарной Команды за 1906 г. Пожарный отдѣлъ на международной выставкѣ въ Миланѣ. Сжиганіе городскихъ отбросовъ. Предварительная фильтрациа сточныхъ водъ. Что такое муниципальныя предпріятія. Городскія предпріятія въ Англіи. Предпринимательская дѣятельность городовъ во Франціи. Къ вопросу о муниципализациа хлѣбопечаренъ. Смѣта гор. Москвы на 1907 годъ. Хозяйство города Москвы въ 1906 г. Бюджетъ города Петербурга. Проектъ реформы мѣстнаго промысловаго обложенія. Проектъ реформы государственнаго налога съ городскихъ недвижимостей. Коммунальные налоги въ Италіи. Налогъ на пріорстѣ дѣльности. Дотации и субвенции въ коммунальныхъ финансахъ. Контрольныя функціи Совѣта Лондонскаго Графства. С.-Петербургская городская ревизіонная комиссія. Интеркоммунальныя организации во Франціи.

Ежемѣсячная хроника Московскаго и другихъ городскихъ управленій въ Россіи. Хроника иностранной городской жизни. Вопросы городской жизни въ текущей литературѣ.

Моск. Городскимъ Управленіемъ издается ежемѣсячный журналъ „Бойни“, посвященный вопросамъ боевскаго дѣла.

Цѣна журнала 3 р. за годъ и 2 р. за 6 мѣсяцевъ съ пересылк. и доставк.

Подписка принимается: Москва, Городская Управа, Воскресенская площадь, зданіе Думы.

Продолжается подписка на 1908 годъ
на литературно-научный иллюстриров. двухнедѣльный журналъ
„ГОЛОСЪ“.

„Голосъ“ единствен. въ Россіи художеств. провинціальный журналъ, издающійся исключительно при ближайшемъ участіи лучшихъ столичныхъ писателей. Сотрудники: Леонидъ Андреевъ, Ив. Бѣлоусовъ, Ив. Бунинъ, А. Вербицкая, Анатол. Доброхотовъ, С. Дрожжинъ, П. Засодимскій, Бор. Зайцевъ, Н. Степаненко, Н. Телешовъ, Н. Тимковскій, Николай Эвристенъ и др. Приглашены: Максимъ Горькій, Гусевъ-Оренбургскій, А. Серафимовичъ.

Въ „Голосѣ“ печатаются: романы, повѣсти, рассказы, стих., путешествія, этнографическія и историческія статьи и вообще статьи по всемъ отраслямъ знанія. Статьи по общ. и эконом. вопросамъ. Критическій и научный феллетонъ. Библіографія. Сатира и пр.

Изящная вѣншность. Клише для рисунковъ выписывается изъ заграницы.

Годовые подписчики при доплатѣ 35 копеекъ получаютъ съ 1-мъ №-ромъ приложение: изящно изданный томъ *литературнаго сборника*, сод. произв. К. Баранцевича, Н. Телешова, Ив. Бѣлоусова и мн. другихъ.

Всѣ вышедшіе №-ра и приложение высылаются немедленно по полученіи денегъ. Пробный №-ръ высылается за 2 семикопеечныя марки.

На годъ съ доставкой и пересылкой 2 р., на 1/2 года съ доставкой и пересылкой: 1 р. 25 к.

Главная контора и редакція: Харьковъ, Епархіальная, 37, кв. 3.

Редакторъ-издатель Н. В. Мочуцкій.

„ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ И ПСИХОЛОГІИ“

продаются «Труды Московскаго Психологическаго Общества»:

Выпускъ II. Иммануиль Кантъ. Прологомены ко всякой будущей метафизикѣ. Пер. Влад. Соловьева. Изд. третье. Цѣна 1 руб. 20 коп., съ перес. 1 р. 40 к.

Выпускъ III. О свободѣ воли. Рефераты и статьи членовъ Психологическаго Общества. Цѣна 2 руб. съ перес. 2 р. 25 к.

Выпускъ IV. Г. В. Лейбницъ. Избранныя философскія сочиненія съ портретомъ Лейбница, подъ ред. В. П. Преображенскаго. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 50 к. За пересылку 25 к.

Выпускъ VI. Э. Кердъ. Гегель. Переводъ съ англійскаго подъ редакціей и съ предисловіемъ кн. С. Н. Трубецкаго. Съ приложеніемъ статьи о Гегелѣ Вл. С. Соловьева. Цѣна 1 р. 50 к.

Изданія Московскаго Психологическаго Общества:

• **Н. Фишеръ.** Артуръ Шопенгауэръ. Перев. съ нѣмец. подъ ред. В. П. Преображенскаго. М. 1895. XVI + 521 стр. Ц. 3 р. **Г. А. Гирнъ.** Анализъ вселенной въ ея элементахъ. Переводъ съ французскаго. Съ предисловіемъ С. И. Старынкевича. Цѣна 2 руб.

Фр. Паульсенъ. Введеніе въ философію. 3-е изд. Пер. съ нѣм. подъ ред. В. П. Преображенскаго. Цѣна 3 руб.

И. А. Вальтеръ. Основной двигатель наслѣдственности. Ц. 40 к.

Средина и постоянство. Переводъ съ китайскаго Д. П. Ко-нисси. Ц. 25 к., съ перес. 35 к.

М. С. Корелинъ. Ранній италіанскій гуманизмъ и его исторіографія. Критическое изслѣдованіе. Ц. 6 р. 50 к.

Его же. Очерки изъ исторіи философской мысли въ эпоху возрожденія. Міросозерцаніе Франческо Петрарки. Ц. 40 к.

В. Н. Ивановскій. Очеркъ жизни и дѣятельности Н. Я. Грота. Ц. 30 к.

Его же. Предметная система въ нашихъ университетахъ и ея примѣненіе къ философскимъ наукамъ. Ц. 40 к.

А. Бэнъ. Психологія т. II. Переводъ и предисловіе Вл. Н. Ивановскаго. М. 1906 г. Ц. 2 р. 50 к., студентамъ 1 р. 75 к.

Фр. Паульсенъ. Основы этики. Перев. съ (разрѣш. автора) 6-го нѣмецк. изд. подъ редакц. Вл. Н. Ивановскаго. М. 1907. Ц. 2 р. 40 к.

Н. Я. Гротъ. О душѣ въ связи съ современными ученіями о силѣ. Опытъ философскаго построенія. Ц. 70 к.

Л. Лопатинъ. Положительныя задачи философіи, т. II. Ц. 2 р. **Его же.** Понятія объ индукціи. Ц. 25 к.

Его же. Князь С. Н. Трубецкой и его общее философское міросозерцаніе. Ц. 40 к.

Д-ръ Карлъ дю-Прель. Философія мистики или двойственность человѣческаго существа. Перев. съ нѣм. М. С. Аксенова. Спб. 1895. Ц. 3 р. 50 к.

Кн. С. Н. Трубецкой. Полное собраніе сочиненій въ 6 томахъ. Ц. по подпискѣ 12 руб. При подпискѣ вносится 3 р. и при выходѣ каждаго тома по 2 руб. Вышелъ IV томъ «Ученіе о Логосѣ» и I томъ «Публицистическія статьи». Ц. 2 р. 50 к. за томъ.

Н. Д. Виноградовъ. Философія Давида Юма Часть I. Теоретическая философія. Ц. 1 р. 25 к.